

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

6

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Handwritten signature

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1933 г.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

№ 6

СОДЕРЖАНИЕ:

Передовая — XVII съезд ВКП(б) (3). М. Митин — Сталин и материалистическая диалектика (21). И. Дворкин — Ленин, Сталин и Коминтерн о новом туре революций и войн (50). П. Черемных — Кооперативный план Ленина и победы колхозного строя (80). Ф. Константинов — Ленинское учение о социалистических формах труда и политотделы (117). В. Гришин — Вопросы воспитания новой дисциплины на современном этапе (142). Н. Волков — Ленин и вопросы технической революции (176). Н. Никитин — Естественная наука о человеке и социализм (217). Г. Косяченко — К ленинскому наследию по теории воспроизводства (236). А. В. Луначарский — О роли пролетарского государства в развитии социалистической культуры. (259). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Г. Косяченко — Исторический документ (Итоги пятилетнего плана) (268). ЗАМЕТКИ. В. Миткевич — О позиции И. Е. Тамма в отношении принципиальных воззрений Фарадея и Максвелла (278). Указатель статей, помещенных в журнале «Под знаменем марксизма» за 1933 год (282).

XVII съезд ВКП(б)

Период между XVI и XVII съездами партии является периодом всемирно-исторической победы ленинского учения о построении социализма в одной стране.

За три с половиной года, прошедших со времени XVI съезда партии, произошел гигантский «скачок» в технико-экономическом, политическом и культурном развитии нашей страны. Произошла глубочайшая революция во всех областях жизни. Лицо страны стало совершенно неузнаваемо. Выросли тысячи предприятий-гигантов, вооруженных современной передовой техникой, организованы десятки новых отраслей производства, завершается техническая реконструкция нашей промышленности.

Особенно большие успехи достигнуты в развитии тяжелой индустрии, материальной базы социализма, этого основного рычага технической реконструкции всего народного хозяйства, условия для дальнейшего ускоренного развития легкой промышленности и сельского хозяйства. На базе тяжелой индустрии коренным образом переделано сельское хозяйство. Пролетарское государство направило в деревню сотни тысяч тракторов и сельскохозяйственных машин, десятки тысяч комбайнов и т. д. для механизации и механизации сельского хозяйства; создало тысячи МТС — мощных рычагов в деле укрепления и развития колхозного строя. Мелкособственническая, мелкокрестьянская деревня переведена на социалистический путь развития. Социализм победил не только в городе, но и в деревне. На основе сплошной коллективизации разгромлен последний капиталистический класс, ликвидировано в основном кулачество.

Осуществлена заветная идея Владимира Ильича о построении и завершении фундамента социалистической экономики в СССР.

В итоге первой пятилетки социалистическая общественная (государственная, кооперативная и колхозная) собственность победила окончательно и бесповоротно в промышленности, в сельском хозяйстве и в области товарооборота между городом и деревней.

Однако достижения первой пятилетки этим не ограничиваются. Первая пятилетка произвела глубочайшую революцию в психологии масс, в их отношении к труду, она дала огромную победу в деле поднятия производительности труда благодаря тому, что партия сумела мобилизовать силы рабочего класса и воодушевить его на решительную борьбу с обезличкой, уравниловкой, бюрократизмом, которые являются величайшим тормозом в развитии производительных сил социализма и сковывают творческую инициативу трудящихся масс.

Партия Ленина и Сталина сумела развернуть активность и энтузиазм миллионных масс рабочего класса и колхозного крестьянства, разбудила колоссальные, неисчерпаемые инициативу и мощь, таящиеся в трудящихся массах. Новое отношение к труду нашло свое выражение в укреплении социалистической дисциплины, в развитии массового соревнования и ударничества, в поднятии производительности труда за первую пятилетку на 41 проц. Никогда и нигде еще мир не видел таких темпов роста производительности труда в столь короткие сроки, каких добилась наша партия в процессе выполнения плана первого пятилетия! Трудовой энтузиазм, творческая инициатива и самоотверженность масс явились той силой, которая при наличии ленинского партийного руководства и советского строя обеспечила историческую победу первой пятилетки.

Коренным образом изменились классы и отношения между ними. С победой колхозного строя в деревне сделан решающий шаг в деле уничтожения разницы между рабочим классом и крестьянством. Достигнуты огромные успехи в улучшении материального положения трудящихся масс города и деревни: ликвидированы безработица в городе и обнищание и пауперизм в деревне, окончательно подорваны корни, питающие дифференциацию в сельском хозяйстве, уничтожена возможность восстановления капитализма. Трудящиеся массы в СССР видят ясную перспективу радостной, обеспеченной, культурной жизни в отличие от трудящихся и угнетенных масс в капиталистических странах, где они брошены в пучину безработицы, нищеты, голода и отчаяния.

Изменились люди. За годы первой пятилетки СССР превратился в страну передовой культуры, страну поголовно грамотную, со всеобщим начальным обучением, с бурно развивающимся политехническим образованием, с передовой научной мыслью и технической культурой.

Под руководством т. Сталина, гения социалистических побед, в огромной степени возросла мощь диктатуры пролетариата, величайшего фактора международной социалистической революции и мощного орудия борьбы против угрозы новой империалистической войны и интервенции.

Успешное выполнение плана первой пятилетки разбило все надежды врагов ленинизма, врагов нашей партии на срыв социалистического наступления, опрокинуло контрреволюционную теорию о невозможности построения социализма в одной стране и буржуазные теории о несостоятельности советской экономической системы.

«В итоге первой пятилетки перед лицом сотен миллионов трудящихся всего мира впервые в истории человечества на деле доказана возможность построения социализма в одной стране» (из тезисов доклада т. Кагановича «Организационные вопросы»).

Итоги первой пятилетки доказали всему миру, какая необъятная мощь, какие колоссальные возможности заложены в советской системе хозяйства

в сравнении со старой, отжившей, разваливающейся капиталистической системой. Факт преимущества новой, социалистической системы хозяйства перед одряхлевшим капитализмом целиком и полностью подтвердил на практике правоту теории научного социализма Маркса и Энгельса, правоту ленинской диалектики в учении о построении социализма в одной стране и еще раз убедил миллионные трудящиеся массы на собственном их опыте в правоте ленинского дела, вселил в них твердую уверенность в конечную победу коммунизма.

Вместе с тем опыт выполнения первой пятилетки показал, что исполнская работа, рассчитанная на пять лет, оказалась выполненной в значительно более короткие сроки — в основном всего лишь в четыре, а в отдельных отраслях производства в три и даже в два года. Опыт показал, что предварительные цифровые расчеты и наброски фактически перекрывались и опережались действительными результатами практического движения. Практика вскрыла новые возможности и скрытые в недрах нашего строя непочатые еще резервы, которые предстоит реализовать во второй пятилетке.

И наконец самое главное и решающее, что подчеркнул т. Сталин при подведении итогов пятилетки, это следующее: «Итоги пятилетки показали, что партия непобедима, если она знает, куда вести дело, и не боится трудностей». Партия блестяще справилась с огромными трудностями ожесточенной классовой борьбы. Она сломала отчаянное сопротивление ликвидируемого кулачества и разбила атаки со стороны оппортунистов всех мастей. Ленинская партия вышла победительницей в этой борьбе, она стала еще более закаленной, окрепшей идейно и организационно, еще более сплоченной вокруг ленинского ЦК и любимого вождя т. Сталина.

Партия победила, ибо ее политика отражает насущные классовые интересы миллионов рабочих и крестьян. Она победила потому, что ее ведет надежной рукой верный соратник и продолжатель дела Ленина, гениальный диалектик и организатор большевистских побед, теоретик и вождь мирового пролетариата т. Сталин.

Победили большевистская принципиальность, последовательное отстаивание коренных, основных принципов марксизма-ленинизма в политике, беззаветная непримиримая борьба за конечные цели коммунизма. «Принципиальная политика есть единственно правильная политика» — это та самая формула, при помощи которой Ленин брал приступом новые «неприступные» позиции, завоевывая на сторону революционного марксизма лучшие элементы пролетариата» (Сталин).

Именно большевистская партийность, твердокаменность, непримиримость к малейшим отступлениям от последовательной до конца революционной теории и политики марксизма, верность духу марксова учения и его творческому методу революционной диалектики лежат в основе великих побед ленинской партии на всех этапах ее борьбы. Только принципиальная борьба, развернутая под руководством т. Сталина, за ленинское наследство, за ленинскую всепобеждающую диалектику, за ее теоретическую творческую разработку и применение на практике к условиям новой обстановки, сложившейся после смерти великого Ленина, привела партию к победе над классовыми врагами и их агентурой: контрреволюционным троцкизмом, правым и «левым» оппортунизмом.

В борьбе с контрреволюционным троцкизмом, с правым оппортунизмом, со всякого рода «леваками» т. Сталин отстоял и блестяще развил все коренные и основные принципы ленинизма, дал партии непобедимое оружие в борьбе со всякого рода фракционностью, оппортунизмом, ревизионизмом в новых условиях, в новой обстановке, сложившейся после смерти В. И. Ленина.

В принципиальной борьбе за ленинскую теорию построения социализма в одной стране, за ленинский план индустриализации и коллективизации страны, за построение фундамента социалистической экономики, за всемирно-историческую задачу ликвидации кулачества как класса, за выполнение первой социалистической пятилетки партия разгромила контрреволюционный троцкизм и правый оппортунизм, возглавлявшийся тт. Бухариным, Рыковым и Томским, право-левацкий блок Сырцова — Ломинадзе, заядлых оппортунистов и двурушников типа Слепкова — Рютина — Эйсмонта — Смирнова, разбила «левых» оппортунистов.

Только под руководством т. Сталина в непримиримой и последовательной борьбе на два фронта за великие принципы ленинизма, за конечные задачи диктатуры пролетариата: уничтожение классов и построение бесклассового социалистического общества — партия добилась решающих побед в деле выполнения плана первой пятилетки.

Всемирно-историческая роль в этой борьбе принадлежит т. Сталину, величайшему диалектику новой эпохи, эпохи построения бесклассового социалистического общества, эпохи гигантского соревнования двух непримиримых мировых экономических систем: социализма и капитализма, эпохи нового тура революций и войн. Величайшая заслуга т. Сталина состоит в том, что он дальше развил и разработал ленинское теоретическое наследство, сделал его достоянием мирового пролетариата, открыл перед партией величайшую перспективу окончательной победы коммунизма, показав на опыте пролетарской революции в СССР конкретный, практический путь уничтожения классов и построения бесклассового социалистического общества.

Десять лет, истекших со дня смерти В. И. Ленина, являются поистине годами величественной борьбы, годами героического наступления социализма на капитализм, годами всемирно-исторических побед. Каждый шаг на пути нашего наступательного движения, каждое достижение в этот десятилетний отрезок времени нашей партии приходилось брать буквально с бою. Преодолевая трудность за трудностью, завоевывая и закрепляя позицию за позицией, партия под гениальным водительством т. Сталина шла от победы к победе.

Разгромив контрреволюционный троцкизм, партия на XIV съезде выдвинула лозунг индустриализации страны, технической реконструкции нашей социалистической промышленности. На XV съезде партия выдвинула лозунг коллективизации страны, лозунг перевода раздробленного, распыленного, индивидуального сельского хозяйства на рельсы крупного, социалистического хозяйства. Партия осуществила политику насаждения колхозов и совхозов как социалистических форпостов в деревне, в жесточайшей борьбе с правым и «левым» оппортунизмом беспощадно подавляя бешеное сопротивление капиталистических элементов. Твердое, неуклонное осуществление решений XIV и XV съездов партии подготовило тот величайший перелом в хозяйственном развитии страны, который произошел в середине 1929 г., перелом, имевший своим результатом огромное укрепление позиций социализма как в городе, так и в деревне. XIV и XV съезды подготовили переход к новой полосе в развитии нашей революции — к периоду выполнения грандиозной программы, выдвинутой XVI съездом партии, к периоду решительного, развернутого наступления социализма на капитализм по всему фронту.

Под руководством т. Сталина в борьбе с правыми и «левыми» оппортунистами был разработан и осуществлен план первой социалистической пятилетки. Под руководством т. Сталина и ленинского ЦК был организован массовый перевод мелкотоварного индивидуального крестьянского хозяйства на социалистический путь развития и закреплена окончательная победа кол-

хозяйного строя в деревне. Под руководством т. Сталина рабочий класс поднял широкую волну соревнования и ударничества и показал невиданные в мировой истории темпы развития производительных сил и производительности труда. Под руководством т. Сталина были приведены в движение все рычаги диктатуры пролетариата для завершения фундамента социалистической экономики, превращения отсталой страны в страну передовую, в страну индустриальную, с передовой техникой.

Успехи первой пятилетки дали нам возможность построить еще более грандиозный план второй пятилетки, план окончательного построения социализма, пятилетку уничтожения классов и превращения рабочих и крестьян в тружеников социалистического общества. Тезисы доклада тт. Молотова и Куйбышева «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР» являются величайшей программой социалистического строительства. По осуществлении этой программы Советский союз по своей экономической мощности выдвинется на первое место в Европе. Этот план обоснован научно, он построен на учете уже достигнутых успехов первой пятилетки. Реальность этого плана неопровержима, ибо он построен на незыблемом материальном фундаменте социализма. Основная политическая идея, которая вложена в эти тезисы, заключается в том, что в течение второго пятилетия должны быть окончательно изжиты досоциалистические экономические уклады, будут окончательно ликвидированы последние остатки капиталистических элементов, полностью уничтожены все остатки частной собственности на орудия производства и уничтожены классы вообще. Впервые в человеческой истории будет построено общество бесклассовое, социалистическое, где единственной формой собственности будет являться общественная, социалистическая собственность.

Эти задачи могут быть выполнены лишь на основе технической реконструкции всего народного хозяйства, на базе освоения новой передовой техники и новых производственных мощностей, которые были созданы в первом пятилетии и которые в еще больших размерах вырастут во второй пятилетке. О размерах этих мощностей дает представление объем намеченных по плану капитальных вложений в народное хозяйство вообще и в частности в промышленность, производящую как средства производства, так и средства потребления. 133,4 млрд. руб.—таков общий объем капитальных работ на второе пятилетие против 50,5 млрд. руб., вложенных в первой пятилетке, т. е. увеличение более чем в 2,5 раза! Из них 69,5 млрд. будет вложено в промышленность (53 млрд. в тяжелую индустрию, что даст рост в сравнении с первой пятилеткой в 2,5 раза, и 16,1 млрд. руб. в легкую, что даст рост в 4,6 раза в сравнении с 3,5 млрд. руб. в первой пятилетке). 26,3 млрд. руб. во втором пятилетии будет вложено в транспорт—эту наиболее отсталую отрасль нашего хозяйства. В сравнении с 8,9 млрд. руб., вложенными за первую пятилетку, это даст рост около 3 раз! К концу второй пятилетки около 80 проц. всей продукции промышленности страна должна получать с новых предприятий, построенных или целиком реконструированных за первую и вторую пятилетки.

Таким образом программа второй пятилетки предусматривает гигантский скачок в области расширения объема продукции, количества производимых материальных богатств в социалистическом хозяйстве СССР. Проблема поднятия количества производимой промышленной и сельскохозяйственной продукции и притом высокого качества имеет кардинальное значение для упрочения и дальнейшего развития социализма. Именно этот гигантский рост социалистического производства выдвигает на очередь дня разрешение таких труднейших задач, поставленных т. Сталиным

перед второй пятилеткой, как проблема товарооборота между городом и деревней и транспорта.

«Разрешение этих вопросов не так легко,— говорил т. Сталин в беседе с Дюранти,— но легче, чем те вопросы, которые мы уже решили, и я уверен, что мы разрешим их. Проблема промышленности решена. Проблему сельского хозяйства, крестьянско-колхозную проблему — самую трудную проблему — можно считать уже решенной. Теперь надо решить проблему товарооборота и транспорта».

Вторая пятилетка предусматривает повышенные темпы развития легкой индустрии в сравнении с тяжелой. Средний годовой рост ее намечен в 21,9 проц. против 17 проц. среднегодового прироста в первой пятилетке, в то время как среднегодовой рост тяжелой индустрии в области производства средств производства во второй пятилетке намечен в 15,9 проц. Столь крупной подъем легкой промышленности должен разрешить задачу, поставленную т. Сталиным,— удвоить и утроить производство предметов широкого потребления, поднять уровень потребления трудящихся в 2,5—3 раза и сблизить уровни материального благосостояния и культуры трудящихся города и деревни.

Это огромное скачкообразное расширение объема продукции, количества товарных масс требует правильно налаженного товарооборота, дальнейшего развертывания советской торговли и разрешения транспортной проблемы во второй пятилетке. Разрешение этих проблем нашло свое отражение в повышенных цифрах капитальных вложений не только в легкую индустрию, но и в особенности во все виды транспорта, главным образом железнодорожного.

Задача разрешения транспортной проблемы связана с другой важной задачей, выдвинутой в тезисах доклада тт. Молотова и Куйбышева, именно задачей нового распределения производительных сил страны, ликвидацией экономической отсталости окраин, в особенности восточных районов Союза, задачей дальнейшего размывания противоположности между городом и деревней. Разрешение проблем товарооборота и транспорта, а также задачи нового размещения производительных сил в гигантской степени усилит обороноспособность СССР, сделает нашу страну непобедимой как в экономическом, политическом, так и в военном отношении.

Программа второго пятилетия есть программа вступления в полосу развернутого социализма. В каждой цифре второго пятилетнего плана сконцентрирована огромная мощь рабочего класса, в каждой цифре чувствуется непобедимая сила пролетарского государства, за каждой цифрой кроется глубочайшая из всех революций, которые когда-либо видел мир. Вторая пятилетка является пятилеткой последнего и решительного боя с пережитками капитализма в экономике и сознании людей, пятилеткой гигантского соревнования двух непримиримых хозяйственных систем: социалистической, побеждающей системы, и угасающей — капиталистической. Вот почему великие задачи, выдвинутые в этих тезисах, вызвали новый огромный подъем трудового энтузиазма, дали новый толчок мобилизации творческих сил революционного пролетариата и колхозного крестьянства.

Программа второй пятилетки ставит перед каждым рабочим, перед каждым колхозником задачу всемерного поднятия производительности труда, овладения наукой и техникой, задачу честно работать и трудиться на пользу бесклассового, социалистического общества. Уже сейчас, в период подготовки к XVII съезду, рабочий класс объявил поход им. XVII съезда партии, развернул боевую перекличку между фабриками и заводами, между десятками тысяч предприятий нашей страны, чтобы придти к историческому съезду с новыми успехами, с новыми победами. Творческий энтузиазм

масс является неиссякаемым резервом, неиссякаемым источником все новых и новых большевистских побед. И великая сила нашей партии заключается именно в том, что на протяжении этих десяти лет со дня смерти ее создателя, вождя и теоретика В. И. Ленина, наша партия как передовой авангард рабочего класса всегда была связана с широчайшими рабочими массами, что она умела на каждом этапе нашего движения зажигать эти массы для выполнения великих задач, выдвигаемых ходом развития пролетарской революции.

Рабочий класс — сейчас уже совершенно не тот «ослабленный деклассированием» в годы жесточайшей экономической разрухи пролетариат, что был 12—13 лет назад, когда Ленин говорил о необходимости «передышки» для накопления новых сил и «ремонта» старых, износившихся в победоносной стройке пролетарского государства и ожесточенной гражданской войне. Гениальный ленинский план восстановления нашей промышленности начал осуществляться еще при его жизни. Рабочий класс в 1924—1925 гг. уже прочно и полностью вошел в свою производственную колею. Вместе с неуклонным ростом промышленности быстро выросли сила и мощь революционного пролетариата не только количественно, но и качественно. Начиная с XIV съезда, съезда индустриализации страны, количественный рост рабочего класса значительно убыстрился и к концу первой пятилетки численный состав его увеличился в несколько раз. Рабочий класс СССР под руководством ленинской партии стал непобедимой силой, беззаветным творцом социализма. Он показал невиданную творческую энергию и инициативу на экономическом фронте, так же как в Октябрьские дни и в последующие годы гражданской войны он показал чудеса революционной готовности, героизма, энтузиазма, решительности, смелости, самоотверженности в политических боях за создание пролетарского государства и в области военной. За годы первой пятилетки он показал подлинный энтузиазм социалистической стройки, свою беспредельную преданность ленинской партии, великую любовь к вождю и руководителю мирового пролетариата т. Сталину. В боях за первую пятилетку в огромной степени выросла наша партия. Она сейчас сплочена, как никогда раньше. Вот почему план второй пятилетки имеет под собой реальную основу, реальную базу для своего выполнения.

Вторая пятилетка выдвигает перед рабочим классом задачу всестороннего, полного выявления его творческих сил, именно: пафос освоения новых технических производственных мощностей, овладения наукой и техникой и гигантского под'ема производительности труда. Если в первое пятилетие рабочий класс показал чудеса энтузиазма пролетарской стройки, то во вторую пятилетку необходим огонь соревнования, воодушевления для овладения твердынями науки и техники производительных сил социализма.

Без жесточайшей борьбы за овладение технической культурой, без борьбы за социалистическую дисциплину труда невозможно выполнить эти величайшие задачи. Вокруг лозунга—овладеть наукой и техникой, лозунга овладеть производственной мощностью предприятий должны быть сосредоточены силы нашей партии и силы трудящихся. План второй пятилетки предусматривает не только величайший переворот в области нашего хозяйства, но также и переворот в сознании людей, революцию в головах людей. Умение организовать труд, умение организовать работу не дается самоотком. Тов. Сталин на протяжении всех последних лет неустанно подчеркивает почти во всех своих выступлениях и высказываниях необходимость научиться работать по-новому, честно трудиться, и в этом сейчас заключается ключ к достижению успехов во второй пятилетке.

Одним из важнейших условий обеспечения выполнения второго пяти-

летнего плана является подготовка квалифицированной рабочей силы и новых кадров техников и инженеров, разрешение проблемы создания собственной пролетарской производственно-технической интеллигенции. Тезисы выдвигают программу всеобщего политехнического образования в объеме семилетки, план подготовки 900 тыс. специалистов, окончивших техникумы, и 340 тыс. специалистов-вузовцев, разворота сети технической подготовки и переподготовки новых 5 миллионов работников массовых квалификаций. Осуществление этой программы наряду с другими мероприятиями должно обеспечить пролетарскому государству поднятие производительности труда в течение второй пятилетки на 63 проц. в сравнении с 41 проц. первой пятилетки и снижение себестоимости на 26 проц., что должно дать внутреннего накопления за счет снижения себестоимости продукции по сравнению с уровнем 1932 г. не менее чем 14 млрд. руб. Вот какую огромную задачу ставят партия и рабочий класс в области поднятия производительности труда в социалистическом производстве.

В связи с хозяйственно-политическими задачами второй пятилетки совершенно исключительное значение приобретают вопросы организационного порядка. Тезисы доклада т. Кагановича «Организационные вопросы» со всей резкостью ставят проблему руководства и управления по-новому в связи с новой хозяйственно-политической обстановкой, в полном соответствии с гигантским ростом производительных сил социализма, огромным усложнением задачи руководства и управления. Вопрос повышения качества работы, в первую очередь качества организационно-практического руководства, диктуется выросшими запросами нынешнего периода, периода второй пятилетки, когда задачи социалистического строительства чрезвычайно усложнились, когда наш государственный аппарат вырос в огромную силу.

В период пролетарской диктатуры нашей партии не раз уже приходилось организационно перестраивать свои ряды для обеспечения правильного и успешного выполнения политической линии партии на разных этапах нашего строительства.

Гибкость в методах и формах организационной работы, необходимая и своевременная перестройка организации партийного, советского и хозяйственного аппаратов обеспечивали блестящую победу партии на предыдущих этапах развития революции. Партия всегда блестяще справлялась с выдвигаемыми политическим моментом задачами и вела трудящиеся массы от победы к победе, потому что она вопросам организационным всегда придавала чрезвычайно большое значение.

На всех этапах развития СССР нашей партии приходилось встречаться с особенными трудностями при проведении политических задач партии — с бюрократическими пережитками в работе как партийных, так и советских и хозяйственных организаций, обусловленными наличием классовой борьбы в стране и чуждым классовым влиянием на отдельные звенья и отдельные прослойки работников государственного, профсоюзного и партийного аппаратов. Уже после смерти В. И. Ленина вождю нашей партии т. Сталину не раз приходилось отмечать эти трудности, связанные с наличием бюрократических пережитков в аппаратах, — это препятствие мешало в огромной степени правильному проведению директив партии, выполнению намеченной политической линии. Так, в условиях восстановительного периода, после XIV съезда партии, т. Сталин в речи в Свердловском университете дал блестящий анализ причин, порождающих опасность ослабления партийного руководства. Тов. Сталин тогда подчеркивал, что с прекращением гражданской войны обстановка в стране коренным образом изменилась. Пролетариат восстановился как культура, так и в материальном отношении, поднялось и развилось также крестьянство. Политическая активность обоих классов

выросла в огромной степени, и поэтому руководить по-старому, по-военному уже было нельзя, необходима была максимальная гибкость руководства и необычайная чуткость к запросам и нуждам рабочих и крестьян.)

Также значительно выросли и окрепли аппараты государственных и общественных организаций. Аппараты этих организаций выросли не только по своему составу, но также выросли сила и удельный вес этих аппаратов. «И чем больше растет их значение,— говорил т. Сталин,— тем ощутительнее становится их давление на партию, тем настойчивее добиваются они ослабления партийного руководства, тем сильнее становится их сопротивление партии. Необходима такая перегруппировка сил и такое размещение руководящих людей внутри этих аппаратов, которые могли бы обеспечить руководство партий в новой обстановке»¹). Отсюда, говорил он, опасность отрыва государственного аппарата от партии.

Также усложнилась и дифференцировалась самая работа. Развились целые отрасли производства в городе, оживилась хозяйственная работа в деревне. В такой обстановке, подчеркивал т. Сталин, руководство «вообще» было бы пустой болтовней, ибо оно не содержало никакого руководства. И т. Сталин решительно ставил вопрос о конкретном, предметном руководстве, о негодности руководителей типа «всезнаек», которые готовы держать ответ по всем вопросам теории и практики, а на деле не знают толком ни одного из них. Тогда же т. Сталин выдвигал основные требования к руководителям и организаторам: «Быть хозяином дела в одной какой-нибудь отрасли работы», «Чтобы руководить по-настоящему, надо знать дело, надо изучать дело добросовестно, терпеливо, настойчиво... Чтобы поднять партийное руководство на должную высоту, надо поднять прежде всего квалификацию партийных работников. Теперь качество работника должно стоять на первом месте». Требование конкретности оперативного руководства т. Сталин выдвигал неоднократно и в последующие периоды нашего развития и в особенности в условиях реконструктивного периода.

В качестве одной из причин того явления, что на первых этапах реконструктивного периода вредительство в наших хозяйственных организациях приняло исключительно широкие размеры, т. Сталин указывал в частности на неумение наших руководителей, хозяйственников вникать в суть дела, благодаря чему вредителям удавалось подолгу оставаться неразоблаченными и наносить пролетарскому государству колоссальнейший вред.

Тип руководителя — бюрократа-канцеляриста, способного лишь подтисывать бумажки, не вникая в суть дела, становится совершенно нетерпимым в условиях современного периода.

Наша партия уже в предыдущие годы провела целый ряд серьезнейших организационных мероприятий как в области партийного, так и в области профсоюзного и советского строительства. В тезисах т. Кагановича перечислены наиболее крупные из этих мероприятий: разворот районирования, ликвидация округов и создание новых районов; организация политотделов в МТС, совхозах, приблизивших руководство к селу, колхозу и исправивших крупнейшие недостатки нашей работы в деревне; разукрупнение отдельных наркоматов и трестов, приблизившее руководство к низовым производственным звеньям и предприятиям; чистка советских и хозяйственных органов, сокращение штатов, ликвидация обезлички, функционалки в угольной промышленности и в ж.-д. транспорте, передвижение специалистов из аппаратов непосредственно на производство; разукрупнение профсоюзов и усиление роли ЦК производственных союзов, организация политотделов на ж.-д. и воздушном транспорте и в других отраслях промышленности и на-

¹) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 198.

конец чистка партии как высшая форма партийной самокритики и укрепления партии.

Проведение в жизнь указанных организационных мероприятий обеспечило выполнение первой пятилетки и «гарантировало партию и социалистическое строительство от разрыва между правильной линией партии и организаторской работой по ее осуществлению» (из тезисов доклада т. Кагановича).

Но, несмотря на заметные успехи, достигнутые в период первой пятилетки в деле организационной перестройки рычагов пролетарской диктатуры, все же они недостаточны для того, чтобы обеспечить выполнение гигантских политических и хозяйственных задач второй пятилетки, ибо, как указывается в тезисах т. Кагановича по организационному вопросу, «организация практической работы все еще отстает от требования политических директив и не удовлетворяет гигантски возросшим запросам нынешнего периода» — периода второй пятилетки.

Тезисы доклада т. Кагановича указывают на главнейшие недостатки нашего советского хозяйства и партийного аппарата: канцелярщину и бюрократизм, отсутствие конкретности, оперативности, слабую проверку исполнения, раздувание штатов, функционалку, обезличку и открытые и скрытые нарушения дисциплины.

Огромное принципиальное значение тезисы имеют в той части, где приведены руководящие положения по борьбе с указанными недостатками нашего аппарата.

«Для устранения всех этих недостатков,— говорится в тезисах,— и улучшения работы всех органов пролетарской диктатуры необходимо руководствоваться следующими положениями:

первое — перейти от «общего» и отвлеченного руководства к конкретному руководству, от «общих» резолюций к оперативным решениям, основанным на изучении и знании деталей и техники дела, к тесной, живой связи с низовыми звеньями производства и управления (цех, участок, предприятие, колхоз, село, МТС, совхоз и т. п.);

второе — усилить личную ответственность руководителей за порученное им дело как по партийной, так и по советской линии, ликвидировать функционалку и обезличку в работе, установить строгое единоначалие;

третье — установить систематическую, тщательную проверку исполнения директив партии и правительства с тем, чтобы проверкой исполнения занимался лично руководитель организации, учреждения, предприятия и чтобы проверка исполнения обеспечивала укрепление партийной и советской дисциплины;

четвертое — обеспечить передвижку квалифицированных работников из аппарата и канцелярии непосредственно на производство, сократив аппараты управления, и улучшить постановку распределения работников, обязав руководителя учреждения и предприятия лично руководить этим делом.

Непременным условием успешного осуществления этих задач съезд считает дальнейшее развертывание самокритики, социальное соревнование, активности и самостоятельности партийных, рабочих и колхозных масс и их массовых организаций»¹⁾.

Чтобы обеспечить реализацию этих положений, необходима также и организационная перестройка самих аппаратов хозяйственных, советских и партийных организаций. Крупнейшая перестройка намечена в области партийного строительства: намечено преобразование существующих низовых партийных ячеек в партийные организации с партийным комитетом во главе, а также коренная перестройка отделов обкомов, крайкомов и ЦК ВКП(б),

¹⁾ Каганович, Организационные вопросы, стр. 37.

чается правильной революционной теорией, которая в свою очередь не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения».

Эти основные положения ленинского учения о партии и о партийной дисциплине чрезвычайно важно подчеркнуть сейчас, ибо задача организационной перестройки работы и управления самым тесным образом связана с повышением большевистской партийной дисциплины, установлением железной социалистической дисциплины труда и всемерным повышением теоретического уровня организаторов и руководителей социалистической стройки. В нашу, новую эпоху развернутого строительства социалистического общества, в условиях гигантских сдвигов и убыстренных темпов движения работать и руководить по-новому может лишь тот, кто правильно понимает директивы партии, умеет правильно ориентироваться в изменяющейся обстановке и ясно видеть лицо классового врага, чтобы добить его и чтобы правильно проводить в жизнь партийные решения. От каждого работника требуется, чтобы он ясно представлял цель нашего движения, видел перспективу дальнейшего нашего развития и вместе с тем умел претворить программные задачи и цели в практическое дело, умел организовывать массы на осуществление выдвигаемых партией задач, умел так расставлять имеющиеся силы, чтобы обеспечить успех в работе. Необходимость воспитания железной большевистской дисциплины в рядах партии и дальнейшего всемерного повышения теоретического уровня членов партии с особенной резкостью подчеркивается в проекте нового партийного устава.

В вводной части устава говорится, что «партия является единой боевой организацией, связанной сознательной, железной пролетарской дисциплиной. Партия сильна своей сплоченностью, единством воли и единством действия, несовместимыми с отсутствием от программы нашей партийной дисциплины и с фракционными группировками внутри партии».

На данном этапе борьбы, в момент последнего, решительного боя с остатками ликвидируемого капиталистического класса, партия требует от каждого своего члена величайшей большевистской бдительности, принципиальности, партийной воинственности, непримиримости к малейшим отклонениям от генеральной линии партии и нарушениям большевистской дисциплины. Партия требует огромного повышения теоретического уровня от каждого большевика-партийца. «Член партии обязан,—говорится в § 2 первого раздела устава,—а) соблюдать строжайшую партийную дисциплину¹⁾, активно участвовать в политической жизни партии и страны, проводить на практике политику партии и решения партийных органов; б) неустанно работать над повышением своей идейной вооруженности, над усвоением основ марксизма-ленинизма, важнейших политических и организационных решений партии и разъяснять их беспартийным массам; в) как член правящей партии в советском государстве быть образцом соблюдения трудовой государственной дисциплины, овладеть техникой своего дела, непрерывно повышая свою производственную и деловую квалификацию». То же самое говорится и в разделе о кандидатах в члены партии. «Все лица, желающие вступить в партию,—говорится в § 10 устава,—проходят кандидатский стаж, который имеет целью основательное ознакомление с программой устава, тактикой партии и проверку личных качеств кандидата».

Отсюда видно, какие гигантские требования предъявляет партия к своим членам и к желающим вступить в партию на современном этапе нашей борьбы за социализм. Вот почему в связи с организационными вопросами

наша партия ставит вопрос и об идейной вооруженности, теоретической подготовке членов партии.

На данном этапе нашего развития вопросы пропаганды марксистско-ленинского учения в широчайших массах, всесторонней дальнейшей разработки теории на опыте нашей борьбы и гигантского строительства приобретают исключительно важное значение. За последние годы, как показали результаты чистки партии, в этой области нами достигнуты значительные успехи. Вырос теоретический уровень широких масс партийного и комсомольского актива. Партия за 10 лет после смерти своего учителя и вождя гигантски выросла идейно и политически, закалилась в борьбе с контрреволюционным троцкизмом, правым и «левым» оппортунизмом, в борьбе с право-левацким блоком, двурушниками и предателями. Партия стала непобедимой.

Особенно необходимо отметить наши достижения на теоретическом фронте в период между XVI и XVII съездами партии. Сейчас уже несомненно, что партия не могла бы добиться успешного выполнения первой пятилетки, если бы она не разгромила как политически, так и теоретически ликвидаторство Бухарина, Рыкова и Томского, если бы она не разоблачила «левацких» загибщиков и крепко не ударила по троцкистским контрабандистам и всякого рода ревизионистам в области теории, если бы она не разоблачила их антимарксистской, антиленинской идеологии. Величайшая заслуга т. Сталина состоит в том, что в условиях развернутого наступления социализма на капитализм он вооружал партию ленинским оружием материалистической диалектики и в новых условиях, в новой обстановке вскрывал и учил беспощадно вскрывать все и всяческие формы враждебные ленинизму идеологий.

На теоретическом фронте последние 3—4 года партия во главе с т. Сталиным проводила ожесточенную борьбу во всех областях марксистско-ленинской теории. Партия разгромила контрреволюционную рубинщину в политической экономии. Она разгромила буржуазно-либеральные теории Бухарина о вращении кулака в социализм, теорию самотека, богдановско-бухаринскую теорию равновесия и смыкающиеся с ней буржуазную вредительскую теорию устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, вредительские теории и установки в области планирования сельского хозяйства и т. д. Под непосредственным руководством т. Сталина партия разгромила механицизм и меньшевистствующий идеализм в области философии, политической экономии, в области литературы и на других участках марксистской теории. В свете современных задач классовой борьбы исключительно важное значение приобретает постановление ЦК партии от 25 января 1931 г. о борьбе на два фронта в теории и политике. Это постановление ЦК ВКП(б) о журнале «П. З. М.» является величайшим документом, пред'являющим ко всему теоретическому фронту требование большевистской принципиальности, партийности, большевистской бдительности как в области идеологии, так и политики. В этом историческом решении ЦК партии подвел итоги продолжительной и упорной борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории, за торжество творческого метода материалистической диалектики Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, борьбы, которую партия вела и продолжает вести против буржуазной, социал-фашистской и ревизионистской идеологии.

В этой борьбе партия подняла на принципиальную высоту все коренные вопросы марксистско-ленинской теории и прежде всего вопрос о партийности в теории, вопрос о ленинской принципиальности в теории и политике. Этот вопрос являлся кардинальным на протяжении всей идейной борьбы большевизма со всеми враждебными ему идеологиями. Партийность теории в переводе на политический язык означает борьбу за принципиальность, за большевистскую твердокаменность, непримиримость к идейной дряблости, распушенности, непоследовательности, межеумочности. Еще задолго до

оформления большевистской организации как самостоятельной партии В. И. Ленин в борьбе с международным оппортунизмом, в борьбе с российским струвизмом разработал этот вопрос. Против буржуазного об'ективизма Струве Ленин выдвинул большевистский принцип партийности теории, вопрос о несовместимости «об'ективизма» с идеологией революционного пролетариата. Он уже тогда объявил жестокую борьбу против мелкобуржуазной бесхребетности, расплывчатости в вопросах идеологии, требовал от каждого пролетарского революционера ясности, четкости, последовательности и принципиальной непримиримости в теоретических вопросах, ибо для только что тогда зарождавшейся нашей партии борьба за основные принципы программы и тактики имела кардинальное, первостепенное, решающее значение, определявшее судьбы революционного рабочего движения в России.

Второй период, когда Ленину пришлось снова со всей силой подчеркнуть проблему партийности в философии, относится ко времени борьбы с идеологическими шатаниями, с теоретическим разбродом, наступившим в рядах партии после 1905 г. Ленин со всей страстью обрушился на идейный разброд, угрожавший уничтожением партии и партийности, и в особенности на «махистское поветрие» в философии — эту суб'ективно-идеалистическую ревизию диалектического материализма, на попытки махистов ликвидировать материалистические основы всего марксистского теоретического здания. В полемике с Потресовым Ленин писал, что с философским ликвидаторством как справа, так и слева ведется борьба принципиальная, неразрывно связанная с борьбой за основные политические партийные принципы. Борьба за теоретические основы марксизма есть борьба за существование партии как боевой идейно-политической организации революционного пролетариата. Основой большевистской партии является материалистическая диалектика — единственно научное, до конца последовательное мировоззрение революционного пролетариата.

В современных условиях ожесточенной классовой борьбы, в реконструктивный период борьба за партийность в теории встала во весь рост. Именно в этом пункте как механисты, так и меньшевистствующие идеалисты — оба эти ревизионистские течения — полностью смыкались друг с другом. Партия разгромила как то, так и другое, вскрыв в этом пункте меньшевистскую природу этой ревизии. Попытка отмахнуться от последовательного проведения принципов революционного марксизма характерна именно для мелкобуржуазных попутчиков марксизма. Она также характерна и для Плеханова. Именно Плеханов потешался над ленинским учением о партийности в теории, и эту плехановскую манеру протаскивали и проводили в своих писаниях механисты и меньшевистствующие идеалисты.

Второй коренной вопрос, который был поставлен и разрешен в борьбе с механистами и меньшевистствующими идеалистами, — это вопрос о единстве теории и практики. И по этому вопросу оба эти течения скатились на позицию международного меньшевизма, хотя они ревизовали это учение о единстве теории и практики с разных сторон. Механисты (Тимирязев, Перов, Варьяш и др.) пытались ликвидировать марксистско-ленинскую диалектику, заменяя ее теорией равновесия, заменяя ее философией узколобого буржуазного деячества, мелкобуржуазной философией хвостизма и самотека, в то же время меньшевистствующие идеалисты группы Деборина, Карева, Стэна и др. отрывали теорию от практики, превращали ее в идеалистическую пустышку, в идеалистическую схоластику, пересыпанную лишь для видимости материалистическими терминами.

Та и другая форма ревизии марксизма представляли и представляют для партии величайшую опасность, ибо они восстанавливают вреднейшую догму II интернационала — разрыв между словом и делом. В этой борьбе

восторжествовало ленинское понимание значения революционной теории для революционного движения. Только разбив эти вредные идеологические уклоны, наша партия смогла направить наши молодые теоретические кадры на разработку конкретных проблем социалистического строительства.

Третий кардинальный вопрос, по которому партия дала бой механицизму и меньшевистствующему идеализму,— это ленинский этап в развитии диалектического материализма. Каждому известно, что контрреволюционер Троцкий и его последыши, так же как в свое время Плеханов и его философские ученики Аксельрод и Деборин, пытались всячески дискредитировать Ленина как теоретика революционного марксизма, сводя его роль исключительно к роли «практического деятеля». Эти меньшевистские, плехановские, троцкистские идеи целиком перепевали механисты и меньшевистствующие идеалисты. Так, Деборин в своей работе «Ленин как мыслитель» прямо и открыто заявлял, что теоретиком является Плеханов, а Ленин только практиком. То же самое по существу говорил и Н. И. Бухарин в своем сборнике «Атака». Эта клевета на величайшего теоретика и стратега пролетарской революции и диктатуры пролетариата фактически была лишь воспроизведением гнусной клеветы и травли вождя большевизма со стороны обанкротившихся партий и вождей II интернационала. Вот почему наша партия в постановлении о журнале «П. З. М.» оценила эту попытку как восстановление одной из вреднейших догм II интернационала.

По этим трем кардинальным, основным вопросам марксистско-ленинской теории шла борьба с этими ревизионистскими течениями. Только разгромив эти антимарксистские, ревизионистские группы, можно было всерьез думать о ленинском воспитании и подготовке большевистски выдержанных молодых теоретических кадров и включении их в дело дальнейшей разработки теории материалистической диалектики, дальнейшей разработки богатейшего теоретического ленинского наследства и привлечь их к работе по теоретическому обобщению богатейшего опыта пролетарской революции и диктатуры пролетариата в России и опыта международной революции.

За истекший период со времени разгрома механистско-бухаринской группы и группы меньшевистствующих идеалистов прошло три года. За это время в области марксистско-ленинской философии мы имеем несомненно положительные сдвиги. Новые, молодые теоретические кадры основательно разворошили как философские, так и социологические писания механистов и деборинцев. Наряду с этим сделаны и конкретные шаги в деле разработки ленинского этапа в развитии материалистической диалектики и исторического материализма, а также в деле разработки вопроса о диалектике в работах т. Сталина. Журнал «П. З. М.» стал боевым органом защиты партийности теории, органом пропаганды диалектики Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Современный этап социалистического строительства выдвигает новые задачи в области марксистско-ленинской теории. Особенно большие задачи стоят в области обобщения опыта социалистического строительства на данном этапе. Грандиозные сдвиги, совершающиеся в нашей стране во всех областях жизни: в экономике, в политике, в области культуры, науки, техники и т. д.,— ставят уйму новых вопросов, требующих осмысления и практического разрешения. Ряд казалось бы совершенно ясных и неоспоримых истин выступает в новой обстановке по-новому, и требуется огромная работа, чтобы теорию привести в соответствие с новыми данными нашей богатой практики, переварить этот совершенно новый материал, дать обобщения и тем самым дать практикам силу ориентировки. Огромные хозяйственно-политические, организационные, культурные задачи второй пятилетки: техническая реконструкция всего народного хозяйства, освоение но-

вых производственных мощностей, задача уничтожения классов, коренная переделка сознания миллионов людей — настоятельно выдвигают потребность в широких теоретических обобщениях. Целый ряд проблем требует настоятельно своего разрешения. К числу этих проблем необходимо отнести огромный круг вопросов по историческому материализму, политической экономии, естествознанию и технике. В частности — вопрос о соотношении политики и экономики; вопрос об уничтожении классов, о влиянии субъективного фактора в истории, о путях укрепления пролетарской диктатуры и подготовки условий ее будущего отмирания, вопросы фашизации буржуазного государства и борьбы с фашизмом, проблемы идеологии и, в частности, вопрос об отмирании религии, огромный круг проблем теоретического естествознания и техники и т. д. Все эти вопросы требуют разработки на основе нового опыта в новой постановке. Значительная часть этих вопросов, именно основные, коренные проблемы, находит гениальное разрешение в трудах т. Сталина и в решениях нашей партии. Тов. Сталин, продолжая и развивая теоретическое наследство Ленина, разработал все основные, сложнейшие теоретические проблемы переходного периода. Он дал партии и международному пролетариату революционную диалектику исторических процессов периода, переходного от капитализма к коммунизму. Вопрос о построении социализма в одной стране, вопрос об уничтожении противоречий между пролетариатом и крестьянством и конкретной форме разрешения этого противоречия, вопрос о двойственной природе наэпа, сложнейший вопрос о плане стратегического наступления на капиталистические элементы в нашей стране и ликвидации классов, проблема экономики переходного периода, сложнейшие проблемы международной революции, вопрос об индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, построении фундамента социалистической экономики, вопрос о завершении технической реконструкции всего народного хозяйства, проблема социалистического накопления и т. д. — все эти кардинальные, сложнейшие звеньевые теоретические и практические-политические вопросы разработаны т. Сталиным в беспощадной борьбе за ленинское теоретическое наследство, против контрреволюционного троцкизма, правого и «левого» оппортунизма.

Гениальный теоретик и вождь мирового пролетариата т. Сталин дал ясную перспективу и цель нашей борьбы, воодушевив миллионные массы рабочих и крестьян на осуществление всемирно-исторической задачи построения бесклассового, социалистического общества.

Диалектика т. Сталина была путеводной звездой нашей партии в последние десять лет после смерти Владимира Ильича. Она привела нас к гигантским, всемирно-историческим победам. Сейчас уже ни один мало-мальски политически грамотный человек не решится отрицать нового этапа в развитии теории ленинизма, этапа, связанного с именем т. Сталина.

Гениальный вождь международного пролетариата т. Сталин далеко двинул вперед развитие ленинизма во всех его частях. Только овладев идейным наследством Ленина и тем новым, что внес т. Сталин в сокровищницу ленинизма, можно серьезно думать об успешном выполнении задач второй пятилетки. Только усвоив ленинско-сталинский стиль в работе, его теоретическую основу, можно научиться действительно по-большевистски, по-новому руководить, по-новому работать в сложнейшей обстановке второго пятилетия, труднейшей обстановке современного международного революционного движения. Одной из коренных задач, стоящих перед нашей партией во второй пятилетке, попрежнему является задача систематической борьбы с враждебными ленинизму идеологиями, задача систематической пропаганды ленинизма и его творческого метода — материалистической диалектики Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

И. Сталин

Сталин и материалистическая диалектика

М. Митин

I

Одним из лучших выражений наших побед в области социалистического строительства, невиданного под'ема трудовых масс, роста и укрепления их социалистического сознания, их безграничной поддержки и доверия нашей партии является массовый, миллионный трудовой поход имени XVII с'езда. Каждый шаг роста социализма и нашего движения вперед означает раскрытие, развертывание все новой и новой энергии трудящихся масс Советского союза. Творчество миллионов представляет собой важнейшее обстоятельство и одну из основ нашего развития. Страна живет пафосом строительства плюс пафос освоения. Мы имеем огромное улучшение материального положения рабочих и колхозников и на этой материальной базе колоссальный культурный рост их, рост культурных потребностей. Происходит у нас небывалое развитие культурной революции. Наступает период мощного расцвета науки, техники, искусства, литературы.

Октябрьская революция ликвидировала антагонистическое противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Могучий размах в развитии социалистических производительных сил создает необходимые основы и условия для ликвидации вековой противоположности между городом и деревней, для уничтожения одного из вреднейших наследий капиталистического строя — противоречия между умственным и физическим трудом.

«Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего»¹⁾ — писали Маркс и Энгельс. Эта великолепная характеристика подтверждается всем ходом нашего развития. Коммунизм, этот «энергический принцип ближайшего будущего», поднимает, будит, раскрывает находившуюся под спудом энергию, творчество миллионов, массовое творчество. Таланты, которые душил, мял капитализм, получают в условиях диктатуры пролетариата и периода социализма возможность могучего развития. «Массовое порождение коммунистического сознания» (Маркс) происходит в практическом движении социалистической революции, гигантской стройки социализма, роста социалистических производственных отношений, в классовой борьбе с остатками капиталистических элементов, упорно и жестоко сопротивляющихся социалистическому наступлению.

Опубликованные тезисы о второй пятилетке к XVII с'езду партии представляют собой исторические документы исключительного значения. Могучая симфония социалистических побед, твердая уверенность рабочего класса в своей окончательной победе звучат из сухих цифр каждого тезиса по докладу тт. Молотова и Куйбышева, твердая уверенность в творческих силах

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 632.

рабочего класса, верные организационные пути, обеспечивающие новые победы,—звучат из простых ясных слов, из каждого положения тезисов по докладу т. Кагановича. Огромная по своему размаху, по объему работ, по глубине перестройки задача—завершение технической реконструкции всего народного хозяйства и на этой материальной базе проведение полной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще и установление единого социалистического способа производства как единственного способа производства—по плечу пролетарскому классу, находящемуся под руководством такой партии, как наша партия, имеющему такого великого вождя, как Сталин.

«Коммунизм, — писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» в 1845 г., — отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в основе всех прежних производственных отношений и отношений общества и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих людей, лишает их стихийности и подчиняет их мощи объединившихся индивидов»¹).

Конкретно разработанный план второй пятилетки, план завершения технической реконструкции страны, является великолепной иллюстрацией этих положений двух гигантов теоретической мысли и революционной практики. Конкретный план пролетарской диктатуры—установление единого социалистического способа производства в такой стране, как Советский союз,—означает огромный шаг вперед в деле ликвидации стихийных закономерностей общественного развития, полное уничтожение у нас остатков всякого проявления анархии капиталистического строя, подчинение общественного развития сознательному плану и мощи «объединившихся индивидов».

Не имеющие примеров и не могущие ни с чем быть сравнимы победы рабочего класса нашей страны по глубине «переплывания» всего общественного здания, по глубине перестройки всех общественных отношений — настоящий триумф ленинизма, ибо учение Ленина, ибо ленинская политика нашей партии — решающее условие всего этого процесса.

Ленин принадлежит к таким историческим фигурам, что его роль, его гигантское значение вырисовываются все больше и больше по мере того, как проходит время со дня его смерти.

Какой силой и мощностью должно обладать марксистское учение, которое имеет таких представителей, таких последователей, всесторонне развивших это учение, каким является Ленин!

Период, протекший со дня смерти Ленина, гигантского теоретика и практика рабочего движения, ознаменовался событиями огромнейшего исторического масштаба, великими классовыми битвами, общественными изменениями и политическими сдвигами. Они потребовали от нашей партии, от руководителя партии т. Сталина дальнейшего теоретического и практического развития ленинизма.

Эпоха, протекшая со дня смерти Ленина, представляет собой исключительно насыщенную эпоху. В международном отношении мы имели за одно десятилетие такие события, как развитие временной, относительной стабилизации капитализма, расцвет американской промышленности («проспери-ти»), затем крах этой стабилизации, беспримерный экономический кризис капитализма на базе его общего кризиса. Колоссальное обострение противоречий между империалистическими государствами, военная горячка в области вооружения, охватившая весь капиталистический мир, свидетельствуют о том, что мир идет к новым империалистическим войнам, что в настоящее время мир уже вплотную подходит ко второму туру революций и войн. Мы

¹) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 60.

имели исключительное по своему масштабу рабочее движение, которого не знала история до империалистической войны и в первый период после империалистической войны. Напомним такого огромного порядка события, как всеобщая стачка в Англии, как баррикады в Вене, в Берлине, Гамбурге, такие революционные движения масс, как испанская революция, революционное движение на Кубе, восстания в английском и голландском флотах и т. д.

Что весьма характерно для этого периода — это особый размах национально-колониального революционного движения. Мы имеем национально-революционное движение в Турции, крупнейшего масштаба народную революцию в Китае, гигантское национальное революционное движение в Индии. На огромной территории Китая прочно утвердилась советская власть, отразила с успехом шесть походов нанкиннского правительства против нее, расширяет свою территорию и идет к новым победам.

К событиям крупнейшего порядка надо отнести такие события, как фашизация социал-демократии, этой основной опоры господства капитала, и ее развал на базе происходящего развала капитализма.

Один только перечень этих процессов говорит об исключительных по своей насыщенности, по своему масштабу революционных событиях, сдвигах, классовых битвах, которые характеризуют современную эпоху, период, прошедший после смерти Ленина.

Однако эта характеристика ни в какой степени не может исчерпать положения дел, если не проанализировать одновременно то основное противоречие, которое происходит в настоящее время, — это противоречие между страной диктатуры пролетариата и капиталистическим миром.

Если вкратце перечислить то, что мы имеем в стране диктатуры пролетариата за этот период, то здесь опять-таки придется отметить события крупнейшего, поистине мирового значения и характера. Здесь надо сказать о проведенной индустриализации нашей страны, о коллективизации, о ликвидации в основном кулачества как класса и о развернутом наступлении социализма по всему фронту, об успешном окончании первой пятилетки в четыре года, о вступлении во вторую пятилетку, о построении фундамента социалистической экономики, о вступлении в период социализма.

Важнейшим моментом, характерным для всего этого периода, является великая борьба, проведенная партией под водительством Сталина, за чистоту ленинского учения, разгром троцкизма, троцкистско-зиновьевской оппозиции, правого оппортунизма, разгром всякого рода меньшевистских и меньшевистствующих теорий на различных участках теоретического фронта.

Мы одержали крупнейшего порядка победы за 10 лет, протекшие со дня смерти Ленина. Основным моментом, определяющим это развитие и эти победы, является наша могучая партия и ее правильное ленинское руководство. Тов. Сталин указывал на XVI съезде партии, что наши победы одержаны под знаменем ленинизма и что под знаменем ленинизма мы будем в дальнейшем одерживать не только у нас, но и во всем мире еще более гигантские победы, ибо это учение дает возможность раскрывать самые глубокие закономерности, основы исторического движения классов, масс, возможность правильно руководить пролетарским движением в борьбе за победу коммунизма.

Именно потому, что такова природа нашего теоретического оружия, что такова глубочайшая основа и величайшее содержание марксистско-ленинского учения, его ведущие представители отличаются особыми чертами.

Тов. Сталин в своей работе о Ленине, характеризуюя вождя пролетарской партии, писал следующие: «В наше время пролетарской революции, когда каждый лозунг партии и каждая фраза вождя проверяется на деле, пролетариат предъявляет своим вождям особые требования. История знает про-

летарских вождей, вождей бурного времени, вождей-практиков, самоотверженных и смелых, но слабых в теории. Массы не скоро забывают имена таких вождей. Но движение в целом не может жить одними лишь воспоминаниями: ему нужны ясная цель (программа), твердая линия (тактика). Таковы например Лассаль в Германии, Бланки во Франции. Есть и другого рода вожди, вожди мирного времени, сильные в теории, но слабые в делах организации и практической работы. Такие вожди популярны лишь в верхнем слое пролетариата, и то лишь до известного времени; с наступлением революционной эпохи, когда от вождей требуются революционно-практические лозунги, теоретики сходят со сцены, уступая место новым людям. Таковы например Плеханов в России, Каутский в Германии.

Чтобы удержаться на посту вождя пролетарской революции и пролетарской партии, необходимо сочетать в себе теоретическую мощь с практически-организационным опытом пролетарского движения»¹⁾.

Так характеризует Ленина т. Сталин. Таков стиль вождя—подлинно марксистского, подлинно большевистского. Сочетание теоретической мощи с практически-организационным опытом пролетарского движения—это то, чем характеризуются такие вожди, как Маркс и Энгельс, как Ленин, такой вождь пролетарской революции, как Сталин.

Действительно, деятельность т. Сталина дает нам яркий образец огромной теоретической мощи с исключительным по своему об'ему и размаху практически-организационным опытом пролетарского движения. Это одна из характерных черт всей теоретической и практической деятельности т. Сталина.

Неоднократно т. Сталин писал о том, что диалектика—живая революционная душа марксизма. Сталин является крупнейшим воинствующим материалистом-диалектиком нашей эпохи, двигающим вперед материалистическую диалектику во всех направлениях. Рассмотрение вопросов материалистической диалектики в работах т. Сталина представляет собой крайне актуальную и благодарную задачу, ибо на образцах практического и теоретического разрешения им вопросов пролетарской революции мы должны научиться «диалектическому искусству революции». Работы т. Сталина являются примером применения марксистского метода к анализу крайне сложной действительности, борьбы классов и вместе с тем примером дальнейшего теоретического развития марксовской диалектики. Тема «Сталин и материалистическая диалектика» настолько огромна, так глубока по своему содержанию, что в данной статье можно сделать только самую первоначальную, неполную попытку постановки этих вопросов. Проанализировать хотя бы некоторые вопросы материалистической диалектики в работах т. Сталина—дело большой сложности, ибо замечательная простота, ясность, чеканность этих работ представляют собой результат предварительного уже проведенной огромной, гениальной теоретической работы по осмысливанию законов развития объективной действительности с точки зрения всего мирового опыта пролетарского движения, воплощенного в учении ленинизма. Однако именно такая тема вдохновляет на преодоление этих трудностей.

II

Было бы совершенно неправильным, меньшевистствующе-идеалистическим подходом, если бы мы попытались, ставя проблему диалектики в работах Сталина, подходить к ней с точки зрения тех или других отдельных категорий диалектики и нанизывать на эти категории конкретный исторический материал, который освещен в работах т. Сталина. Задача, наоборот, заключается в том, чтобы проанализировать существо проблем и вопросов,

¹⁾ Сталин, О Ленине. Партиздат, 1932 г., стр. 13.

которые т. Сталин разработал, и на основе этого показать, что внутренней «душой» при разработке их является материалистическая диалектика, хотя в большинстве случаев т. Сталин как раз об этой диалектике при разрешении вопросов меньше всего говорит или совсем не говорит.

Именно такой подход к делу является наиболее правильным для уяснения всей глубины материалистической диалектики в работах т. Сталина.

Для того, чтобы понять диалектику в работах т. Сталина, надо прежде всего выяснить роль и значение Сталина как теоретика ленинизма в целом и как теоретика ~~там самым~~ ленинского этапа в философии марксизма, ибо, когда мы говорим о ленинизме в целом, мы имеем в виду все его составные части.

Характерные черты работ т. Сталина о ленинизме, о всех его составных частях сводятся к следующему:

во-первых, целостный подход ко всему ленинскому наследству;

во-вторых, проведение подлинно марксистского единства логического и исторического анализа и изложения и

в-третьих, проведение глубочайшей партийности в применении ко всем этим вопросам.

Что значит подлинно синтетический, целостный подход ко всему ленинскому наследству? Это означает, прежде всего, проникновение в самую суть, в самую глубину ленинского учения, охват всех вопросов ленинизма с точки зрения вскрытия внутренней логики и закономерности их развития. Это означает подлинно историческую постановку вопросов ленинизма, историческую не в том смысле, что работы Ленина имеют ограниченное историческое значение, а в том смысле, что существо проблем взято т. Сталиным с точки зрения выяснения, как разрешение этих вопросов у Ленина выдвигалось новой исторической эпохой в связи с задачами, которые стояли перед рабочим классом в эту эпоху.

Такой целостный подход ко всему ленинскому наследству имеет большое значение. Борьба за чистоту ленинского наследства после смерти Ленина дает много примеров, когда из всего комплекса работ Ленина вырвались отдельные стороны, отдельные положения и затем строилась целая «линия». На этой основе всякого рода оппортунисты и искажители ленинизма пытались создавать «теории», враждебные ленинизму.

В данный исторический период мы можем правильно понять, оценить и уяснить всю глубину ленинских работ только в том случае, если мы подойдем к ним с точки зрения всего развития, которое прошел большевизм, с точки зрения глубокого понимания всей новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарской революции, в которой ленинизм вырос. В самом деле, возьмите такие работы Ленина, как «Что делать» или «Две тактики». Эти работы можно понять и вскрыть теперь всю глубину их содержания только в том случае, если мы поймем, что эти работы строились у Ленина с точки зрения необходимости создания новой партии, с точки зрения необходимости проведения подлинно марксистской тактики в новых исторических условиях, в новой исторической полосе. Если мы иначе подойдем к этим вопросам, то мы всей глубины, всего смысла этих работ не поймем.

Мы знаем классическую формулировку, классическое определение ленинизма, данное т. Сталиным, а именно: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций». Вдумываясь в глубокое содержание этого определения т. Сталина, которое проводится им и обосновывается во всех его работах и в частности в его классической работе «Об основах ленинизма», мы видим, что т. Сталин прежде всего проводит совершенно четкое и ясное различие между двумя эпохами в развитии капитализма. Подчерки-

вая то единство, которое существует между эпохой домонополистического капитализма и эпохой монополистического капитализма, как единство общей эпохи господства капитала, т. Сталин обращает особое внимание на выяснение всей глубины различия, которое существует в пределах этой единой эпохи господства капитала, между двумя фазами, между двумя историческими периодами в развитии капитализма.

Как раз непонимание всего существенного различия, которое имеет место между этими двумя историческими эпохами в развитии капитализма, является одним из важнейших моментов, одной из важнейших причин отхода от ленинизма, извращений ленинизма, меньшевистского характера этих извращений. И это подчеркивает т. Сталин неоднократно в своих работах. Он писал:

«Беда нашей оппозиции состоит в том, что она не понимает всей важности этой разницы между капитализмом доимпериалистическим и капитализмом империалистическим»¹⁾.

В других местах, говоря об оппозиции, он подчеркивает, что «она избегает подчеркивать эту разницу». Борясь с Троцким, борясь с Зиновьевым и Каменевым, с правым уклоном, с Бухариным, т. Сталин все время, когда речь идет о международных вопросах рабочего движения и о перспективах и судьбах строительства социализма в СССР, подчеркивает, что все они извращают ленинизм, не понимают той глубокой разницы, которая заложена в этих двух исторических эпохах, хотя обе эти эпохи и об'единяются единым господством капитала. Он говорит:

«Одно дело капитализм домонополистический, развивающийся в целом по восходящей линии, другое дело капитализм империалистический, когда мир уже поделен между капиталистическими группами, когда скачкообразное развитие капитализма требует новых переделов уже поделенного мира в порядке военных столкновений, когда конфликты и войны между империалистическими группами, возникающие на этой почве, ослабляют мировой фронт капитализма, делают его легко уязвимым и создают возможность прорыва этого фронта в отдельных странах»²⁾.

В целом ряде других мест т. Сталин возвращается к вопросу о всем огромном различии между этими эпохами и показывает, что старый, «цветущий» капитализм стал умирающим капитализмом.

Он показывает в полном соответствии со всем тем, что развивал по этому вопросу Ленин, что «мирный» «органический» рост капитализма, «плавный» его рост сменился катастрофическим ростом, военной горячкой, эпохой военных столкновений между империалистическими державами³⁾. Либерализм и демократизм, присущие эпохе промышленного капитализма,

¹⁾ Сталин, Об оппозиции, стр. 513.

²⁾ Там же, стр. 502.

³⁾ Когда мы говорим о «мирном» развитии капитализма до эпохи империализма, мы никоим образом не должны забывать, как это неоднократно подчеркивал т. Сталин, весьма условного значения этой характеристики. Мы никоим образом не должны забывать, что по этому поводу писал Ленин (т. XVIII, стр. 354). Ленин говорил: «Была эпоха сравнительно «мирного» капитализма, когда он вполне победил феодализм в передовых странах Европы и мог развиваться наиболее — сравнительно — спокойно и плавно, «мирно» расширяясь на громадные еще области незанятых земель и не втянутых окончательно в капиталистический водоворот страны. Конечно и в эту эпоху, приблизительно отмечаемую годами 1871—1914, «мирный» капитализм создавал условия жизни весьма и весьма далекие от настоящего «мира» как в военном, так и в общеклассовом смысле. Для 9/10 населения передовых стран, для сотен миллионов населения колоний и отсталых стран эта эпоха была не «миром», а гнетом, мучением, ужасом, который был пожалуй тем ужаснее, что казался «ужасом без конца». Эта эпоха миновала безвозвратно, она заменилась эпохой сравнительно гораздо более порывистой, скачкообразной, конфликтной, когда для массы населения типичным становится не столько «ужас без конца», сколько «конец с ужасом».

сменились «реакцией по всей линии», либерализм в области идеологии — то, что присуще для эпохи так называемого «культурного» промышленного капитализма, — сменился крайним обострением борьбы классов и в области идеологии и кризисом науки. Этой кризис науки вовсе не означает, что прекращается совершенно всякий рост науки и научных достижений. Он только характеризует те глубочайшие противоречия, которые заложены в новой эпохе. Закон неравномерности получает особое развитие в этот исторический период, и в связи с этим, как говорил т. Сталин, совершенно по-новому встает целый ряд проблем и вопросов пролетарской революции, в частности по-новому встает вопрос о прорыве цепи империализма, вопрос о победе социализма в одной стране.

Тов. Сталин критикует догматический, цитатный характер «марксизма» у Зиновьева, у Каменева. Он показывает, что они приводят цитаты из работ Маркса и Энгельса, относящиеся к эпохе промышленного капитализма, и механически переносят эту характеристику на эпоху монополистического капитализма. Тов. Сталин указывает, что какими бы гениальными людьми ни был Маркс и Энгельс, они не могли во всех деталях предвидеть развитие, которое произошло после их смерти. Положения в работах Маркса и Энгельса, которые характеризуют процесс пролетарской революции, в частности их указания на возможность, необходимость единовременной победы пролетарской революции в международном масштабе, являются верными для эпохи промышленного капитализма, но эти положения стали, говорит т. Сталин, неверными для новой исторической обстановки. Новая историческая эпоха с ее колоссальным обострением противоречий капиталистической системы потребовала конкретизации марксизма. Ленин — первый из марксистов, который развил вопрос о законе неравномерности развития, о возможности победы социализма в одной стране. Тов. Сталин показывает, что такая конкретизация марксистского учения вовсе не означает ревизии марксизма, а наоборот, — подлинное и правильное проведение марксизма в новых исторических условиях.

Таким образом целостный подход к ленинскому наследству требует прежде всего ясного и четкого разграничения между двумя эпохами в развитии капитализма, ясного понимания всех тех новых моментов, которые вставали в этом развитии перед рабочим классом в его борьбе за коммунистическое общество. И несомненно величайшая историческая заслуга т. Сталина состоит в том, что он в борьбе за чистоту ленинского учения вот именно этот единственно правильный, подлинно исторический подход ко всем работам Ленина в целом, ко всему его теоретическому наследству смог провести. А с этим связано другое, чрезвычайно важное обстоятельство, — это совершенно четкое и ясное решение им вопроса о «марксизме» эпохи II интернационала и о марксизме большевистском, о партиях II интернационала и о партии нового типа — партии большевистской. Мы знаем классические характеристики оппортунизма эпохи II интернационала, касающиеся как открытых оппортунистов и реформистов, а также и центризма, скрытых оппортунистов, которые давал т. Сталин. Если внимательно вчитаться в работу Сталина «Об основах ленинизма», то мы увидим, что красной нитью от первой до последней строки, от первого до последнего вопроса проходит мысль, что между большевизмом и «марксизмом» II интернационала, ревизионизмом и центризмом пролегал глубокая принципиальная грань. Тов. Сталин с величайшей последовательностью проводит во всех вопросах ленинизма эту принципиальную грань и противопоставление большевизма оппортунизму, показывая, как большевизм «вырос» из борьбы с оппортунизмом, вырос из этой чистки «авгиевых конюшен» II интернационала.

Если с этой точки зрения подойти к одной из последних работ Сталина—к его письму в редакцию «Пролетарская революция», то мы увидим что эта линия там совершенно ясно и четко им проводится. Когда происходило обсуждение письма т. Сталина в редакцию «Пролетарская революция» на различных участках теоретического фронта, то можно было часто слышать такие выступления, которые обнаруживали полное непонимание как всех работ т. Сталина, так и этой его работы. Дело рисовалось таким образом, будто в своем письме т. Сталин говорит об абсолютно новых вещах. Такая постановка вопроса является неправильной. В этом письме т. Сталин обобщает и дальше развивает все то, что он по этому вопросу говорил раньше. Линию принципиальной грани, глубокой разницы между большевистским марксизмом и «марксизмом» эпохи II интернационала, он проводит с первых своих работ, в частности в «Основах ленинизма». Эту же принципиальную линию выяснения самого существа большевизма как единственного, подлинно марксистского течения в мировом рабочем движении т. Сталин проводит и в борьбе с троцкизмом, с правым оппортунизмом.

Приведем здесь одно место из работы т. Сталина о правом уклоне. Это речь т. Сталина «Об индустриализации страны и правом уклоне ВКП(б)» на пленуме ЦК в ноябре 1928 г. Он там развивает исключительно глубокие соображения по вопросу о роли и значении борьбы на два фронта, по вопросу о центризме.

«Ленинизм,—говорит т. Сталин,—есть самое левое (без кавычек) течение в мировом рабочем движении. Мы, ленинцы, входили во II интернационал до периода начала империалистической войны, как крайняя левая фракция социал-демократов. Мы не остались во II интернационале и мы проповедывали раскол во II интернационале потому, что мы именно, как крайняя левая фракция, не хотели жить в одной партии с мелкобуржуазными изменниками марксизма, с социал-пацифистами и с социал-фашистами. Эта тактика и эта идеология легли впоследствии в основу большевистских партий всего мира. В своей партии мы, ленинцы, единственные левые без кавычек. Поэтому мы, ленинцы, не «левые» и не правые в своей собственной партии. Мы партия марксистов-ленинцев»¹⁾.

Эта постановка вопроса—относительно значения и роли, которую с самых первых шагов играла большевистская партия в мировом рабочем движении как подлинно левое и единственно левое течение в эпоху II интернационала,—эта мысль проводится красной нитью во всех работах т. Сталина и получает наиболее четкое завершение, наиболее четкую формулировку и развитие в письме в редакцию «Пролетарской революции».

Несомненно, что эти вопросы имеют чрезвычайно важное значение для понимания всего ленинского наследства в целом. Слуцкий искал архивные документы для того, чтобы обнаружить, вел ли Ленин борьбу с социал-демократией или не вел. Тов. Сталин указывал, что вся линия большевизма в целом, начиная с первых работ и кончая последними, есть линия разоблачения всякого рода оппортунистов, скрытых и открытых, что большевизм был и есть единственно левое и подлинно марксистское течение во всем мировом рабочем движении.

Наряду с четким проведением различия между двумя эпохами это четкое понимание принципиальной грани между большевизмом и «марксизмом» эпохи II интернационала является важнейшим моментом, характеризующим подход т. Сталина к ленинскому наследству в целом.

Важнейшими условиями для понимания всей глубины сталинской трактовки вопросов ленинизма является необходимость правильно понять суще-

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., стр. 378.

ство новой исторической эпохи как эпохи кануна пролетарской революции и начала ее, правильно понять, что мы здесь имеем дело с капитализмом умирающим, что противоречия между производительными силами и производственными отношениями капиталистического общества в эту эпоху достигли своего высшего напряжения и что они неизбежно должны были прорвать эти рамки. Октябрьская революция является одним из ярчайших примеров прорыва этих рамок. Отсюда совершенно ясными становятся те основные задачи, которые стояли перед рабочим классом и перед его партией, партией нового типа. Ибо только партия нового типа, большевистская партия, может организовать массы на штурм капитализма. Тов. Сталин с особой силой подчеркивает и развивает тезис, что главное в учении ленинизма есть учение о диктатуре пролетариата.

Мы не будем подробно говорить о том, как т. Сталин развивает проблему главного в ленинизме, как он развивает соотношение главного с другими сторонами ленинизма. Это вопрос особый. Важно здесь подчеркнуть, что потребовался глубокий подход ко всему наследству Ленина в целом для того, чтобы это положение последовательно провести от первого до последнего вопроса.

«Иные думают,—писал т. Сталин,—что основное в ленинизме—крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом, является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления»¹).

Тов. Сталин повел самую решительную борьбу со всякого рода противопоставлениями марксизма ленинизму и наоборот, которые имели место в печати и в целом ряде работ со стороны извратителей ленинского учения. Отсюда совершенно четкая постановка вопроса относительно того, что ленинизм означает дальнейшую конкретизацию и развитие марксизма, причем такое развитие, которое не изменяет, не вносит новых принципов, а базируется целиком и полностью на принципах, развитых Марксом и Энгельсом.

Выше говорилось о важнейшей черте, характеризующей работы т. Сталина при его подходе к ленинскому учению,—о проведении подлинно марксистского единства логического и исторического анализа и изложения. Для того, чтобы это понять, обратимся к работе т. Сталина «Об основах ленинизма». В ней дано логическое, теоретическое обобщение всего исторического развития взглядов Ленина. Эта работа представляет собой подлинное единство логического и исторического анализа. Единство логического и исторического—и притом в материалистическом смысле—представляет собой важнейшую черту марксистского метода. Мы знаем, что такое единство есть методологическая база марксизма «Капитала» и ленинского «Империализма и т. д.».

Подлинное проведение единства логического и исторического состоит в том, что анализ не исчерпывается приведением исторических примеров или описанием исторического порядка явлений и событий. Теоретическая мощь марксизма состоит именно в том, что когда с этой точки зрения проводится единство логического и исторического, то это означает, что на базе исторического, на базе изучения истории дается логика этой истории, дается раскрытие ее закономерностей, дается раскрытие основных моментов, характеризующих эту историю. Книга т. Сталина «Вопросы ленинизма» представляют собою именно раскрытие логики всего историче-

¹) Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., стр. 36.

ского развития большевизма. Нельзя теперь понять споров внутри партии, нельзя понять ее действительной истории, если не подойти к ней с точки зрения существа тех моментов, которые обобщены в «Основах ленинизма». Крупнейшая ошибка некоторых историков партии состояла и состоит и по сей час в том, что они подходят к истории большевизма, к истории нашей партии, не учитывая того, что логика этой истории, весь ее глубокий смысл, ее глубокое содержание и теоретическое обобщение даны в работах т. Сталина, в особенности в такой работе, как «Об основах ленинизма». Именно эта работа поднимает на огромную принципиальную высоту всю историю нашей партии.

Возьмем к примеру крестьянский вопрос. Как он освещен в работе Сталина «Об основах ленинизма»? Тов. Сталин разбивает там рассмотрение этого вопроса на следующие моменты: прежде всего общее место крестьянского вопроса в учении ленинизма, затем постановка вопроса о крестьянстве в эпоху буржуазно-демократической революции, наконец крестьянство в эпоху упрочения советской власти, в эпоху упрочения диктатуры пролетариата.

Тов. Сталин проводит мысль о том, что крестьянский вопрос представляет только часть общего вопроса о диктатуре пролетариата, что хотя это один из самых важных и животрепещущих вопросов ленинизма, однако надо понимать, что этот вопрос является вместе с тем второстепенным вопросом по отношению к главному в ленинизме — к вопросу о диктатуре пролетариата. Это теоретическое и политическое положение — вывод из всей политики, которую проводила партия по аграрному вопросу, начиная с первого дня ее существования вплоть до настоящего времени. Если внимательно проработать аграрные работы Ленина, если внимательно продумать борьбу по аграрному вопросу, которую проводила партия с меньшевиками, то мы увидим, что основной подход к этому вопросу у Ленина был такой: признавая в противовес меньшевикам все огромное значение крестьянского вопроса, Ленин везде и всюду рассматривал крестьянский вопрос как вопрос подчиненный по отношению к основной задаче рабочего класса — по отношению к диктатуре пролетариата.

«Ленин не был бы величайшим пролетарским идеологом, каким он несомненно является, он был бы простым «крестьянским философом», каким его нередко рисуют заграничные литературные обыватели, если бы он вел разработку крестьянского вопроса не на базе теории и тактики диктатуры пролетариата, а помимо этой базы, вне этой базы»¹⁾.

Тов. Сталин показывает, что вопрос о крестьянстве — это вопрос о массовом союзнике пролетариата, что тот, кто действительно ставил вопрос о свержении капитала, не мог не придавать исключительного значения этой проблеме.

Единство логического и исторического состоит не только в том, что дана логика дела, но что эта логика базируется на глубоком историческом изучении вопроса, на глубокой исторической основе. Как раз дальнейшие пункты, которые т. Сталин развивает в этой главе, показывают, что означает этот исторический анализ, историческая база при рассмотрении этого же вопроса. Тов. Сталин дает конкретный анализ исторической обстановки эпохи буржуазно-демократических революций и рассматривает, как ставит ленинизм вопрос в эту историческую эпоху на базе той общей основной линии, о которой сейчас говорилось. То же самое относится и к другим историческим периодам.

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 194.

Давая такие образцы разрешения исторического и логического, т. Сталин поднимает историю большевизма, историю развития ленинизма на огромную принципиальную высоту, поднимает до крупнейших теоретических обобщений, и в этом несомненно его величайшая историческая роль и величайшая историческая заслуга.

Уже само это обстоятельство,—то, что был дан такой целостный подход к ленинскому наследству, что все это наследство было рассмотрено с точки зрения существа новой исторической эпохи, с точки зрения принципиальной грани, которая глубоко залегла в самом начале XX столетия между большевизмом и «марксизмом» эпохи II интернационала,—уже само это обстоятельство двигает вперед и развивает самую ленинскую теорию.

Однако т. Сталин этим не ограничился, а применил эти теоретические обобщения, это глубочайшее понимание ленинского учения ко всей гигантской исторической полосе, ко всем крупнейшего порядка событиям, которые наступили после смерти Ленина, твердо и последовательно руководя в ленинском духе пролетарской революцией.

Именно потому, что т. Сталин, как никто другой, дал теоретическое обобщение богатейшей истории большевизма, целостный подход и понимание всего наследства Ленина,—именно поэтому только ему по плечу и оказалось разрешение таких вопросов, как судьбы строительства социализма в СССР, как вопрос о политике классовой борьбы в эпоху пролетарской диктатуры при обеспечении конкретного пути построения фундамента социалистической экономики. Нужно было обладать исключительным знанием марксистского учения и пониманием всего его значения не как догмы, а как руководства к действию, нужно было без колебаний практически пройти богатейший путь развития большевизма и теоретически его обобщить, нужно было обладать именно сталинским соединением теоретической мощи и организационно-практического опыта рабочего движения, величайшей теоретической последовательностью и практической настойчивостью в проведении до конца раз выбранного пути для того, чтобы так блестяще разрешить в ожесточенной борьбе с троцкизмом, с правым оппортунизмом как вопрос о возможности построения полного социализма в нашей стране, так и вопрос о конкретных путях и формах этого строительства.

Вопрос о возможности построения социализма в одной стране в эпоху империализма—один из важнейших пунктов, в котором т. Сталин развил дальше ленинизм. Потребовалось однако дальнейшее развитие ленинского учения об империализме, о законе неравномерности развития капитализма, ленинского учения о пролетарской революции—для того, чтобы на глубочайшей принципиальной теоретической основе стереть с лица земли «аргументы» троцкизма по этому важнейшему вопросу о судьбах строительства социализма в нашей стране, которое является не только толчком, исходным пунктом, но и базой развития мировой пролетарской революции.

Вопросы индустриализации и коллективизации, развернутого наступления социализма по всему фронту являются крупнейшими пунктами, в которых т. Сталин двинул вперед дальнейшее развитие ленинизма. Потребовалась однако теоретическая конкретизация ленинского учения о диктатуре пролетариата, о формах классовой борьбы в условиях пролетарской диктатуры, о союзе рабочего класса с трудящимся крестьянством, развитие ленинизма по вопросу о характере нашей революции и о конкретных путях уничтожения классов для того, чтобы разгромить и развеять в прах правооппортунистическую теорию «врастания кулака и непмана в социализм».

III

Огромное теоретическое и партийно-политическое значение имеют работы т. Сталина для понимания ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Вопрос этот надо рассмотреть в двух отношениях: с точки зрения того, что дано т. Сталиным в смысле теоретического обобщения и характеристики философского наследства Ленина, во-вторых, с точки зрения того, что дается для развития материалистической диалектики в самих работах т. Сталина при разрешении им актуальных проблем новой исторической эпохи.

Известно, какую оценку дал т. Сталин величайшему философскому произведению Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, как т. Сталин еще в 1924 г. в своей работе «Об основах ленинизма» разрешил вопрос о Ленине и Плеханове как философах-марксистах.

Тов. Сталин указывает, что «Материализм и эмпириокритицизм» есть теоретическое обобщение по линии естествознания всего того нового, что имело место за период, протекший от Маркса и Энгельса вплоть до Ленина. Тов. Сталин устанавливает, что ленинская работа «Материализм и эмпириокритицизм» представляет собой критику всех основных антиматериалистических течений этой эпохи. Тов. Сталин устанавливает, что Плеханов, который потешался над беззаботностью большевизма, в особенности Ленина, по отношению к теории, сам не смог даже взяться по-серьезному за такую грандиознейшую задачу, которую выполнил Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Тов. Сталин устанавливает, что Лениным дано дальнейшее теоретическое развитие материалистической диалектики.

Надо только удивляться тому обстоятельству, как эти важнейшие характеристики Ленина и Плеханова как философов-марксистов, важнейшая характеристика «Материализма и эмпириокритицизма» не были учтены, не популяризировались, не были положены в основу теоретических работ, которые проходили на философском фронте вплоть до последней дискуссии—до борьбы с деборинщиной.

Особенно большое значение имеют работы т. Сталина, посвященные выяснению вопроса о теории и практике. Основные места его работы—о роли и значении революционной теории и практики—достаточно широко известны, они много раз приводились. Важно здесь подчеркнуть мысль, которую проводит т. Сталин по всем своим работам. Это мысль о различии между «марксизмом» догматическим и марксизмом творческим. Вспомним характеристику большевистского марксизма, его понимания соотношения теории и практики, которую дал т. Сталин в известной своей брошюре «О Ленине». В эту характеристику надо особо вдуматься, ибо она представляет собой классическую характеристику существа марксистско-ленинского понимания вопроса о соотношении теории и практики. Вот что говорил т. Сталин:

«Вторая группа, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его проведение, на его претворение в жизнь. Намечение путей и средств осуществления марксизма, соответствующих обстановке, изменение этих путей и средств, когда обстановка меняется,—вот на что главным образом обращает свое внимание эта группа. Директивы и указания черпает эта группа не из исторических аналогий и параллелей, а из изучения окружающих условий. В своей деятельности опирается она не на цитаты и изречения, а на практический опыт, проверяя каждый свой шаг на опыте, учась на своих ошибках и уча других строительству новой жизни. Этим собственно и объясняется, что в деятельности этой группы слово не расходится с делом, и учение Маркса сохраняет полностью свою живую революционную силу. К этой группе вполне подходят слова Маркса, в силу которых марксисты не могут останавливаться на том, чтобы объяснить мир, а

должны идти дальше, чтобы изменить его. Имя этой группы—большевизм, коммунизм»¹⁾.

Давая характеристику большевизму, давая характеристику тому, как Ленин проводил марксистское учение, т. Сталин связывает этот вопрос с той характеристикой философии, которую давал в знаменитых тезисах о Фейербахе Маркс.

В своей работе об оппозиции, особенно в критике троцкистской оппозиции, т. Сталин все время подчеркивает единство теории и практики, присущее марксизму. Вот что он писал, развивая эти мысли:

«Нужно уметь различать между буквой и сущностью марксизма, между отдельными положениями и методом марксизма. Ленину удалось открыть истину о победе социализма в одной стране, потому что он считает марксизм не догмой, а руководством к действию. Он не был рабом буквы, а умел схватывать главное, основное в марксизме».

Тов. Сталин разоблачает цитатный характер марксизма у Зиновьева, его понимание «ревизионизма». С точки зрения Зиновьева в его борьбе против партии марксизм не представлял живого, развивающегося, обогащающегося учения, а некую застывшую систему формул, положений, которые не могут ни в чем быть развиты или уточнены. Это типично меньшевистское понимание марксизма, понимание догматическое.

Особенно это «понимание» марксизма сказалось у Зиновьева в вопросе о победе социализма в одной стране, когда он приводил цитаты из Энгельса, написанные в определенной исторической обстановке, в эпоху промышленного капитализма, и на этом основании пытался делать выводы, относящиеся к другой исторической обстановке — к эпохе империализма. Зиновьев совершенно не понял, что «нельзя механически распространять это положение Энгельса, сказанное применительно к старому периоду капитализма, на новый период капитализма, на период империалистический» (Сталин). Сталин указывает, что именно такая сдача точки зрения Маркса и Энгельса букве их учения есть самый пошлейший ревизионизм.

Он писал:

«По Зиновьеву выходит, что всякое улучшение, всякое уточнение старых формул или отдельных положений Маркса или Энгельса, а тем более их замена другими формулами, соответствующими новым условиям, есть ревизионизм. Почему, спрашивается? Разве марксизм не есть наука, и разве наука не развивается, обогащаясь новым опытом и улучшая старые формулы? Потому, оказывается, что «ревизия» означает «пересмотр», а улучшение и уточнение старых формул не может быть произведено без некоторого пересмотра этих формул, стало быть всякое уточнение и улучшение старых формул, всякое обогащение марксизма новым опытом и новыми формулами есть ревизионизм. Все это конечно смешно»²⁾.

Такой подход к марксизму есть единственно марксистский, подлинно ленинский. На протяжении всей своей деятельности Ленин вел борьбу как против таких «ортодоксов», которые превращали марксистское учение в мертвую догму, так и против тех, которые пытались обеспечить себе «свободу критики» марксизма «свободой» вносить «поправочки». Выступая против первых, Ленин требовал развития марксизма во всех направлениях, но такого развития, которое целиком и полностью покоится на принципах марксизма. Еще на заре рабочего движения Ленин писал:

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное. Мы убеждены, напротив, что она положила только

¹⁾ Сталин, О Ленине, изд. 1932 г., Партиздат, стр. 4.

²⁾ Сталин, Об оппозиции, стр. 505—508.

краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»¹⁾.

Особенно резко воевал Ленин против тех, которые называют себя марксистами, щеголяют всячески именем Маркса, но хотят вносить «поправки» к якобы устаревшим принципам марксизма или «дополнить» марксизм там, где, по их мнению, он якобы неполон.

Эту ленинскую традицию подхода к марксизму глубоко продолжает т. Сталин в борьбе за чистоту ленинского учения.

Известно, что теория равновесия является одним из теоретических устоев всей теоретической и политической «концепции» т. Бухарина. Теорией равновесия т. Бухарин пытался заменить материалистическую диалектику. Он пытался этой теорией «теоретически обогатить» диалектический метод, освободить его от «телеологического привкуса» и идеализма, с которым он якобы органически связан. Тов. Бухарин в своей «Теории исторического материализма» писал:

«Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в действии, т. е. материалистически применяя диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его, такого же теоретическо-систематического обоснования. Это и дается теорией равновесия.

Теория равновесия имеет кроме того еще один немаловажный аргумент за себя: она освобождает мировоззрение от телеологического привкуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая покоится на саморазвитии «духа». Тем самым она является и более общей и очищенной от идеалистических элементов формулировкой законов движущихся материальных систем»²⁾.

Теория равновесия является теоретической основой всей концепции Бухарина при построении им своей «теории» исторического материализма. Равновесие лежит в основе взаимоотношений общества и природы. Переходный период есть нарушение и восстановление общественного равновесия. «Знаменитая» теория трудовых затрат есть не что иное, как применение к экономическим проблемам теории равновесия и т. д. Эта же теория равновесия лежит в основе политических позиций Бухарина по вопросу о взаимоотношении пролетариата и крестьянства в переходный период, по вопросу о соотношении секторов нашего хозяйства.

Естественно, что для окончательного теоретического разгрома правого оппортунизма необходимо было разгромить эту основу правого оппортунизма — теорию равновесия.

Блестяще применяя материалистическую диалектику к анализу проблем пролетарской диктатуры, т. Сталин дал глубокую теоретическую критику этой теории равновесия. Тов. Сталин показал, что «теория эта не имеет, конечно, ничего общего с марксизмом». Эта теория в применении к вопросу о соотношении секторов нашего хозяйства упускает, что за этими секторами или «ящиками» «стоят классы, а движение этих «ящиков» происходит в порядке ожесточенной классовой борьбы, борьбы на жизнь и смерть, борьбы по принципу «кто кого» (Сталин).

Характерная черта теоретического разгрома этой буржуазной теории у т. Сталина состоит в том, что дается не абстрактное методологизирование по этому вопросу, а глубокое жизненное рассмотрение этой «теории» в связи с важнейшими вопросами нашей революции. Глава «Теории равновесия» из известной работы т. Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» стоит

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 514.

²⁾ Бухарин, Г. И. М., изд. 1928 г., стр. 362.

многих томов философских исследований. Тов. Сталин показал, что движение секторов нашего хозяйства развивается диалектически, что марксова теория воспроизводства в применении к развитию народного хозяйства в СССР потребовала ясного понимания того обстоятельства, что нельзя двигать ускоренными темпами социалистическую индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкое крестьянское хозяйство. Разгром этой теоретической основы правого оппортунизма означает, означал и одновременно с этим исключительный удар по всей механистической ревизии и марксистской методологии в целом. В течение нескольких лет деборинская школка вела «борьбу» с механицизмом, однако существенных результатов не могло получиться, ибо эта борьба была абстрактно спекулятивной, велась вне связи теоретико-философских вопросов с актуальными политическими проблемами. Работы т. Сталина нанесли по механицизму в целом решающий удар.

Исходя из всего этого, совершенно ясным сейчас становится, что характеристика деборинщины как меньшевистствующего идеализма, которую дал т. Сталин, не является случайной, а представляет собой в известном смысле слова результат всей постановки вопроса т. Сталиным о соотношении теории и практики, всего его понимания философии, ибо эта характеристика представляет собой действительно глубочайшее проведение единства философии и политики, теории и практики. В этой характеристике — меньшевистствующий идеализм — дана как политическая характеристика, так и философская. В этой характеристике дано именно синтетическое понимание существа этого уклона от марксизма, который на словах признает материализм, готов даже на словах бороться с идеализмом, готов кричать против идеализма, но на деле благодаря тому, что философия отрывается от политики, теория от практики, от живой жизни, от исторической обстановки, от конкретных обстоятельств, превращается в идеализм, и притом имеющий определенный политический смысл, определенное политическое значение, — в меньшевистствующий идеализм. Повторяю, что эта характеристика, разоблачающая сущность деборинщины, данная т. Сталиным, естественно связана и вытекает из всей его постановки вопроса о философии марксизма, из всей его постановки вопроса о творческом марксизме, о соотношении теории и практики.

IV

Важнейшая черта марксистского метода, одна из основных сторон диалектического подхода к объективной действительности, это — конкретность подхода. Однако, когда мы говорим о конкретности подхода, о конкретности изучения обстановки и анализа действительности, классовых сил и т. д., то нужно с самого начала твердо и четко установить, что собственно означает подлинное диалектически-материалистическое понимание конкретности. Можно ведь конкретное понимать просто в эмпирическом смысле этого слова. В самом деле, мы сталкиваемся с окружающей нас действительностью, видим ее, слышим, осязаем и т. д. Если мы будем исходить из такого понимания конкретного, то это еще будет очень далеко от марксизма. Если такое понимание конкретности проводить в политике, то ничего кроме оппортунистического делячества и буржуазного перерождения получить не может. Конкретность в диалектическом смысле слова означает нечто совершенно иное. Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» дает классическую характеристику того, что означает конкретное с точки зрения материалистической диалектики.

«Конкретное, — писал Маркс, — потому конкретно, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии в мышле-

нии. Оно поэтому выступает, как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно и является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления»¹⁾.

И дальше:

«...мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно, как конкретное».

Что устанавливает Маркс в своей характеристике диалектически-конкретного? Он говорит, что есть конкретное, которое нам дано в наглядном созерцании или представлении. Это—конкретное в эмпирическом смысле слова. Но если мы действительно хотим говорить о конкретном понятии в диалектическом смысле слова, то это такое конкретное, которое представляет уже результат огромной теоретической работы, результат аналитической и синтетической работы. Это есть духовное воспроизведение в нашей голове действительно конкретного как конкретного, т. е. не только, как оно дано в своей поверхностности, а в том, как оно дано со всеми его законами развития; воспроизведение действительности в мышлении как конкретного требует предварительного раскрытия закономерностей этой действительности.

Сила, убедительность, простота и ясность ленинских и сталинских работ, выступающих перед нами как результат воспроизведения конкретного в мышлении, как бы скрывают от глаз эту предварительную работу. Читаешь работу т. Сталина, и она кажется исключительно простой, ясной и понятной. Эта простота, сила убедительности как бы скрывают то, что за пределами их, если можно так выразиться, имела место предварительная гигантская теоретическая работа.

В чем же состоит эта предварительная теоретическая работа, которая требуется для того, чтобы получить духовное воспроизведение конкретного в мышлении, диалектический охват действительности? Эти основные моменты Ленин неоднократно подчеркивал.

Ленин в своей работе «Еще раз к вопросу о профсоюзах» указывал, что для того, «чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, связи и опосредования». Ленин одновременно с этим указывал, что мы никогда этого достичь не можем, мы не можем охватить абсолютно все стороны, но требование такой всесторонности подхода к изучению сторон, моментов, связей и опосредований тех или других явлений — это такое требование, которое предохраняет нас от ошибок и метафизического омертвления. Дальше он указал, что для того, чтобы изучить предмет во всей его конкретности, для того, чтобы воспроизвести его как конкретное в мышлении во всех его связях и закономерностях, — для этого нужно брать его в развитии, в самодвижении, с точки зрения внутренних противоречий, которые присущи каждому процессу. И третий момент, который подчеркивал Ленин,—это то, что практика должна войти, как он выразился, в «полное определение предмета». Ленин в этих своих положениях конкретизирует и развивает мысли Маркса в тезисах о Фейербахе, когда он говорил о необходимости включения революционно-практической, критической деятельности в самую теорию познания.

Под углом зрения этих требований диалектического анализа действительности Ленин в той же статье «О профсоюзах» раскрывает всю разницу, которая существует между эклектицизмом Бухарина по вопросу о профсоюзах и подлинно диалектическим, марксистским подходом. Ленин писал:

¹⁾ К. Маркс, К критике политической экономии, 1931 г., стр. 70.

«Почему это рассуждение Бухарина мертвый и бессодержательный эклектицизм? Потому, что у Бухарина нет и тени попытки самостоятельно со своей точки зрения проанализировать как всю историю данного спора (марксизм, т. е. диалектическая логика, требует этого безусловно), так и весь подход к вопросу, всю постановку, или, если хотите все направление постановки вопроса в данное время при данных конкретных обстоятельствах. Ни тени попытки у Бухарина сделать это! Он подходит без малейшего конкретного изучения, с голыми абстракциями и берет кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Это есть эклектицизм»¹⁾ (разрядка моя.—М. М.).

Ленин требует прежде всего исторического подхода. Он требует взять вопрос с точки зрения всего его развития, взять даже все на протяжении постановки вопроса, причем все это должно рассматриваться конкретно в определенной исторической обстановке, в определенных исторических условиях. Вот это и есть подлинно конкретное изучение обстановки, именно такое изучение позволяет воспроизвести конкретную действительность в мышлении. Выполнение этих требований диалектической логики означает необходимость огромной теоретической работы при осмысливании действительности.

Диалектическая конкретность проникнута глубочайшим историзмом. Она есть единство общего, особенного и единичного. Все богатство единичного учитывается, входит в определение предмета, но дело не сводится к единичному. Важно, чтобы все богатство отдельных сторон и моментов вошло в определение, но чтобы результат не был сведен к этому единичному. Только такой подход дает действительное раскрытие закономерностей, действительное раскрытие своеобразия каждой исторической обстановки.

Сила и простота тех или других статей и работ т. Сталина как бы скрывают эту предварительную теоретическую работу воспроизведения конкретного в мышлении, которое проводит т. Сталин в полном соответствии с рассмотренными важнейшими требованиями диалектического материализма. Важнейшей чертой диалектики т. Сталина, впитавшего в себя весь опыт Маркса, Энгельса и Ленина, и есть эта величайшая конкретность.

Ленин еще в 1909 г., в эпоху реакции, во время борьбы с отзовизмом, писал следующее:

«Мы требуем самостоятельной работы над оригинальной исторической задачей. Но на самом деле эта задача особенно трудной может казаться только неумеющим самостоятельно мыслить и самостоятельно работать людям: на деле эта задача, как всякая специфическая задача момента, легче других, ибо ее разрешимость лежит именно в условиях данного момента»²⁾.

Ленин подчеркивает, что подлинно творческий марксизм требует умения самостоятельной работы над оригинальной исторической задачей. Ленин подчеркивает, что это легкая работа, что эта легкость состоит в том, что в самих действительных условиях лежит возможность ответа на вопрос. Но это такая «легкость», которая требует действительно диалектического анализа обстановки, которая требует применения всего опыта марксистской диалектики к данному историческому отрезку времени, к данному периоду, к данному соотношению классовых сил.

Важнейшая черта диалектики т. Сталина и состоит именно в том, что он дает нам, как никто другой, самостоятельную работу над каждой ориги-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 135.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 147.

нальной исторической задачей, умение с величайшей последовательностью вскрывать особенности соотношений классовых сил, намечать задачи пролетариата в его борьбе за коммунизм.

Перейдем теперь к анализу некоторых образцов этой диалектики.

Возьмем работу т. Сталина о китайской революции, в частности его «Заметки на современные темы», написанные в июле 1927 г. и напечатанные в сборнике «Об оппозиции». Мы берем именно эту работу, потому что как-то мало на нее ссылаются, мало эту работу в нашей литературе популяризуют. Между тем эта работа представляет собой величайший образец диалектического анализа действительности. Тов. Сталин устанавливает в этой работе три тактических принципа ленинизма, без понимания которых невозможно анализировать историческую обстановку. Какие же это тактические принципы ленинизма? Прежде всего обязательный учет национально-особенного, национальной специфичности, которую мы имеем в каждой отдельной стране при выработке стратегии и тактики, при выработке руководящих директив, лозунгов; этот учет специфической, национально-особенной обстановки, которую мы имеем в каждой стране, должен быть дан с точки зрения общемарксистской стратегии и тактики, с точки зрения марксистского учения в целом. Нужно, далее, обеспечить малейшую возможность получить массового союзника, как бы эта возможность ни была временной, условной и ограниченной. Нужно использовать всякие условия, всякие моменты для того, чтобы этот массовый союзник был хотя бы временно использован пролетариатом. И, в-третьих, нужно так строить лозунги и так строить свое тактическое руководство, чтобы политическое воспитание масс происходило на опыте самих этих масс.

С точки зрения этих основных тактических принципов т. Сталин подходит к оценке положения в Китае, которое было в тот период времени. В этом анализе он дает образцы диалектической логики в противовес всякой метафизике со стороны троцкистско-зиновьевской оппозиции. Троцкистско-зиновьевская оппозиция, расценивая положение в Китае в тот период, исходила из того положения, что революция в Китае—буржуазная. Тов. Сталин указывает, что дальше они уже судили по аналогии. В России например буржуазная революция была против буржуазии. Это был определенный тип буржуазной революции. И вот оппозиция судит по аналогии с Россией. Отсюда у нее получается, что буржуазная революция и в Китае тоже должна происходить по российскому шаблону. Она также должна быть направлена против буржуазии. Отсюда практический вывод—требование оппозиции немедленного выхода из Гомьндана.

Как ставит этот вопрос т. Сталин, разоблачая эту метафизику? Он говорит: Китай—это не то, что Россия в 1905 г. и в последующие годы. Китай—полуколониальная страна. В Китае мы имеем не просто буржуазную революцию, а национально-специфическое, особенное и характерное здесь заключается в том, что буржуазная революция является революцией антиимпериалистического типа. Империализм, который угнетает Китай, до известной степени касается также и некоторых слоев китайской буржуазии. Поэтому в известные сроки, в известные исторические периоды, в определенных условиях возможна очень непрочная, очень ограниченная, очень временная, но все же поддержка буржуазией массового движения, направленного против империализма.

Троцкисты судят по аналогии вместо того, чтобы анализировать специфическую обстановку, и поэтому делают неправильные тактические выводы. Тов. Сталин, анализируя обстановку, дает характеристику специфических, национальных особенностей положения в Китае и указывает, что за-

дача пролетариата как гегемона революции состоит здесь в том, чтобы обеспечить себя массовым союзником, как бы временно этот союзник ни поддерживал пролетариат.

Возьмем теперь другой момент, — опять-таки характеризующий всю метафизичность в постановке вопроса троцкизмом и подлинную диалектику в работах т. Сталина. Это касается характеристики положения в китайской деревне. В китайскую деревню проник купеческий капитал. На это указывает т. Сталин, и оппозиция также это констатирует. Но известно, что купцы — это не феодалы. Поэтому оппозиция делает следующий, опять-таки формально-логический вывод: раз это так, следовательно борьба против пережитков феодализма не является сейчас задачей в Китае, а задача заключается в том, чтобы бороться за государственно-таможенную независимость Китая.

Тов. Сталин говорит, что здесь своеобразие состоит в следующем: мы имеем в Китае «сочетание господства феодальных пережитков с существованием купеческого капитала в китайской деревне, при сохранении и феодально-средневековых методов эксплуатации и угнетения крестьянства». Учет этой конкретной обстановки, применение общей марксистской теории к национальным особенностям Китая, учет всех связей и опосредствований, которые тут имеются, является важнейшим моментом для намечения тактических лозунгов, для разрешения практических задач, которые стоят перед пролетариатом.

Тов. Сталин следующим образом подытоживает свой подход к анализу положения в Китае и результаты своего разоблачения троцкистских установок оппозиции:

«Они не понимают, что главная задача руководства теперь, когда компартии выросли и стали массовыми партиями, состоит в том, чтобы найти, схватить и умело сочетать национально-особые черты движения в каждой стране с общими положениями Коминтерна с тем, чтобы облегчить и сделать практически осуществимыми основные цели коммунистического движения. Отсюда попытки шаблонизировать руководство для всех стран. Отсюда попытки механически насадить некоторые общие формулы, не считаясь с конкретными условиями движения в отдельных странах. Отсюда вечные конфликты между формулами и между революционным движением в отдельных странах, как основной результат руководства этих горе-руководителей»¹⁾.

Ленинские указания о диалектическом подходе к действительности воспроизводятся и конкретизируются т. Сталиным на данных конкретных образцах. Необходимость учета всех связей и опосредствований, характеризующих данную обстановку, необходимость сочетания общего и особенного, необходимость того, чтобы практика вошла в определение предмета — все это получает свое отражение в подходе т. Сталина к оценке положения в Китае.

Остановимся теперь на вопросе о шести условиях т. Сталина, на его известной речи на совещании хозяйственников в 1931 г. Здесь другой период, совершенно другие вопросы. Но общий основной подход с точки зрения диалектической логики к разрешению вопросов здесь получает свое исключительно яркое выражение. Из чего исходит т. Сталин при постановке вопроса о шести условиях в своей речи? Из того факта, что мы имеем пеструю картину (это было в июле 1931 г.) выполнения планов нашей промышленности. Из этого факта можно было сделать разные выводы. Вся сила шести исторических условий состоит в том, что этому факту т. Сталин дал подлинно конкретное, диалектическое освещение. Этот факт можно просто созерцать; видеть, сделать даже некоторые эмпирические обобщения. Сила

1) Сталин, Об оппозиции, стр. 616.

шесть условий т. Сталина состоит в том, что он дал не просто эмпирическое обобщение факта, что одни отрасли промышленности выполняют план, другие не выполняют плана, а поднял этот вопрос на громадную принципиальную теоретическую высоту.

Он воспроизвел в мышлении всю конкретную обстановку и тем самым показал практические задачи, которые в данном случае перед нами стояли. Именно поэтому шесть условий т. Сталина — не только величайшего значения практические указания и директивы, не только программа действий для хозяйственников, не только важнейшее условие действительного поднятия производительности труда, выполнения планов в промышленности, достижения доброкачественности продукции и т. д.—это итог и теоретическое обобщение движения масс, это дальнейшее развитие марксизма, дальнейшее теоретическое развитие учения о социализме. Сила и значение этой работы т. Сталина состоят в том, что он дает нам то действительное соединение теоретической мощи с практикой движения, то сочетание конкретных задач и учета конкретной обстановки с общими проблемами ленинизма, о чем уже выше говорилось.

Какие моменты и какие стороны учения о социализме в этой работе развиваются? Во-первых, т. Сталин там развивает проблему социалистического накопления. Обычно воспринимают эти условия, скажем, условие о необходимости строгого проведения хозрасчета, только как практическую задачу. И это действительно важнейшая практическая задача, стоящая перед промышленностью. Однако это не только практическая задача. Она имеет также огромное теоретическое значение. Тов. Сталин схватил тут глубокие закономерности нашего развития и поднял простой факт до глубочайшего теоретического обобщения. Постановка вопроса т. Сталиным о хозрасчете в свете общей проблемы социалистического накопления дает отпор троцкистскому «первоначальному социалистическому накоплению» Преображенского, которое отождествлялось с эксплуатацией крестьянства. Он дает отпор правооппортунистической «теории» социалистического накопления, которая имела место у Бухарина и которая выражалась в «теории» кулацкого обогащения, в «теории» индустриализации вообще, без подчеркивания именно социалистического характера необходимой нам индустриализации и т. д.

Тов. Сталин вскрывает, в чем же сущность, своеобразие момента при постановке проблемы социалистического накопления в 1931 г. Свообразие, говорит он, состоит в том, что старых источников накопления уже не хватает для нашего дальнейшего движения вперед. Какие же это были старые источники накопления? Легкая промышленность, бюджет и сельское хозяйство. Свообразие момента состоит в том, что тяжелая промышленность и машиностроение, к тому времени уже ставшие могущественной силой, должны также давать накопление. Вот это усиление внутрипромышленного накопления во всех без исключения отраслях и является важнейшим моментом, характеризующим суть, своеобразие новой обстановки. И вот исходя из этой точки зрения, из точки зрения общего понимания задач социалистического накопления в целом, исходя из учета этой конкретной обстановки, сложившейся к 1931 г., когда тяжелая промышленность и машиностроение стали крупнейшей силой, т. Сталин делает вывод о необходимости строгого проведения хозрасчета. Этот практический вывод и директивы очень просты, абсолютно ясны, но это такая ясность и простота, которые являются результатом гениальной теоретической работы, связывающей организацию работы и проведение хозрасчета на каждой данной фабрике со всем учением Маркса в целом. Именно поэтому эти шесть условий являются программой действий на весь период построения социализма.

Возьмем другой вопрос, связанный с этим,—проблему равенства в условиях социализма. Эта проблема получает огромное практическое и теоретическое развитие в данной работе т. Сталина. Опять-таки практический вывод очень прост и абсолютно ясен. Это — ликвидация уравниловки в политике зарплаты. Тов. Сталин там же развивает глубочайшие соображения о политике зарплаты в условиях периода социализма, о том, что «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребностям. И нужно сказать, что эта ликвидация уравниловки, постановка вопроса о выдаче зарплаты по труду, а не по потребностям, является продолжением и развитием учения о социализме, которое мы имеем у Ленина, которое мы имеем у Маркса. Маркс в «Критике Готской программы» писал о равенстве следующее:

«Представление о социалистическом обществе, как о царстве равенства, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства»,— представление, которое было уместно, как определенный этап развития, в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь следует преодолеть, так как оно сбивает лишь с толку и так как теперь найдены более точные способы изложения предмета»¹).

Мысль о том, что такое представление о равенстве при социализме есть старое, изжившее себя представление,—эта мысль проводится т. Сталиным уже в применении к конкретным вопросам социалистического строительства, которые перед нами стоят.

Подобного рода анализ можно было бы дать по отношению ко всем шести условиям т. Сталина, ибо эта речь т. Сталина — программный документ мирового исторического значения. В этой речи дано теоретическое развитие таких проблем, как вопросы планового распределения в условиях периода социализма, вопросы организации труда, проблема кадров и т. д. Надо сделать общий вывод, характеризующий именно конкретность сталинского подхода, характеризующий то, почему он здесь схватил то особенное, что было присуще для этой оригинальной исторической ситуации. Тов. Сталин писал в этой статье:

«Чем объяснить эту пестроту? Где причина отставания некоторых отраслей промышленности? Где причина того, что некоторые отрасли промышленности дают всего лишь 20—25% прироста, а угольная промышленность и черная металлургия дают еще меньше прироста, плетутся в хвосте за другими отраслями?».

И далее делает следующий вывод:

«Причина состоит в том, что за последнее время условия развития промышленности изменились в корне, создалась новая обстановка, требующая новых приемов руководства, а некоторые наши хозяйственники вместо того, чтобы изменить приемы работы, все еще продолжают работать по-старому. Дело, стало быть, в том, что новые условия развития промышленности требуют работы по-новому, а некоторые наши хозяйственники не понимают этого и не видят того, что нужно руководить теперь по-новому»²).

Вот этот анализ новой обстановки, которая у нас произошла в результате нашего вступления в период социализма, в результате поворота основной массы крестьянства на сторону социализма и т. д., — вот эта новая обстановка и является глубокой причиной пестрой картины в развитии промышленности. И на основе анализа этой глубокой причины т. Сталин делает свои теоретические и практические выводы.

¹ Маркс, Критика Готской программы, изд. 1932 г., стр. 57.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 586.

Мы сжато проанализировали два-три образца блестящего применения метода материалистической диалектики к конкретной обстановке в работах т. Сталина. Было бы крайне ошибочным думать, что эта диалектика, если так можно выразиться, имеется только в данных работах. Нет ни одной статьи, ни одной работы т. Сталина, которая не была бы примером творческого марксизма, примером подлинно ленинского анализа действительности, примером материалистически-диалектического понимания конкретности. Ленин писал, что учение Маркса в с е с и л ь н о, ибо оно правильно, научно отображает действительность. Опыт пролетарской революции в России, опыт и практика социалистического строительства воочию и наглядно показывают силу и значение марксистского подхода к историческим явлениям. Тов. Сталин — блестящий мастер диалектической логики, по-ленински владеющий этим чудесным инструментом раскрытия самых глубоких корней и закономерностей борьбы классов и общественного развития. Материалистическая диалектика не есть некий «ключ», который по волшебству открывает существо процессов, не есть некая «схема», которую можно наклепать на действительности, чтобы получить должные результаты. Свообразие диалектической логики состоит именно в том, что оно требует богатейшего знания исторических фактов, глубокого изучения процессов развития и тенденций этого развития, непрерывного обогащения практическим революционным опытом живой борьбы масс, смелого, самостоятельного, оригинального подхода к оригинальной обстановке. Тов. Сталин — образец такого подхода к действительности. Именно поэтому он не только воинствующий материалист-диалектик на практике или практик диалектики, но и крупнейший теоретик материалистической диалектики современности, двигающий вперед теоретическое развитие нашего мировоззрения, нашей методологии.

V.

Закон единства противоположностей является основным законом движения объективного мира и законом познания. Закон единства противоположностей потому является законом познания, что он есть закон движения материи. Закон единства противоположностей однако, как и всю диалектику в целом, надо понимать не как некий механизм, который автоматически действует при приложении его к объективным процессам. Действительность чрезвычайно многообразна и сложна, и для того, чтобы этот закон стал действительно законом познания этой действительности, требуется огромнейшая оригинальная работа, умение раскрывать подлинные противоречия, заключающиеся в самой этой действительности, умение находить в ней основы для разрешения их и для дальнейшего движения вперед.

Вот с этой точки зрения, с точки зрения оригинальной теоретической работы над конкретной обстановкой, с точки зрения раскрытия подлинных противоречий, являющихся стимулом развития самой действительности, надо проанализировать некоторые моменты, характерные для диалектики в работах т. Сталина.

Если попытаться обобщить черты, присущие его постановке вопроса о противоречиях и о применении им закона единства противоречий как закона познания действительности, то нужно отметить следующее: во-первых, мы имеем у т. Сталина крайне умелое, глубокое раскрытие двойственности, противоречивости процессов, которые имеют место в объективном мире, то «раздвоение действительности», о котором писал Ленин, и в связи с этим замечательное разоблачение всякого метафизического, одностороннего подхода к этим процессам.

Вторая характерная черта — это конкретная постановка вопроса о характере и типе противоречий.

И третья — большевистская постановка вопроса о разрешении противоречий и переходе на высшую ступень развития с точки зрения классовой борьбы и интересов пролетариата.

Вот три черты, которые конечно отнюдь не исчерпывают всего, но которые являются важнейшими моментами, характеризующими применение и развитие т. Сталиным закона единства противоположностей как закона познания действительности.

В качестве конкретной иллюстрации возьмем проблему нэпа. Известно, какое значение имеет нэп в истории развития нашей партии, в истории развития социалистического строительства. Известно, что вопрос о понимании существа нэпа был одним из важнейших вопросов борьбы со всякого рода антиленинскими «теориями». В чем сущность характеристики нэпа у т. Сталина? Его характеристика покоится целиком и полностью на синтетическом охвате и понимании всего того, что по вопросу о нэпе давал Ленин. Суть его постановки вопроса о нэпе состоит в том, что он не выхватывает той или другой отдельной стороны нэпа, а дает целостную характеристику нэпа на основе понимания и развития в целом всего учения Ленина. Он указывал на то, что нэп есть определенная политика пролетарской диктатуры, которая (политика) рассчитана как на развитие социализма, так и на известное восстановление капитализма. Тов. Сталин указывал, что мы имеем в условиях нэпа противоречивый процесс борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими, что мы имеем процесс преодоления социалистическими элементами элементов капиталистических, что нэп рассчитан на победу социализма. Тов. Сталин указывал, что тот, кто не понимает этой переходной, двойственной, противоречивой природы нэпа, тот отходит от ленинизма.

В противовес этим подлинно ленинским, подлинно диалектическим характеристикам нэпа выступили разные оппозиционные оппортунистические элементы со своими односторонними метафизическими подходами к нэпу.

Нэп есть капитализм, говорили Зиновьев, Каменев и др. Тов. Сталин, критикуя эту постановку вопроса, указывал что, во-первых, теоретически это вопиюще неверно, ибо нэп не есть капитализм или госкапитализм, а нэп прежде всего есть политика пролетариата, его партии, рассчитанная на известное допущение капитализма. Если с методологической стороны проанализировать эту постановку вопроса, то в чем здесь заключается суть? Суть заключается в том, что берется один из признаков, а именно тот признак, что при нэпе происходит известное допущение капитализма, известный рост капитализма, берется одна сторона, характеризующая нэп, и эта сторона превращается в целостную характеристику нэпа. Забывается противоречивый характер нэпа и подчеркивается только одна его сторона. Одна из сторон нэпа превращается в некий абсолют.

Нэп есть отступление — вот другая характеристика нэпа, которая давалась троцкистско-зиновьевской оппозицией. Имеются ли у Ленина в отдельных статьях характеристики нэпа как отступления? Конечно имеются. Вся беда оппозиции состояла в том, что она не синтетически, а именно метафизически, догматически подошла к ленинским работам. Конечно у Ленина можно было найти в ряде мест характеристику нэпа как отступления. Но разве такие характеристики исчерпывали все то содержание, которое вкладывал Ленин в вопрос о нэпе? Конечно не исчерпывали.

Как, т. Сталин отвечал на этот вопрос? На самом деле, говорил он, нэп начался отступлением, но он рассчитан на то, чтобы в ходе отступления произвести перегруппировку сил и повести наступление. Эта характеристика Сталина вытекает не из той или другой отдельной стороны

или периода в развитии нэпа, она вытекает из ленинского учения в целом. Она представляет собой действительно диалектическую характеристику этого вопроса. Мы уже не говорим о том, что характеристика нэпа только как отступления — это пассивная, капитулянтская постановка вопроса, в то время как постановка вопроса, данная т. Сталиным, боевая, активная, включает в себя «практический определитель того, что нужно пролетариату», представляет собой подлинно большевистское единство теории и практики.

Возьмем постановку этого вопроса у т. Сокольников на XIV съезде партии. Он говорил, что наша внешняя торговля — это государственно-капиталистические предприятия; внутренние торговые общества, которые допущены при нэпе, — тоже госкапиталистические предприятия. Госбанк — тоже самое есть госкапитализм. Денежная система наша основывается на принципах капиталистической экономики. Политическое значение такой капитулянтской постановки вопроса для нас совершенно ясно. Поскольку мы занимаемся методологической стороной дела, то интересно вскрыть, в чем же здесь была неправильная методология у т. Сокольников. Тов. Сокольников дал яркий пример формальной логики и метафизики, могущей войти в учебники. Тов. Сокольников не понял всей обстановки диктатуры пролетариата и смысла нашего использования методов буржуазии в целях пролетариата. Тов. Сокольников не понял тех изменений, которые произошли в эпоху диктатуры пролетариата. Он не понял того качественно нового, что мы здесь имеем. Тов. Сокольников также не понял различных этапов, которые мы имели в самом развитии нэпа.

Здесь мы видим, что вместо действительно диалектического подхода к действительности, вместо применения закона единства противоположностей как закона познания этой действительности мы имели у т. Сокольников формально-логический, метафизический подход, подкрашивание двойственного характера действительности в один цвет.

Тов. Сталин, разоблачая эти ошибочные теоретические и политические установки, дал исключительно яркие образцы материалистической диалектики и ленинского подхода к вопросу.

«Откуда такие ошибки, — писал т. Сталин, — у т. Сокольников? Да в том, что Сокольников не понимает двойственной природы нэпа, двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими, он не понимает диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода, где методы и оружие буржуазии используются социалистическими элементами для преодоления и ликвидации элементов капиталистических. Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их и для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются, принципиально, коренным образом меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму. Ошибка т. Сокольников состоит в том, что он не понял всей сложности и противоречивости происходящих в нашей экономике процессов»¹⁾.

Вот какой глубокий диалектический анализ дает Сталин в противовес этой односторонности и метафизичности т. Сокольников. Этот анализ

¹⁾ Сталин, Об оппозиции, стр. 214—215

является классическим анализом обстановки с точки зрения логики марксизма. Глубочайшее значение этой теоретической работы в том, что она имела огромное партийно-политическое значение в борьбе за ленинское наследство, за ленинизм. Она вооружала пролетариат для построения фундамента социалистической экономики, она развивала ленинизм в новой конкретно-исторической обстановке.

Перейдем к тому, как ставил вопрос о нэпе Бухарин. Бухарин в этом вопросе по своей методологии сходен и с Зиновьевым и с Каменевым. Бухарин тоже увидел в нэпе только один момент, только одну сторону, а именно: свободу торговли. Означает ли действительно нэп свободу торговли? Означает, но только до известной степени. Нэп означает такую свободу торговли, которая, как говорил т. Сталин, регулируется пролетарским государством, причем регулируется так, чтобы в конце концов победила советская торговля, социалистическая торговля. Задача состояла следовательно в том, чтобы ввести свободу торговли, известным образом ограниченную для того, чтобы сохранить союз с крестьянством. Бухарин из всего комплекса проблем нэпа, из всего диалектического понимания этого вопроса, из всей противоречивости процессов, которые происходят в условиях диктатуры пролетариата, выпятил только один момент—свободу торговли. Нэп есть свобода торговли, а поэтому давай свободно развиваться кулаку, обогащаться ему и т. д.

На этот вопрос т. Сталин дал точно так же совершенно ясный ответ.

В своей работе «О правом уклоне в ВКП(б)» т. Сталин писал:

«Ошибка т. Бухарина состоит здесь в том, что он не видит двусторонности нэпа, он видит только одну сторону нэпа. Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острие против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают какую бы то ни было свободу торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает известную свободу торговли. Эту сторону дела т. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но т. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп. Тов. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках, при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке. В этом именно и состоит вторая сторона нэпа»¹.

Все более и более конкретная характеристика нэпа, все более глубокое раскрытие его характерных черт с точки зрения выяснения противоречивости его — вот один из моментов, рисующих нам т. Сталина как теоретика, развивающего ленинизм в таком важнейшем вопросе, как вопрос об экономической политике пролетариата в эпоху его диктатуры. Значение этой теоретической работы состоит в том, что она отражала самую сущность процессов, происходивших в развитии нэпа, и являлась вместе с тем практической директивой нашей работы. Ибо, в самом деле, подчеркивание того обстоятельства, что нэп есть известная свобода торговли, вооружило партию оружием против режима военного коммунизма, против опасностей раскола с крестьянством. Подчеркивание того обстоятельства, что нэп есть только известная свобода торговли, вооружало пролетариат против нэпманских, кулацких элементов, укрепляло руководящую роль пролетариата, политическое значение всей системы пролетарской диктатуры в деле строительства социализма и уничтожения классов. Отказываясь от второй стороны нэпа, т. Бухарин отходил от ленинизма, становился кулацким идеологом, певцом кулацкого накопления.

¹) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 404—405.

Рассмотренные нами примеры и образцы метафизического подхода к науке и классического диалектического анализа его показывают вместе с тем то внутреннее единство, которое существует между философией диалектического материализма и политикой нашей партии. Отход от генеральной линии партии, противопоставление ей оппортунистических установок и «теорий» имеет всегда в качестве своей теоретической основы отход от диалектики, от философии марксизма.

На этих примерах политического и вместе с тем методологического порядка можно пройти великолепную школу формальной логики и диалектической логики. Та борьба, которая проведена партией под руководством т. Сталина с троцкистскими, зиновьевскими и правооппортунистическими установками, показывает все величие т. Сталина как марксиста-диалектика.

Возьмем еще один яркий образец — понимание трудностей. Основное здесь в том, что т. Сталин дает чрезвычайно конкретную постановку вопроса о трудностях, о типе и характере трудностей. Он устанавливает, что существуют два типа трудностей: один тип — это трудности капитализма, выражающиеся в кризисе, в развале капиталистического хозяйства и т. д. Эти трудности являются сами основой для развития новых трудностей, для развития и углубления противоречий, для дальнейшего обострения кризиса, ибо такова природа этих трудностей, таков тип противоречий, такова природа капиталистической системы. Тов. Сталин анализирует трудности у нас и говорит о трудностях роста социализма. Однако эти трудности совсем другого типа. Противоречия тут другого характера. Трудности наши таят в самих себе основы для своего преодоления.

Прекрасно суть этой точки зрения т. Сталина по вопросу о трудностях выразил в своей известной речи «За большевистское изучение истории партии» т. Каганович. Тов. Каганович говорил:

«А что значит понимать единство противоположностей в переводе на обычный наш политический партийный язык? Понимать единство противоположностей в действительности — это значит не бояться трудностей! Это значит не бояться тех противоречий жизни, которые на нашем пути возникают, а преодолевать их с большевистской энергией и настойчивостью.

Это и означает, «что наши трудности являются такими трудностями, которые сами содержат в себе возможность их преодоления».

Это значит, что отличительная черта наших трудностей состоит в том, что они сами дают нам базу для их преодоления»¹⁾.

Тов. Каганович очень хорошо сформулировал практически-действенное значение диалектики, которую дает т. Сталин в вопросе о единстве противоположностей.

Рассматривая вопрос о проблеме противоречий в работах т. Сталина, надо осветить еще один очень важный момент, имеющий чрезвычайно большое и методологическое и партийно-политическое значение. Это вопрос о понимании соотношения формы и содержания в работах т. Сталина.

Прежде всего мы имеем у него признание огромного значения формы, ее активности, ее оформляющего и организующего значения, признание за формой значения, придающего содержанию определенность. И это целиком и полностью связано со всей марксистско-ленинской постановкой вопроса о соотношении формы и содержания. В самом деле, кто не понимает например всего значения советов как формы органи-

¹⁾ Каганович, За большевистское изучение истории партии, 1931 г., «Московский рабочий», стр. 12.

зации власти, формы организации масс, тот несомненно отступает от всего учения ленинизма, от учения о диктатуре пролетариата. Величайшая историческая роль Ленина в развитии марксистского учения состояла например именно в том, что он не ограничился только выяснением значения диктатуры пролетариата для рабочего движения, а развил и расшифровал эту диктатуру пролетариата, нашел и обосновал ту форму, в которой она может осуществляться. Кто не понимает роли и значения различных форм организации рабочего класса до эпохи диктатуры пролетариата и в эпоху диктатуры пролетариата — этих рычагов диктатуры пролетариата, всей ее системы, — тот конечно отступает от всего существа марксизма. Поэтому тот, кто не признает значения формы, ее активности, не признает ее как оформляющего и организующего начала, — тот ничего общего с марксистской диалектикой не имеет, тот не понимает например всего значения организационного вопроса. А известно, какую роль и значение имеют организационные вопросы для большевиков. Если говорить о колхозном движении, то равнодушие к форме организации коллективного хозяйства — оппортунизм и преступление. Взять например работу «Головокружение от успехов». Как там т. Сталин ставил вопрос о форме коллективных хозяйств? Какую форму коллективизации мы должны выбрать, спрашивал он, и говорил: можем ли мы на данном этапе выбрать ТОЗ как такую форму, которая должна явиться основной и массовой в движении к коллективизации, которое мы имеем в крестьянстве? Нет, не можем. Можем ли мы выбрать такую форму, как коммуна, и сделать ее целью движения? Нет, не можем.

Сельскохозяйственная артель во всей ее специфической форме — вот та массовая форма, вот то звено, которое позволит повести к социализму миллионные массы крестьянства. Поэтому равнодушие к формам организации колхозов — прямой оппортунизм, граничащий с преступлением в обстановке обостренной классовой борьбы.

Итак, вопрос о форме является чрезвычайно важным для всего марксистско-ленинского учения в целом, и в работах т. Сталина это нашло свое полное отражение и развитие.

Второй момент, характеризующий постановку вопроса о форме и содержании у т. Сталина, заключается в следующем: при всем понимании роли, активности и организующего значения формы примат остается за содержанием. Это важнейший пункт материалистической диалектики, блестяще примененный т. Сталиным к разрешению основных вопросов нашей революции. Взять хотя бы его последнее выступление на январском пленуме ЦК. Простота, ясность, исключительная убедительность — важнейшие черты этого выступления. Однако надо вдуматься в то, какие глубокие теоретические обобщения мы имеем в этом выступлении.

Значение этого выступления т. Сталина заключается в том, что он, исходя из фактов классовой борьбы в деревне на данном этапе, из фактов новой тактики кулака в его борьбе против колхозного строя, фактов, которые многими констатировались, поднял однако этот вопрос на огромную теоретическую высоту, поднял до глубочайших теоретических обобщений. Он поставил вопрос о том, какое чрезвычайно важное значение имеет форма колхозов в наших условиях, но вместе с тем со всей силой подчеркнул примат содержания. Анализируя события последнего времени он показал, как в наших условиях форма, объединяющая крестьян, если она не наполнена большевистским содержанием, может играть совершенно противоположную роль. Несмотря на социалистический характер этой формы объединения трудящихся, туда проникали наши враги и организовывали борьбу против советской власти, используя эту форму. Развивая эти соображе-

ния, т. Сталин указывает, что поскольку колхоз объединяет прежде разпыленных и разбросанных крестьян, то эта форма может даже оказаться удобной для работы классового врага, если нет подлинно большевистского глаза. Отсюда т. Сталин делал тот вывод, что колхозы должны быть наполнены большевистским содержанием. Примат содержания — вот важнейший момент, характеризующий проблему формы и содержания с точки зрения материалистической диалектики.

Третий момент, характерный для сталинской постановки вопроса о форме и содержании, — это то, что диалектика требует всегда анализа с точки зрения единства формы и содержания. Возьмем к примеру классическую формулу т. Сталина по вопросу о национальной культуре, а именно: «национальная по форме и социалистическая по содержанию».

Кто выбрасывает из своего анализа один из этих моментов, тот целиком и полностью прощается с материалистической диалектикой. Кто выбрасывает из этой формулы один из пунктов или недостаточно его подчеркивает, тот несомненно становится или великодержавным шовинистом или национал-уклонистом.

Возьмем к примеру работы Ваганяна. Есть троцкистская книжка Ваганяна «О национальной культуре». Как он ставит там вопрос о форме и содержании культуры? Исключительно метафизически. Он совершенно выбрасывает вопрос о роли и значении национальной формы.

«Национальная культура, — пишет он, — это форма, лучше всего прикрывающая зоологическое лицо национализма. Национализм всего несколько лет тому назад носил ярко выраженный политический характер, антипролетарскую и антикоммунистическую природу которого не могла скрыть борьба против великодержавного гнета. Но теперь он это свое лицо показывать остерегается, ибо советская власть, пролетарская диктатура совсем не расположены терпеть контрреволюцию, под каким бы видом она ни предстала»¹⁾.

Таким образом национальная культура берется вообще: и в условиях господства буржуазии и в условиях господства диктатуры пролетариата. Такую национальную культуру «вообще», которая нигде не существует, такой метафизический феномен он характеризует как форму, прикрывающую лицо национализма.

Отсюда совершенно ясно, что он не понимает нашей постановки вопроса о культуре национальной по форме и социалистической по содержанию и считает, что эта формулировка т. Сталина представляет собой уступку национализму. Эта троцкистская, контрреволюционная болтовня, исходящая якобы из «левых» позиций, фактически приводит Ваганяна к великодержавному шовинизму. Ваганян выбрасывает форму и хочет оставить только социалистическое содержание, а по существу становится полностью на гачку зрения великодержавного шовинизма.

Тот, кто подчеркивает только первую часть формулы, т. е. «национальная по форме», забывая при этом, забывая вторую часть — «социалистическая по содержанию», тот несомненно впадает в национальный уклон. Таковы все националистические уклоны, в частности последний националистический уклон Скрыпника.

Наконец последний момент, характеризующий подход т. Сталина к вопросу о форме и содержании — это отрицание всякой фетишизации формы. Тов. Сталин резко выступает против фетишизации формы. Было бы крайне неправильно, считает он, на основе того, что форма играет актив-

¹⁾ Ваганян, О национальной культуре, стр. 6.

ную, организующую роль, что она придает содержанию определенность, делать вывод, что форма всемогуща, что раз дана форма, то тем самым дано уже все.

Никакой фетишизации, никакого забвения условного характера организующего значения формы, если не обеспечено необходимое нам содержание,— вот важнейшее требование сталинской диалектики!

Возьмем например работы т. Сталина, относящиеся еще к периоду до Октябрьской революции, его выступление на VI съезде партии, когда временно партией был снят лозунг «Вся власть советам». Что говорил на VI съезде партии т. Сталин по этому вопросу?

«Вообще Советы являются наиболее целесообразной формой, но мы должны говорить не языком учреждений, а указывать классовое содержание, должны стремиться к тому, чтобы масса также различала форму от содержания. Вообще говоря, вопрос о формах не является основным. Будет революционный подъем,— создадутся и организационные формы. Пусть вопрос о форме не заслоняет основного вопроса, — в руки какого класса должна перейти власть»¹⁾.

Борьба против фетишизации формы, против ее идеализации, выяснение примата содержания — это важнейшие моменты, присущие работам т. Сталина, и это проводится им красной нитью еще в работах как до Октября, так и после Октября, великолепно проведено в его последней работе «Речь на январском пленуме ЦК». Основное в колхозном движении — это классовое содержание. Основное — это конкретная историческая обстановка, конкретная историческая ситуация, оригинальная обстановка, соотношение классовых сил, интересы пролетариата. Вот что решает дело. Поэтому идеализировать форму, метафизически подходить к вопросу о форме и содержании нельзя. Бывают такие ситуации, когда классовый враг может использовать в своих целях и социалистическую форму. Основное для нас заключается в том, чтобы не фетишизировать форму и вместе с тем понимать все ее значение,— вот к чему призывает т. Сталин.

* * *

Мы рассмотрели в порядке первой попытки анализа этих проблем некоторые вопросы материалистической диалектики в работах т. Сталина. Между тем нет ни одного вопроса марксовского метода, который не получает своего дальнейшего развития у т. Сталина. В самом деле, возьмем такие вопросы, как проблема звена, как возможность и действительность, объективные и субъективные факторы, вопросы общей теории классов и классовой борьбы, вопросы идеологии и т. д. и т. п., — во все эти проблемы диалектического и исторического материализма т. Сталин вносит новое, обогащает марксистско-ленинское учение, развивает ленинизм, исходя из его принципов. Все эти проблемы требуют своего дальнейшего и специального освещения.

Великий вожь международной пролетарской революции, могучий ум, теоретический и организационный гений которого обеспечивают блестящие победы социализма, воплощает в себе силу и мощь пролетарской революции, веру пролетариата в свои силы, в свою историческую миссию — уничтожение всякого гнета и эксплуатации человека человеком, построение бесклассового коммунистического общества. Партия идет к XVII съезду с развернутым ленинским знаменем во главе с величайшим ленинцем нашей эпохи т. Сталиным.

¹⁾ Сталин, На путях к Октябрю, изд. 2-е, стр. 105.

Ленин, Сталин и Коминтерн о новом туре революций и войн

И. Дворкин

Капиталистический мир находится на пороге нового периода пролетарских и колониальных революций, на пороге новой полосы войн. Обстановка в странах капитала накалена до чрезвычайности. Капиталистический мир несется навстречу новой мировой войне.

Германский фашизм пришел к власти под лозунгом ревизии Версальского договора, под лозунгом войны-реванша против франко-польского империализма, одновременно выступая как аванпост антисоветской интервенции. Захват японским империализмом Манчжурии и значительной части Северного Китая является непосредственным преддверием к новым военным схваткам. Японский империализм готовится к решающей схватке с американским империализмом. В то же время определенные группы в его рядах открыто выступают за антисоветскую войну, захват Сибири как предварительного условия войны с САСШ. Эти группы рассматривают Приморский край как плацдарм будущей войны против САСШ.

Во всем мире идет бешеная гонка вооружений. Военные бюджеты капиталистических стран далеко превзошли бюджетные ассигнования, которые имели место до войны 1914 г. В бюллетене Германского конъюнктурного института за 15 ноября 1933 г. приводятся крайне любопытные данные о росте вооружений по 1932 г. включительно. В них сравнивается рост вооружений со степенью падения промышленного производства. По этим данным, за период кризиса, т. е. начиная с 1929 г., военная промышленность выросла в два с лишним раза, в то время как вся промышленность сократилась почти наполовину. Если вычтеть из всей промышленной продукции продукцию военной промышленности, то окажется, что к началу 1933 г. промышленность сократилась значительно больше, чем в два раза.

Мировой экономический кризис, наступивший в 1929 г., привел к гигантскому обнищанию масс, к разорению капиталистических стран, к резкому сокращению производства в промышленности, к неслыханному разорению крестьянских хозяйств, чудовищной безработице. Кризис привел к обострению всех противоречий капитализма, причем в отличие от всех предыдущих экономических кризисов он имеет особо длительный и затяжной характер. Его особенностью является то обстоятельство, что это экономический кризис монополистического капитализма, который переплелся с аграрным кризисом, развивающимся на фоне всеобщего кризиса капиталистической системы.

Существование и развитие Советского союза является важнейшим, наиболее существенным признаком всеобщего кризиса капиталистической системы.

Мировой экономический кризис и резкое обострение классовой борьбы привели к нарастанию предпосылок революционного кризиса в ряде стран капитала, к революционному кризису в Китае, национально-революционным движениям в колониях (Ближний Восток, Индо-Китай, Индия, Афганистан, Марокко и т. д.), к революциям в отдельных капиталистических странах (Испания), к обострению противоречий между пролетариатом и буржуазией, к росту возмущения крестьянства, разоряемого и пауперизируемого ходом кризиса.

В борьбе с нарастающей революцией буржуазия все в большей и большей степени прибегает к фашизму; и вслед за приходом к власти фашизма в ряде стран в период перехода к стабилизации или начала стабилизации (Италия, Югославия, Польша, Финляндия) сейчас, после окончания стабилизации капитализма, пришел к власти фашизм и в важнейшей стране Центральной Европы с наиболее многочисленным пролетариатом — в Германии.

Победа фашистской диктатуры в Германии является для германской буржуазии способом расправиться с пролетариатом, подготовить страну к войне путем разжигания шовинистических, националистических страстей мелкобуржуазных слоев населения, путем разгрома и физического уничтожения передового авангарда пролетариата — коммунистической партии. Раздавить революцию, подготовиться к войне — такова задача буржуазии во всех странах.

Для того, чтобы повторить опыт первой мировой войны, буржуазия изо всех сил раздувает пламя шовинизма в широких массах мелкой буржуазии и отсталых слоях пролетариата. Этим она создает психологические предпосылки к новой империалистической войне.

Ни окончание относительной стабилизации капитализма, ни приближение нового тура революций и войн не были неожиданностью для марксистов-ленинцев. Ленин, давая анализ сущности империализма, еще в годы мировой войны писал, что «империализм есть эпоха мировых войн и пролетарских революций». Ленин дал всесторонний анализ сущности империализма. Он вскрыл закономерности капиталистического развития в эпоху империализма, показал, что империализм является загнивающим, умирающим капитализмом, последней стадией капитализма. Он показал, как, какими путями пролетариат свержает капитализм, избавляется и может избавиться от тлетворного влияния социал-демократии, он раскрыл сущность оппортунизма и показал пути освобождения рабочего класса из-под его влияния. Он указал конкретные формы пролетарской борьбы в эпоху империализма, стратегию и тактику мировой революции. Ленин доказал неизбежность империалистических войн, их историческую обусловленность империализмом, неизбежность пролетарских революций, вырастающих из закономерностей империалистического развития, из обострения его противоречий.

Для Ленина пролетарская революция, которая сваливает мировой империализм, является длительным процессом — целой исторической эпохой. Неравномерность экономического и политического развития в эпоху империализма обуславливает неизбежность империалистических войн за передел мира, за дележ награбленного, за захват новых рынков, новых источников сырья и объектов вложения капитала.

Эпоха империализма является и эпохой национальных войн. Вот что Ленин говорил в своем докладе о пересмотре программы и названии партии на VII съезде партии РКП(б):

«Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим

периодом, целой эрой самых разнообразных войн — войн империалистических, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистических держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов.

Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов, — она началась, мы ее ясно видим, — это только начало»¹⁾.

Троцкизм представлял себе победу революции как одновременно охватывающий все страны. Он утверждал поэтому, что если пролетариат победит буржуазию и установит свою диктатуру в одной стране, то, окруженная со всех сторон врагами, пролетарская диктатура погибнет под тяжестью внутренних противоречий, под тяжестью столкновений с крестьянством; Ленин же, исходя из закона неравномерности развития капитализма, сформулировал, а т. Сталин развил теорию возможности построения социализма в одной стране.

«Неравномерность экономического и политического развития, — писал Ленин в полемике с Троцким в августе 1915 г., — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств...

... Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами»²⁾.

Для Ленина период краха капитализма и завоевания власти пролетариатом есть целая эпоха, в которую возможна победа пролетариата первоначально в отдельных странах, возможно построение социализма в этих отдельных странах.

В эпоху первой мировой войны Ленин не устал подчеркивать, что империалистическая война 1914—1918 гг. не является последней империалистической войной, если пролетариат не свергнет буржуазию по крайней мере в важнейших капиталистических странах.

«Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода»³⁾.

Социал-шовинисты, социал-империалисты всех стран, открыто перешедшие на сторону буржуазии в первую империалистическую войну, призывали к защите отечества, т. е. к защите привилегий, грабежей и насилий своей

¹⁾ Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 350—351. Разрядка моя.—И. Д.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 232—233.

³⁾ Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XVIII, стр. 95.

империалистической буржуазии не только под лозунгом «защиты отечества», но и под лозунгом «эта война есть последняя война».

Ленин неустанно разоблачал этот обман социал-империалистов, социал-шовинистов и каутскианцев всех родов и мастей. Он писал: «Проповедь «защиты отечества» в такой войне (т. е. империалистической войне. — И. Д.) была изменой социализму. Если не раз'яснить этой истины до конца, если не искоренить из голов, из сердец, из политики рабочих этой измены, не л'зя спастись от бедствий капитализма, не л'зя спастись от новых войн, которые не и з б е ж н ы, пока держится капитализм»¹⁾.

Ленин разоблачал буржуазный и социал-демократический пацифизм, который расцвел пышным цветом после войны; разоблачал вильсоновские пацифистские lamentации о последней войне, о наступлении мира во всем мире. В то же время Ленин с исключительной ясностью и яркостью очерчивает те противоречия между империалистами, которые приведут к новой мировой войне.

«Чтобы довести до конца разрушение этих пацифистских иллюзий, следовало бы, по моему мнению, — писал он по поводу тезисов по аграрному вопросу французской компартии, — говорить не только о войне вообще, но также и о специально империалистском характере как войны 1914—1918 гг., так и подготавливаемой теперь войны между Америкой и Японией, при вероятном участии Англии и Франции...

... В современной Европе, после победы Советской России над всеми капиталистическими странами, поддержавшими Деникина, Колчака, Врангеля, Юденича и Пилсудского, — в современной Европе, при безмерном и бесстыдном удушении Германии Версальским миром, гражданская война французских капиталистов против победоносной социалистической революции во Франции может быть лишь весьма непродолжительна и в тысячу раз легче для французских рабочих и крестьян, чем для русских...

... События последних лет разоблачили всю ложь, весь обман идеологии пацифистской и вильсоновской. Надо окончательно разрушить эту ложь. Война 1914 — 1918 гг. была империалистской, грабительской, реакционной не только со стороны Германии, но и со стороны Франции: это особенно наглядно показал Версальский мир, еще более зверский и подлый, чем мир Брестлитовской. Новая война, которая готовится между Америкой и Японией (или Англией) и которая неизбежна при условии сохранения капитализма, неминуемо втянет и капиталистическую Францию, ибо она запутана во всех империалистических преступлениях, зверствах и подлостях нашей империалистической эпохи. Либо новая война и ряд войн ради «защиты» французского империализма, либо социалистическая революция, — иного выбора нет для рабочих и крестьян Франции»²⁾.

Ленин таким образом вскрыл основные противоречия, которые сейчас, будучи доведены до неслыханной остроты, чреваты новой империалистической войной.

Из империалистической войны выросла Октябрьская революция в России. Пролетариат под руководством Ленина и большевиков взял власть в свои руки. Пролетариату социалистической России пришлось выдержать тяжелую гражданскую войну против русских помещиков и капиталистов, пытавшихся свергнуть советскую власть. В этом им посильно помогали империалисты, организовавшие интервенцию против Советской страны. Окончание мировой империалистической войны сопровождалось рядом революций в странах Западной Европы (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Италия).

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 35.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 102—103.

Ленин на основе анализа всего послевоенного соотношения сил предрек, что если в первом туре революций пролетариату не удастся свергнуть капитализм, новая полоса войн неизбежна. В своей статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» Ленин писал:

«Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думаю, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» и наглядно назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили 10 миллионов человек и сделали калеками 30 миллионов «в великой освободительной» войне 1914—1918 гг., в войне для решения великого вопроса о том, какой мир хуже, Брестский или Версальский; и как из-за того же золота собираются наверняка перебить 20 миллионов человек и сделать калеками 60 миллионов человек в войне него около 1925 г., него около 1928 года, него между Японией и Америкой, него между Англией и Америкой или как-нибудь в этом же роде»¹⁾.

Если война не вспыхнула около 1925 или 1928 г., то отнюдь не потому, что империалисты ее не хотели или что не было причин для войны. «Малые» войны велись империалистами на протяжении этих лет непрерывно — в Марокко и Индокитае, в Китае и Южной Америке. Империалисты не могли начать войну потому, что 1) еще слишком живы были воспоминания о первой империалистической войне 1914—1918 гг., 2) обострилась борьба пролетариата против буржуазии и колониальных народов против империализма, 3) усиливался и укреплялся Советский союз, напасть на который собирались, но не могли из-за внутренних противоречий капиталистические державы: в то же время начать войну между собой они боялись именно из-за существования СССР. Но дело не в сроках. Ленин вскрыл закономерности послевоенного развития, неизбежно влекущие за собой войну.

К концу жизни Ленина первый тур войн и революций закончился. Ленин указывал, что окончание первого тура войн и революций не означает конца войн и революций вообще. Новый тур войн и революций неизбежен.

В своих заметках о задачах советской делегации в Гааге он писал:

«...Надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и раз'яснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д. и т. д.»²⁾.

Ленин подчеркивает неустанно, что конец мировой войны и разгром Советским союзом «отечественных» контрреволюционеров и иностранных интервентов в гражданской войне означает лишь передышку. В своем предисловии к брошюре «Старые статьи на близкие к новым темы», говоря о Генуэзской конференции, Ленин писал:

«Теперь Генуя как раз знаменует опять «передышку» в неизмеримо более крупном, всемирном масштабе, передышку между войной против Советской России, каковую войну всемирная буржуазия вела и проиграла, и новой войной, которую эта буржуазия готовит, но еще не совсем приготовила в данный момент»³⁾.

В своей знаменитой статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин, подводя итоги всему послевоенному развитию, давая суммарный анализ международного положения, как оно сложилось к концу первого тура войн и революций, писал:

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 82—83. Разрядка моя.—И. Д.

²⁾ Там же, стр. 374.

³⁾ Там же, стр. 299.

«Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств поработщено государствами-победителями — это Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказалось, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, — уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма»¹⁾.

Давая анализ внутреннему положению нашей страны в этой обстановке, Ленин писал:

«На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже приходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, причем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А с другой стороны, весь Восток с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западноевропейских государств.

Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западноевропейской контрреволюции, направленный к поддержке русской контрреволюции, сорвался из-за противоречий в лагере контрреволюционеров Запада и Востока, в лагере эксплуататоров восточных и эксплуататоров западных, в лагере Японии и Америки?

На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается в борьбе самим капитализмом.

Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»²⁾.

Этот гениальнейший анализ послевоенного положения дел целиком и полностью оправдался всем ходом дальнейшего развития. Капитализм прошел

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 415. Разрядка моя.—И. Д.

²⁾ Там же, стр. 416—417.

через полосу относительной стабилизации. Теперь эта стабилизация кончилась. Капитализм находится накануне нового тура революций и войн.

Разве не подтвердился целиком и полностью гениальнейший анализ Ленина, в котором он предупреждал, что противоречия между побежденной и раздавленной Версальским договором Германией и странами-победителями чреваты мировой войной?

Он предупреждал, что противоречия между Японией и Америкой точно так же чреватy мировой войной. Пришли в движение сотни миллионов угнетенных колониальных народов Востока, которые сейчас потрясают до основания здание мирового империализма. Громадный четырехсотмиллионный Китай находится в состоянии революции. 80 млн. китайцев, одна шестая часть китайской территории, в четыре раза большая, чем территория Англии,—советские. В обстановке развала, гниения и распада гоминдановской контрреволюции, в обстановке, когда Япония справляет свои кровавые оргии в Маньчжурии и Северном Китае, в обстановке, когда борьба империалистов за раздел Китая достигла огромной остроты,—в этой обстановке китайские рабочие и крестьяне осуществляют революционно-демократический переворот, показывают чудеса революционной храбрости и героизма. Китайская революция, направленная против своих собственных милитаристов-феодалов, против международного империализма, является блестящим подтверждением прогнозов и предсказаний Владимира Ильича.

В то время как западноевропейский пролетариат еще завершает свое развитие к пролетарской революции в обстановке обостреннейшей классовой борьбы, в обстановке бешеного и безграничного разгула фашистского террора в Германии, в обстановке беспримерной по своему героизму борьбы германской компартии против временно утвердившегося фашизма, в обстановке, когда польская деревня об'ята огнем крестьянских восстаний, Испания охвачена революционными взрывами, всеобщими стачками и крестьянскими восстаниями,—в этой обстановке азиатский континент сотрясается под ударами пришедших в движение стомиллионных масс.

Революционный кризис в разных странах капитала нарастает неравномерно, как неравномерно нарастает, развивается и подготавливается новый взрыв чудовищной военной катастрофы.

Ленин уже в 1922 г. ставил вопрос: «Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими государствам Востока дадут нам оттяжку во второй раз, как они дали в первый?». Именно сейчас этот вопрос об оттяжке стоит с огромной остротой, причем немалую роль в возможности этой оттяжки для гигантски выросшего и окрепшего Советского союза, завершившего свою первую пятилетку и успешно строящего вторую пятилетку, сыграет революционная борьба советских районов Китая.

Но Ленин дал не только общий прогноз, он дал изумительный по своей ясности и глубине анализ того конкретного соотношения сил, которое сложится между капиталистическими странами перед новой мировой войной.

«Крах капиталистических правительств неминуем,—писал он в 1920 г.,—ибо все видят, что новая такая же война неизбежна, если у власти останутся империалисты и буржуазия. Между Японией и Америкой вырастают новые споры и конфликты. Они подготовлены десятилетиями дипломатической истории обеих стран»¹⁾.

Ленин таким образом ясно указывает на японо-американские противоречия как на противоречия, чреватые новой мировой войной.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 76—77. Разрядка моя.—И. Д.

«Между самими буржуазными странами, — писал он в другом месте в том же году, — разгорается большая грызня. Америка и Япония накануне того, чтобы броситься друг на друга, потому что Япония отсиделась во время империалистской войны и забрала себе почти весь Китай, а там 400 миллионов человек... Япония и Америка накануне войны, и удержать эту войну, в которой еще будет убито 10 миллионов и 20 искалечено, нет никакой возможности. Франция тоже говорит: «Кому достались колонии? — Англии!»... Там снова уже начинаются новые комбинации и союзы, там снова хотят броситься друг на друга из-за дележки колоний, и империалистическая война снова нарастает, и удержать ее нельзя...

...Все это порождает глубже и глубже международную революцию»¹⁾.

Сейчас, через 13 лет после того, как эти слова были написаны, для каждого ясно, что противоречия между Японией и Америкой ведут к новой империалистической войне за Тихоокеанское побережье. На основе анализа того соотношения сил, которое установилось в капиталистических странах сейчас же после войны, после Версальского договора, Ленин снова и снова предупреждал международный рабочий класс, что вильсоновские сказки о «последней войне», о «мире во всем мире» и вся социал-демократическая фразеология насчет последней войны — все это не что иное, как блеф, обман, что на деле в условиях, которыми сопровождалось окончание мировой войны, в тех экономических и политических сдвигах, которые произошли в результате войны, в том соотношении сил, которое установилось после мирных договоров, заключены условия для взрыва новых империалистических войн, равно как и условия для неизбежного взрыва новых пролетарских революций.

Ленин подробнейшим образом анализировал японо-американские противоречия, которые он относил лишь к одному из трех основных противоречий внутри капиталистического мира, которые неизбежно раньше или позже, если пролетариат не свергнет раньше власть капитала, приведут к новой, еще более чудовищной мировой войне. В речи на собрании секретарей ячеек московской организации в ноябре 1920 г. он говорил:

«Есть ли коренные противоположности в современном капиталистическом мире, которые надо использовать? Есть три основных, которые я бы хотел назвать. Первая, ближайшая к нам, это — отношения Японии и Америки. Война готовится между ними. Они не могут мирно ужиться на побережьях Тихого океана, хотя эти побережья разделяют 3.000 верст. Это соперничество неоспоримо вытекает из отношений их капитализмов... Что война готовится, что она неизбежна, это несомненно. Пацифисты стараются обойти этот вопрос, замазать его общими фразами, но для всякого, кто историю экономических отношений и дипломатии изучает, не может быть ни тени сомнения, что экономическая война назрела и политически готовится... Земля поделена, Япония захватила колоний колоссальное количество. Япония имеет 50 миллионов людей, и она сравнительно слаба экономически. Америка имеет 110 миллионов людей, у нее нет никаких колоний, хотя она во много раз богаче Японии. Япония захватила Китай, где 400 миллионов населения и запасы угля, богатейшие в мире. Как эту штуку удержать? Смешно думать, что капитализм более крепкий не отнимет у капитализма более слабого всего награбленного последним. При таком положении вещей разве можно американцам остаться равнодушными? Разве можно оставить капиталистов крепких рядом с капиталистами слабыми и думать, что они не отнимут? На что же тогда они будут годны? ...Тут получается новая обстановка. Если возьмете две империалистские страны: Японию и Америку — они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить. Япония будет воевать за то,

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 57—58.

чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских»¹⁾.

С тех пор как эти слова были произнесены, капитализм пережил полосу относительной стабилизации. На Вашингтонской конференции было заключено соглашение, по которому Япония вынуждена была отступить в Китае. Америка, Англия, Япония заявили о своем согласии «полубовно» грабить Китай. Америка отстаивала неделимость территорий Китая, считая, что раздел Китая невыгоден ей, считая, что она со всей мощной промышленностью сможет сама захватить китайский рынок, превратив Китай в свою колонию путем экономическим на основе «мирной конкуренции» с промышленностью Японии и Англии. Но развал капиталистической стабилизации сорвал все эти расчеты: Япония первая зажгла огонь войны на Дальнем Востоке. Она захватила теперь Манчжурию и значительную часть Северного Китая, имея целью поработить весь Китай. И теперь с особой остротой выявились те противоречия между Японией и Америкой, которые чреваты войной. Америка стремится отнять у Японии не только Корею, но она вынуждена драться за то, чтобы изгнать японцев из Китая. Америка с ее мощной промышленностью, имеющая лишь немного колоний по сравнению со своей территорией и своей мощной промышленностью, стремится забрать Китай и Корею для себя и отнюдь не может примириться с тем, что огромный 400-миллионный Китай частью захвачен, а в остальной своей части находится под угрозой захвата японским империализмом. Японская печать открыто заявляет о том, что 1935—1936 гг. должны стать годами войны с Америкой.

В то же время Ленин вскрывает особенности японского империализма, указывает, что «Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может»²⁾.

Японский империализм имеет очень большие аппетиты и маленький рот. Он хочет много кушать, но он, по выражению Ленина, самостоятельной военной и финансовой силы не имеет и для того, чтобы суметь воевать с такой страной, как Америка, чтобы подготовить интервенцию против СССР, нуждается в поддержке другой сильной империалистической страны. Такой страной является Англия, которая, поддерживая Японию в ее войне с Китаем, рассчитывает этим усилить ее. Англия толкает Японию к войне с СССР, стремится втравить ее в войну с Америкой, к которой готовится и сама Япония. Английский империализм видит в Америке своего самого сильного соперника в империалистическом грабеже, в борьбе за передел мира, в борьбе за колонии.

Конечно Англия поддерживает Японию в ее интервенции в Китае совсем не ради прекрасных глаз Японии. Английский империализм ненавидит японский, как ненавидит он и американский, видит в нем своего конкурента, но считает, что после того, как в союзе с Японией можно будет разбить СССР и разбить Соединенные штаты, Англии легко будет разгромить японский империализм, чтобы захватить Китай себе.

Какова же вторая группа основных противоречий, которые намечал Ленин в 1920 г. и которые, как указывал он, чреваты войной?

Второе противоречие, говорил Ленин,—это противоречие «между Америкой и всем остальным капиталистическим миром. Почти весь капиталистический мир «победителей» вышел из войны с гигантской наживой. Америка сильна, ей теперь все должны, от нее все зависит, ее все больше

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 501—502. Разрядка моя.—И. Д.

²⁾ Там же, стр. 340. Разрядка моя.—И. Д.

ненавидят, она грабит всех, и она грабит очень оригинально. У нее нет колоний. Англия вышла из войны с гигантскими колониями, Франция тоже... Америка не может помириться с остальной Европой,— это факт, доказанный историей»¹⁾.

Это противоречие между Америкой и странами-победительницами становится с третьим противоречием, на почве Версальского договора. Это противоречие в свою очередь раскалывает лагерь стран-победительниц, которые желают установить единый фронт против Америки в вопросе о долгах и т. д., но не могут, потому что они расколоты версальской системой противоречий. Важнейшим противником Америки в Европе является английский империализм, который видит в американском империализме своего наиболее могучего соперника. Противоречие между Америкой и Англией стало основным противоречием в капиталистическом мире; чреватым новой мировой войной. Из ненависти к СССР, из стремления сорвать великое социалистическое строительство в СССР, сделать на территории СССР новые колониальные приобретения, из ненависти к Америке и стремления подавить ее экономическое и политическое могущество английский империализм находится в фактическом союзе с Японией, одновременно толкая ее на войну с Соединенными штатами и готовясь сам к этой войне.

Ленин с исключительной яркостью очерчивает те противоречия, которые разделяют страны-победительницы и Америку. Вот что говорил Ленин на II конгрессе Коминтерна:

«Не только колониальные, побежденные страны попадают в положение зависимости, но и внутри каждой страны-победительницы развились противоречия более острые, все капиталистические противоречия обострились...»

Возьмите государственные долги. Мы знаем, что долги главнейших европейских государств выросли с 1914 по 1920 г. не меньше, чем в семь раз...

... Соединенные штаты имеют актив 19 миллиардов; пассив — ноль. Они были до войны должником Англии... остались две державы, которые самостоятельно выступают теперь в мире: Англия и Америка. Только Америка оказалась в финансовом положении абсолютно самостоятельной. Она была должником до войны, теперь она только кредитор. Все остальные державы мира в долгу. Англия попала в такое положение, что актив ее 17 миллиардов, пассив — 8 миллиардов, она наполовину уже попала в положение должника»²⁾.

Останавливаясь на предложении Кейнса аннулировать все долги, Ленин издевается над ним и другими буржуазными и социал-демократическими пафистами, которые рассчитывали на возможность ликвидации долгов. Он говорил на II конгрессе: «Мы думаем, что для аннулирования долгов придется им подождать чего-нибудь иного и поработать в каком-нибудь ином направлении, а не в направлении расчетов на «благородство» господ капиталистов»³⁾.

Общее противоречие, которое разделяет страны победительницы и Америку,— вопрос о долгах. Мировой экономический кризис и окончание капиталистической стабилизации привели к тому, что противоречия между Америкой, с одной стороны, Англией и Францией—с другой, по вопросу о долгах обострились чрезвычайно. Французский парламент отказался вносить очередные платежи по долгам Соединенным штатам. Английские империалисты открыто заявляют, что они не хотят больше платить. Американский

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 506.

²⁾ Там же, стр. 334.

³⁾ Там же, стр. 335.

кредитор отнюдь не хочет отказаться от военных долгов. Это противоречие между странами-должниками и страной-кредитором (Соединенные штаты) вскрыл и объяснил Ленин.

Наконец третья группа противоречий, которые чреватые новой мировой войной, которые вскрыл и анализировал Ленин,— противоречия версальские. Он говорил в упомянутой уже речи на собрании секретарей ячеек московской организации:

«И третью рознь мы имеем между Антантой и Германией. Германия побеждена, подавлена Версальским договором, но она обладает гигантскими экономическими возможностями... И вот такой стране навязан Версальский договор, с которым она жить не может. Германия одна из самых сильных, передовых капиталистических стран, она Версальского договора не может вынести, и Германия должна искать союзника против всемирного империализма, будучи сама империалистской, но будучи задавленной»¹⁾.

Ленин предупреждал, что противоречия, порожденные Версальским договором, чреватые новой мировой войной. Германский империализм, германский фашизм готовятся ныне к войне против франко-польско-малоантантовского блока, который является опорой версальской системы. Германский империализм, лишенный по Версальскому договору права вооружений, плюет на этот договор и усиленно вооружается. Он готовит войну за захват Саарской области и Эльзас-Лотарингии, за разгром Польши, за захват Австрии, за захват лимитрофов. В то же время он открыто выступает с предложениями стать ландскнехтом международной контрреволюции по борьбе с Советским союзом.

Версальские противоречия наряду с японо-американскими и англо-американскими противоречиями являются такими противоречиями, которые чреватые новыми войнами между империалистами за передел мира, за изменение того соотношения сил, которое установилось в результате первой мировой войны.

Ленин говорил на II конгрессе Коминтерна о послевоенном положении: «... мы получили чудовищное обострение гнета, мы видим возвращение к гнету колониальному и военному, еще худшему, чем прежде. Версальский договор поставил и Германию и целый ряд побежденных государств в условия материальной невозможности экономического существования, в условия полного бесправия и унижения»²⁾.

И если, как указывал Ленин, «среди ничтожного меньшинства стран-победительниц начался и усиливается распад», то в то же время неизбежно усиление противоречий между странами побежденными и странами-победительницами, противоречий, которые ныне доходят до ступени войны.

«Когда была побеждена Германия, — говорил Ленин в речи на совещании председателей исполкомов, — Лига наций, воюя против нее, кричала о том, что эта война освободительная, демократическая. Германии был навязан мир, но мир этот был ростовщический, мир душителю, мир мясников, потому что они разграбили и раздробили Германию и Австрию. Они лишили их всех средств к жизни, оставили детей голодать и умирать с голоду, этот мир неслыханный, грабительский. Таким образом, что такое Версальский договор? Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве. У Германии отняты этими противниками по Версальскому договору все ее колонии... Получилось такое положение, при ко-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 507.

²⁾ Там же, стр. 333.

тором $\frac{7}{10}$ мирового населения находится в порабощенном положении. Эти рабы разбросаны во всем мире и отданы на растерзание кучке стран: Англии, Франции и Японии»¹⁾.

Ленин характеризует Версальский договор как грабительский договор, который привел к резкому обострению всех противоречий среди империалистов. Эти противоречия в условиях развала и конца капиталистической стабилизации, который наступил в первые годы мирового экономического кризиса, дошли ныне до высшей степени остроты. Сейчас германский фашизм, пришедший к власти на волне не только социальной демагогии, но и на волне чудовищного под'ема шовинизма, объявляет своей исторической задачей приобретение колоний, разгром польского империализма. Фашизм является для несколько окрепшего во время относительной стабилизации, избавившегося ныне от репараций германского империализма такой формой диктатуры, которая представляет наибольшую концентрацию власти, направленной на удушение пролетариата, на наилучшую подготовку к войне. Эта война, которую собираются и будет вести германский фашизм против франко-польско-малоантантовского империализма, будет войной одного грабителя против другого, войной германского империализма за то, чтобы отхватить себе целый ряд жирных колониальных кусков, чтобы самому стать наконец порабощителем наций, угнетателем народов.

Революционный пролетариат является противником системы версальского удушения, версальской системы расчленения Европы, версальской системы угнетения народов. Но революционный пролетариат является и противником империалистской ревизии Версальского договора, которую собираются произвести германский империализм в интересах установления новых форм угнетения и рабства вместо версальской формы. Революционный пролетариат стран капитала за ревизию Версальского договора, но он за ревизию революционную, которая будет произведена пролетарской революцией.

Ленинский анализ версальских противоречий были гениальным предвидением того, что именно Версаль с той системой угнетения и порабощения, которая была им установлена, чреват новой войной за передел мира. Ленин дал конкретный анализ противоречий между Германией и различными странами франко-польской коалиции и в частности анализ польско-германских противоречий. В своей речи на съезде рабочих кожевенного производства в 1920 г. он говорил:

«Одной из причин, по которой держится этот чудовищный мир (т. е. Версальский мир.—И. Д.), является то обстоятельство, что Польша разделяет Германию на две части, так как польские земли выходят к морю. Между Германией и Польшей отношения сейчас самые обостренные. Поляков, когда они притесняют германское население, поддерживают войска и офицеры Антанты. Из Польши Версальский мир создал государство-буфер»²⁾.

Именно германо-польские противоречия, борьба за Польский коридор, за Данциг, за влияние в Прибалтике являются сейчас, у порога нового тура революций и войн, одной из важнейших составных частей той совокупности противоречий, которые чреваты войной за ревизию Версальского договора.

Начиная с первых дней войны, Ленин указывал на неизбежность новых империалистических войн, нового тура этих войн, если пролетариат не свалит капитализм в ряде решающих стран.

Как же отвечал Ленин на вопрос об опасности новой контрреволюционной войны против СССР?

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 417—418.

²⁾ Там же, стр. 401.

Советской России пришлось с самого своего возникновения выдержать жестокую военную борьбу с мировым капитализмом и свергнутыми и экспропрированными революцией русскими помещиками и капиталистами.

Октябрьская революция в России победила в обстановке империалистической войны, когда две группировки империалистов сцепились друг с другом в смертельной схватке. Это прикрывало на время молодую Советскую республику от военного нападения империалистов. На VII съезде партии Ленин указывал, что советская власть в течение первых недель после Октября шла от «триумфа к триумфу». «Это было так только потому, что специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрывала нас от империализма. Ему было не до нас... А отдельным империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междуусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, дошли до невероятных пределов, до мертвой хватки, до того, что ни одна из этих групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против русской революции не могла»¹⁾.

Начались мирные переговоры в Бресте, которые вели по поручению германского империализма представители крайней военной партии. В Бресте немецкий империализм поставил Советской республике ряд кабальных условий. Этот мирный договор Ленин, несмотря на его огромную тяжесть, его кабальный характер, настаивал принять, так как старая армия разваливалась, была неспособна вести войну. Троцкий, бывший во главе советской делегации, отказался подписать мирный договор, объявив одновременно войну с Германией прекращенной. Началось наступление германского империализма на Советскую республику.

Ленину пришлось провести жестокую борьбу с группой «левых» коммунистов (Бухарин, Покровский, Осинский, Пятаков и др.), настаивавших на войне с германским империализмом во что бы то ни стало, и Троцким, стоящим на позиции: мира не заключать, войны не вести.

Ленин указывал на необходимость передышки для того, чтобы успеть создать армию, чтобы дать вызреть немецкой и европейской революциям. После жестокой борьбы Ленин, которого с начала до конца поддерживал Сталин, настоял на подписании мирного договора во Пскове, договора, в который немцы внесли ряд еще более тяжелых и унижительных пунктов, чем это было в Бресте.

Ленин указывал, что передышка нужна, чтобы подготовиться к освободительной войне против германского империализма, неоднократно ссылаясь на пример Тильзитского договора, навязанного Наполеоном побежденной Германии, договора, который был уничтожен освободительной войной германского народа, выросшей из национального подъема.

Это был период тяжчайших испытаний для пролетарской революции. Ленин говорил на IV всероссийском съезде советов в докладе о ратификации договора с Германией: «Начался тот период, который приходится так наглядно и так тяжело чувствовать,—период тяжчайших поражений, тяжчайших испытаний для русской революции, период, когда вместо быстрого, прямого и открытого наступления на врагов революции нам приходится испытывать тяжчайшие поражения и отступать перед силой, неизмеримо большей, чем наша сила,—перед силой международного империализма и финансового капитала... Нам пришлось встретиться с силами международной буржуазии во всем ее военно-империалистском могуществе, стать лицом к лицу с мировыми хищниками»²⁾.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 317

²⁾ Там же, стр. 391.

Это был тяжелейший момент в истории Октябрьской революции. Старая армия была развалена. Новую, красную армию еще надо было создать. Страна находилась в тяжелом положении в результате мировой войны. И тактика Ленина в этой обстановке заключалась в том, чтобы получить передышку, принять тяжелый Брестский мир, навязанный молодой, неокрепшей республике германским империализмом.

Расчет Ленина был на: 1) получение передышки, чтобы организовать, построить армию, укрепить дисциплину в стране, 2) на нарастание пролетарской революции в Германии, которая вырезала, росла из войны, 3) на противоречия между империалистами, сковавшими свои силы в военной схватке.

«События нас подтвердили,— говорил Ленин на заседании ВЦИК 29/IV,— мы получили передышку только потому, что на Западе империалистская война продолжается, а на Дальнем Востоке империалистское соревнование разгорается все шире,— только этим объясняется существование Советской республики пока самой слабой веревочкой, за которую в этот политический момент мы держимся»¹⁾.

Расчет Ленина оказался целиком верным. Германский империализм потерпел поражение. Германская революция, нараставшая неумолимо, разразилась в ноябре 1918 г. Немецкие войска, разложившиеся в обстановке революционной Украины, вынуждены были оттуда спешно уйти. Брестский договор был уничтожен. Германский империализм был сметен революцией.

В ноябре 1920 г., оценивая причины победы Советской республики, указывая на причины, которые дали нам возможность разорвать и уничтожить Брестский договор, Ленин особенно упирает на то обстоятельство, что нашей партии удалось использовать противоречия между империалистами. «Брест знаменателен тем, что в первый раз, в масштабе гигантски большом, среди трудностей необъятных, мы сумели использовать противоречия между империалистами так, что выиграл в конечном счете социализм. Во время Бреста были две гигантски сильных группы империалистских хищников: германо-австрийская и англо-американо-французская. Они были в бешеной борьбе, которая должна была разрешить на ближайшее время судьбу мира. Если мы продержались, будучи нулем в смысле военном, не имея ничего и идя сплошь по нисходящей линии в глубину развала в отношении экономическом, если мы продержались, то это чудо случилось только потому, что мы правильно использовали рознь германского и американского империализма. Мы сделали громадную уступку германскому империализму и, сделавши уступку одному империализму, мы заградилли себя разом от преследования обоих империализмов... Мы использовали рознь между двумя империализмами так, что в конце концов оба проиграли. Германия ничего не взяла от Брестского мира, кроме нескольких миллионов пудов хлеба, а принесла в Германию большевистское разложение. Мы же выиграли время, в течение которого начала складываться Красная армия... Как раз то время, которое дала нам история для передышки, мы использовали для того, чтобы укрепиться так, чтобы нас нельзя было взять военной силой»²⁾.

Тактика Ленина следовательно заключалась во время Бреста в том, чтобы использовать противоречия между империалистами, использовать передышку для военного укрепления Советской республики, рассчитывая на растущее сочувствие пролетариата капиталистических стран к Советской республике. Она блестяще оправдалась уничтожением Бреста германской революцией.

На смену германскому империализму в попытках разгрома Советской республики пришел англо-французский империализм. Советской республике

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 479.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 139.

пришлось выдержать гражданскую войну с русскими помещиками и капиталистами, поддержанными империалистами Антанты.

Красная армия создавалась в огне гражданской войны. Помимо поддержки Колчака, Деникина, Юденича империалисты посылали собственные войска для удушения Советской республики.

Из гражданской войны и интервенции Советская республика вышла победительницей, разбив всех своих врагов.

Ленин, оценивая причины победы еще слабой Советской республики в борьбе с далеко ее превосходящими силами международного империализма, указывал как на одну из важнейших причин этой победы на противоречия между империалистами.

Указывая на противоречия интересов в лагере мирового империализма, Ленин говорил: «Есть две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалистов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной быть не может»¹⁾.

Ясно само собой, что эти две тенденции в лагере империализма остаются действовать, и задачей советской внешней политики, в полном соответствии с ленинским учением об империалистических противоречиях, остается постоянный учет этих противоречий. Внешняя политика Советской страны под руководством т. Сталина исходит из учета этих двух тенденций.

Ленин указывал, что «надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами»²⁾.

По вопросу об использовании противоречий между империалистами для защиты Советского союза Ленин в ноябре 1920 г. на собрании секретарей ячеек московской организации говорил: «В настоящее время мы находимся между двумя врагами. Если их обоих нельзя победить, надо уметь поставит свои силы так, чтобы они передрались между собой, так как всегда, когда два вора дерутся, честный человек от этого выигрывает»³⁾.

Советская страна сумела победить в гражданской войне потому, что ей было обеспечено сочувствие трудящихся в странах капитала. Войска, посланные французским, английским, американским империализмом против страны пролетарской диктатуры, не захотели воевать. «Наша победа над Колчаком, Юденичем, над этими слугами международного капитала, велика, но еще гораздо больше.. победа, которую мы одерживаем в международном масштабе. Эта победа заключается во внутреннем разложении империализма, который не может послать своих войск против нас. Антанта испытала это, и ничего у нее не вышло, потому что войска ее разлагаются, когда встречаются с нашими войсками»⁴⁾.

Разложение в войсках Антанты, помноженное на укрепление Красной армии, террор белогвардейцев в занятых ими областях, раскрывший глаза самым отсталым крестьянам на суть белогвардейщины, в соединении с противоречиями в лагере империалистов обеспечили нам победу в гражданской войне. «Если в конечном счете подумать о том, почему вышло так, что мы могли победить, что мы должны были победить, то только потому, что все наши враги, формально связанные какими угодно связями с сильнейшими в мире правительствами и представителями капитала... оказались раз'единенными, их внутренняя связь по сути дела их же раз'единяла, бросала их друг против друга, и капиталистическая собственность разлагала их, превращала из союзников в диких зверей, так что они не видели, что Советская Рос-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 6. Разрядка моя.—И. Д.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 498. Разрядка моя.—И. Д.

³⁾ Там же, стр. 500.

⁴⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 547.

сия увеличивает число своих сторонников среди английских солдат, высадившихся в Архангельске, среди французских матросов, высадившихся в Севастополе, среди рабочих всех стран... И эта основная причина, самая глупая причина, в последнем счете дала нам вернейшую победу»¹⁾.

Подводя итоги победе Советской республики над белогвардейцами и международным империализмом в гражданской войне, Ленин указывает, что империалистические противоречия мешают мировому империализму объединиться против Советской республики. «Опыт мировой политики доказал, что союз против Советской России неминуемо осужден на неудачу, потому что это союз империалистский, союз хищников, которые не объединены, и действительного интереса, прочного, соединяющего их, у них нет. У них нет того, что соединяет рабочий класс»²⁾.

Это не значит конечно, что невозможно нападение империалистов на Советский союз. Отнюдь нет. Нападение империалистов на Страну советов возможно, вероятно и при определенных условиях неизбежно. Мировой империализм ненавидит страну пролетарской диктатуры и попытается начать контрреволюционную войну против нее.

Ленин указывает лишь на то, что такой союз империалистов против Советской страны будет непрочен из-за раз'едающих их противоречий, из-за того, что тенденции к объединению сил империалистов сталкиваются с другой тенденцией—к раз'единению вследствие противоречий интересов, которые их разделяют. «Это есть хищники, которые бросаются друг против друга и не могут объединиться против нас в последнем итоге, в конце концов, потому, что собственность раз'единяет и превращает людей в зверей»³⁾.

Окончание гражданской войны Ленин рассматривал как передышку перед новой войной, которую империалисты готовят против СССР. И это отнюдь не находится в противоречии с тем обстоятельством, что война против СССР усилит противоречия в лагере империалистов, что невозможно иметь прочный единый фронт всех империалистов против СССР.

«Попытка всемирного империализма задавить нас военным путем потерпела полное крушение! Теперь нам международное положение дало гораздо более длительную и прочную передышку, чем ту, которую мы имели в начале революции. Но надо помнить, что это не больше, чем передышка. Надо помнить, что весь капиталистический мир вооружен с ног до головы и выжидает момента, выбирая лучшие стратегические условия, обследуя способы нападения... Нельзя ни в коем случае забывать, что сейчас вся экономическая и вся военная сила еще на его стороне! В мировом масштабе еще слабые, мы быстро растем, усиливаемся, вырываем из рук неприятеля одно оружие за другим, но неприятель подкарауливает Советскую республику на каждом шагу»⁴⁾.

Что окончание интервенции есть лишь передышка, Ленин подчеркивал много раз. В предисловии к брошюре «Старые статьи на близкие к новым темы», написанном в 1922 г., Ленин писал: «Генуя как раз знаменует опять «передышку» в неизмеримо более крупном, всемирном масштабе, передышку между войной против Советской России, какую войну всемирная буржуазия вела и проиграла, и новой войной, которую эта буржуазия готовит, но не совсем подготовила в данный момент»⁵⁾.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 97—98.

²⁾ Там же, стр. 417.

³⁾ Там же, стр. 420 Разрядка моя.—И. Д.

⁴⁾ Там же, стр. 128.

⁵⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 290.

Ленин следовательно указывал, что, с одной стороны, надвигаются новые войны между империалистами, с другой—надвигается новая контрреволюционная война против страны пролетарской диктатуры. Вопрос о том, что вспыхнет раньше: война между империалистами или война между империалистами против СССР—решается обстоятельствами, которые сложатся накануне войны. Во всяком случае новый тур революций и войн неизбежен.

Ленин указывал, что пролетариат Советской республики может использовать империалистические противоречия для усиления своей военной мощи, не отказывается заключать соглашения с империалистами одной страны для ведения успешной войны против затеявшего войну империализма другой страны.

При обсуждении на заседании 22/II 1918 г. предложения Франции и Англии оказать поддержку Советской республике в борьбе с Германией, с которой они в то время воевали, Ленин, отсутствовавший на этом заседании, написал записку следующего содержания: «Прошу присоединить мой голос за взятие поддержки и оружия у разбойников англо-фр. империализма»¹⁾.

Интересы пролетарской диктатуры, интересы социализма выше всего. И Ленин отстаивает возможность соглашения не только торгового, но и военного с буржуазной, империалистической страной, если это укрепляет Советскую страну в борьбе с врагами, если это может оттянуть войну, удлинить передышку или усилить страну пролетарской диктатуры в войне.

Ленин считал, что неизбежен новый тур войн и революций. Растет революционное движение в стране капитала, поднимаются угнетенные колониальные народы. Вместе с тем назревают новые империалистические войны, новая война империалистов против СССР. Ленин указал на те конкретные формы, в которых слагаются военные конфликты будущего. Вопрос о том, что раньше: революция или война, что раньше: военное нападение на Советскую страну или война между империалистами—мог быть решен лишь в зависимости от конкретного положения, которое должно сложиться.

Ленин гениально вскрыл основные тенденции и закономерности дальнейшего развития, показал те конкретные формы, в которые отольется новый тур войн и революций.

Первый тур войн и революций закончился поражением пролетариата благодаря предательству социал-демократии в Германии, Венгрии, Италии и т. д. На пространстве старой царской России укрепилась Советская республика, которая крепнет и гигантски растет. Пролетариат СССР закончил первую пятилетку, успешно закончил первый год второй пятилетки, сумел осуществить сплошную коллективизацию и ликвидировал в основном кулака как класс. Советский союз гигантски вырос, ставши первоклассной мировой державой, которой противостоит весь капиталистический мир, раздираемый на части противоречиями, расшатанный до основания мировым экономическим кризисом, бешено несущийся навстречу новой войне.

После окончания первого тура войн и революций наступила полоса относительной стабилизации капитализма. Продолжая, углубляя и развивая ленинскую теорию, все ее стороны, т. Сталин систематически, неуклонно развивал и углублял ленинский анализ мирового положения, чреватого новым туром революций и войн.

Ленин умер при переходе капитализма к полосе своей относительной стабилизации. Тов. Сталин дал анализ относительной стабилизации капитализма и ее причин, в то же время вскрыл неизбежность развала стабилизации, ее конца.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XV, изд. I-е, стр. 34.

Капитализму, начиная примерно с 1924 г., удалось временно стабилизироваться. В чем же конкретно выразилась эта стабилизация капитализма?

В своем докладе активу московской организации в мае 1925 г. т. Сталин следующим образом отвечал на этот вопрос: стабилизация выразилась «во-первых, в том, что Америке, Англии и Франции удалось сговориться временно о способах и размерах ограбления Германии. Иначе говоря, им удался сговор, называемый ими дауэсизацией Германии. Можно ли назвать этот сговор сколько-нибудь прочным? Нет, нельзя. Потому, во-первых, что он заключен без хозяина, т. е. без германского народа; во-вторых, потому, что этот сговор означает двойной гнет над германским народом, гнет национальной буржуазии и гнет иностранной буржуазии... временный сговор Антанты против Германии непрочен, до смешного непрочен.

Во-вторых, стабилизация капитализма выразилась в том, что английскому, американскому и японскому капиталу удалось временно сговориться насчет установления сферы влияния в Китае, в этом обширнейшем рынке международного капитала, насчет способов его ограбления. Можно ли считать этот сговор сколько-нибудь прочным? Опять-таки нельзя. Во-первых, потому, что сговорившиеся дерутся и будут драться насмерть между собой из-за доли в прабеге; во-вторых, потому, что сговор этот произошел за спиной китайского народа, который не хочет и не будет подчиняться законам чужестранных рабителей. Разве рост революционного движения в Китае не говорит о том, что махинации чужестранных империалистов обречены на провал?

В-третьих, стабилизация капитализма выразилась в том, что империалистическим группам передовых стран удалось временно сговориться насчет взаимного невмешательства в дело ограбления и угнетения «своих» колоний. Можно ли считать этот сговор или эту попытку сговориться сколько-нибудь прочной? Нет, нельзя. Во-первых, потому, что каждая из империалистических групп старается и будет стараться отхватить в свою пользу кусочек чужих колоний; во-вторых, потому, что зажим и угнетательская политика империалистических групп в колониях лишь закаляют и революционизируют эти колонии, обостряя тем революционный кризис. Империалисты пытаются «утихомирить» Индию, обуздать Египет, приручить Марокко, связать по рукам и ногам Индокитай, Индонезию и пускают в ход все и всякие ухищрения и махинации. Возможно, что им удастся добиться в этом отношении некоторых «результатов». Но едва ли можно сомневаться в том, что махинаций этих не хватит и не может хватить надолго»¹⁾.

Так обстояло дело со стабилизацией капитализма, поскольку она выразилась в противоречиях между империалистами.

В своем докладе на XIV съезде партии т. Сталин дал анализ всех проявлений стабилизации и ее противоречий. Тов. Сталин в этом докладе вскрыл и дал анализ основным группам противоречий, которые подрывают силу мирового капитализма. Он насчитывает пять групп противоречий: противоречия между пролетариатом и буржуазией в странах капитала, противоречия между империализмом и революционным движением в колониях, в зависимых странах, противоречия между странами-победительницами и странами побежденными, противоречия внутри государств-победителей и противоречия между СССР и странами капитала.

На основе конкретного анализа этих противоречий т. Сталин показал, что «стабилизация, временная частичная стабилизация, которой достигла Европа ценой своего порабощения, непрочна»²⁾.

Он констатировал прежде всего, что капитализму удалось выйти из

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 113.

²⁾ Сталин, Полнотечет ЦК XIV съезда ВКП(б). Партиздат, 1933 г., стр. 15.

послевоенного хаоса в экономике. «Капитализм из того хаоса в производстве, торговле и в области финансов, который наступил после войны и в котором он очутился, капитализм из этого хаоса выходит или уже вышел. Это было названо партией частичной или временной стабилизацией капитализма... Это значит, что производство и торговля капиталистических стран, одно время страшно упавшие, в период послевоенного кризиса (я имею в виду 1919—1920 гг.), начали идти вперед, а политическая власть буржуазии стала более или менее укрепляться. Это значит, что капитализм временно выкарабкался из того хаоса, в котором он очутился после войны»¹).

Он констатировал тогда, что производство в капиталистических странах, хотя и неравномерно, идет к довоенной норме.

Пролетариату капиталистических стран Западной Европы не удалось свалить буржуазию. Социал-демократия сумела обмануть рабочие массы и кнудом Носке и Вельсов, с одной стороны, пряником социальных «реформ», отнюдь не затрагивавших господства капиталов,—с другой, разгромить — вместе и при помощи отрядов белой гвардии и международного империализма (Германия, Венгрия, Болгария)—революцию, потопить ее в крови и затушить водичей лживых обещаний. «Вместо периода прилива революционных волн, которые мы наблюдали в годы послевоенного кризиса, мы теперь наблюдаем период отлива революционных волн в Европе. Это значит, что вопрос о взятии власти, о захвате власти пролетариатом с сегодня на завтра не стоит сейчас в порядке дня в Европе. Период под'ема революционных волн, когда движение трет вперед, поднимается вверх, а партия не может поспеть со своими лозунгами за движением, как это имело место например у нас в 1905 году или в 1917 году,—этот период под'ема еще впереди... мы переживаем период накопления сил, который имеет огромную важность для будущих революционных выступлений»²).

Тов. Сталин отмечал далее факт перемещения центра финансового могущества из Европы в Америку. Он указывал, что временная стабилизация европейского капитализма достигнута главным образом с помощью американского капитала. Из анализа экономических условий стабилизации капитализма т. Сталин делал вывод, что эта стабилизация непрочна, относительна, временна.

В политическом отчете XIV с'езду партии т. Сталин указывал, что решающим моментом в области внешних отношений в период относительной стабилизации является то, что «между нашей страной строящегося социализма и странами капиталистического мира установилось некоторое временное равновесие сил, равновесие, которое определило собою текущую полосу «мирного сожительства» между Страной советов и странами капитализма. То, что нами считалось одно время, как короткая передышка после войны, превратилось в целый период передышки. Отсюда некоторое равновесие сил и некоторый период «мирного сожительства» между миром буржуазии и миром пролетариата»³).

Основа этой передышки — слабость капиталистических стран, усиление классовой борьбы пролетариата и буржуазии, укрепление СССР, рост его сил.

Останавливаясь на причинах слабости капитализма, т. Сталин говорил: «В основе этой слабости лежат те непреодолимые для капитализма противоречия, в рамках которых складывается все международное положение,— противоречия, которые непреодолимы для капиталистических стран и кото-

¹) Сталин, Политотчет ЦК XIV с'езду ВКП(б). Партиздат, 1933 г., стр. 9.

²) Там же, стр. 5—6.

³) Там же, стр. 3.

рые могут быть преодолены только в ходе развития пролетарской революции на Западе»¹).

С победой пролетарской революции в России мир раскололся на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма. «В лагере капитализма нет единства интересов и спайки, ... там царит борьба интересов, распад, борьба между победителями и побежденными, борьба между самими победителями, борьба между всеми империалистическими странами из-за колоний, из-за прибылей, ... ввиду всего этого стабилизация в этом лагере может быть прочной. Между тем как в нашей стране идет здоровая и крепнущая стабилизация, рост нашего хозяйства, рост нашего социалистического строительства, а во всем нашем лагере происходит постепенное неуклонное сплочение вокруг пролетариата нашей страны всех недовольных элементов и слоев как Запада, так и Востока, сплочение их вокруг Советского союза...

Там, в лагере капитализма,—разлад и разложение. Здесь, в лагере социализма,—сплоченность, все возрастающее единство интересов против общего врага, против империализма»²).

Основным фактом в период стабилизации был именно факт неуклонного роста хозяйства, силы экономической, политической и военной Советского союза. Стабилизация в СССР выразилась в росте сил социализма. Относительная стабилизация капитализма выразилась не только во временном укреплении капитализма, но в то же время в обострении всех противоречий капитализма, в нарастании элементов, которые неизбежно должны были привести эту стабилизацию к концу, к взрыву.

Давая анализ основных причин и характера капиталистической стабилизации, т. Сталин в то же время вскрывает те противоречия, которые неизбежно взорвут стабилизацию. Взрыв стабилизации идет и со стороны версальской системы отношений, которые установлены после мировой войны. Он идет, далее, со стороны тихоокеанских противоречий между английским, американским и японским империализмами, так как сговор между империализмами насчет Китая неизбежно окажется непрочным, временным, недолговечным. Он указывал, далее, на то, что сговор между империалистами насчет взаимного невмешательства в дело ограбления и угнетения своих колоний является непрочным, так как этот сговор неизбежно будет сорван противоречиями интересов капиталистических групп. Наконец т. Сталин указывал, что стабилизация будет неизбежно сорвана обострением классовой борьбы, ростом революционного возмущения китайского народа, нарастанием китайской революции, нарастанием революционного брожения в колониях, нарастанием революционного кризиса в странах империализма.

Анализ противоречий капиталистической стабилизации, противоречий, которые неизбежно взорвут эту стабилизацию, сделанный т. Сталиным, целиком и полностью оправдался. В обстановке мирового экономического кризиса, обострения классовой борьбы пролетариата против буржуазии в странах капитала, обострения революционной борьбы трудящихся колоний против мирового империализма, обострения версальских, японо-американских, англо-американских противоречий кончилась капиталистическая стабилизация. Гениальный анализ т. Сталина условий капиталистической стабилизации и условий ее развала освещает ярким светом смысл современных отношений, современных противоречий.

В своем докладе на XV съезде ВКП(б) в 1927 г. т. Сталин дает анализ обострения противоречий капиталистической стабилизации, экономических и политических условий, которые взорвут стабилизацию капитализма.

Тов. Сталин, ссылаясь на свой доклад на XIV съезде, расценивая тот

¹) Сталин, Политотчет ЦК XIV съезду ВКП(б), Партиздат, 1933 г., стр. 3—4.

²) Там же, стр. 16.

факт, что производство в капиталистических странах в тот период росло, росла торговля, улучшалась техника производства, усиливались крупнейшие тресты и организовывались новые мощные монополистические картели, говорил:

«Означает ли все это, что тем самым стабилизация капитализма стала прочной, устойчивой? Конечно, нет! Еще на XIV с'езде говорилось в докладе, что капитализм может дойти до довоенной нормы, может перевалить через эту довоенную норму, может рационализировать свое производство, но что это еще не значит,—далеко еще не значит,—что стабилизация капитализма может от этого стать прочной, что капитализм может вернуть себе былую довоенную устойчивость. Наоборот, из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными,—именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации.

Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию—такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент»¹⁾.

В то время как социал-фашисты и капиталисты всех стран прокричали на весь мир о том, что наступила эра вечного процветания, что капитализм идет в гору, что он вышел из послевоенного кризиса, что ему предстоит длительная полоса расцвета, что наступил «вечный мир», т. Сталин, вскрывая диалектику противоречий капиталистической стабилизации, показал, что именно из того обстоятельства, что производство растет, что растет торговля и рационализируется производство, вырастает кризис стабилизации, ее развал. Тов. Сталин указывал, что нарастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, такой, какого еще не знал капитализм. Тов. Сталин указывал, что этот новый, самый острый и самый глубокий кризис капитализма чреват новыми войнами, ведет к подрыву, к уничтожению капиталистической стабилизации.

Давая анализ роста производства в капиталистических странах и роста мировой внешней торговли, т. Сталин вскрывает неравномерность этого роста, показывает, что из этого роста растет новая война за передел мира. Он указывает, что этот рост неизбежно наталкивается на стабильность рынков, стабильность сфер влияния различных империалистических стран.

«Растет количество претендентов на рынки сбыта, растут производственные возможности, растет предложение, а размеры рынков и границы сфер влияния остаются более или менее стабильными.

Такова основа растущих непримиримых противоречий современного капитализма.

...Это противоречие между ростом производственных возможностей и относительной стабильностью рынков легло в основу того факта, что проблема рынков является теперь основной проблемой капитализма. Обострение проблемы рынков сбыта вообще, обострение проблемы внешних рынков в

¹⁾ Сталин, Политотчет ЦК XV с'езду ВКП(б). Партиздат, 1933 г., стр. 4—5. Разрядка моя.—И. Д.

особенности, обострение проблемы рынков для вывоза капитала в частности—таково нынешнее состояние капитализма... Усиление таможенных преград лишь подливает масла в огонь. Капитализму становится тесно в рамках нынешних рынков и сфер влияния. Мирные попытки разрешения проблемы рынков не дали и не могли дать результатов... Мирный путь разрешения проблемы рынков остается для капитализма закрытым. Остается единственным для капитализма «выход»: новый предел колоний и сфер влияния путем силы, путем военных столкновений, путем новых империалистических войн.

Из стабилизации рождается нарастание кризиса капитализма»¹).

Продолжая и развивая ленинскую теорию империализма, ленинскую теорию неизбежности нового тура революций и войн, т. Сталин на основе конкретного анализа экономических противоречий капиталистической стабилизации предоказывает неизбежность нарастания нового экономического кризиса, нового обострения кризиса капиталистической системы.

Через два года разразился мировой экономический кризис. Этот кризис разразился как раз в тот момент, когда оптимизм буржуазии, ее ученых, ее социал-фашистских приспешников достиг апогея. Оказалось, что как раз «процветание» американского капитализма, который превратился в Мекку для буржуазных и социал-фашистских экономистов, вело к новому кризису, что как раз рост производства в период стабилизации был чреват взрывом чудовищного экономического кризиса, который не имеет равных себе в истории.

Тов. Сталин подчеркивал в своем докладе в связи с вопросом о противоречиях стабилизации, что «вопрос о переделе мира и сфер влияния, представляющих основу внешних рынков, является теперь в политике мирового капитализма основным вопросом... нынешнее распределение колоний и сфер влияния, установленное в результате последней империалистической войны, успело уже устареть. Оно не удовлетворяет теперь ни Северную Америку, которая старается внедриться в Азию (прежде всего в Китай), не довольствуясь Южной Америкой, ни Англию, из рук которой ускользают доминионы и ряд важнейших рынков Востока, ни Японию, которой то и дело «мешают» в Китае Англия и Америка, ни Италию и Францию, имеющих бесчисленное количество «предметов спора» как в придунайских странах, так и в Средиземном море, ни тем более Германию, которая все еще остается без колоний. Отсюда «общее» стремление к новому переделу рынков и источников сырья. Нечего и доказывать, что азиатские рынки и пути к ним являются главной ареной борьбы. Отсюда ряд узловых проблем, представляющих целые очаги для новых столкновений. Отсюда так называемая Тихоокеанская проблема (антагонизм Америка—Япония—Англия) как источник борьбы за первенство в Азии и на путях к ней. Отсюда проблема Средиземного моря (антагонизм Англия—Франция—Италия) как источник борьбы за преобладание на берегах Средиземного моря, как источник борьбы за кратчайшие пути к Востоку. Отсюда обострение проблемы нефти (антагонизм Англия—Америка), ибо воевать без нефти нельзя, а кто имеет преимущество в деле нефти, тот имеет шансы на победу в грядущей войне»²).

Тов. Сталин дал в своем политотчете конкретный анализ всех тех противоречий, которые ведут сейчас к новому туру революций и войн. Разве сейчас все эти проблемы не стоят со всей остротой? Разве бешеная гонка вооружений всех стран капиталистического мира и на суше, и на море, и в воздухе не является важнейшим признаком приближения этих войн?

О войне открыто и прямо говорят сейчас все. Больше того. Бесчислен-

¹) Сталин, Политотчет ЦК XV съезду ВКП(б), стр. 5—6.

²) Там же, стр. 6—7.

ное количество буржуазных экономистов, публицистов и политиков открыто говорит о том, что война является единственным выходом из кризиса, и каждая империалистическая страна всемерно вооружается и на суше и на море.

«Разве не ясно,—говорил в том же докладе т. Сталин,— что рост вооружений диктуется неизбежностью новых империалистических войн между «державами», что «дух войны» является основным содержанием «духа Локарно»¹⁾.

Тов. Сталин констатировал в своем докладе обострение борьбы за нефть между Англией и Америкой в первую очередь, «ибо воевать без нефти нельзя, а кто имеет преимущество в деле нефти, тот имеет шансы на победу в грядущей войне»²⁾.

Борьба за нефть между Америкой и Англией, антагонизм между которыми является основным антагонизмом внутри капиталистического мира, выразилась теперь, по окончании стабилизации, в ряде войн южноамериканских государств. Полностью оправдалась оценка т. Сталиным противоречий империалистов в вопросе о нефти как противоречий, ведущих к войне. Если ныне воюют между собой Перу и Боливия, то за ними стоит на одной стороне «Стандарт Ойл», на другой—Детердинг.

Тов. Сталин, говоря в своем докладе XV с'езду о нарастающем кризисе капиталистической стабилизации, указывал как на важный признак приближения конца этой относительной стабилизации на подготовку новых блоков для подготовки новой войны за передел мира. «Дело идет к организации новых коалиций держав на предмет подготовки новых войн за внешние рынки, за источники сырья, за пути к ним»³⁾.

Он указывал на рост вооружений, рост численности империалистических армий как на показатель назревания новой войны. Он сравнивал империалистические отношения с заплатанной рубашкой. «Я думаю,—говорил он,— что нынешние «мирные отношения» можно было бы уподобить старой, поношенной рубашке, состоящей из заплат, связанных между собой тоненькой ниточкой. Стоит только дернуть более или менее серьезно эту ниточку, оборвать ее в том или ином месте, чтобы развалилась вся рубашка, чтобы ничего кроме заплат не осталось от нее. Стоит потрясти нынешние «мирные отношения» где-либо в Албании или в Литве, в Китае или в Северной Америке, чтобы развалилось все это «здание мирных отношений». Так было дело перед последней империалистической войной, когда убийство в Сараеве привело к войне. Так обстоит дело теперь.

Из стабилизации вырастает неизбежность новых империалистических войн»⁴⁾.

Из относительной стабилизации растет следовательно новый экономический кризис, новая полоса войн.

Но из стабилизации, как указывал т. Сталин, растет революционный подъем. Как на выражение этого т. Сталин указывал на рост революционного движения в Китае, Индии, Индонезии и др. колониях, на полевые рабочих масс в Европе: восстание в Вене в 1927 г., успехи компартии и т. д. Вывод: «Мы живем накануне нового революционного подъема как в колониях, так и в метрополиях.

Из стабилизации вырастает новый революционный подъем»⁵⁾.

На смену тому отливу революционной волны, который имел место в

¹⁾ Сталин, Политотчет ЦК XV с'езду ВКП(б), стр. 9.

²⁾ Там же, стр. 7.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 9. Разрядка моя.—И. Д.

⁵⁾ Там же, стр. 11. Разрядка моя.—И. Д.

1925 г., приходит новая полоса революционного под'ема. Исходя из всего этого, т. Сталин делал вывод, что «стабилизация капитализма становится все более и более гнилой и неустойчивой»¹⁾.

Вместе с тем в 1927 г. т. Сталин отмечал изменение в отношениях капиталистического мира к СССР, рост тенденций к организации антисоветской интервенции в рядах капитализма. Надежды на перерождение СССР рухнули. Не оправдались надежды на падение авторитета Советской страны, в глазах трудящихся стран капитала и колоний СССР вырос и укрепился. «Поэтому, чтобы расчистить почву для будущих империалистических войн, поосновательнее зажать «свой» рабочий класс и обуздать «свои» колонии на предмет укрепления капиталистического тыла, надо прежде всего обуздать СССР, этот очаг и рассадник революций, представляющий к тому же один из величайших рынков сбыта для капиталистических стран. Отсюда оживление интервенционистских тенденций среди империалистов, политика изоляции СССР, политика окружения СССР, политика подготовки условий для войны с СССР.

Усиление интервенционистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны (в отношении СССР) есть один из основных фактов нынешнего положения»²⁾.

Период «мирного сожительства» между капиталистическими странами и СССР уходит, указывал т. Сталин, в прошлое. «Если два года назад можно было и нужно было говорить о периоде некоторого равновесия и «мирного сожительства» между СССР и капиталистическими странами, то теперь мы имеем все основания утверждать, что период «мирного сожительства» уходит в прошлое, уступая место периоду империалистических наскоков и подготовки интервенции против СССР»³⁾.

Тов. Сталин в новой обстановке относительной стабилизации капитализма продолжает и развивает ленинский анализ послевоенного положения капитализма и его отношений к СССР. Тов. Сталин указывает на необходимость всестороннего учета противоречий в лагере империализма. Продолжая внешнюю политику Ленина, он указывает на необходимость употребить все усилия на то, чтобы оттянуть войну. Он ставит даже вопрос о том, чтобы откупиться от империалистов, если это необходимо для оттяжки войны. «Отсюда, — говорил он, — задача учесть противоречия в лагере империалистов, оттянуть войну, откупившись от капиталистов, и принять все меры к сохранению мирных отношений. Мы не можем забыть слова Ленина о том, что очень многое в деле нашего строительства зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна, но которую можно оттянуть либо до того момента, пока не вызреет пролетарская революция в Европе, либо до того момента, пока не созреют вполне колониальные революции, либо, наконец, до того момента, пока капиталисты не передерутся между собой из-за дележа колоний. Поэтому сохранение мирных отношений с капиталистическими странами является для нас обязательной задачей»⁴⁾.

Тов. Сталин в 1927 г. еще говорил о возможности откупиться от интервенции некоторыми уступками. Но уже в 1930 г., к XVI съезду партии, СССР и в хозяйственном, и в политическом, и в военном положении настолько укрепился, что он выдвигает в соответствии с этим укреплением новое положение: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»⁵⁾.

1) Сталин, Политотчет XV съезду ВКП(б), стр. 12.

2) Там же.

3) Там же.

4) Там же, стр. 13—14.

5) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 502. Политотчет XVI съезду. Разрядка

Сравните это новое в положении СССР в 1930 г. с тем положением, в котором находилась наша страна в 1918—1920 гг. Тогда нашей партии пришлось идти на тяжелый Брестский мир. Во время гражданской войны был момент, когда Ленин, скрепя сердце, соглашался на то, чтобы купить мир ценой оставления за Деникиным и Колчаком огромных территорий нашей страны, чтобы этой тяжелой ценой купить мир, передышку. К этому мы были вынуждены слабостью Советской республики, разоренным хозяйством, слабостью военной. Еще на XV съезде т. Сталин в меру нашей выросшей силы, но и в меру той отсталости, которая имела в СССР к тому времени, ставил вопрос об откупе от войны.

Заявление «ни одного вершка своей земли не отдадим никому» вытекало из гигантского роста нашего могущества, нашей силы: хозяйственной, политической, военной.

Оттянуть войну капиталистов против СССР! Пусть дерутся между собой капиталистические хищники, но пусть оставят в покое Страну советов.

Империалисты идут к войне, к этому их толкают противоречия, их раз'едающие.

В своем докладе на собрании актива ленинградской организации 13 июля 1928 г. т. Сталин подчеркивал значение англо-американского противоречия как основного противоречия в капиталистическом мире.

«Основным противоречием стало противоречие между капитализмом американским и капитализмом английским»¹⁾.

Он подчеркивал, что это основное противоречие в капиталистическом мире «безусловно чревато войной. Когда два гиганта друг с другом сталкиваются, когда им тесно на земном шаре, они стараются померяться силами для того, чтобы разрешить спорный вопрос о мировой гегемонии путем войны»²⁾.

Это противоречие отнюдь не исключает всех остальных противоречий в лагере империализма. Наоборот, это противоречие в ходе капиталистической стабилизации неизбежно обостряется и точно так же чревато мировой войной.

В этом выступлении т. Сталин подчеркивал противоречие между империализмом и колониями, нарастание революционного под'ема в Китае и Индии. Он подчеркивал то, что противоречие между империализмом и колониями «чревато национальными войнами в колониях и интервенцией со стороны империализма».

Угроза японо-американской войны упирается конечно в основное противоречие между Англией и Америкой. С тех пор как были сказаны эти слова, гигантски выросло и укрепилось советское движение в Китае. Мировой империализм осуществляет там сейчас фактическую интервенцию против советских районов в Китае, снабжая Чан Кай-ши, гоминдановскую контрреволюцию аэропланами, танками и прочим современным вооружением для того, чтобы разгромить советский Китай.

Тов. Сталин в этой речи снова и снова подчеркивает, что надвигаются новые войны, что социал-демократия «является основной опорой капитализма в рабочем классе в деле подготовки войн и интервенции». Он подчеркивает значение фашизма для подготовки этих войн:

«...чтобы подготовить новые войны, недостаточно одного лишь пацифизма, если даже он, этот пацифизм, поддерживается такой серьезной силой, как социал-демократия. Для этого нужны еще некоторые средства подавления масс в центрах империализма. Нельзя воевать для империализма, не

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 334.

²⁾ Там же, стр. 335.

укрепляя империалистический тыл. Нельзя укрепить тыл, не подавляя рабочих. Для этого и существует фашизм»¹⁾.

В своем докладе на XVI съезде партии, в середине 1930 г., т. Сталин, останавливаясь на мировом экономическом кризисе, говорил:

«Вышло именно так, как говорили большевики года два—три тому назад.

Большевики говорили, что рост техники в капиталистических странах, рост производительных сил и капиталистической рационализации при органических пределах жизненного уровня миллионных масс рабочих и крестьян должны неминуемо привести к жестокому экономическому кризису. Буржуазная пресса посмеивалась над «оригинальным пророчеством» большевиков. Правые уклонисты отмежевывались от большевистского прогноза, подменяя марксистский анализ либеральной болтовней об «организованном капитализме». А что вышло на деле? Вышло так, как говорили большевики»²⁾.

Тов. Сталин показал в своем докладе, что мировой экономический кризис разворачивается на основе всеобщего кризиса капитализма.

«Это означает прежде всего, что империалистская война и ее последствия усилили загнивание капитализма и подорвали его равновесие, что мы живем теперь в эпоху войн и революций, что капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы.

Это означает, далее, что империалистская война и победа революции в СССР расшатали устой империализма в колониальных и зависимых странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах.

Это означает, дальше, что за время войны и после нее в колониальных и зависимых странах появился и вырос свой собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и осложняя борьбу за рынки сбыта.

Это означает, наконец, что война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде хронической недогрузки предприятий и наличия миллионных армий безработных, превратившихся из резервных в постоянные армии безработных, что создавало для капитализма массу трудностей еще до нынешнего экономического кризиса и что должно еще больше осложнить дело во время кризиса.

Таковы обстоятельства, усугубляющие и обостряющие мировой экономический кризис.

Нужно признать, что нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов»³⁾.

«Важнейшим результатом мирового экономического кризиса является обнажение и обострение противоречий, присущих мировому капитализму.

а) Обнажаются и обостряются противоречия между важнейшими империалистическими странами, борьба за рынки сбыта, борьба за сырье, борьба за вывоз капитала. Теперь ни одно из

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 336.

²⁾ Там же, стр. 488. Разрядка моя.—И. Д.

³⁾ Там же, стр. 493—494.

капиталистических государств уже не удовлетворяет старое распределение сфер влияния и колоний. Они видят, что изменилось соотношение сил и нужно соответственно с этим переделить рынки сбыта, источники сырья, сферы влияния и т. д.»¹⁾.

Исходя из анализа обострения противоречий между империалистами за рынки сбыта, за источники сырья и сферы вложения капитала, показывая, как растут противоречия между Америкой и Англией, Америкой и Японией, Германией и Францией, Францией и Италией и т. д., показывая, как нарастает таможенная война, как растет военная промышленность — единственная отрасль промышленности, которая преуспевает в обстановке кризиса, указывая на чудовищный рост вооружений, т. Сталин приходит к выводу, что все это означает, что «опасность войны будет нарастать ускоренным темпом»²⁾.

Тов. Сталин указывал далее, что «обнажаются и будут обостряться противоречия между странами-победительницами и странами побежденными. Из числа последних я имею в виду главным образом Германию»³⁾.

Налицо обострение противоречий между империалистическими государствами и колониями и зависимыми странами. «Растущий экономический кризис не может не усилить нажима империалистов на колонии и зависимые страны, представляющие основные рынки сбыта и сырья»⁴⁾.

Обострились противоречия между трудом и капиталом, «обнажились и обострились противоречия между буржуазией и пролетариатом в капиталистических странах»⁵⁾.

На основании анализа всех противоречий капиталистического мира т. Сталин пришел в этом докладе к следующим выводам. Он спрашивал, перечислив все эти противоречия:

«...О чем говорят все эти факты?».

И отвечал:

«О том, что стабилизации капитализма приходит конец.

О том, что подъем революционного движения масс будет нарастать с новой силой.

О том, что мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический.

Это значит, во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию.

Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции в области внешней политики.

Это значит, наконец, что пролетариат, борясь с капиталистической эксплуатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции»⁶⁾.

На XVI съезде т. Сталин подчеркивал дальнейшее нарастание опасности нападения империалистов на Советский союз. Противоречия между СССР и капиталистическим миром не являются противоречиями внутри капитализма. Эти противоречия между капитализмом и страной строящегося социализма, противоречия, разлагающие основы капитализма, вскрывающие все противоречия капитализма до глубочайших корней, и «собирают их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков.

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 494.

²⁾ Там же, стр. 495. Разрядка моя.—И. Д.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 496.

⁵⁾ Там же, стр. 497.

⁶⁾ Там же, стр. 498.

Поэтому каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой Страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом.

Отсюда тенденция к авантюристическим наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом¹).

К XVI съезду во главе организаторов антисоветского блока была Франция. Эту роль организатора антисоветской интервенции играла одно время Англия (вспомним хотя бы ультиматум Керзона и последующие события). В зависимости от изменения внутреннего и международного положения капиталистических стран роль организатора и подготовителя контрреволюционной войны с СССР играет то одна, то другая страна.

Обострение противоречий в Европе на почве углубления экономического кризиса, сокращения рынков, стремления ряда капиталистических групп во всех странах найти выход из кризиса на путях войны—приход к власти в Германии фашистской диктатуры, открыто выступающей под лозунгом ревизии версальских границ, привело к резкому обострению версальских противоречий. Германия готовится к изменению версальского положения путем войны, усиленно вооружаясь. Французский империализм заинтересован в сохранении Версаля, определенных им границ. При этих условиях, опасаясь Германии, французский империализм и его союзники: Польша и Малая Антанта—вынуждены перейти к политике дружественных отношений с СССР. Именно этим объясняется то обстоятельство, что Польша и Франция пошли на заключение пактов о ненападении с СССР, что Польша и Малая Антанта подписали пакт об определении агрессора, предложенный СССР во время мировой экономической конференции, летом, в Лондоне.

Франция, по крайней мере теперь, в результате резкого усиления угрозы версальской системе, выступая за политику соглашения со страной пролетарской диктатуры, отказалась от роли организатора антисоветской интервенции.

Обострение противоречий после XVI съезда, на неизбежность которого указывал т. Сталин, привело к росту опасности антисоветской войны, в частности со стороны Японии. Конечно капиталисты большинства крупных стран не прочь выйти из кризиса за счет СССР. Но—и хочется и колется. «Интервенция есть палка о двух концах. Это в точности известно буржуазии. Хорошо, думает она, если интервенция пройдет гладко и кончится поражением СССР. Ну, а как быть, если она кончится поражением капиталистов? Была ведь уже одна интервенция, которая кончилась крахом. Если первая интервенция, когда большевики были слабы, окончилась крахом, какая гарантия, что вторая не окончится также крахом? Все видят, что теперь большевики куда сильнее и экономически, и политически, и в смысле подготовки обороноспособности страны. А как быть с рабочими капиталистических стран, которые не дадут интервенировать СССР, которые будут бороться против интервенции и которые в случае чего могут ударить в тыл капиталистам? Не лучше ли пойти по линии усиления торговых связей с СССР, против чего и большевики не возражают?»

Отсюда тенденция к продолжению мирных отношений с СССР²).

¹) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 499. Политотчет XVI съезду.

²) Там же.

Тов. Сталин, продолжая линию Ленина в новой международной обстановке, подчеркивает наличие двух тенденций в лагере империализма: одну—к укреплению торговых и дипломатических отношений со Страной советов, другую—к организации антисоветской войны, чтобы выйти из кризиса, разрешить таким образом противоречия. В то же время империалисты боятся антисоветской войны, боятся поражения в войне с СССР, боятся превращения войны с СССР в войну гражданскую у себя внутри. Поддержка СССР рабочими стран капитала, рост могущества СССР, политика мира, проводимая советским правительством,—все это препятствие к организации антисоветской войны. Эти две тенденции попрежнему борются между собой в капиталистических странах.

XII пленум ИККИ констатировал конец стабилизации капитализма, наступление перехода к новому туру революций и войн. Этот переход к новому туру революций и войн резко ускорился приходом фашизма к власти в Германии. Тихоокеанские противоречия между Англией и Америкой, Японией и Америкой дошли до высшей степени остроты. Вашингтонское соглашение о переделе мира оказалось сорванным уже японским наступлением на Китай, захватом Манчжурии и Жэхэ. Гонка вооружений гигантски усилилась. Вместе с тем усилились советские районы в Китае; неравномерно нарастает революционный кризис в ряде капиталистических стран. Мир стоит накануне нового тура революций, которые будут перерастать в войны и интервенции империалистов против стран победившей пролетарской революции, и войн, которые будут перерастать в гражданские войны пролетариата против империалистов, затеявших преступную войну, ввергающих весь мир в пучину бедствий, нищеты, разрушений, голода и лишений.

Вместе с тем японский империализм, германский фашизм, английский империализм готовят интервенцию против СССР.

Обострились противоречия между капиталистическим миром и СССР. Перед Советским союзом, ставящим перед собой задачу в течение второй пятилетки построить бесклассовое социалистическое общество, стоит задача дальнейшего проведения своей мирной политики наряду с укреплением мощи Красной армии. В обстановке клочущих империалистических противоречий, обострения всех противоречий внутри империалистов и между пролетариатом и буржуазией, между колониями и метрополиями перед Советским союзом стоит задача укрепить мир, избежать войны. Этот вопрос стоит перед Советским союзом так, как его ставил Ленин в 1920—1921 гг., как его ставил в годы относительной стабилизации т. Сталин, как он ставил этот вопрос на протяжении полутора десятилетий вместе с Лениным и после него, продолжая его дело.

XIII пленум ИККИ, состоявшийся в декабре 1933 г., отметил, что «развитие общего кризиса капитализма после конца относительной стабилизации, отмеченного последним (XII) пленумом ИККИ, привело уже к далеко зашедшему расшатыванию капиталистической системы во всем мире»¹⁾.

К нынешнему моменту «мир уже в плотную подходит к новому туру революций и войн»²⁾.

XIII пленум подчеркнул, что пожар новой мировой войны разгорается на Дальнем Востоке, обострился японо-американский антагонизм, версальские противоречия, все противоречия капитализма.

В то же время японская военщина открыто заявляет о намерении напасть на СССР. Она перекликается с германским фашизмом, для того чтобы

¹⁾ Тезисы XIII пленума ИККИ по докладу т. Куусинена. Разрядка моя.—И. Д.
²⁾ Там же.

зажечь пожар контрреволюционной антисоветской войны с двух сторон: с Запада и Востока. В этом им содействует английский империализм, выступающий теперь в роли организатора антисоветской войны.

В этой обстановке обострения опасностей антисоветской войны СССР неуклонно продолжает политику мира. Окончание первой пятилетки и первого года второй пятилетки, сплошная коллективизация и разгром кулачества как класса, превращение СССР из страны аграрной в страну индустриальную—все это гигантски повысило международный и удельный вес СССР. СССР выступает как мощный фактор мира. Признание СССР Америкой еще более укрепило международное положение СССР. Эра буржуазного пацифизма, укрепил т. Литвинов на IV сессии ВЦИК СССР 29/XII 1933 г., кончилась,—капиталисты усиленно готовят войну. СССР всемерно стремится избежать войны, используя империалистические противоречия, подымая мощный голос предупреждения против войны в обстановке военного безумия, царящего в ряде стран капитала, в частности в Японии и Германии.

Но конечно мы «будем помнить, что в случае неудачи объединенных усилий друзей мира, нарушение его может быть направлено в первую очередь против нас. Мы поэтому будем помнить, что помимо нашей воли может наступить момент, когда придется оправдать заявление т. Сталина, что ни одного вершка своей земли не отдадим. В защите каждого вершка советской земли, будь то на Западе или на Востоке, будут участвовать не только красные военные силы, но и продолжение их—красные народы нашего обширного союза» (Литвинов).

Советская внешняя политика под руководством т. Сталина полностью выдержана в ленинском духе. Борьба за построение социалистического общества, борьба за продолжение передышки, за созревание революционных процессов в странах капитала, за мир при одновременном всемерном укреплении Красной армии—такова политика СССР. И если враг нападет на нашу страну, то, как заявил т. Молотов в своей речи к XVI годовщине Октября, Красная армия поставит своей задачей не только победить, но и разгромить и уничтожить врага.

Сравните нынешнее международное положение СССР с периодом гражданской войны—расстояние неизмеримое. Мощь Советской страны гигантски выросла. Нарастает революционный кризис в странах капитала. Победа мировой революции неизбежна.

Нынешняя обстановка является ярчайшим подтверждением правильности ленинских и сталинских прогнозов, правильности ленинской теории, продолженной и развитой т. Сталиным. Новый тур революций и войн приближается. Он надвигается с неотвратимой неизбежностью, и его неотвратимость и неизбежность, его конкретные черты до самых мельчайших подробностей предвидели за много лет Ленин и Сталин.

Кооперативный план Ленина и победы колхозного строя

П. Черемных

Национализация земли и ленинский кооперативный план

Идея социалистической переделки мелкого крестьянства в коллективные хозяйства как одна из важнейших задач диктатуры пролетариата была дана основоположниками марксизма.

Маркс и Энгельс по вопросу об отношении к крестьянству вели борьбу как против мелкобуржуазной, народнической его идеализации, так и против Лассаля, считавшего крестьянство сплошной реакционной массой. Они рассматривали мелкое крестьянство как резерв пролетарской революции. «Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина» — писал Энгельс. Это требовалось непосредственно партийными интересами, борьбой за свержение капитализма, за быстреее «общественное преобразование» — уничтожение классов, построение коммунизма. При переходе к коммунистическому хозяйству кооперативное производство в земледелии Маркс и Энгельс считали необходимой ступенью. «Наша задача по отношению к мелким крестьянам, — писал Энгельс, — состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели»¹⁾.

Идея этого перевода крестьянства к социализму была развернута и конкретизирована Лениным в кооперативном плане. Тов. Сталин в борьбе против троцкизма, правого и «левого» оппортунизма разработал этот план дальше, руководя повседневно его проведением в жизнь.

Теоретически вопрос о колхозном пути социалистической переделки крестьянства, таким образом, был поставлен и разрешен марксизмом-ленинизмом давно. Но для практического строительства этот новый, социалистический путь развития деревни был открыт лишь победой пролетариата в Октябрьской революции.

В условиях капитализма перед крестьянством был один путь — капиталистический, путь постепенной гибели мелкого хозяйства, путь разорения и кулацкой кабалы для бедноты и подавляющего большинства середняков. Мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство было маломощным, оно на своих ничтожных полосках, разбросанных далеко друг от друга, не могло применять совершенных машин, пользоваться достижениями науки, проводить даже простейшие агротехнические мероприятия. Кулаки, банки, аппарат помещичье-буржуазной власти выколачивали из крестьянина последние гроши, перекачивая его труд, силы и средства в фонды господствующих классов. Беднота и середняки, т. е. подавляющее большинство крестьянства,

¹⁾ Энгельс, Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

обрекались помещичье-капиталистическим строем на обнищание, систематический голод и «идиотизм деревенской жизни».

Лишь Октябрьская революция, диктатура пролетариата открывают для крестьянства путь выхода из вековой нужды и одичания, избавления от всяких эксплуататоров — путь колхозов.

Чтобы вступить на этот новый путь, нужно было «иметь в руках некоторые предварительные условия... Надо было прежде всего иметь советскую власть, которая помогала и продолжает помогать крестьянам стать на путь колхозов. Надо было, во-вторых, выгнать помещиков и капиталистов, отобрать у них заводы и земли и объявить их собственностью народа...»¹⁾.

Национализация земли, проведенная пролетарской диктатурой, обеспечила доведение до конца буржуазно-демократическую революцию в России. Эта национализация обозначала в то же время и первый решающий шаг к созданию нового строя в деревне. Уничтожив куплю-продажу земли, она расчистила пути и почву для новых порядков в сельском хозяйстве, «дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии»²⁾. Национализация земли, положив предел всякой спекуляции с землей, лишила эксплуататорские классы одного из мощных орудий разорения и закабаления деревенской бедноты. Это был, по словам Ленина, «великий шаг к уничтожению эксплуатации» вообще.

Этот шаг обозначал обострение классовой борьбы в деревне. Кулачество оказало проведению национализации земли ожесточенное сопротивление. Оно не могло мириться с уничтожением частной собственности на землю, являющейся основой его власти в деревне. Пролетариат ответил на это созданием классовых организаций бедноты в деревне — комбедов, усилением наступления на кулачество, экспроприацией у него не только земли, но и с.-х. машин, инвентаря, скота и т. д. Создание комбедов, по словам Ленина, явилось поворотным пунктом в классовой борьбе в деревне — переходом от задач буржуазно-демократической революции к революции социалистической, от борьбы против помещиков к социалистической борьбе против кулачества, против капитализма в деревне. Эта борьба деревенской бедноты против кулачества сплачивала ее вокруг своего вождя — городского пролетариата, создавала «самый тесный союз городских рабочих с деревенской беднотой», который «дает только теперь окончательный и прочный фундамент для действительного социалистического строительства. Только теперь социалистическое строительство начнется в деревне. Только теперь образуются те советы и хозяйства, которые планомерно стремятся к общественной обработке земли в крупном размере, к использованию знаний науки и техники»³⁾.

После завоевания власти, по мере развертывания экспроприации экспроприаторов и подавления их сопротивления, перед пролетариатом выдвигается на первый план в качестве коренной задачи «создание высшего, чем капитализм, общественного уклада»⁴⁾, с более высокой производительностью труда, с высшей его организацией, с новой, товарищеской дисциплиной труда. В стране, экономически отсталой, какой была старая Россия, в стране с преобладанием мелкого производства решение этой задачи представляло большие трудности. Нужно было обеспечить себе ряд подступов, создать ряд необходимых условий и предпосылок, чтобы в дальнейшем перейти к социалистическому строительству развернутым фронтом. Первым шагом в этом направлении было налаживание строжайшего и повсеместного учета и контроля над производством и распределением продуктов, так как без такого учета

¹⁾ Сталин, Речь на I съезде колхозников-ударников, стр. 5.

²⁾ Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, т. XXIII, стр. 403.

³⁾ Ленин, Годовщина пролетарской революции, т. XXIII, стр. 254.

⁴⁾ Ленин, Очередные задачи советской власти, т. XXII, стр. 453.

и контродя немислим был бы дальнейший переход к действительному «обобществлению производства на деле»¹⁾. Задача состояла в борьбе с мелкобуржуазной распушенностью, с дезорганизаторским влиянием мелкобуржуазной стихии, в борьбе по всем линиям за повышение производительности труда, за поднятие трудовой дисциплины, за налаживание сотрудничества масс, за их организованность и деловитость, за восстановление тяжелой промышленности и т. д. Нужно было начать собирать по камню фундамент социалистического общества²⁾, преодолевая бешеное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов.

Создание нового общественного уклада не могло, конечно, ограничиться одним городом, — этот уклад мог вычисти из переделки всех общественных отношений и в городе и в деревне. Сохранение прежних отношений и экономических условий жизни в деревне обозначало продолжение процесса дифференциации в деревне, постоянного выделения на одном полюсе бедноты, на другом — с.-х. буржуазии. В тылу пролетариата, держащего в своих руках власть и экономические командные высоты, все же воспроизводился бы классовый враг — кулачество, который попытался бы оторвать от пролетариата широкие массы крестьянства. Пролетариат, создавший свою диктатуру и развертывающий борьбу за уничтожение всякой эксплуатации всех классов, должен был приступить к выкорчевыванию и наиболее мощного слоя капиталистического класса в СССР — деревенского кулачества. Сначала это выражалось в поддержке деревенской бедноты при создании комбедов. Комбеды явились теми организациями в деревне, с помощью которых пролетарская революция разгромила в 1918 г. кулачество и приступила к переделке общественных отношений в деревне, отношений, которые, по словам Ленина, больше всего тормозили строительство социализма и развитие всех прежних революций и которые как раз «необходимо глубже всего перестроить, чтобы обеспечить победу социализма»³⁾. Переделка общественных отношений деревни требовалась всем ходом соцстроительства, всем развитием пролетарской революции, захватывающей одну за другой все области и все отрасли производства, требовалась для закрепления достигнутых успехов и для создания новой, более широкой основы дальнейшего развития. В построении социализма пролетариат мог продвигаться вперед не иначе, как подтягивая свои крестьянские резервы, вовлекая в социалистическое строительство миллионы трудящихся деревни.

Создание власти советов, национализация земли, банков, предприятий и т. д. освободили трудящихся крестьян от гнета помещиков и буржуазии. Но это еще не уничтожало глубоких корней капитализма, гнездящихся в мелкотоварном крестьянском хозяйстве, как не создавало зажиточной и действительно культурной жизни для крестьянства, если последнее жило по старому — на основе индивидуальных карликовых хозяйств.

Национализация земли создала лишь необходимые условия и расчистила путь для дальнейшего движения вперед, для создания нового строя. Нужно было по этому пути идти дальше. И перед трудящимся крестьянством «сама жизнь ставит теперь в упор вопрос о переходе к общественной обработке земли, как единственному средству восстановить ту культуру, которая теперь разорена и разрушена войной, как единственному средству выйти из той темноты, забитости и подавленности, на которую всю массу деревенского населения осуждал капитализм»⁴⁾.

¹⁾ Ленин, Очердные задачи советской власти, т. XXII, стр. 441.

²⁾ Ленин, Главная задача наших дней, т. XXII, стр. 376.

³⁾ Ленин, Речь на Всероссийском съезде земотделов, комбедов и коммун, т. XXIII, стр. 420.

⁴⁾ Ленин, Речь на съезде земотделов, т. XXIII, стр. 425.

Переделка отношений в деревне на социалистический лад, как неоднократно подчеркивали Ленин и т. Сталин,—дело чрезвычайно трудное и по необходимости длительное. Дело шло «об организации по-новому самых глубоких экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей»¹⁾ о переделке у массы крестьян векового уклада их хозяйства, жизни и быта, всех навыков и привычек, с которыми они были связаны всей прошлой историей. Дело шло о переводе на новые рельсы сельского хозяйства—самого отсталого производства в народном хозяйстве, об объединении наиболее распыленных, разрозненных, политически и культурно наиболее отсталых масс населения. Чтобы осуществить этот переворот в хозяйстве и быту массы крестьянства, нужно было провести большую подготовительную работу, требовался целый ряд отдельных переходов, предварительных ступеней. «Тут нам предстоит борьба шаг за шагом,—говорит Ленин,—вершок за вершком; придется отвоевывать завоевания новой, социалистической России, бороться за общественную обработку земли»²⁾. Торопливость в этом деле, особенно в начале его, может не облегчить, а лишь задержать развитие настоящей коллективизации деревни, крестьянства. Всякая скоропалительность, а тем более насилие в области хозяйственных отношений среднего крестьянства принесли бы величайший вред переделке деревни. Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина, говорил Ленин на VIII съезде партии в марте 1919 г. «Действовать здесь насилием—значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который является не только у нас, а во всем мире практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего»³⁾.

Чтобы добиться победы на этом фронте — подвести деревню к социалистическому строительству и включить ее в это строительство, нужно было провести большую работу по хозяйственному и политическому воспитанию крестьянства: разграничивая крестьянина-труженика и крестьянина-собственника, решительно подавляя сопротивление кулачества, опираясь на бедноту, укреплять союз с середняком.

В широком кооперировании населения СССР Ленин видит важнейшую задачу, которую нужно осуществить, чтобы подготовить все необходимое для построения социалистического общества. «Теперь гигантское, необъятное значение, — пишет Ленин, — приобретает для нас кооперирование России». Раз у нас «государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежит все средства производства, у нас действительно задачей осталось только кооперирование населения»⁴⁾.

Когда кооперация стала частью социалистического сектора хозяйства, когда ею стал руководить социалистический пролетариат, принципиально изменилось все содержание ее работы. Она превратилась из средства борьбы с политикой советской власти, в какое пытались превратить ее меньшевики и эсеры, в средство социалистического строительства, переделки хозяйства и жизни широчайших масс трудящихся Советской страны, в оружие воспитания в них навыков коллективной работы. Формы кооперации были уже известны крестьянству. Кооперация без коренной ломки их уклада постепенно подводила их к совместному товарищескому труду в земледелии. Это в 1923 г. многие, как указывает Ленин, недооценивали. Недооценка кооперации была как со стороны принципиальной (изменение значения и роли кооперации в общей системе диктатуры пролетариата как одного из ее рычагов,

¹⁾ Ленин, Очередные задачи советской власти, т. XXII, стр. 442. Разрядка моя.—П. Ч.

²⁾ Ленин, Речь на съезде земотделов, т. XXIII, стр. 423.

³⁾ Ленин, О работе в деревне, т. XXIV, стр. 163.

⁴⁾ Ленин, О кооперации, т. XXVII, стр. 391.

недооценка того, что теперь кооперация дает все достаточное и необходимое для построения полного социалистического общества), так и со стороны практической, «со стороны перехода к новым порядкам путем, возможно более простым, легким и доступным для крестьянина. А ведь в этом опять-таки главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало»¹⁾.

Ленин, мобилизуя внимание партии и пролетариата в отношении кооперации, предлагал немедленно исправить недостаток, допущенный при введении нэпа, когда «забыли думать о кооперации», стали недооценивать ее, забывая ее гигантское значение в новой полосе социалистического строительства. Партия быстро исправила этот недочет, систематически развивая все виды кооперации.

Ленинский кооперативный план переделки крестьянства включал все формы кооперации, охватывающие все стороны хозяйства многомиллионных масс крестьянства и других слоев трудящихся Советского союза. Это ясно из всех его указаний. Взять например следующее ленинское положение: «В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно»²⁾. Кооперировать «широко и глубоко» — это можно понять только одним образом: не ограничиваться одной снабженческо-сбытовой кооперацией, а, начиная с нее, переходить к всестороннему кооперированию крестьянства, через простые формы кооперации подвести его к более сложным формам кооперации — производственным, начиная с промысловой и кончая обобществлением всех видов труда — к колхозам. Всякая попытка ограничить ленинский кооперативный план одной сбытовой кооперацией, противопоставляя кооперацию колхозам, как это делали правые оппортунисты в лице гг. Бухарина, Рыкова, Томского и др., является извращением этого плана, непониманием того, что все виды снабженческо-сбытовой кооперации Ленин рассматривал лишь как первые шаги крестьянства в сторону строительства социализма, в продвижении к решению основной задачи — переходу к общественной обработке земли, созданию крупных коллективных хозяйств, проводящих работы на основе всесторонней механизации и тракторизации земледелия, с внедрением электричества во все хозяйственные процессы.

Встать на этот путь, добиться на нем успехов крестьянство могло лишь при самом тесном союзе с пролетариатом, при его помощи по линии снабжения сельхозмашинами, кредитами, при посылке опытных руководителей, помогающих строить работу по-новому, воспитывающих навыки совместной работы, при поддержке в организации бедноты, подавлении сопротивления кулачества и т. д. Только в тесном союзе с пролетариатом, под его руководством, на основе ленинской политики нашей партии крестьянство могло выйти на новый, социалистический путь, покончить навсегда с разорением и нищетой, на которые их обрекал капитализм, и «осуществить дело, без которого освобождения трудящихся быть не может, — дело общественной обработки земли, дело постепенного, но неуклонного перехода от мелких индивидуальных хозяйств к общественной обработке земли»³⁾.

В свою очередь пролетариат только путем перевода распыленных, индивидуальных мелкотоварных крестьянских хозяйств навсегда уничтожил

¹⁾ Ленин, О кооперации, т. XXVII, стр. 392. Разрядка в первой фразе моя. — П. Ч.

²⁾ Там же, стр. 191.

³⁾ Ленин, Речь на I съезде земотделов, т. XXIII, стр. 429.

корни последнего эксплуататорского класса — кулачества. Освобождая крестьянство от кабалы кулачества, пролетариат вместе с тем осуществлял освобождение от эксплуатации всех трудящихся, уничтожал основу существования всяких классов вообще.

Так в общей борьбе против помещиков и капиталистов, против всех и всяких эксплуататоров переплетались интересы пролетариата и крестьянства. Так на каждой ступени совместной борьбы пролетариата и крестьянства все больше и больше креп их союз и повышалась роль пролетариата как вождя всех трудящихся в борьбе за уничтожение классов, за построение полного социалистического общества.

Подготовка поворота крестьянства в сторону социализма

Программа коллективизации крестьянства была провозглашена Лениным и нашей партией с начала Октябрьской революции. Путь перевода крестьянства к социализму был ясен. Но чтобы осуществить эту программу на деле, нужно было сначала подготовить ряд условий и предпосылок.

Тов. Сталин указывает следующие пять основных условий, подготовивших массовый поворот крестьянства на путь коллективизации: развитие социалистической промышленности, особенно поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства, политика решительной борьбы с кулачеством и ход хлебозаготовок 1928 — 1929 гг., развитие с.-х. кооперации, создание сети колхозов и совхозов.

Решающей предпосылкой коллективизации, как и реконструкции всего народного хозяйства, является развитие крупной промышленности — этой основы существования класса, осуществляющего диктатуру пролетариата, базы и поставщика новой техники для сельского хозяйства. В довоенное время большинство с.-х. машин ввозилось из-за границы. Советская страна с ее гигантскими потребностями в машинах для реконструкции народного хозяйства стала на иной путь — путь укрепления экономической независимости от капиталистического мира, создания собственной мощной индустрии, которая была бы способна удовлетворить все потребности Советского союза, превратить «СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование».

По мере общего развития промышленности и машиностроения развивается и с.-х. машиностроение, растет выпуск машин собственного производства, в частности тракторов, этого «важнейшего средства для радикальной ломки старого земледелия и для расширения запашки»¹⁾.

	Г о д ы				
	1921	1922	1923	1924	1925
Машиностроение в млн. руб. (цены 1926—1927 гг.)	100,6	103,3	238,9	244,6	445,1
В % к пред. году	—	103,7	231,3	102,4	182,0
Машиностроение с. х. в млн. руб.	13,8	14,2	32,8	33,6	61,2
В % к пред. году	—	102,9	231,0	102,4	182,1
Тракторов (шт.)	—	2	—	11	538
Импорт тракторов (шт.)	—	60	1 000	1 500	8 137

¹⁾ Ленин, Доклад Совнаркома к VIII съезду советов, т. XXVI, стр. 19.

	Г о д ы				
	1926	1927	1928	1929	1930
Машиностроение в млн. руб. (цены 1926—1927 гг.)	640,7	840,9	1 122,0	1 618,9	2 420,8
В % к пред. году	143,9	131,2	133,4	144,3	149,5
Машиностроение с. х. в млн. руб.	111,6	146,4	191,6	284,6	396,5
В % к пред. году	182,4	131,2	130,9	148,5	139,3
Тракторов	910	874	1 421	4 569	12 591,0
Импорт тракторов	10 438	5 020	3 175	7 707	23 017 1)

Вначале все тракторы ввозились из-за границы. С 1924 г. мы насаждаем собственное производство. В 1927—1928 гг. начинаются проектировка и подготовительные работы по строительству ряда крупнейших наших гигантов: Магнитогорска, Днепростроя, Уралмаша и вместе с ними Сталинградского тракторного завода. Осуществление политики индустриализации страны обеспечило нам создание собственной базы с.-х. машиностроения, привело к полному прекращению импорта тракторов после 1931 г. Этих успехов партия добилась в борьбе против троцкистско-зиновьевской оппозиции, болтавшей о сверхиндустриализации, а на деле проводившей линию «потухающей кривой» и предлагавшей для развития сельского хозяйства дать крестьянам по лошадке; в борьбе против правого оппортунизма, политики «крестьянских философов», предлагавших задержать развитие промышленности, вырабатывать больше ситца и товаров ширпотреба за счет создания машиностроительных заводов.

В числе условий, подготовляющих поворот крестьянства к коллективизации, видное место занимала с.-х. кооперация, которая приучила индивидуального крестьянина к коллективным, товарищеским формам работы, воспитывала у него навыки организованного разрешения вопросов своего хозяйства.

Партия проделала большую работу по очищению кооперации от эсеров и меньшевистского влияния, по превращению всех видов кооперации в экономический рычаг диктатуры пролетариата, в приводные ремни по организации масс. Кооперация росла из года в год, вовлекая в свои ряды многие миллионы крестьянства. Вот некоторые данные о росте основных видов кооперации СССР за период до коллективизации:

К о о п е р а ц и я	Число пайщиков в тысячах			
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
С.-х.	5 361	6 905	9 468	15 000
Потребительская	9 436	12 406	15 991	22 581
Кредитная	3 071	—	—	6 640
Кустарнопромысловая	—	—	509	790

Кооперативная общественность явилась необходимой ступенью в подготовке крестьянства к колхозному производству. От с.-х. кооперации до ТОЗ был уже один шаг.

В колхозах — высшей форме производственной кооперации — крестьяне могли проверить преимущества коллективных форм хозяйства в срав-

1) «Нар. хоз во СССР», статист. справочник.

нении с индивидуальными уже на работе в основной отрасли с.-х.—в земледелии, а также и в животноводстве. Товарищества, коммуны и артели возникли вскоре после Октябрьской революции. Их рост виден из следующих данных:

	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Т-ва по совместной обработке земли	—	622	886	2 514	3 600	3 931	3 403	5 284
Артели	604	3 605	7 722	10 182	7 400	10 075	11 126	14 320
Коммуны	975	1 961	1 892	3 313	3 000	1 945	1 748	2 319
	1 579	6 188	10 500	16 009	14 000	15 951	16 277	21 923

Но их доля в экономике страны, в посеве, валовой и товарной продукции хлеба была невелика.

	1927 г.	1928 г.
Посевная площадь в млн. га	0,8	1,4
Валовая продукция в млн. ц.	4,9	8,4
Товарная " " " "	2	3,6 ¹⁾

По составу эти колхозы были бедняцкими. Беднота явилась зачинщиком и организатором колхозного движения. Именно из ее рядов вышли крестьяне-передовики, которые под руководством партии сразу после Октябрьской революции начали искать на практике социалистические пути развития деревни. В этих колхозах не было совершенных с.-х. машин, была слаба организация труда. Но, несмотря на все их недостатки, это были все же ростки нового, социалистического строя в деревне. И Ленин требовал от колхозов и от всей партии того, чтобы поставить их на должную высоту, «чтобы каждая из существующих теперь нескольких тысяч коммун и артелей стала настоящим рассадником коммунистических идей и представлений среди крестьян, практическим примером, показывающим им, что она, хотя и слабый, маленький еще росток, но все же не искусственный, не парниковый, а настоящий росток нового, социалистического строя. Лишь тогда мы одержим прочную победу над старой темнотой, разорением и нуждой, лишь тогда нам не будут страшны никакие трудности на нашем дальнейшем пути»²⁾.

Колхозы не отгораживались от окружающих крестьян китайской стеной, а, где могли, помогали им, вели разъяснительную работу. Они на опыте показали крестьянам, что в колхозах можно добиться более высоких урожаев — до 150 — 200 пудов с десятины, при товарности в 30 — 40 проц. Этот положительный опыт создал «серьезную тягу бедноты и низших слоев середнячества к колхозам»³⁾.

Крупнейшую роль в подготовке перехода крестьян к крупному хозяйству сыграли совхозы. Разбросанные по всему Советскому союзу, вклинен-

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 518.

²⁾ Ленин, Речь на I съезде земкоммун, т. XXIV, стр. 536.

³⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 319.

ные в крестьянское хозяйство, они оказали последнему материальную и агротехническую помощь. Они были центрами агротехники и лучших приемов земледелия. Они своим делом укрепляли союз пролетариата с крестьянством и на практике показывали, чего можно добиться, применяя все достижения современной техники и науки.

Это не осталось без положительного влияния на ход коллективизации. Районы, где работали совхозы, одними из первых вступили на путь сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Совхозы	% коллективиз. в районе совхоза 1931 г.	% коллективиз. по всему району
Учебно-опытн.	70—90	60—65
Средневолжский	71	33
Магнитогорский	60	37
Макушинский	30—40	25

Практика полностью подтвердила правильность линии партии на максимальное развертывание совхозов как крупнейших центров социалистического земледелия. Практика опровергла все рассуждения правых о том, будто бы деньги, отпущенные на совхозы и колхозы, являются выброшенными на ветер. Она опрокинула рассуждения «ученых» вредителей Дояренко, Макарова и др., которые «научно» доказывали нерентабельность крупного земледелия. Практика полностью подтвердила, что крупные совхозы могут развиваться, систематически повышая производительность труда благодаря применению новой техники, что совхозы являются очагами культурного ведения земледелия, живыми пропагандистами за крупное обобщественное хозяйство.

Все успехи в деле социалистической переделки деревни были достигнуты на основе проведения ленинской политики партии в деревне: опора на бедноту, тесный союз с середняком и не прекращающаяся ни на минуту борьба с кулаком. Только борьба на основе этого триединого лозунга, из которого ни одной части нельзя опустить, не нарушив его полностью, привела к крупным успехам. Нельзя было добиться поворота крестьянства в сторону коллективизации, не словив ожесточенного сопротивления кулачества, которое сохранилось после разгрома в 1918 г. и на базе мелких товарных крестьянских хозяйств продолжало расти в первый период нэпа. В производстве хлеба в 1927 г. его доля составляла: в валовой продукции 13 проц., в товарной—20 проц. Кулачество подкололо себе резервы, особенно по «валюте валют»—хлебу, вновь стало закабалять бедноту, претендуя на господство в деревне. Особенно обнаглело кулачество в 1927—1928 гг., во время хлебозаготовок, открыто выступая с заявлениями: «Мы вам хлеба не дадим, дайте нам полную свободу торговли. Сила—мы, хлеб у нас». Партия крепче организовала бедноту и, чтобы сломить сопротивление кулачества, перешла к политике усиленного нажима на кулачество путем введения на некоторый срок чрезвычайных мер. Новым в проведении этих мер в 1927—1928 гг. было то, что в это дело были вовлечены широчайшие массы бедноты и среднего крестьянства путем проведения общественного бойкота кулаков в самых различных формах. В бойкот были вовлечены даже школьники (опыт Урала и Сибири). Эта борьба против кулачества еще больше организовала бедноту, укрепила союз с середняком под руководством пролетариата и партии и явилась необходимым звеном в проведении подготовительных мер по организации поворота крестьянства на путь сплошной коллективизации и в подготовке политики ликвидации кулачества как класса.

Проведение коллективизации и борьба партии на два фронта

Чтобы развернуть успешное наступление на капиталистические элементы, нужно было разбить их агентуру у себя в тылу, в первую очередь троцкистов с их буржуазной теорией о невозможности построения социализма в одной стране, отрицанием социалистического характера наших государственных предприятий, отрицанием социалистического пути развития деревни, переоценкой кулака, который превращался в их глазах во всесильного хозяина в деревне, с их теорией затухающей кривой в промышленности, контрреволюционной болтовней о перерождении диктатуры пролетариата и т. п. Троцкисты много кричали о борьбе с кулаком, но не желали вести эту борьбу на деле. Вместо того, чтобы вести единственно правильную, но и более трудную и «более сложную политику изоляции кулака через союз с середняком»¹⁾, троцкисты хотели во всем выйти за счет середняка, путем его «колонизации», хотели поссорить с ним пролетариат! Партия под руководством т. Сталина разгромила эту буржуазную теорию войны с союзником и капитулянтства перед капиталистическими элементами, теорию разложения рядов пролетариата и деревенской бедноты. Партия, укрепляя союз с середняком, перевела социалистическое строительство в деревне на высший этап: на XV с'езде провозгласила лозунг коллективизации.

Это требовалось всем ходом социалистического строительства.

Единоличные хозяйства продолжали оставаться глубочайшей основой капитализма в деревне. Пока преобладали эти многомиллионные единоличные хозяйства, база капитализма была сильнее, чем база коммунизма, так как на основе их ежедневно и ежечасно, как указывал Ленин, вырастала капиталистическая верхушка — кулачество. Советская власть не могла долго базироваться на двух противоположных основах: крупной социалистической промышленности, которая уничтожала капиталистические элементы, и мелком крестьянском хозяйстве, которое, наоборот, воспроизводило капиталистические элементы. Нужно было создать единую, монолитную социалистическую базу советской власти во всем народном хозяйстве, иначе рост капиталистических элементов грозил ей в дальнейшем гибелью. Чтобы создать эту базу, был один путь: перевод мелких, распыленных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, работающие на базе современной техники. К XV с'езду все предпосылки для такого перехода были уже подготовлены. Быстрый темп развития промышленности — ключ к социалистической реконструкции сельского хозяйства на базе коллективизации, обеспечивающей эту реконструкцию средствами производства, рост государственных фондов позволяли уже в ближайшие годы оказать массовому колхозному движению крестьянства необходимую материальную помощь.

Этот переход вызывался также необходимостью ускорить темп развития сельского хозяйства. Дело приняло теперь такой оборот, говорил т. Сталин на XV с'езде партии, что «без объединения распыленных крестьянских хозяйств, без перевода их на общественную обработку земли нет возможности двинуть дальше серьезно ни интенсификацию, ни механизацию сельского хозяйства, нет возможности поставить дело так, чтобы наше сельское хозяйство могло догнать в темпе своего развития капиталистические страны, вроде например Канады»²⁾.

Только путь развития колхозов и совхозов был средством ускорения темпов развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне. Если по своему удельному весу в этот период на первом месте стояли все еще индивидуальные бедняцко-середняцкие крестьянские

¹⁾ Сталин, Политотчет к XIV с'езду, Партиздат, стр. 51.

²⁾ Сталин, Политотчет ЦК ВКП(б) XV с'езду, стр. 24—25.

хозяйства, которые поставляли товарного хлеба в 6 раз больше, чем совхозы и колхозы, то по типу хозяйств на первый план теперь выдвигались эти последние. Их прежде и больше всего нужно было поддерживать и двинуть вперед. Одних индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств, которым тоже нужно было оказывать помощь, на данном этапе развития было уже недостаточно. Нужно было перейти к политике всемерного насаждения колхозов и совхозов, к полной реконструкции сельского хозяйства на базе новой техники и коллективного труда.

Против этой политики партии выступили правые оппортунисты, которые противопоставили генеральной линии партии кулацкую линию развития сельского хозяйства. Лидеры правых: Бухарин, Рыков, Томский и др. — требовали отказа от провозглашенного на XV съезде партии лозунга об «усилении наступления на кулака». Они требовали полной свободы развития кулацкого хозяйства. «Мы не должны мешать производству кулацких хозяйств» — писал Фрумкин. На этом основании они восстали против чрезвычайных мер в хлебозаготовках, которые партия должна была ввести в 1928 г., чтобы сломить саботаж обнаглевшего кулачества и взять у него хлеб. Они требовали развязывания рыночной стихии.

Линия правых целиком вытекала из их антимарксистской, антиленинской концепции — с механистической теорией равновесия, с отрицанием марксистско-ленинской теории классовой борьбы, с их буржуазной теорией вращивания кулака и концессионера в социализм. Бухаринская теория равновесия секторов народного хозяйства имела объективно своей целью отстоять капиталистический сектор хозяйства против развивающегося социалистического сектора в деревне — совхозов и колхозов, «отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов»¹⁾. Правые предлагали отложить в долгий ящик социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, «не вести расширения совхозов и колхозов в ударном и сверхударном порядке». Это в тот момент, когда партия только начинала по-серьезному работать над укреплением и расширением старых и созданием новых совхозов. Фраза о «сверхударном порядке» должна была прикрыть их прямое нежелание по-серьезному взяться за разрешение этой задачи, их стремление предоставить колхозы и совхозы стихийному развитию, самотеку, их отказ от социалистической переделки деревни и от руководящей роли пролетариата в этой переделке.

Этому же должна была служить их теория, будто «столбовой дорогой» социалистического развития деревни является только снабженческо-сбытовая кооперация, но не колхозы, что только через эти формы и через торговлю можно укрепить смычку пролетариата с крестьянством, а единственной «смычковой» промышленностью может быть только легкая индустрия. Заглядевшись на прошлое деревни, правые оппортунисты не увидели новых явлений, новых потребностей бедняцко-средняцкого крестьянства в производственной помощи со стороны пролетарского города: помощи машинами, тракторами, новой техникой, которые только и могли вывести его из безвыходного положения, избавить от неизбежных при мелких индивидуальных хозяйствах нужды и кулацкой кабалы. Линия правых, таким образом, выражала кулацкую линию развития деревни, была политикой развязывания капитализма в сельском хозяйстве. Неудивительно, что теории правых совпадали в ряде основных положений с вредительскими теориями, а вредители защищали положения Бухарина, Фрумкина и других как свои собственные лозунги.

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 444.

И с этих позиций правые хотели «исправить» политику партии. Партия разгромила все установки правых оппортунистов: Бухарина, Рыкова, Томского и других.

Тов. Сталин, гениальный продолжатель Ленина, разоблачил весь антимарксистский, антиленинский характер установок правых, вскрыл их теоретические корни: схоластику, механицизм, извращение основ марксистско-ленинской теории, непонимание самой сути диктатуры пролетариата, закономерностей ее развития. Тов. Сталин показал всю «гипертрофированную претенциозность» главы правых — Бухарина, этого «теоретика без диалектики», «теоретика-схоластика», «чьи теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским» (Ленин). Тов. Сталин доказал, что наше развитие идет не по формуле Бухарина: «уничтожение классов путем потухания классовой борьбы и вращаения капиталистов в социализм», а по формуле Ленина: «уничтожение классов путем ожесточенной классовой борьбы пролетариата»¹). В борьбе против правого и «левого» оппортунизма и троцкизма т. Сталин разрабатывает вопросы классовой борьбы международного пролетариата и в СССР, вопросы о нэпе, крестьянстве, государстве, темпах индустриализации и т. д., развивая дальше марксистско-ленинскую теорию и тактику, вооружая ими пролетариат.

Партия под руководством ЦК и т. Сталина разгромила как правый оппортунизм — эту главную на новом этапе опасность, этих буржуазных постепеновцев, так и «левых» фразеров, пытавшихся обогнать движение масс, декретировать это движение, и примиренчество к тем и другим и повела большевистскую политику насаждения совхозов и колхозов на основе ленинского кооперативного плана, социалистической переделки деревни. Партия мобилизовала рабочий класс на помощь крестьянству, двинула широкие массы рабочих-пропагандистов, 25-тысячную армию передовиков-рабочих в качестве организаторов социалистического хозяйства в деревне на помощь своему союзнику, на организацию борьбы за колхозный путь развития. Пролетарское государство во-время двинуло крестьянству материальную помощь в виде тракторных колонн, прокатных пунктов, МТС, всесторонней помощи со стороны совхозов: машинами, кадрами, агрономическими силами, семенами, культурным обслуживанием и т. д.

На основе целесообразного использования нэпа: достижений в области индустриализации, развития кооперативной общественности, ленинского воспитания масс и успехов во всех областях социалистического строительства — партия перевела общее наступление на капиталистические элементы, провозглашенное на XV съезде, в развернутое социалистическое наступление на капиталистические элементы по всему фронту. Под знаком этого «решительного наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни» (Сталин) началась наша работа 1929 года, «года великого перелома на всех фронтах социалистического строительства».

Развертывание творческой активности и трудового энтузиазма миллионов масс пролетариата, идущих по линии борьбы с бюрократизмом, развития социалистического соревнования и проведения непрерывки, дало решающий сдвиг в подеме производительности труда. На основе разрешения проблемы накопления для тяжелой промышленности — благодаря устранению непроизводительных расходов на капиталистические классы, плановому руководству народным хозяйством и распределением народного дохода, режиму величайшей экономии в государственном аппарате и т. д. — мы «взяли ускоренный темп развития производства средств производства и создали предпосылки для превращения

¹) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 399, 415—416.

нашей страны в страну металлическую»¹⁾, заложили основы тяжелой промышленности. Наконец партии удалось добиться решающей победы на самом трудном фронте — в области сельского хозяйства, с тракторами и комбайнами, «удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, капиталистического пути развития... к новому, социалистическому пути развития...», «удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на невероятные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов»²⁾.

Подрывая последние основы капитализма, разгромив все контрреволюционные теории троцкистов и правых оппортунистов — этих выразителей чаяний и взглядов, поставщиков теоретического оружия сопротивлявшемуся классовому врагу, — Советский союз под руководством партии на всех парах шел по пути индустриализации к социализму, «становясь страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации» (Сталин). На этой основе ленинский кооперативный план, разработанный дальше т. Сталиным, претворялся в жизнь.

Кулачество оказало колхозному движению бешеное сопротивление, стараясь всеми мерами удержать бедноту и середняков под своим влиянием. Чтобы обеспечить победу нового строя и расчистить ему путь в деревне, нужно было сломить кулачество, доканать его вконец. Это поняли колхозники из опыта своей борьбы. Поэтому массовое колхозное движение, перешедшее вскоре в сплошную коллективизацию, превратилось в мощную «анти-кулацкую лавину». Партия под руководством т. Сталина перешла на базе сплошной коллективизации от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса, т. е. к лишению его средств производства, права аренды, пользования наемным трудом, свободного распоряжения землей, применению репрессий и т. д.

Партия правильно выбрала момент для этого, одного из решающих, поворота в нашей политике. Именно теперь, а не раньше все условия для такого поворота были достаточно подготовлены. Его нельзя было провести за 3—4 года до этого периода, нельзя было провести в 1926—1927 гг., что предлагала троцкистско-зиновьевская оппозиция, так как тогда «не было еще тех опорных пунктов в деревне в виде широкой сети совхозов и колхозов, на которых можно было бы базироваться в решительном наступлении против кулачества»³⁾. Тогда нельзя еще было заменить кулака в производстве хлеба (617 млн. пуд. валовой и 126 млн. пуд. товарной продукции хлеба в 1927 г.) социалистическим производством, так как совхозы и колхозы были еще слабы. Тогда подобная политика была бы лишь «политикой царапанья с кулаком», а не его ликвидацией. Она была обречена на провал и привела бы лишь к дискредитации советской власти, к укреплению позиций кулачества.

Теперь политика ликвидации кулачества как класса опиралась на все экономические и политические успехи, на все достижения в области индустриализации и колхозного движения. Теперь эта политика осуществлялась самими бедняцко-середняцкими массами, проводящими сплошную коллективизацию. Они под руководством органов пролетарского государства лишали кулачество средств производства и брали их в распоряжение колхозов. Раньше раскулачивание, подрезая экономическую мощь кулака, сопровождалось в большинстве случаев дележом его машин

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 433.

²⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 436.

³⁾ Там же, стр. 457.

между крестьянами-бедняками, укрепляя их единоличные хозяйства, поднимая их до уровня середняка. Особенностью раскулачивания периода сплошной коллективизации было то, что средства производства кулака поступали теперь в распоряжение колхозов, увеличивая их производственную мощь, становились их коллективной собственностью, укрепляли общественную собственность. Раскулачивание теперь подрывало вконец и уничтожало всякие корни векового врага деревенской бедноты и маломощных середняков и укрепляло колхозы. Без уничтожения производственных источников существования кулачества невозможно было развитие колхозов, особенно сплошной коллективизации. Поэтому-то бедняцко-средняцкое крестьянство так решительно и расправлялось с кулачеством.

Именно теперь нужно было перейти к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, а не позже, как это предлагали правые оппортунисты, которые держались за индивидуальное хозяйство.

Быстрые темпы развития социалистической промышленности представляли громадный спрос на с.-х. сырье и продукты. Этот спрос не удовлетворялся 24,5 млн. мелких крестьянских хозяйств, которые не имели не только расширенного, но подчас и простого воспроизводства. Мелкое крестьянское хозяйство не поспевало за семимильными шагами промышленности. Исчерпание всех его возможностей не давало требуемого количества сельскохозяйственных продуктов. Темпы его развития были препятствием для быстрого развития индустрии, укрепления экономической независимости СССР, вытеснения капиталистических элементов, дальнейшего продвижения пролетарской диктатуры по пути уничтожения классов, построения социалистического общества. Сельское хозяйство уже не могло дальше развиваться по-старому. Выход был либо на пути капиталистического развития с обнищанием и эксплуатацией большинства бедняцко-средняцкого крестьянства, пути укрепления капиталистических элементов, захвата кулаками экономической, а затем и политической власти в деревне и буржуазной реставрации, либо на пути социалистическом — на основе мощных совхозов и колхозов, социалистической переделки деревни, на основе новейшей техники и коллективных форм труда, с разгромом капиталистических элементов, переходом к политике ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Либо то, либо другое. Нужно было выбирать. Правые — агенты кулака — предпочитали капиталистический путь развития. К ним присоединились троцкисты. Вместе с меньшевиками и буржуазными идеологами Троцкий считал переход к сплошной коллективизации преждевременным и вредным, высмеивал наши колхозы и совхозы, защищал кулака, выступив против политики ликвидации кулачества как класса. «Левые фразы отпали. Капитулянтское контрреволюционное существо троцкизма обнаружилось во всей наготу. Борьба пролетариата и колхозных масс СССР, развернувших под руководством нашей партии последний решительный бой с капиталистическими элементами во всех областях, развернутым фронтом смела со своего пути и кулачество и его контрреволюционные подголоски.

Теперь это было не огульное наступление, которое предлагалось троцкистско-зиновьевской оппозицией в 1926—1927 гг., а широкое и всесторонне подготовленное большевистское наступление, победа которого была твердо обеспечена. Эта победа обеспечивалась мобилизацией классовой бдительности и творческой активности пролетариата и крестьянства в борьбе с капиталистическими элементами и бюрократизмом путем самокритики, небывалого развертывания социалистического соревнования и ударничества, произведшего коренной поворот в отношении масс к труду. Обеспечивалась перестройкой практической

работы всех пролетарских организаций: профсоюзов, кооперации и т. д., изгнанием чуждых и оппортунистических элементов и выдвижением новых сил снизу. Обеспечивалась мощным потоком материальных средств на поддержку промышленности, совхозов и колхозов, посылкой на ведущие производственные участки лучших работников партии. Обеспечивалась наконец мобилизацией всей партии на проведение этих задач, перестройкой ее рядов, очищением от примазавшихся и чуждых, изолированием и изгнанием оппортунистических элементов, выдвижением новых стойких большевиков, правильным и твердым руководством ЦК и т. Сталина всем наступлением, борьбой на два фронта — против постепеновцев и «левых» загибчиков.

На основе успехов коллективизации за 1929 г. ЦК принял известное решение от 5 января 1930 г., где дана оценка состоянию колхозного движения и намечены перспектива и пути дальнейшего его развития. ЦК отмечает массовый поворот крестьянства на путь коллективизации, наличие всех необходимых материальных предпосылок для быстрого развития этого движения, для замены крупного кулацкого производства хлеба крупным колхозным производством и всего необходимого для того, чтобы перейти от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации его как класса. ЦК указывает на возможность превышения 30 млн. га посева по колхозному сектору 1930 г. и намечает ориентировочные сроки окончания коллективизации в основном, разбив все районы на 3 группы: Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга — осень 1930 г. — весна 1931 г., другие зерновые районы — осень 1931 г. — весна 1932 г.

ЦК дает указания усилить работу по постройке тракторных, комбайновых заводов, производству прицепного инвентаря, одновременно подчеркивая всю важность сохранения на данной стадии конной тяги в колхозах, предлагает изменить методы землеустройства, оказывать преимущества колхозам и расширить финансирование им с 270 до 500 млн. руб. ЦК определяет артель как основную форму, основное звено колхозного движения на ближайший период, дает отпор правооппортунистическим рассуждениям о невозможности развертывания колхозного движения из-за недостатка сельскохозяйственных машин, особенно тракторов, и в то же время предостерегает партийные организации от возможных перегибов, от какого бы то ни было декретирования колхозов сверху.

Предупреждение ЦК однако было забыто местными партийными организациями. Увлеченные успехами коллективизации, они погнались за внешней стороной дела, за чисто количественными успехами, подменили действительное массовое движение крестьян и действительное соревнование по организации колхозов игрой в коллективизацию. Темпы и проценты коллективизации стали увеличиваться буквально не по дням, а по часам, иногда за несколько дней они от 10 проц. сразу поднимались до 90 проц. Данные о темпах коллективизации основных областей и краев РСФСР за этот период¹ даны ниже.

Коллективизация бурно росла во всех областях — в основных зерновых, где за последние годы велась ожесточенная борьба против кулачества, сплотившая деревенскую бедноту и массу середняков, куда была в большей мере заброшена новая техника, где с 1929 г. стали быстро расти МТС, и в районах потребляющих и национальных, где не было проведено такой работы в деревне. Но погнавшись за дутыми процентами коллективизации, «левые» загибчики нарушили ленинский принцип добровольности колхозного движения, нарушили ленинское требование конкретного подхода (одно из основных положений марксистско-ленинской диалектики) — учет разнообразия условий в разных областях и районах. Напри-

¹) «Плановое хозяйство» № 5, 1930 г., стр. 73, 77, 78.

мер некоторые районы Туркестана захотели перегнуть передовые зерновые районы СССР, добываясь этого путем «политики» унтера Пришибеева — угроз крестьянству лишением поливной воды, промтоваров и т. п.; перепрыгнули через незавершенную форму развития — артель — к коммуне.

	Охват с/х к ^о на 1/X 1929 г.		% механизации т-н	% охвата МТС на 15/VII 1929 г.	Темп коллективизации				
	% кооп. насел.	% охвата посел. т-н			1/X	1/VI	1/X	1/III	1/V
					1928 г. в %	1929 г. в %	1929 г. в %	1930 г. в %	1930 г. в %
Северокав. край	50	9,4	5,9	2,6	5,4	12,0	20,0	85,0	67,8
Нижневолжский край	35	27,7	5,4	2,1	3,6	8,0	13,0	71,3	42,2
Ср.-Волжский край	33	10,6	4,3	1,3	4,6	8,0	10,0	62,0	26,9
ЦЧО	38	7,0	3,1	1,3	1,8	5,4	9,0	86,6	19,0
Урал	38	7,4	1,2	1,0	2,5	4,3	9,0	71,8	33,1
Сибирь	70	5,2	1,3	0,2	2,7	4,1	6,0	50,3	31,0
Горьковский край	} 40,5	0,03	—	—	0,6	5,0	6,0	50,4	12,5
Московская обл.		1,5	0,8	0,1	0,7	1,7	4,0	72,8	7,1
Иван.-Возн. обл.		—	—	—	0,7	1,7	3,9	30,8	5,9
Западн. обл.	37	—	0,4	—	0,7	1,4	2,6	35,1	7,0
Общие по РСФСР	—	—	—	—	2,2	3,9	7,4	59,3	23,4
„ „ СССР	—	—	—	—	—	—	—	—	27,7

В этот момент головокружения от успехов выступил т. Сталин со своими историческими статьями «Головокружение от успехов», которые были «глубокой разведкой ЦК» по вопросу проведения политики партии в колхозном движении, и «Ответ товарищам-колхозникам». Тов. Сталин отмечает в них величайшее значение коренного поворота крестьянства к социализму для всего дела пролетарской революции, успехов колхозного движения, вселяющих в партию и пролетариат дух бодрости, веру в победу, подводящих к партии «новые миллионные резервы». В то же время он дает беспощадный отпор всяким попыткам возродить традиции троцкизма в отношении к середняку, дает образец борьбы партии на два фронта, вскрывает причины перегибов. Тов. Сталин указывает, что «левые» головокружия не понимают классовой природы нашего наступления, — на какой класс наступать, в союзе с каким классом нужно бороться, и поэтому соскальзывают с правильного пути, когда острое наступление поворачивается против нашего союзника — середняка. «Все эти искривления являются результатом прямого нарушения политики партии, прямого нарушения постановлений руководящих органов партии, могущего лишь создать почву для усиления правых элементов в партии». Они «являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам»¹⁾. Тов. Сталин продолжает разрабатывать ленинский кооперативный план, дает программу дальнейшего развития колхозного движения, определяя политику партии и методы ее проведения. «Задача партии, — указывает т. Сталин, — закрепит достигнутые успехи и планомерно и использовать их для дальнейшего продвижения вперед»²⁾. Закрепить же успехи, базу для дальнейшего решительного наступления можно только на основе ленинской политики нашей партии в отношении к среднему крестьянству, на основе быстрого исправления искривлений партийной линии, допу-

¹⁾ Решение ЦК от 16 марта 1930 г. См. Савельев и Поскребышев; директивы ВКП(б) по хоз. вопросам, стр. 680.

²⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 465

ценных местными работниками и организациями, и всемерного развертывания внутриколхозного строительства: укрепления артелей, разрешения хозяйственных, парт-политвоспитания колхозников, подбора кадров и т. д. Под руководством т. Сталина партия быстро исправила «левацкие» ошибки местных организаций и перестроила свою работу.

Партия разбила также все попытки правых оппортунистов, захотевших использовать «левацкие» перегибы для нападков на генеральную линию партии. Правые вновь выступили было с своей «тараканьей» философией, как бы чего не вышло, с похороненной двухлеткой, которую они противопоставляли пятилетнему плану развития сельского хозяйства, с разговорами об ошибочности колхозного пути и т. д. Этой болтовней они прикрывали свое нежелание проводить политику ликвидации кулачества как класса, сплошную коллективизацию, борьбу за победу социализма в деревне.

На опыте колхозного движения т. Сталин учит партию марксистско-ленинской тактике борьбы, общим законам большевистского наступления.

Тов. Сталин указывает, что лишь наступление с перегруппировкой сил в ходе самого наступления, с обязательным закреплением завоеванных позиций, использованием имеющихся и подведением новых резервов, со смелым развертыванием решительного наступления и доведения его до полного разгрома и уничтожения врага,— лишь такое наступление может быть успешным. На основе этих законов большевистского наступления партия проводила и проводит свою борьбу за уничтожение классов, за построение социализма при повседневном руководстве ЦК и т. Сталина.

Сокрушительный удар по правым и «левым» оппортунистам оздоровил и укрепил колхозное движение, привел к ликвидации дутых цифр и процентов коллективизации, наскоро, путем голого администрирования испеченных и совершенно неустойчивых коммун и артелей. Это привело к разгрому капиталистических элементов деревни и к дальнейшему росту колхозов в последующие хозяйственные кампании. Под знаком осуществления задач, поставленных т. Сталиным и ЦК партии, развернулось колхозное движение дальше. «Колхозная антикулацкая лавина», организованная партией под руководством т. Сталина и ЦК, неудержимо двигалась по деревням и селам Советского союза, переводя на социалистический путь развития новые и новые миллионы трудящегося крестьянства.

Победа колхозного строя

Первая пятилетка—эта программа развернутого социалистического наступления—была осуществлена досрочно. Она превратила СССР в передовую индустриальную страну, повысив удельный вес промышленности в валовой продукции с 48 до 70 проц., а в самой промышленности—удельный вес производства средств производства с 44,3 до 52,3 проц., приравняв в этом отношении СССР к Англии и Германии. Электрификация и механизация основных процессов труда подняли энерговооруженность рабочего СССР уже в 1930 г. до 2,8 л. с.—до уровня Германии 1925 г., превысив английский уровень—2,4 л. с. Социалистическая промышленность за пятилетку стала «единственной формой индустрии в СССР» (Сталин). Вопрос «кто кого» был разрешен в промышленности и сельском хозяйстве. СССР вступил в период социализма, завершил построение экономического фундамента социалистического общества, разгромил капиталистические элементы, подготовил экономическую базу полного уничтожения классов и успешно продвигается по пути построения полного социалистического общества.

Пятилетка в сельском хозяйстве была перевыполнена в еще более короткий срок. Ее непосредственная промышленная база—сельскохозяйствен-

ное машиностроение—обогатилась заводами комбайнов и гусеничных тракторов, которые пятилетним планом не намечались: Харьковским тракторным заводом, Саратовским заводом комбайнов и т. д. Пролетарское государство вложило за четыре с четвертью года в реконструкцию сельского хозяйства 3 млрд. руб. и мобилизовало на это дело через колхозы и МТС еще 1,7 млрд. руб. Эти средства пошли в планируемые мероприятия: в колхозах—3,2 млрд. руб. и в МТС—1,5 млрд. руб. По сельхозмашиностроению и тракторостроению СССР занял первое место в мире, то есть в этой области не только догнал, но и перегнал капиталистические страны. Широкая материальная помощь и планомерное организационно-хозяйственное и политическое руководство партии и пролетарского государства социалистической переделкой деревни увенчались полной победой колхозного строя, созданием социалистической основы советской власти в деревне в виде колхозов и совхозов. Сплошная коллективизация в основном была завершена во всех решающих районах СССР, кулачество разгромлено.

XVI партконференция и V съезд советов намечали следующую программу роста колхозов и совхозов: на 1933 г. охват обобщественным сектором (колхозами и совхозами) 20 млн. крестьянского населения, 26 млн. га посевов—17,5 проц. посевной площади, 15,5 проц. валовой, 43 проц. товарной продукции зерновых культур. Эта программа была перевыполнена уже через 2 года. К концу 1932 г. было создано 5 тыс. крупнейших совхозов, до 2.446 МТС и 211 тыс. колхозов, объединявших 14,9 млн., или 61,5 проц. крестьянских дворов и 75,6 проц. посевов. К концу 1933 г. количество МТС перевалит вероятно за 2.800, а количество колхозов достигнет 225 тыс., которые объединят около 16 млн., то есть $\frac{2}{3}$ всех крестьянских дворов. Следующая таблица характеризует рост колхозного движения по годам:

Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
% хозяйств в колхозах (на весну)	1,7	3,9	23,6	52,7	61,5
% посева колхозов во всем крест. посеве	1,2	3,6	30,9	63,0	75,6
% товарного зерна, сдан. колхозами государству во всем крест. тов. зерне	3,3	10,2	34,3	70,2	77,3
% хлопка, сдан. колхозами, ко всей заготовке хлопка	1,86	5,8	26,7	70,5	78,6
% льна, сдан. колхозами, ко всей заготовке льна	—	—	—	56,5	61,8 ¹⁾

Неуклонно растет количество колхозов, охватывающих все больше и больше крестьянские хозяйства. Неуклонно растут колхозные посевы, обгоняя темп коллективизации дворов. В этом сказываются преимущества крупного коллективного сельского хозяйства, повышающего производительность труда с первых ступеней, когда колхозы не вполне окрепли и не развернули еще всех своих возможностей по линии организации труда, с лучшей расстановкой и использованием рабочих рук, машин, тягла, с применением наиболее крупных и сложных машин и т. д. Новый колхозный строй свои преимущества обнаружил наиболее ярко в том, что сразу же двинул вверх товарный выход сельскохозяйственных продуктов: доля товарного зерна, сдаваемого колхозами государству, росла из года в год, достигнув в 1932 г. 77,3 проц. во всем крестьянском товарном зерне, 78,6 проц. по хлопку, 61,8 проц. по льну. Вместе с совхозами обобщественный сектор дал 84,2 проц. товарной заготовки зерна и 83 проц. хлопка. В 1933 г. доля колхозов и совхозов

¹⁾ «Итоги выполнения первой пятилетки». Изд. Госплана, 1933 г., стр. 136. Все данные о пятилетке взяты из этой работы.

повысилась по всем линиям: по посеву, валовому сбору и хлебопоставке,— это при утроении общего количества заготавливаемого хлеба и при неуклонном повышении внутриколхозного потребления и улучшения питания колхозников! Колхозы и совхозы стали за пятилетку решающей силой в продовольственном снабжении страны. Они создали прочную базу этого снабжения и сырья для нашей текстильной промышленности.

СССР стал страной самого крупного земледелия в мире. Это видно из следующих данных о среднем размере посева на 1 хозяйство и удельном весе посева единоличников, колхозов и совхозов за 1928 и 1932 годы:

Хозяйство	1928 г.		1932 г.	
	Удельный вес в посевах (в %)	Средний размер посева на 1 хоз. (в га)	Удельный вес в посевах (в %)	Средний размер посева на 1 хоз. (в га)
Единоличные	97,3	4,5	22,0	3,15
Колхозы	1,2	42,0	68,0	434,0
Совхозы	1,5	544,0	10,0	2 303,0 ¹⁾

Если к началу первой пятилетки подавляющее большинство хозяйств— 97,3 проц.—представляли мелкие, разбросанные по кусочкам, исполосованные бесконечными межами крестьянские наделы по 4,03 га в среднем, то в конце ее преобладающей формой хозяйства стали крупные колхозы и совхозы с мощными массивами по 434 и 2.303 га в среднем, уничтожившими крестьянские земельные лоскутья и межевые ленточки с сорняками. Охват посевов вырос за пятилетку с 2,7 до 78 проц., а в 1933 г. достиг 85 проц. Совхозы по величине посевов выросли больше чем в 4 раза, колхозы стали приближаться к средним размерам посевов в совхозах начала пятилетки.

Это укрупнение и переход к колхозной форме хозяйства с применением тракторов и других машин были причиной большего освоения крестьянами-колхозниками земельных площадей, чем они засеивали в своих единоличных хозяйствах. Вот цифры колхозных посевов 1932 г. и крестьянских посевов 1928 г.—цифры победы колхозного строя, создающего высшую производительность труда:

Показатели	Зерно	Хлопок	Сахарная свекла	Лен-долгунец
Все крестьянские посеяны в 1928 г. (тыс. га)	91 076	956	568	1 344
Колхозные посеяны в 1932 г. (тыс. га)	69 110	1 433	1 107	1 594
Колхозные посеяны в 1932 г. в % к крестьянским посевам в 1928 г.	76	150	195	118

210 тыс. колхозов, которые охватили 14,7 млн., 61,5 проц. крестьянских дворов и около 60 проц. рабочего скота, смогли засеять больше $\frac{3}{4}$ посева зерновых, в $1\frac{1}{2}$ раза больше хлопка, почти в два раза больше сахарной свеклы и значительно больше льна, чем сеяли 24,5 млн. крестьян-единоличников в 1928 г. Если в 1928 г., будучи единоличниками, они засеивали 63 млн. га, то, став колхозниками, они смогли засеять 91,6 млн. га.

Они освоили около 12 млн. га (из 15 млн. га) кулацкой земли, засе-

¹⁾ «Итоги выполнения первой пятилетки», стр. 137.

вавшейся последними к началу пятилетки, 8 млн. га заброшенных единоличниками земель и подняли 9 млн. га целины¹⁾.

Вот неоспоримое преимущество новой системы хозяйства—колхозов—с первых шагов их работы. Вот результат громадной помощи колхозам тракторами и другими машинами со стороны пролетарского государства, результат коллективного использования рабочего скота и крестьянского инвентаря.

Вместе с созданием крупного сельского хозяйства пятилетка произвела величайший переворот в технике сельского хозяйства. Техническое оснащение и уровень механизации сельского хозяйства наглядно иллюстрируются следующими данными о техническом вооружении нашего сельского хозяйства в 1928 г.:

Показатели	1928 г.	
	В млн. га	В % ко всей площади
Пахота ярового клна сохой	8,1	9,8
Ручной сев яровых	61,2	74,4
Уборка зерновых серпом	14,3	15,5
„ „ к сой	26,6	28,9
Обмолот зерновых цепом	12,0	13,0
„ простыми ручными способами	25,5	27,7

Чтобы покончить с этим позорным отставанием и поднять производительность труда сельского хозяйства, пролетарское государство двинуло в деревню в течение первой пятилетки мощные тракторные колонны, о которых мечтал Ленин, мощные отряды новой техники, сложных с.-х. машин и инвентаря в поход против вековой отсталости и примитивных орудий труда—опоры средневековых методов работы в земледелии. К началу пятилетки деревня имела с.-х. инвентаря на 1.100 млн. руб. Только за 4½ года пятилетки деревня получила новых машин и инвентаря на 1.610 млн. руб. Один тракторный парк вырос с 26,7 тыс. единиц, бывших на 1/X 1928 г., до 148,5 тыс. (с учетом амортизации) на 1/I 1933 г., а по мощности—с 278 тыс. л. с. до 2.225 тыс. л. с. Если вначале основная часть тракторов поступала за счет импорта,—еще в 1930 г. ввозные тракторы составляли 54 проц. по количеству и 77 проц. по мощности,—то начиная с 1932 г., когда работали не только тракторный цех «Красного путиловца», но также и такие мировые гиганты, как СТЗ и ХТЗ, импорт был полностью прекращен. Советские заводы за пятилетку дали сельскому хозяйству 94,3 тыс. тракторов. Набирая с каждым месяцем темпы, овладевая все более и более новой техникой, они за 11 месяцев 1933 г. дали еще 66,8 тыс. штук, причем 1.300 мощных гусеничных «сталинцев» ЧТЗ.

За пятилетку новая техника дала полную отставку сохе, которой обрабатывалось в 1928 г. до 10 проц. всей пашни, а трактор развернул свой 1 проц. всех посевов 1928 г. до 33 проц. посевов в 1932 г. Дедовские коса и серп, снимавшие до 45 проц. хлебов в 1928 г., быстро стали уходить с колхозных полей, совершенно изгнаны с полей совхозных, очистив место комбайнам, виндрузам и другим уборочным машинам. То же наблюдается с цепом и другими орудиями средневековой техники.

Трактор, комбайн, сложные молотилки, новейший прицепной инвентарь, грузовой автомобиль—вот что стало характеризовать новую технику социалистического земледелия, вот чем пролетариат вооружает своего союз-

¹⁾ «Итоги выполнения первой пятилетки». Изд. Госплана, 1933 г., стр. 138—139.

ника—крестьянство, подводя под все отрасли сельского хозяйства крепкую базу передовой машинной техники.

Пятилетка двинула вперед не только зерновое хозяйство,—здесь вопрос был в основном разрешен быстро, когда поставщиком основной части товарного хлеба стал социалистический сектор,—но и другие отрасли сельского хозяйства — животноводство и технические культуры. Социалистического животноводства к началу пятилетки почти не существовало. Оно было создано заново и к концу пятилетки представляло крупнейшую силу: в совхозах и в 132 тыс. колхозных товарных ферм было крупного рогатого скота 7,6 млн. голов (в совхозах 2,1 млн. и в КТФ 5,5 млн.), свиней—3.550 тыс. голов (950 тыс. и 2,6 млн.), овец и коз 10 млн. голов (4,4 млн. и 5,6 млн.), в инкубаторно-колхозно-товарных фермах было 3,6 млн. штук птицы.

Еще более крупные успехи были достигнуты в области технических культур, в расширении сырьевой базы текстильной промышленности: увеличение площадей под хлопком, посев его в новых районах, создание культуры египетского хлопчатника, почти удвоение посевов льна, внедрение новых культур и т. д. Параллельно с расширением площадей под техническими культурами происходила быстрая механизация всех процессов производства: внедрение тракторов, хлопкоуборочных машин, льнотеребилок, постройка новых заводов и т. д. Коллективная форма труда и механизация и здесь вели к быстрому повышению производительности труда, росту валовой и товарной продукции, сокращая и полностью заменяя импорт промышленного сырья, укрепляя экономическую независимость Советского союза.

Во главе социалистической реконструкции сельского хозяйства на основе механизации и тракторизации как ее становой хребет шли совхозы, за что указывал т. Сталин на XVI съезде партии. В форме совхозов пролетарское государство создало мощные энергетические центры, настоящие фабрики по производству хлеба, хозяйственно-политические центры показа применения совершенной техники с.-х. производства. Вместо 5 млн. га посевов по 5-летнему плану они дали в 1932 г. 13,5 млн. га посева, в том числе 9,3 млн. га зерновых. Тракторная тяга в них составляла к этому времени уже 67 проц. всей их тяги. Вооруженность одного совхозного рабочего механической тяговой силой поднялась за пятилетку в 4 раза—с 0,14 л. с. до 0,58 л. с., что повысило производительность труда: на 1 рабочего приходилось уже 7,07 га уборочной площади вместо прежних 3,04 га. Совхозы сыграли крупнейшую роль в деле обучения окружающего крестьянства новым приемам работы с помощью современной техники, совхозы подготовили первые отряды квалифицированных рабочих: трактористов, комбайнеров, шоферов для МТС, для колхозов, которые пользовались этими кадрами и опытом совхозов.

По мере развертывания колхозного движения центр тяжести всей работы все больше и больше переключался на внутриколхозное строительство, упорядочение дела внутри самих колхозов. ЦК в решении от 2 августа 1931 г., где определяется мерило завершения в основном коллективизации в 68—70 проц. крестьянских хозяйств и 75—80 проц. посевных площадей, отмечает завершение в основном коллективизации по Северному Кавказу, Нижней и Средней Волге (Левобережье), по Украине (степь и Левобережье), Крыму и зерновым районам Урала, Крыма и Молдавии и предлагает партийным организациям этих республик и областей «в центре своей работы поставить организационно-хозяйственное укрепление колхозов в их нынешней артельной стадии развития: организация труда, постановка дела учета, проведение сдельщины, борьба за качество работы, организация высокотоварных колхозных ферм, создание

кадров». Устанавливая сроки окончания коллективизации в основном для других районов и областей, ЦК еще раз делает предупреждение о недопустимости нездоровой погони за раздутыми процентами коллективизации, предлагая также и этим организациям «сосредоточить внимание работников на закреплении имеющихся достижений в области коллективизации и развить усиленную работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и прежде всего по льняным и овощным колхозам». Под знаком этих задач прошла работа первой пятилетки и продолжается работа во второй пятилетке.

На грани первой и второй пятилетки, на январском пленуме ЦК и ЦКК 1933 г., т. Сталин еще раз подчеркнул эту задачу укрепления колхозов, превращения их в большевистские крепости в деревне.

Колхозы созданы. Позиции индивидуального хозяйства преодолены окончательно. Колхозный путь победил. Теперь не может быть и речи о возврате к мелким единоличным крестьянским хозяйствам. Путь к ним закрыт. Это ясно для большинства крестьянства. Возможные колебания у отдельных колхозников ни в какой мере не имеют решающего значения. Движение вперед может происходить только на рельсах колхозов, на основе всемерного укрепления обобщественного хозяйства, расширения общественной собственности колхозов. Судьба крестьянства, все его перспективы теперь зависят от развития производительности колхозного труда.

Чтобы развернуть высшую производительность труда в колхозе, надо лучше организовать этот труд. Организация труда в колхозах (и совхозах), с каждым месяцем все больше снабжаемых сложнейшими машинами, стояла и стоит в центре внимания партии, всей нашей работы в деревне. Колхоз стал крупным хозяйством. Его надо вести не по старинке, не по типу единоличного крестьянского двора, а как крупное социалистическое предприятие. У крестьян-единоличников не было навыков совместного производства в широком масштабе. Этим навыкам, умению крупного коллективного производства его надо научить. Результат работы колхоза теперь определяется не только наличием того или иного количества работников и машин, но также и их расстановкой, целесообразным и полным их использованием, постановкой правильного учета труда. Он зависит от соблюдения трудовой дисциплины, от сознательного, социалистического отношения каждого к порученной ему работе. Правильная организация труда, воспитание трудовой дисциплины, развитие соревнования, ударничества, борьба за качество работы—вот что теперь необходимо для развертывания всех возможностей, даваемых коллективным трудом и механизацией основных видов производства для поднятия с. х. на небывалую высоту.

Перевод крестьянства на колхозный путь следовательно не уменьшал заботы партии о колхозах и сельском хозяйстве, что подчеркивал т. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК, а увеличивал их, увеличивал ответственность партии за руководимые колхозы. Это обуславливалось как тем обстоятельством, что колхоз является крупным социалистическим предприятием, которое может развиваться лишь по плану, с твердым соблюдением сроков, заданий и т. д., так и новым этапом классовой борьбы в деревне.

Кулачество в ходе сплошной коллективизации было разгромлено. Но живые люди, составлявшие этот класс, остались. Они разбрелись по всему СССР, они пробрались в совхозы и колхозы и продолжают там борьбу против колхозного строя, перейдя к новой тактике, к новым формам классовой борьбы против социалистического строительства: к борьбе тихой сапой, к вредительству, порче машин, саботажу, разворовыванию общественной собственности втихомолку, тайком. Они пытаются использовать форму колхозов в своих, классовых целях, захватить в них командные посты и превратить их в орудие борьбы против политики советской власти.

Все это требовало от партии величайшей бдительности к классовому врагу, изгнания его из наших предприятий и колхозов, еще с большей остротой выдвигало задачу организационного укрепления колхозов, полного овладения ими, превращения их в твердых проводников политики партии. «Задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать все колхозы большевистскими»¹⁾.

Осуществление этой задачи за 2—3 года создаст мощный под'ем всего социалистического земледелия, превратит всех колхозников в зажиточных. Для ее осуществления на новом этапе уже недостаточно прежних форм руководства соцстроительством в деревне, прежнего порядка комплектования кадров для деревни, недостаточно посланных ранее 25 тыс. рабочих. Партия перестроила методы руководства колхозами, сделала его более конкретным, с охватом всех мелочей колхозной жизни. Партия осуществила идею т. Сталина: создала политотделы при МТС и совхозах, направив в них лучшие силы, подбирая каждого работника персонально. Политотделы за один год своей работы добились решительного перелома в работе колхозов и совхозов, в организации труда, подборе и подготовке кадров, в изгнании враждебных элементов, добились решительного поворота в качестве работы, под'еме урожайности и т. д. Политотделы добились коренного поворота у массы колхозников в отношении к труду, организовав невиданные производственную активность и трудовой под'ем во всех основных областях и районах СССР. Создание политотделов—это новый этап в развитии колхозов и совхозов, этап окончательного их закрепления, этап перевоспитания вчерашних единоличников в сознательных работников коллективизированной деревни.

* * *

За первую пятилетку были найдены, практикой проверены и закреплены организационные формы колхозного движения: с.-х. артель, состоящая из бригад, руководимая и обслуживаемая основными средствами производства через МТС.

МТС—это детище первой пятилетки, это новая форма организации крупного социалистического производства в сельском хозяйстве, важнейший рычаг в руках пролетарского государства по социалистической переделке крестьянства. Особенно это надо сказать об МТС теперь, когда они сами укреплены созданием политотделов.

«В лице МТС выявлена и проверена на массовом опыте форма организации советским государством крупного коллективного сельского хозяйства на высокой технической базе, в котором наиболее полно сочетается самостоятельность колхозных масс в строительстве своих коллективных хозяйств с организационной и технической помощью и руководством пролетарского государства» (постановление ЦК ВКП(б) от 29/XII 1931 г.).

МТС выступают в колхозной деревне в качестве представителей пролетарского государства, как организаторы крупного социалистического производства. Они планируют колхозное производство вместе с колхозами, руководят их деятельностью, помогают им расставить силы, бороться за своевременное выполнение плана и т. д. Но при этом МТС выступают в деревне не как колхозные предприятия, принадлежащие той или иной группе колхозников, а как государственные предприятия последовательно-социалистического типа: они основаны на государственной земле и ведут хозяйство с помощью государственных средств производства под непосредственным руководством и контролем государственных органов и по их заданиям. Именно это обеспечивает за МТС плановое ведение крупного сельского

¹⁾ Сталин, Итоги первой пятилетки, гл. IV, стр. 53.

хозяйства и дает возможность быстро преодолеть антигосударственные настроения и тенденции среди отдельных групп колхозов и колхозников. МТС стали важнейшим рычагом социалистического перевоспитания колхозников, осуществления одного из указаний Энгельса о путях перехода к коммунистическому земледелию. «Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство,— в этом Маркс и я никогда не сомневались,— писал Энгельс Бебелю в письме от 20—23 января 1886 г.— Дело должно быть поставлено так, чтобы общество—следовательно, на первое время государство—удержало за собой собственность на средства производства и, таким образом, частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом»¹). Эта задача разрешена в ходе нашей революции практически, в частности созданием МТС.

МТС дает колхозам максимум хозяйственных выгод и наибольшее повышение производительности труда, наилучшее сочетание сложных и простых машин, механической и живой тяги, наибольшую концентрацию тракторного парка и других машин. Концентрация основных средств производства—одна из характерных черт в энергетическом вооружении сельского хозяйства за пятилетку. Если на 1/VI 1929 г. большинство тракторов в колхозах, имевших тракторы, было распылено: по 1 трактору на колхоз имели 85 проц. колхозов, 2—5 тракторов—14,6 проц. и только 0,4 проц. колхозов имели больше 5 тракторов, то в 1932 г. весь тракторный парк был сосредоточен в МТС (52 проц.) и совхозах (42 проц.).

Эта концентрация тракторов, комбайнов и других машин позволяла их использовать наиболее эффективно. В 1932 г. МТС засеяли уже 50,7 млн. га из 91,6 млн. га—55,3 проц. колхозных посевов и 42 проц. всех крестьянских посевов. В решающих районах процент охвата посевов МТС был еще выше, например по Северному Кавказу удельный вес посевов в МТС в общеколхозных посевах доходил до 73,9 проц., а во всех крестьянских—до 67,3 проц., по Украине—до 70,8 и 56,1 проц., по хлопку—до 90,7 проц., по сахарной свекле—до 81,4 проц. Таким образом развитие колхозного движения и строительства совхозов быстро и без остатка похоронило пророчества правых оппортунистов, заявлявших в 1929 г., будто большие площади под МТС—«это музыка далекого будущего».

Внедрение тракторной тяги через МТС, постепенное вытеснение простого крестьянского инвентаря более сложным не ведут однако к уничтожению лошадиной тяги, а, наоборот, создают условия наилучшего ее использования. Раньше в мелких крестьянских хозяйствах стоял вопрос о недогрузке лошади, сила которой не могла быть рационально применена, лошадь зачастую не оправдывала себя в крестьянском хозяйстве. Теперь этот вопрос полностью разрешен: колхозная лошадь в сочетании с трактором МТС дает большие результаты, лучшее производительное использование, а именно: 175 проц. по сравнению с ее использованием в 1928 г. И в ближайшее пятилетие колхозная лошадь занимает почетное место. Внедрение тракторов в сельское хозяйство не означает перевода всех работ, нуждающихся в применении тяговой силы, на плечи тракторов. В ряде работ совершенно целесообразно гонять такую дорогую и многосильную машину, как трактор, по всяким мелким заданиям. Для заливки горючего и воды в тракторы и комбайны незачем выгонять трактор или комбайн к стану, выгоднее во всех отношениях подвести воду и горючее к машине. При подготовке массива для комбайна, для обжина углов и краев лучше использовать лошадей и лобогрейку. Скирдование, где нет уборки комбайнами, целесообразнее провести на подводах с лошадиной упряжкой. В посевах, бороновании и других работах, особенно на небольших участках, лошади честь и место, не говоря уже о

¹) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 329.

запашке и засеве огурцов. Тракторы, комбайны, автомобили и другие крупные машины следовательно не уничтожают лошадиной тяги и применения простых машин, как это пытались навязать вредители (Вольф и др.) и «левые» фразеры, а создают через МТС и колхозы новые условия для наиболее целесообразного и экономного их использования, повышающего их производственное использование, производительность колхозного труда в целом.

МТС за пятилетку превратились в мощный энергетический центр с.-х. производства, в «элементы Гозэдро для сельского хозяйства», как их характеризует пятилетний план, с большим парком тракторов, комбайнов, авто, сложных молотилок (полученных прямо от государства или выкупленных за 1933 г. у колхозов), с ремонтными мастерскими, которые, правда, еще не везде достаточно оборудованы, с большим обслуживающим хозяйством. Они за пятилетку увеличили вооружение колхозника с.-х. машинами почти в $2\frac{1}{2}$ раза—с 30 р. до 72,8 руб. на 1 колхозный двор. Причем самым МТС принадлежит ведущая роль: стоимость их машин в 1932 г. выражалась в сумме 538 млн. руб., когда стоимость машин колхозников была равна 327 млн. руб. Доля машин МТС будет расти с каждым годом. Колхозы все в большей и большей мере будут работать с помощью государственных средств производства, что будет усиливать влияние и руководство пролетарского государства колхозным строительством.

Отброшена в сторону установка вредителей (Кондратьева, Вольфа, Коварского и др.), которые хотели задержать развитие МТС на выполнении одной функции—быть прокатными пунктами. МТС превращена партией в могучий рычаг укрепления колхозов, поднятия в них трудовой дисциплины, планирования хозяйства, повышения производительности труда путем более рационального использования всех имеющихся сил и средств. Это крупное социалистическое предприятие в сельском хозяйстве, которое из года в год повышает производительные силы нашего земледелия.

МТС является решающим рычагом социалистической реконструкции сельского хозяйства на базе новой техники и коллективных форм труда.

В борьбе за повышение качества работы и урожайности, за организационно-хозяйственное укрепление колхозов имеет большое значение введение натуроплаты за работы, проводимые МТС в колхозах. Это мероприятие, укрепляющее договорные отношения МТС и колхозов, ставящее оплату за работы, проводимые МТС в колхозах, в зависимость от общего сбора урожая на колхозных полях, заставляет МТС нести ответственность за работу всех своих бригад и колонн, заинтересовывая МТС как хозяйственную организацию в улучшении всего дела в колхозах, а колхозы— в правильном использовании всех технических средств МТС. Договоры о натуроплате создают обоюдную заинтересованность участников, направленную на повышение производительности труда, на большую выработку. Это укрепляет и МТС и колхозы, являясь своеобразной формой применения в сельском хозяйстве принципа хозрасчета. Натуроплата дает пролетарскому государству твердый источник хлебопоставок, который уже в настоящем году даст хлеба вероятно больше, чем дадут все наши совхозы. Этот источник будет расти с каждым годом (даже если процент натуроплаты за работу МТС будет снижаться по мере овладения техникой), так как будет расти охват орудиями МТС разных видов работы колхозов, будет повышаться урожайность и т. д. Натуропоставка, являясь одним из средств организационно-хозяйственного укрепления колхозов и самих МТС, орудием повышения производительности сельского хозяйства, вместе с тем дает новый тип связей пролетарского города и колхозной деревни, показывающий пути дальнейших их взаимоотношений.

Создание политотделов МТС завершает превращение последних в могучий рычаг социалистической переделки деревни, в организационно-хозяй-

ственные и политические центры передовой техники, агрономических сил, центры политического руководства всей работой колхозов. Жизнь отбросила фантастические «прожекты», вроде «аграрно-индустриальных комбинатов» — системы замкнутых сельскохозяйственных и промышленных единиц, принадлежащих самим колхозам, которые перерабатывают на месте все продукты своего производства, прожекты, извращающие идею индустриализации сельского хозяйства и социалистической переделки деревни. Жизнь создала МТС как основной рычаг укрепления колхозов и превращения их в сельскохозяйственные предприятия социалистического общества.

Сельскохозяйственная артель стала основной формой колхозов, ведущим звеном колхозного движения в течение первой и второй пятилеток. В 1928 г., в начале развития колхозного движения, преобладающей формой были товарищества по совместной обработке земли — начальная форма колхозов. Тогда степень обобществления посевных площадей составляла только 54,3 проц., рабочего скота — 27,1 проц., а почти половина посева и почти $\frac{3}{4}$ рабочего скота находились в индивидуальном пользовании крестьян. В 1929 — 1930 гг. ТОЗ сменяются артелями, которые в 1931 г. составляют уже 91,7 проц. Изменение удельного веса разных форм колхозов видно из следующих данных:

	1928 г.	1931 г.
Товарищества по совместной обработке земли	59,8%	4,7%
Артели	34,8%	91,7%
Коммуны	5,4%	3,6%

Артель является наиболее понятной и доступной для масс трудящегося крестьянства формой перехода к коллективному труду, формой, дающей возможность обобществить все основные работы в сельском хозяйстве. В ней обобществлены труд, землепользование, с.-х. машины и прочий инвентарь, рабочий скот и хозпостройки. В ней не обобществлены приусадебные земли, жилпостройки, непродуктивная, нетоварная часть молочного скота, мелкий скот и птица. В артели обобществлено основное, решающее, что определяет характер и тип колхоза как социалистического хозяйства, превращает крестьянина в коллективиста и создает новую, социалистическую основу для развития сельского хозяйства. «Артель является основным звеном колхозного движения потому, что она есть наиболее целесообразная форма разрешения зерновой проблемы» — этого «ключа к разрешению всех других проблем» сельского хозяйства, подема других отраслей земледелия — животноводства, технических культур и т. д. (Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 468, 512). Артель дает возможность применять всю новую, передовую технику сельского хозяйства, двинуть на колхозные поля колонны тракторов, комбайнов и других машин, дающих наивысшую производительность. Она является такой формой хозяйствования, где центр тяжести сосредоточен на вопросах организации производства, организации коллективного труда с помощью новейшей техники, т. е. самого важного для укрепления нового строя, для повышения производительности земледелия. То положение, что в артели не обобществлен мелкий скот, приусадебные земли и птица, является не минусом, как это пытались изобразить «левые» загибщики, понимавшие обобществление чисто механически: раз социализм — подавай обобществление питания, птицы, всех мелочей и пожитков, — наоборот, это плюс для действительного продвижения вперед, так как не отвлекает колхозников на третьестепенные вопросы, а сосредотачивает их внимание

на решающих участках сельского хозяйства, на организации производства. Этот момент хорошо отразил в своем романе «Поднятая целина» Шолохов. Давыдов, председатель колхоза в Гремячем догу, убеждая «левого» загибщика, секретаря ячейки Макара Нагульнова, говорит:

«— Не нужно было нам по мелочам размениваться. У нас вон еще семенной материал не заготовлен, а мы за птицу взялись. Такая глупость!.. Мы политически ошиблись с проклятой птицей, факт — ошиблись... ведь у нас колхоз, т. е. артель, а мы на коммуны потянули. Верно? Это и есть левый уклон, факт!»¹⁾

Исчерпаны ли уже производственные возможности артели? Не пора ли переходить к другому типу колхозов, например к коммуне? Не начать ли искать новые формы колхозного движения? Нет. Не нужно изобретать новые, неведомые формы, не нужно переходить к коммуне. Современные коммуны, когда в них введены трудодни, когда коммуны наравне с другими колхозами охвачены МТС, когда коммунарам разрешено иметь коров в личном пользовании, что неизбежно должно сказаться на постановке питания и личного обслуживания коммунаров в сторону стирания грани между современной коммуной и современной артелью, — теперь коммуны по существу, по решающим признакам мало чем отличаются от артели.

Артель дает удачное сочетание личных и общественных интересов колхозников, облегчающее их перевоспитание, преодоление в них мелкобуржуазных навыков и психологии. Этого нет в современных коммунах, а следовательно, нет и основы их здорового роста. Правда, были отдельные коммуны, где хозяйство поставлено в общем неплохо. Так например коммуна «1 мая», Макушинской МТС, Уральской области, сохранила и развивает поголовье скота. Основным в ней является зерновое хозяйство. И в то же время она на 93 двора имеет в КТФ 128 дойных коров, 18 нетелей, 36 штук молодняка, 95 телят, 130 овец, 26 свиней. Но такие коммуны очень редкое исключение. Подавляющее же большинство коммун ведет хозяйство хуже, чем артели. Особенно их бьют иждивенческие настроения на почве мелкобуржуазной уравниловки. Это превратило коммуны по преимуществу в потребительские хозяйства, которые больше беспокоятся о «равенстве» в быту, чем о развитии соцсоревнования и ударничества. Это привело к низкой производительности труда в коммунах, хотя они представляют собой более высокую форму хозяйства (см. Сталин «Ответы колхозникам», «Вопросы ленинизма», стр. 484). Введение трудодней и разрешение коммунарам иметь корову, — иначе говоря, переход их на устав артели, бьет по уравниловке, оздоравливает и укрепляет их, повышает трудовую дисциплину, увеличивает выработку и т. д. Вот почему нельзя идеализировать современные коммуны, а всякая болтовня о немедленном переходе на данном этапе к коммунам может принести только огромный вред колхозному делу.

Нам нужно еще много поработать над дальнейшей механизацией с.-х. производства, внедрением тракторов и других сложных машин, над освоением новой техники, созданием квалифицированных кадров, политическим укреплением колхозов, политическим просвещением колхозников и поднятием их культурного уровня, организацией труда и т. д., чтобы превратить наши колхозы и современные коммуны в предприятия полного социалистического общества. Перестройка работы партийных организаций, всех органов диктатуры пролетариата, передвижка в деревню громадного количества руководителей партийных работников, лучших большевиков, с созданием отделов МТС и совхозов, успехи их работы за этот год дают основание для твердой уверенности, что за вторую пятилетку мы эту задачу разрешим.

¹⁾ Шолохов, Поднятая целина, гл. XIX, «Советская литература», изд. 3-е, стр. 130.

На более высоком уровне развития производительных сил колхозной деревни и пролетарского города, лучшей технической и культурной вооруженности, социалистической сознательности колхозников, поголовном охвате соцсоревнованием и ударничеством, на основе успехов советской торговли по всем ее каналам и т. д., на дальнейших ступенях нашего развития будет налажено также и общественное обслуживание бытовых потребностей: столовые, прачечные и т. д., что не в состоянии разрешить коммуны на базе их современной техники. Но это будет дальнейшим продвижением вперед, продвижением лишь на основе закрепления колхозного движения в артельной форме, на основе* максимального использования всех возможностей, заложенных в форме артели, по линии поднятия производительности труда, создания новой трудовой дисциплины и т. д. Эти возможности артели далеко не исчерпаны. Они только только начинают реализоваться. Лишь на их базе мы будем двигаться дальше. Эта форма не случайна, ее нельзя принять или отбросить произвольно. Она создана опытом миллионных масс колхозников в борьбе за ликвидацию кулачества, как необходимая ступень на пути крестьянства к социализму. Она на этом опыте проверена как правильный путь к социализму. Лишь опыт социалистического строительства в деревне подскажет пути дальнейшего изменения и развития современной артели.

Неверна также теория, будто путь развития колхозов к социализму лежит через превращение их в совхозы с заменой доходов зарплатой, выдачей пайков и т. п. За теорию совхозизации колхозов хватаются наши враги — кулачество — и используют ее как пугало для колеблющихся элементов крестьянства в борьбе против колхозов. Она основана на непонимании своеобразия колхозного пути развития крестьянства к социализму. Она извращает кооперативный план Ленина о социалистической переделке крестьянства на путях колхозов, дающих полную возможность пролетариату руководить этой переделкой, направлять движение в социалистическое русло, по пути уничтожения классов. Она является выражением неверия в возможность такой переделки. Нет абсолютно никакой необходимости превращать все 230 тыс. колхозов в совхозы. Совхозы и колхозы — это два пути переделки сельского хозяйства на социалистический лад, причем совхозы сразу являются государственными последовательно-социалистическими предприятиями, колхозы же — просто социалистическими предприятиями. Первые представляют высшую форму переделки сельского хозяйства, но не единственную и не обязательную для всех крестьянских хозяйств. По завершении социалистической переделки крестьянства в колхозах в полном социалистическом обществе исчезнет различие между совхозами и колхозами. Тогда исчезнет различие между совхозским рабочим и колхозником, тогда все будут работниками социалистического общества. Но подавляющее большинство крестьянства придет к социализму своим путем — колхозным, руководимое пролетариатом, но не превращающееся в пролетариат. Между теперешним этапом совхозного и колхозного строительства — второй пятилеткой — и полным социалистическим обществом не будет никаких промежуточных этапов, когда бы колхозному крестьянству еще пришлось проходить дополнительную ступень совхозизации, превращение в рабочих совхозов. Данный этап нашего строительства есть последний период, в достаточной мере обеспечивающий переделку крестьянства, уничтожение классов, период уничтожения классовых различий между пролетариатом и крестьянством. Он будет завершон во второй пятилетке.

Не выдумывать разных искусственных форм колхозного движения, не создавать новых «проектов», вроде агро-индустриальных комбинатов, а бороться за всемерное организационно-хозяйственное и политическое укрепление существующих колхозов в форме артелей, руководимых МТС, бороться

за повышение производительности труда в них, давая решительный отпор всяким оппортунистическим теориям справа и «слева», — вот задачи нашей работы на данном этапе.

Насколько необъятны возможности повышения производительности труда в рамках этой всем крестьянам понятной и доступной формы, видно например из рассмотрения вопросов организации труда в бригаде — этой основной производственной единице колхоза. Здесь, в бригаде, прежде всего можно и нужно наладить учет меры труда и меры получения продуктов за труд, контроль за проведением принципов, которые, по Ленину, характеризуют низшую фазу коммунизма — социализм: «Кто не работает, тот не должен есть» и «За равное количество труда — равное количество продукта». Объединяя крестьянство в колхозы, ликвидируя кулачество как класс на базе сплошной коллективизации, вводя учет работы и распределение колхозных доходов по трудодням, мы продвигаемся вперед в осуществлении этих принципов.

Эти ленинские положения и указания т. Сталина, что труд и социализм неотделимы друг от друга, много лет еще будут нашей путеводной звездой в организационно-хозяйственном укреплении колхозов. Осуществление шести условий т. Сталина, превращение их на деле в повседневный метод нашей работы в колхозах: подбор кадров квалифицированных рабочих, насаждение механизации и усиление внимания освоению техники, ликвидация текучести среди работников основных квалификаций, которая имеет место не только в совхозах, но и колхозах, уничтожение кулацкой уравниловки, правильное начисление трудодней по количеству и качеству труда, борьба с их разбазариванием, организация и улучшение материально-бытовых условий, ликвидация обезлички на машинах (в колхозах это еще далеко не везде проводится), требование строгой ответственности за порученную работу, подготовка кадров руководителей, целесообразное использование всех специалистов, проведение хозрасчета — все эти мероприятия можно и нужно осуществлять в колхозах и его бригадах. Бригада с закрепленным участком земли, с-х. инвентарем, машинами, тяглом и хозяйственными постройками позволяет организовать четкую работу за целесообразное использование всех своих сил и средств на основе этих указаний т. Сталина. Проведение в жизнь шести условий т. Сталина в работе бригады и колхоза на основе все возрастающей механизации дает гигантские возможности в развитии производительности труда в колхозах, небывалый размах всех отраслей с-х. производства, создание достаточной сырьевой базы промышленности, невиданное повышение уровня жизни пролетариата и колхозного крестьянства, превращение уже в ближайшую пару лет всех колхозников в зажиточных, а колхозов — в большевистские.

В этом грандиозном развороте производительности труда, в невиданном подъеме производительных сил социалистического земледелия, который открывается теперь перед нами и который уже сказался по всем линиям, как только мы начали социалистическую переделку мелкого крестьянского хозяйства, даже в «мануфактурный период колхозного строительства», когда у колхозников не было достаточно машинного вооружения, — в этом залог окончательной победы социализма в колхозной деревне.

Классовые сдвиги в первой пятилетке

Осуществление пятилетки изменило положение классов в СССР, их взаимоотношения. Это изменение, если его охарактеризовать в нескольких словах, сводится к следующему.

Пролетариат, класс, осуществляющий диктатуру в переходный период, руководящий массой трудящихся в борьбе за социализм, укрепил свои позиции во всех областях, добился победы социалистических форм во всем народном хозяйстве, закончил построение экономического фундамента социалистического общества и победно продвигается в построении его, вступив уже в период социализма. Его ряды росли вместе с быстрым ростом крупной промышленности, за пятилетку они удвоились, причем этот рост шел вокруг крупнейших предприятий с передовой техникой, в первую очередь в тяжелой промышленности, в машиностроении. Поднялась его роль в экономике страны, что видно из удельного веса продукции промышленности, увеличившегося с 48 проц. до 70 проц. Полностью ликвидирована безработица, введены 7-часовой рабочий день и непрерывка, систематически улучшается материальное положение пролетариата. Это — в годы, когда в капиталистических странах большая часть пролетариев превратилась в безработных.

Но не только количественный рост, — мы имеем крупнейшие качественные сдвиги в нашем рабочем классе, рост его революционной активности, что нашло наиболее яркое проявление в социалистическом соревновании и ударничестве, коренном повороте во взгляде на труд, который превратился в «дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства». Развертывание социалистического соревнования, поднявшего самые широкие пласты пролетариата, опрокинуло всю контрреволюционную клевету троцкистов и социал-фашистов о труде в СССР, оно явилось важнейшим источником невиданных в мире достижений во всех областях. Небывалый рост политической организованности пролетариата: рост партии, профсоюзов, комсомола, советов и других пролетарских организаций, сплочение пролетариата вокруг партии, укрепление всех рычагов диктатуры пролетариата, рост и укрепление связей с трудящимися массами, особенно с крестьянством, рост политического авторитета среди трудящихся масс и т. д. — вот что мы имеем за пятилетку, вот в чем выражается развертывание сил класса-победителя в социалистической революции, руководящего построением социалистического общества.

В ходе классовой борьбы, в ходе этого строительства пролетариат и сам перевоспитывается. Основные массы его под руководством партии подтягивают новые и отсталые прослойки, помогают им изжить мелкобуржуазные пережитки и рецидивы, воспитывают социалистическое отношение к труду, просвещают их политически, мобилизуют на овладение новыми заводами, новой техникой и наукой. Пролетариат, авангард всех трудящихся масс, переделывает себя как класс в работника социалистического общества путем социалистического соревнования, в ходе своей революционной борьбы за уничтожение классов, в социалистическом строительстве.

Что стало с капиталистическим классом СССР? Пятилетка, утвердившая «принцип социализма во всех сферах народного хозяйства, изгнав отсюда капиталистические элементы» (Сталин), была могилой последнего класса эксплуататоров. Благодаря развернутому социалистическому наступлению по всему фронту, политике ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации капиталистические элементы были вконец вышиблены из производственных позиций. А место их в производстве к началу пятилетки было довольно значительным: в производстве всего хлеба — 13 проц., в товарной части — 20 проц., — это сотни миллионов пудов. Доля кулаков и городской буржуазии в народном доходе за 1928 г., составляла 8,1 проц. Но в последующие годы она быстро стала уменьшаться, и капиталистические элементы пошли ко дну: в 1929 г. на их долю падало только 6,5 проц., в 1930 г. — 1,8 проц., а в 1932 г. — лишь 0,1 проц., в то время как в Англии доля капиталистов составляет 55 проц., в Германии — 45 проц. Таковы результаты разгрома капиталистических элементов в СССР.

Таковы преимущества советской системы хозяйства перед капиталистической.

Капиталистический уклад пошел ко дну, говорил т. Сталин еще на XVI съезде в 1930 г. Теперь и от других укладов осталось немного. Представители патриархального уклада — в скотоводческих и других отсталых районах СССР — втягиваются на путь колхозов, минуя капиталистическую стадию развития, переводятся на рельсы социализма. Государственный капитализм — концессии, акционерные общества с участием частного капитала — не играют какой-либо серьезной роли в экономике страны. Мелкотоварный уклад, главным образом крестьянские хозяйства и кустари, на две трети включен в колхозы, навсегда порвал с вековым строем своей жизни. Растет и развивается, охватывая все области хозяйства и жизни на одной шестой части земли, один уклад, представляющий новую общественно-экономическую формацию, начало коммунизма — социализм.

Кулачество разгромлено, но еще не добито, указывал т. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Живы его представители, хотя они лишены средств производства, средств закабаления трудящихся. Они расплодись по лицу СССР, пробрались в наши предприятия и там продолжают свою борьбу против новых порядков, вырвавших из-под них базу экономического и политического господства. Многочисленные факты, вскрытые в процессе классовой борьбы в деревне, чрезвычайно ярко осветили новые методы и приемы, применяемые на современном этапе классовым врагом для подрыва хозяйственных и политических основ диктатуры пролетариата, основ советского строя. Но, будучи разбитыми, враждебные классы изменили свою тактику, стали действовать тихой сапой, втихомолку, из-за угла. Они теперь выступают «за» колхозы, «за» советскую власть, «за» трудящихся.

Эти факты были широко освещены в партийной печати, а также нашли свое отражение в художественной пролетарской литературе.

Приведем несколько примеров, характеризующих новые маневры классового врага.

Вот воротила казахстанских степей, скотопромышленник Елифан Окатов, на которого работали сотни и тысячи пастухов-батраков. Он решил «перейти» на сторону советской власти и, чтобы объявить всенародно об этом, поднимается на пожарную каланчу, вешает на флюгер малиновый свой картуз и кричит на весь хутор:

« — Отрекаюсь! Отрекаюсь от самого себя трижды, как сказано в священном писании. Оденусь в рубище и возьму посох. Пусть скажут люди: «Был прасол Елифан Окатов. Жил он недостойной и неблагочестивой по разуму жизнью и, отрекшись, стал он нищим Елифанием...» Был я, как говорится, вредный элемент, торговец, спекулянт, с позволения сказать, и форменный прасол... Гоняли мы гурты рогатых из-под Кар-Каралов до города Петербурга. Я осознаю все подобные свои поступки и говорю: не по руке это нашей, советской, рабоче-крестьянской власти... Нету больше среди вас граждан Елифана Окатова, но есть свой на сто процентов гражданин-нищий. Дом мой крестовый на шесть горниц пустует. Он пустует одиноко, и я отдаю его на благо дорогого общества своих односельчан... Будет. Ликвидирую себя на все четыре. Отдаю дом» ¹⁾.

Насколько изворотливы стали кулаки, насколько учитывают они всякие изменения и приловчатся ко всякой обстановке, показывает «деятельность» кулака деревни Молчановки, Трубчевского района, Ильи Пушнова, который будто бы «пострадал за аплодисменты по адресу советской власти». Он имел 3—4 лошадей, столько же коров, свиней и т. д. Сотнями пудов перепродавал лук и другие овощи. Когда же подходило время определения размеров с.-х. налога, он распродал все, оставаясь с одной лошастью и с одной коровой,

¹⁾ Шухов, Ненависть, «Советская литература», 1932 г., стр. 5, 9, 10.

прекращал спекуляцию, превращался в «единоличника-землероба». Но лишь утверждались ставки налога, Пушнов, опять обзаводился хозяйством и брался за спекуляцию. Когда его раскулачили, он отправился в другую область и занялся пастухом. Но, называя себя «пастухом-горемыкой», он и тут поставил все дело по-капиталистически: нанял себе «помощников», которых превратил в своих батраков.

Проникая в колхозы и совхозы, кулаки ведут там свою линию на взрыв их изнутри. Свои вредительские действия, свой саботаж они стараются прикрыть самыми хорошими словами. Так, Яков Лукич Островнов, член правления колхоза им. Сталина в Гремячем Логу, к морозной ночи приказал не подстилать быкам соломы, а убрать ее и, вычистив земляные полы воловен, велел присыпать их речным песком. «Чистоту блюдите!»—командовал он колхозникам. А на утро 23 быка примерзли, не могли встать, вышли из строя. Это он, Яков Лукич, подзуживал мужиков у общественного амбара на растаскивание семян. Это он прятал у себя в доме организатора белых, есаула Половцева, ездил с есаулом в соседний колхоз агитировать за кулацкое восстание. Выполняя те или иные поручения колхоза, чтобы легализовать свое положение в колхозе, он все-таки не оставлял своей думы: как бы скорее «расстаться с советской властью», как бы «дождаться ее износу» (Шолохов, «Поднятая целина»).

Но главный упор они делали теперь по другой линии. Как указывал т. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК, главной и основной формой борьбы кулацко-капиталистических элементов с советской властью является воровство и расхищение социалистической общественной собственности. Враги колхозов срезают колосья на колхозных и совхозных полях, разворовывают семена, намолоченный хлеб, разворовывают продукты из магазинов ОРС и т. д. Пробравшись в колхозы и совхозы при помощи родственников, с помощью фальшивых справок о социальном положении,—такие справки в Макушинском районе, Уральской области, покупались по 40—50 руб.,—они захватывали там ответственные участки—кладовщиков, счетоводов, конюхов, и т. д., чтобы легче было вредить и бороться против колхозного дела. Пробираются в руководство колхозов, в правления. И где им это удается, там разваливают колхозы. Так например в Паникинском колхозе Веневского района, где вошли в колхоз «свои люди», кулаки, торговцы и т. п., вносившие пай по 300 руб., они хозяйничали так, что за один 1931 г. погубили на полях 115 га вики, 70 га гречихи, 5.000 ц. семенников турнепса, 700 ц. картофеля, погубили 13 лошадей, 38 коров и телят, 400 свиней¹⁾.

За последние годы кулаки стали пробираться к сложным машинам. Так например в Макушинском зерносовхозе на Моршихинском отделении пробыл комбайнером Плотников, который в первый же день сломал транспортер, а на другой—деку и барабан. Потихоньку, незаметно обчитывали кулацкие агенты рабочих совхоза, как например бывший торговец, кулак Якимов, пробравшийся бухгалтером на Коноваловское отделение того же совхоза и разоблаченный политотделом. Они путают учет трудодней в колхозах, чтобы разложить бригады, вызвать недовольство колхозников или рабочих. С той же целью саботируются распоряжения об улучшении материально-бытового положения рабочих совхоза, не принимаются противопожарные меры, не выполняются правила по уходу за машинами, по экономии горючего, разбазариваются товары ширпотреба, чтобы сорвать премирование ударников. Бездушно-бюрократическое отношение к потребностям массы колхозников и рабочих совхозов, отсутствие заботы к их повседневным нуждам являются тоже одной из форм сопротивления классового врага и его агентуры. Особенно обостренная классовая борьба идет теперь вокруг социалистической

¹⁾ Рыклин Г., Тихой сапой, 1933 г., стр. 28.

собственности, новой техники и овладения ею. Тут классовый враг не останавливается ни перед какими мерами, чтобы сорвать наше дело.

Расхищение общественной собственности другой своей стороной имеет спекуляцию. Расхищают, скупают и продают разворованное — такова цепь операций капиталистических элементов. Чтобы уничтожить эти элементы вконец, нужно разбить все звенья этой цепи. Тут помимо репрессивных мер имеет большое значение развитие советской торговли, особенно колхозной торговли. Развитие советской колхозной торговли, имея основной своей задачей увеличение товарооборота между городом и деревней и укрепление материального положения пролетариата и колхозников, в то же время с корнем уничтожает спекуляцию, обрезает всякие попытки со стороны капиталистических элементов уцепиться за мелкобуржуазные пережитки колхозников, сманить их на путь спекуляции.

Весь опыт текущего года подтверждает правильность оценок т. Сталина о формах классовой борьбы в деревне, данных им на январском пленуме. Эти оценки и указания т. Сталина, разоблачившие тактику классового врага, вооружили партию, всех рабочих и колхозников, мобилизовали их бдительность в борьбе против недобитых остатков капиталистического класса и привели уже к крупным успехам. За этот год удалось, особенно благодаря работе политотделов, выявить, разоблачить, выкорчевать в значительной мере враждебные элементы из совхозов и колхозов. Задача заключается в том, чтобы выполнить указания т. Сталина целиком и выбросить эти элементы из наших социалистических предприятий в городе, на транспорте, в деревне.

Опыт классовой борьбы за истекшее время опровергает правооппортунистические теории о «мирном вращении» кулака в социализм, о «более плавном развитии» во второй пятилетке. Классовая борьба продолжается, но протекает она в новых формах и при неизмеримо более сильных позициях диктатуры пролетариата. Классовая борьба не прекратится в течение второй пятилетки потому, что кулаки, буржуазные интеллигенты, бывшие торговцы и т. п. капиталистические элементы будут делать снова и снова попытки реставрации капитализма. Являясь разбитым, но еще недобитым отрядом международной буржуазии, ее агентурой внутри СССР, они не порвали с ней связей, не оставили надежды на интервенцию. В современных условиях, когда мы вплотную подошли к новому туру революций и войн, когда необычайно приблизилась опасность империалистической интервенции против СССР, усиливается сопротивление классового врага. Поэтому и теперь полностью остаются в силе указания т. Сталина о необходимости революционной бдительности партии, всего рабочего класса и колхозного крестьянства, о всемерном усилении диктатуры пролетариата, чтобы развеять в прах все замыслы классовых врагов.

Какие изменения произошли за пятилетку с основными массами крестьянства?

Победа колхозного строя выразилась в том, что большинство бедняков и середняков перешло от единоличного хозяйства к колхозам и стало колхозным крестьянством, что в деревне победили социалистические формы труда, преодолев позиции индивидуального мелкокрестьянского хозяйства. Социальная природа колхозного крестьянства теперь определяется новым его отношением к средствам производства: колхозное крестьянство работает в социалистическом секторе хозяйства, на государственной земле, с помощью обобществленных колхозных средств производства и государственных средств производства (МТС), причем доля последних непрерывно растет и будет преобладающей. Национализация земли и обобществление основных средств производства делают экономически невозможной в колхозах какую бы то ни было эксплуатацию, дифференциацию на бедняков и кулаков. Колхозное крестьянство работает в колхозах, которые оно создало и отстояло в борьбе против кулачества, про-

тив капиталистического пути развития деревни, в колхозах, руководимых пролетарским государством, являющихся путем развития к социализму. Этот путь привел уже к ряду побед, среди которых одной из крупнейших является новое отношение к труду, развитие социалистического соревнования, прочно вошедшего в колхозное производство как метод воспитания новой товарищеской дисциплины, как метод переделки мелкобуржуазных навыков и пережитков и величайшее средство повышения производительности труда в сельском хозяйстве. Пролетариат не только снабдил своего союзника совершенными средствами производства, не только обучает его организации крупного производства и овладению современными машинами,—он передает ему и свои формы и методы труда. Но это воспитание, эта переделка сознания миллионов требуют систематической, упорной, настойчивой работы. Подготовка массового перехода крестьян на путь колхозов потребовала целого ряда мероприятий со стороны партии и пролетариата и длительного времени. То же требуется сейчас для переделки колхозного крестьянства в работников социалистического общества. В этом отношении последние пять лет дали много, но еще не все, что нужно.

Колхозное крестьянство—это уже не единоличники, не представители индивидуального мелкотоварного хозяйства, а работники колхозов—социалистической формы хозяйства. «Колхозники по положению уже не единоличники, а коллективисты» (Сталин). Колхозники встали на социалистический путь развития деревни и под руководством пролетариата успешно продвигаются по этому пути, включившись в социалистическое строительство в качестве активных его участников. В этом основное, принципиальное изменение социальной природы крестьянства, вошедшего в колхозы, отличие его от единоличников. Отождествление колхозников, их классовой природы, т. е. их отношения к средствам производства, положения в современном обществе, типа и направления развития и т. д. с крестьянами-единоличниками, например на том основании, что колхозники могут продавать свой хлеб и другие продукты,—такое отождествление неизбежно привело бы к отрицанию колхозов как социалистической формы хозяйства. Подобная попытка делалась т. Лариным. Она была разоблачена т. Сталиным еще в 1929 г. в его выступлении на конференции аграрников-марксистов как разрыв с марксизмом-ленинизмом. Колхозник может продавать излишки своих доходов, но это не дает никакого основания отрицать социалистическую природу колхоза, так как ничто из его доходов не может быть использовано в целях эксплуатации: это идет на улучшение его материального положения, заинтересовывает его в поднятии производительности труда в колхозе. Всякая возможность эксплуатации в колхозе устранена. Не видеть различия между колхозами и единоличными хозяйствами, отождествлять их внутренние отношения и отношения с другими предприятиями, отождествлять колхозное крестьянство с крестьянами-единоличниками могут только наши враги вроде Троцкого, который считает, что «коллективизация может быть жизненна лишь в той мере, в какой оставляет в силе личную заинтересованность колхозников, строя их взаимные отношения как и отношения колхоза с внешним миром на основах коммерческого расчета» (Троцкий, «Бюллетень оппозиции», ноябрь 1932 г.).

Если в колхозе будут преобладать личная заинтересованность, мелко-собственнические интересы над общественными, если будут господствовать индивидуалистические стремления во вред общему колхозному делу, то такие «колхозы» будут развиваться по капиталистическому пути. Кое-где, например в Белоруссии, кулаки, пробравшиеся в правления колхозов, пытались было осуществить эту буржуазную мечту Троцкого, прирезая к усадьбам по 2 га земли за счет колхоза и перенося центр тяжести в работе на личное хозяйство колхозника. Тогда крестьяне-колхозники превратились бы в частных хозяев-единоличников, а не в социалистов. Но подобные явления имели

место в результате контрреволюционной деятельности врага в колхозах и были быстро ликвидированы. Колхозник имеет приусадебный участок, мелкий скот, птицу. Партия ставит своей задачей добиться положения, когда каждый колхозник будет иметь корову. Но это не превращает колхозника в единоличника, мелкого собственника, каким он был раньше, так как его личное хозяйство имеет подсобное значение, оно само зависит от развития общего колхозного хозяйства, его уровня и возможностей, так как хлеб, корм скоту и т. д.—это определяется общим состоянием колхоза. Личное хозяйство колхозника, являясь второстепенным, лишь дополняет его доходы, основная, решающая часть которых дается общеколхозным хозяйством.

Но быть может колхозное крестьянство отличается от единоличников тем, что перестает уже быть крестьянством? Некоторые товарищи действительно склонны так думать и считают, что это новый класс. Эта теория неверна, так как является отрицанием колхозов как пути построения социализма в деревне, как пути уничтожения классов. Она отрицает возможность перевода и переделки крестьян в социалистических работников на основе колхозных путей развития деревни, она ведет к отрицанию социалистического характера колхозов, к социал-фашистской трактовке классов переходного периода в духе Каутского, будто диктатура пролетариата в СССР, уничтожив одни классы, создает на их место другие классы. Социал-фашизму подобные рассуждения нужны для того, чтобы опорочить диктатуру пролетариата как единственный путь и тип государства в период перехода от капитализма к социализму, чтобы защитить буржуазную демократию против диктатуры пролетариата. Товарищи, разделяющие теорию о колхозном крестьянстве как новом классе, таким образом льют воду на мельницу социал-фашистов.

Некоторые товарищи считали, что колхозное крестьянство не принадлежит уже к классу крестьянства, а что это работники социалистического общества, но пока сохранившие на себе следы и «родимые пятна» старого, капиталистического общества. Эта теория имела хождение всего лишь год назад. Она открыто защищалась в лекциях и публичных выступлениях. Эта «левацкая» переоценка колхозника тесно связана с переоценкой колхоза как социалистической формы хозяйства, переоценкой возможностей и сил самого колхоза, с превращением этой формы в икону. Она являлась одной из причин наших недостатков работы в деревне за прошлый год, препятствовала проведению линии партии, что было вскрыто т. Сталиным на январском пленуме ЦК и ЦКК. Эта «левацкая» по форме теория ведет к правооппортунистическому самотеку в колхозном движении, к недооценке трудностей переделки крестьянства и большевистского укрепления колхозов. Подобная теория не мобилизует партии и пролетариата на дальнейшую борьбу за социалистическое перевоспитание колхозника, а, наоборот, размывает силы и внимание на этом участке, все предоставляет самотеку.

Другие товарищи считали, что крестьяне-колхозники хотя еще не превратились в работников социалистического общества, но уже порвали с крестьянством как классом и теперь становятся рабочими. Эта теория ведет к огосударствлению колхозов, превращению их в совхозы. Эта теория кроме отмеченного выше отрицания ею ленинского кооперативного плана, неверия в социалистические возможности колхозов, непонимания своеобразия путей развития крестьянства к социализму и их участия в построении социалистического общества вредна еще и тем, что отрицает различие между пролетариатом и колхозным крестьянством, существующее на данном этапе, смазывает руководящую, авангардную роль пролетариата в социалистической переделке деревни, в перевоспитании пролетариатом своего союзника. Эта идеализация колхозника и вместе с тем идеализация колхоза стирает различие между государственной промышленностью — последовательным н о - с о ц и а л и с т и ч е с к и м типом предприятия — и колхозом, тоже

социалистическим типом предприятия, но представляющим особую ее форму: хозяйство с коллективной собственностью на средства производства, где на основе социалистического принципа (по количеству и качеству труда) делятся продукты между участниками данного коллектива. Она игнорирует очень важный факт классовой характеристики колхозного крестьянства, который подчеркивает т. Сталин, что колхозное крестьянство—это вчерашние единоличники, имеющие еще частнособственническое сознание. За этот год благодаря работе политотделов мы продвинулись вперед и в этой области: по линии политического просвещения и социалистического воспитания колхозников, о чем красноречиво говорит перелом во всей работе колхозов, развитии социалистического соревнования и т. д. Но это ни в какой степени не дает основания стирать грани между пролетариатом и колхозным крестьянством. Классовое различие между ними еще не исчезло.

Колхозное крестьянство—это коллективисты с пережитками мелкобуржуазной психики, не изжившие до конца мелкобуржуазные привычки. Это есть часть класса крестьянства, вступившая на социалистический путь развития, вчерашние единоличники, переделываемые под руководством пролетариата в социалистических работников на путях колхоза, в борьбе против капиталистических элементов, в процессе активного участия в социалистическом строительстве.

В колхозах нет двух разных классов, не создаются бедняки или кулаки. Вступление крестьянина-средняка в колхоз обозначает переход его на социалистический путь развития, разрыв с прежними колебаниями, процесс изживания его двойственной природы, борьбу с мелкобуржуазными пережитками и отставанием его сознания от сложившихся уже новых, социалистических отношений в экономике. В колхозе происходит процесс переделки и изживания классовых различий крестьянства. Обобществление средств производства, растущая механизация главных работ, плановое ведение крупного хозяйства, коллективный характер труда, пролетарское руководство колхозным движением—все это гарантирует успешное завершение этой перековки крестьянства в рамках второй пятилетки. Пока же она не завершена, различие между пролетариатом и колхозным крестьянством остается, и пролетариат не только не ослабляет, но усиливает свое внимание и руководство колхозным крестьянством в их совместной борьбе за уничтожение остатков капитализма в экономике и сознании людей, за окончательную победу социализма.

Колхозное крестьянство в массе своей стало опорой пролетариата в деревне. Но от этого изменения оно не перестало быть его союзником. «Что такое колхозное крестьянство? Колхозное крестьянство есть союзник рабочего класса. Громадное большинство этого крестьянства является опорой советской власти в деревне. Но это еще не значит, что среди колхозников и колхозов не может быть отдельных отрядов, идущих против советской власти, поддерживающих вредителей, поддерживающих саботаж хлебозаготовок» (Сталин, Выступление на заседании Политбюро и Президиума ЦКК, 27 ноября 1932 г.; см. Каганович «Цели и задачи политотделов», стр. 15—16). Отсюда необходимость твердого политического руководства со стороны партии и всего пролетариата колхозным движением, борьба против всяких попыток отдельных групп колхозников возродить мелкобуржуазные традиции и капиталистические пережитки.

Один класс современного общества способен руководить трудящимися в борьбе за коммунистическое общество—это пролетариат, подготовленный всем развитием капиталистического общества, наиболее обученный, наиболее организованный, создавший надежного и испытанного вожда, свой авангард—коммунистическую партию, единственно до конца последовательный революционный класс. Если раньше в деревне его опорой была беднота, середняк — союзником, то теперь, с победой сплошной коллективизации,

опора пролетариата в деревне расширилась и окрепла, ею стало крестьянство, вступившее в колхозы. В то же время это колхозное крестьянство продолжает быть союзником пролетариата, так как содержанием и целью этого союза была и продолжает оставаться борьба за уничтожение классов, за построение социалистического общества. Только теперь этот союз выражается в более высокой форме—в колхозном строительстве, а само колхозное крестьянство перешло в ряды активных строителей социализма. Вторая пятилетка является последним этапом уничтожения классов и превращения трудящихся города и деревни в сознательных работников социалистического общества, полной ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании людей. В течение этого периода продолжается борьба пролетариата за осуществление задач, поставленных Октябрьской революцией, задач, составляющих сущность и содержание союза двух основных классов нашего общества. Никакого нового этапа на пути к социализму больше не будет. Поэтому продолжает сохранять свою силу на этом этапе ленинский стратегический лозунг о крестьянстве как союзнике пролетариата. Лозунг партии о новой опоре в деревне является не отменой ленинского лозунга о союзе рабочего класса с основными массами крестьянства, а его расширением, видоизменением, вызванным происшедшими коренными классовыми сдвигами в стране. В результате выполнения второй пятилетки будет решена задача построения социалистического общества. Тогда полностью исчезнут из наших лозунгов понятия бедняк, середняк, кулак, так как не будет в действительности ни классов, ни составляющих их групп. На это указывал т. Сталин в 1930 г. в своем ответе на вопрос свердловцев: «Как надо будет партии по мере решающих успехов коллективизации и ликвидации кулачества как класса изменить лозунг, определяющий теперь взаимоотношения пролетариата и различных слоев крестьянства: «уметь достигать соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту» (Ленин)?». Тов. Сталин отвечал: «Понятно, что по мере охвата коллективами большинства районов СССР кулачество будет ликвидироваться, стало быть, будет отпадать эта часть формулы Ильича. Что касается середняков и бедняков в колхозах, то по мере механизации и тракторизации колхозов они будут сливаться в единый отряд работников коллективизированной деревни. Сообразно с этим, должны будут исчезнуть в будущем в наших лозунгах понятия «середняк», «бедняк» (Сталин, «Ответ свердловцам», «Правда» от 10 февраля 1930 г.).

Сначала исчезнет различие между бедняками и середняками, объединенными в колхозы, по мере механизации и тракторизации последних; кулачество будет полностью ликвидировано. А затем с превращением сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального труда сотрутся грани между пролетариатом и колхозным крестьянством. За пределами второй пятилетки современный промышленный пролетариат, как наиболее закаленный, опытный, политически и культурно-передовой отряд сохранит еще известное время свою авангардную роль среди других отрядов работников социалистического общества. Всякие остатки различий между пролетариатом и колхозным крестьянством исчезнут тогда, когда полностью будет уничтожена противоположность города и деревни.

Большевизация колхозов, овладение новой техникой, подготовка кадров, политическое воспитание и поднятие культурного уровня колхозников, борьба за урожай, за превращение колхозников в зажиточных, всемерное поднятие производительности труда—вот наши очередные шаги в деревне в этом направлении.

Ленинское учение о социалистических формах труда и политотделы

Ф. Константинов

I

Одна из характерных черт исторического развития общества до начала эпохи диктатуры пролетариата состоит в том, что это развитие происходит стихийно. Историю делают люди, одаренные сознанием. И все же, несмотря на это, общественное развитие приводило и приводит часто к иным, противоположным результатам, чем те цели, к которым стремились те или иные люди или группы людей. Общественные отношения, жизненные условия вообще создавались и создаются людьми. Но эти условия выступают по отношению к людям как внешние независимые силы, господствующие над своими творцами наподобие законов природы. Производительные силы и производственные отношения капиталистического общества созданы людьми. Но эти люди утратили свою власть над этими отношениями и производительными силами. Буржуазия, писали Маркс и Энгельс, походит на того волшебника, который вызвал подземные силы и сам не может с ними справиться.

Так например немецкие капиталисты хотели в империалистической войне 1914—1918 гг. получить новые колонии, а в результате потеряли те, которые имели. Русские капиталисты хотели завоевать Дарданеллы, Константинополь, а в исходе войны получили пролетарскую революцию, и т. д.

Мы видим, как на наших глазах во всех капиталистических странах со стихийной силой бушует мировой экономический кризис и все попытки империалистических государств повлиять на ход производства, чтобы преодолеть или по крайней мере умерить бушующий кризис, приводили прямо к обратным результатам. Хаос экономической жизни в результате этих «сознательных» вмешательств (регулирование денежного обращения, пошлины, экономические конференции и т. д.) не только не уменьшается, а еще более возрастает. Законы общественного развития в условиях капитализма выступают по отношению к людям как слепая внешняя необходимость, независимая от воли и сознания людей.

Принципиально иной, прямо противоположный характер носят законы развития в нашей стране, стране пролетарской диктатуры. Фридрих Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «С переходом средств производства в общественную собственность устраняется товарное производство, а вместе с тем господство продуктов над производителями. Анархия общественного производства заменится организацией по заранее обдуманному плану. Прекратится борьба отдельных личностей за существование. Можно сказать, что таким образом человек окончательно выделится из царства животных и из животных условий существования перейдет в условия действительно человеческие. Жизненные условия, окружающие человечество и до сих пор над ним господствовав-

шие, попадут под власть и контроль людей, которые впервые станут действительными и сознательными повелителями природы, и именно в той мере, в какой они станут господами своих собственных общественных отношений. Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут тогда вполне сознательно применяться ими и, следовательно, подчиняться их господству. Общественный строй, до сих пор являющийся людям, как бы дарованным свыше природой и историей, будет тогда их собственным свободным делом. Об'ективные внешние силы, господствовавшие над историей, поступят под контроль человека. И только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия. И это будет скачком из царства необходимости в царство свободы»¹⁾.

Это гениальное предвидение основоположника марксизма подтверждается всем ходом пролетарской революции, всей практикой социалистического строительства. Революция всколыхнула, пробудила к жизни огромные миллионы, которые до этого были задавлены нуждой и гнетом. В ходе революции пролетариат и руководимые им массы беднейшего крестьянства сначала продельвают смелую разрушительную работу—разбивают буржуазную государственную машину, буржуазные и крепостнические отношения производства, экспроприируют экспроприаторов, устанавливается диктатура пролетариата. Этим кладется начало новой, действительной истории, во все возрастающей мере сознательно творимой миллионами трудящихся, возглавляемых коммунистической партией. В ходе движения масса сознательных участников революции, социалистического строительства возрастает. И чем большие массы, возглавляемые партией, вовлекаются в движение, тем быстрее нарастают темпы нашего развития вперед к бесклассовому обществу.

Переходный период, период диктатуры пролетариата, является эпохой борьбы рождающегося коммунизма со свергнутым, но недобитым, возрождающимся до известного времени на базе крестьянской экономики капитализмом. Пока капитализм не добит, не выкорчеваны его экономические корни, социалистическим тенденциям пролетариата противостоит капиталистическая тенденция, мелкобуржуазная стихия. Кто победит—социализм, носителем которого является пролетариат, или капитализм, носителем которого являлась буржуазия,—этот вопрос решала классовая борьба. «Кто кого»—так стоял вопрос. Поскольку в нашей стране преобладало простое товарное хозяйство, выделявшее стихийно капитализм в массовом масштабе, то капитализм долго еще после свержения буржуазии был экономически сильнее коммунизма не только в международном масштабе, но и внутри нашей страны. Если бы предоставить ход экономического развития самотеку, если бы пролетариат в лице своей диктатуры не воздействовал на ход этого развития, то, совершенно очевидно, реставрация капитализма была бы неизбежна, вопрос «кто кого» был бы решен иначе, чем он решен на сегодня пролетариатом.

Это подтвердило лишний раз учение Маркса—Ленина—Сталина о диалектическом соотношении экономики и политики, о своеобразии этого отношения в переходный период, о первенстве политики над экономикой, о решающей роли диктатуры пролетариата. В этом смысле и следует понимать, что диктатура пролетариата является движущей силой, законом развития в переходный период от капитализма к коммунизму.

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 256—257.

II

Приведенные выше замечания о характере закономерностей переходного периода следует иметь в виду при рассмотрении возникновения и развития социалистических форм труда.

Начало новым общественным связям, социалистическим формам труда было положено насильственной экспроприацией у капиталистов и помещиков средств производства: фабрик, заводов, земли и ее недр. Социалистические формы труда, как и социалистические отношения производства вообще, не могли возникнуть в недрах капитализма наподобие того, как возникает капиталистическая организация труда в недрах феодализма. Капиталистическая организация труда возникает стихийно в недрах феодализма на основе развития обмена, товарного производства.

Так возникла капиталистическая мануфактура с наличием простой, а потом сложной кооперации труда.

Раз возникнув, капиталистические отношения производства воспроизводятся в расширенном масштабе на основе имманентных, стихийных законов капитализма. Здесь одна форма эксплуатации, одна форма принуждения приходит на смену другой форме эксплуатации.

Социалистическая форма труда, основанная на обобществлении средств производства, исключает всякую эксплуатацию человека человеком, а потому она возможна только в результате пролетарской революции, в результате насильственной ломки капиталистической организации труда, в результате сознательного активного творчества масс и прежде всего рабочего класса, возглавляемого коммунистической партией. В своей статье «Очередные задачи советской власти», написанной в 1918 г., В. И. Ленин писал:

«В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или разрушительной работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья. Положительную или созидательную работу организации нового общества выполняло имущее, буржуазное меньшинство населения. И оно выполняло эту задачу, вопреки сопротивлению рабочих и беднейших крестьян, сравнительно легко не только потому, что сопротивление эксплуатируемых капиталом масс было тогда, в силу их распыленности и неразвитости, крайне слабо, но и потому, что основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок национальный и интернациональный»¹⁾.

Процесс возникновения и упрочения капиталистических форм труда занял несколько десятилетий. И это несмотря на то, что там мы имели замену одной эксплуататорской формы труда другой, более уточненной, замену феодально-крепостнического рабства рабством капиталистическим.

Нечего и говорить, что процесс возникновения и упрочения социалистических форм труда, создание новых форм общественной связи, создание вместо капиталистической дисциплины труда дисциплины социалистической, — этот переворот является неизмеримо более глубоким и трудным, чем переход от феодализма к капитализму. Этот процесс охватывает целую эпоху и проходит в ожесточенной борьбе пролетариата с буржуазией, в борьбе со всеми силами и традициями старого общества.

Говоря об условиях победы социализма над капитализмом, Ленин ставил перед пролетариатом двойную или двуединую задачу. Рабочий класс как самый передовой класс современного общества должен своей беззаветной революционной борьбой против капитализма увлечь миллионные массы трудящихся и эксплуатируемых, организовать и объединить их для свержения

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, изд. 3-е, стр. 440.

буржуазии, для полного подавления всякого с ее стороны сопротивления. Но это только первая часть задачи. Вторая, наиболее трудная часть задачи состоит в том, чтобы повести эти миллионные массы трудящихся, прежде всего крестьян, на путь нового хозяйственного строительства, новых производственных отношений, новой трудовой дисциплины,—словом, для новой организации труда. Эта новая, социалистическая организация труда должна создаваться на основе соединения последнего слова науки и техники «с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство»¹⁾.

Вторая задача, писал Ленин, «не может быть решена героизмом отдельного порыва». Она требовала длительной, упорной, напряженной будничной и вместе с тем героической работы. Только решение этой второй задачи обеспечивало победу коммунизма над капитализмом, «ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для победы над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством»²⁾.

Наша партия, возглавляемая великим учеником Ленина Сталиным, в борьбе против троцкистов, правых и «левых» оппортунистов сумела эту великую задачу, поставленную Лениным, на сегодня решить и тем самым обеспечить окончательно и бесповоротно победу социализма над капитализмом внутри нашей страны. Но прежде чем решить эту задачу организации крупного социалистического производства, рабочему классу пришлось провести ожесточенную борьбу за создание новой дисциплины труда, за коренное изменение отношения к труду. Эта борьба была начата с первых дней после прихода пролетариата к власти, и она еще не кончена до сих пор, особенно в деревне.

III

Старая, капиталистическая форма организации труда разрушалась и уничтожалась, по мере того как пролетариат вторгался в пределы капиталистической собственности, производил экспроприацию экспроприаторов. Вместе с уничтожением капиталистической собственности на средства производства была разрушена и старая дисциплина труда—дисциплина, основанная на голоде, эксплуатации и рабстве трудящихся. Чем больше решительности и смелости проявляли массы в деле разрушения капиталистической организации и дисциплины труда, тем больше расчищалась почва для создания товарищеской дисциплины объединенного труда, раскрепощались творческая инициатива и способности масс, миллионов.

Но массы, свергающие и разрушающие старый хозяйственный уклад, сами не могут еще сразу освободиться от привычки отношения к труду, выработанной в условиях капитализма. Трудящиеся массы, веками угнетавшиеся в условиях капитализма, привыкли рассматривать труд как рабскую деятельность, как тяжелое бремя, как ярмо, которое они вынуждены владеть, чтобы обеспечить благополучие господствующих классов. И не случайно, что, сбросив это ярмо подневольного, рабского труда, массы не могут сразу побороть вековые навыки отношения к труду как к делу, вынужденному внешней необходимостью.

Тут мертвое еще оживает и продолжает тяготеть над головами живых.

В свете нашей великой революции раскрывается весь гениальный смысл учения Маркса о том, что революция необходима не только потому, что ни-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 339.

²⁾ Там же.

каким иным путем невозможно свергнуть старый господствующий класс, но и потому, что лишь в огне революции класс свергающий освобождается от всей старой мерзости и становится способным строить новое общество.

Пролетариату СССР и его авангарду пришлось и приходится вести суровую и упорную борьбу за трудовую дисциплину, за новое отношение к труду.

Не случайно, что Владимир Ильич в число основных форм классовой борьбы в переходный период включает и борьбу за воспитание новой дисциплины. Борьба за социалистическую дисциплину труда—это тоже классовая борьба. С кем эта борьба, против кого? Ясно, что эта борьба в конечном счете направлена против капитализма, против мелкобуржуазной стихии, против анархии как наследия старого строя. Нельзя упрочить победу коммунизма над капитализмом, не борясь против лодыря, рвача, прогульщика, дезорганизатора социалистического производства. Эта борьба носила и носит различные формы и методы: начиная от методов убеждения, воспитания, поощрения лучших образцов работы, кончая методами принуждения против лодырей и злостных нарушителей трудовой дисциплины. Жулики, дезорганизаторы трудовой дисциплины такие же враги народа и социализма, как и капиталисты. В своей знаменитой статье «Как организовать соревнование» Ленин писал:

«Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние—родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества, общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом,—общества, в котором нужда и нищета выбрасывали тысячи и тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа,—общества, в котором неизбежно воспитывалось стремление у трудящихся: уйти хоть обманом от эксплуатации, извернуться, избавиться хоть на минуту от постылой работы, урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодно ценой, чтобы не голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недосягаемыми»¹⁾.

Мелкобуржуазной распушенности, разгильдяйству, лодырничеству могла быть противопоставлена только железная дисциплина авангарда трудящихся, сознательных рабочих, прошедших суровую школу классовой борьбы, фабричной дисциплины. Только рабочий класс, руководимый партией, может выработать новую дисциплину, новые методы работы и воспитать в духе этой дисциплины остальную массу трудящихся.

В противоположность дисциплине капиталистического рабства, дисциплине голода рабочий класс выработывал, создавал новую, сознательную, социалистическую дисциплину, товарищескую дисциплину объединенного труда.

В какие конкретные формы выльются новая организация и дисциплина труда, заранее предсказать было нельзя. Ни в каких книжках нельзя было прочесть этого. «Все, что мы знали,—говорил Ленин,—что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что экспроприаторы неизбежно будут экспропрированы. Это было установлено с научной точностью... Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстрой развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только кол-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 164.

лективный опыт, опыт миллионов, может дать в этом отношении решающие указания...».

И вот Ленин, великий вожьд и учитель рабочего класса, руководя борьбой масс, направляя ее действия, сам постоянно наблюдает и учится у масс. Он напряженно, внимательно следит за каждым проявлением творческой инициативы миллионов, учит свою партию подхватывать и возглавлять эту инициативу. Борясь против самотека, стихийности, Ленин верит, что здоровый классовый инстинкт миллионов, их жизненный опыт подскажут, как конкретно надо решить задачу установления новых форм труда.

В своей знаменитой статье «Великий почин» Ленин писал: «Прямотаки гигантское значение в этом отношении имеет устройство рабочими, по их собственному почину, коммунистических субботников. Видимо это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности. Это начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это—победа над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда эта победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда, и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм действительно делается непобедимым»¹).

Коммунистические субботники ценны тем, что они положили начало новой, действительно социалистической дисциплине, основанной на сознательном отношении к труду, самостоятельности и инициативе трудящихся на уважении к организованности. Субботники были первой формой коммунистического бесплатного труда, труда вне норм, на пользу не соседа, не «ближнего», а всего общества. Ленин различал понятия социалистического и коммунистического труда. «Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова,—писал он,—есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательно перешедшему в привычку отношению необходимости труда на общую пользу,—труд как потребность здорового организма»²).

Коммунистические субботники были и являются первоначальной формой этого ненормированного коммунистического труда на общую пользу, труда без вознаграждения. Это еще не есть «труд как потребность здорового организма», но это—шаг в этом направлении.

Ленин писал о субботниках, что возможно они и не станут основным видом новых форм труда, но важно то, что они были проявлением великого почина самих рабочих, рядовых трудящихся, результатом их заботы об увеличении производства, о поднятии производительности труда. А коммунизм и начинается именно тогда, когда эта забота о развитии производства, об увеличении количества машин, угля, железа, хлеба и других продуктов исходит не только от руководителей государства, но именно от рядовых рабочих, когда под руководством партии и во главе ее разворачивается великая творческая инициатива масс, инициатива миллионов. Великий Ленин «в коммунистических субботниках» увидел именно начало того грандиозного под'ема творческого энтузиазма, пафоса труда, который развер-

¹) Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 329.

²) Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 151.

нулся с полной силой только 10 лет спустя, в период развернутого социалистического наступления.

IV

Когда идеологи капитализма пишут о социализме, они рисуют его строй как серую, мрачную, казенную казарму, где скованы разум и воля человека, где подавлена всякая инициатива. В качестве одного из доводов против социализма ученые мужи буржуазии выдвигали и выдвигают то, что с отменой частной собственности исчезнут, мол, всякие стимулы к развитию, вместе с уничтожением конкуренции исчезнет соревнование как великий источник и двигатель общественного развития, исчезнут всякий почин и предприимчивость, а вместе с ними исчезнет и всякий прогресс, всякое развитие.

Разбирая эти «ученые» доводы «лакеев денежного мешка», Ленин в своей знаменитой статье «Как организовать соревнование» писал, что именно капитализм, особенно в его современной монополистической стадии, зверски подавляет энергию, предприимчивость, смелый почин девяносто девяти сотых населения. Социализм же не только не погасит огонь соревнования, а, наоборот, впервые дает возможность развернуться великой творческой инициативе масс. Великая сила гения Ленина состояла в том, что он еще в 1918 г., когда мы делали только первые шаги в деле создания нового экономического уклада, уже тогда, всматриваясь своим орлиным взором в будущее, предвидел, что в условиях советской социалистической системы хозяйства соревнование в новой форме, на иной, противоположной, чем при капитализме, основе получит небывалый, невиданный размах.

В первоначальном наброске статьи «Очередные задачи советской власти» Ленин писал: «Буржуазные экономисты смешивали, как и всегда, вопрос об особенностях капиталистического общества с вопросом об иной форме организации соревнования. Нападки социалистов никогда не направлялись на соревнование как таковое, а только на конкуренцию. Конкуренция же является особенной формой соревнования, свойственного капиталистическому обществу и состоящего в борьбе отдельных производителей за кусок хлеба и за влияние, за место на рынке. Уничтожение конкуренции как борьбы, связанной только с рынком производителей, нисколько не означает уничтожения соревнования—напротив, именно уничтожение товарного производства и капитализма откроет дорогу возможности организовать соревнование в его не зверских, а человеческих формах. Именно в настоящее время в России при тех основах политической власти, которые созданы Советской республикой, при тех экономических свойствах, которые характеризуют Россию с ее необъятными пространствами и гигантским разнообразием условий,—именно теперь у нас организация соревнования на социалистических началах должна представить собою одну из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации общества».

В другом месте Ленин говорит, что мы, придавленные капиталистическим строем, даже не можем представить себе, какие богатейшие силы, неисчислимы таланты и способности таятся в народе, среди трудящихся. Эти таланты и способности подавлялись, душились в условиях капитализма. Миллионные массы в условиях капитализма являются безгласными исполнителями воли капиталистов.

Только в условиях нашей, социалистической системы хозяйства эти творческие силы и способности получают широкий простор для своего проявления. Сознание того, что рабочий работает не на капиталиста, а на себя, на свой собственный класс, — это сознание является величайшим двигателем нашего развития. Даже в суровые годы гражданской войны, когда наша

страна истекала кровью, когда в стране был голод,— даже в эти годы сознание того, что отныне рабочий класс работает не на капиталистов, а на себя, на свой собственный класс, нашло свое проявление в виде героических подвигов на трудовом фронте. В 1919 г., когда возникли «коммунистические субботники», страна была осажденной крепостью, промышленность, транспорт и сельское хозяйство разрушались, производительность труда повсеместно резко упала, разрастался голод. И вот задача: чтобы победить голод, нужно было поднять производительность труда, а чтобы поднять производительность труда, надо было накормить народ. Спасти от голода. Получался как будто заколдованный, порочный круг. Для нытиков, малверов, оппортунистов это противоречие было неразрешимо. Но массы, возглавляемые партией, решили это противоречие, «порочный круг» был прорван в результате перелома настроений масс, в результате «героической инициативы отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет нередко решающую роль» (Ленин). Почин железнодорожников Московско-Казанской железной дороги сыграл величайшую роль в деле развертывания новых методов и форм работы, новых способов борьбы с переживаемыми тогда страной трудностями.

Тут сказалась великая роль примера, образца работы в условиях советской власти. В уже цитированном выше первоначальном наброске статьи «Очередные задачи советской власти» Ленин писал, что при капитализме были примеры устройства трудовых коммун разными утопистами, стремившимися и надеявшимися мирно, без борьбы, убедить человечество, в том числе и буржуазию, в преимуществах социализма. Революционные марксисты смеялись, издевались над этими бесплодными затеями и правильно делали. Но, пишет Ленин, с переходом власти в руки пролетариата обстановка коренным образом изменяется. Вместе с этим изменяются и роль и значение отдельных примеров.

Именно в условиях советской системы хозяйства, в условиях, когда фабрики и заводы принадлежат государству, значение отдельных примеров образцовой работы по налаживанию трудовой дисциплины, по практическим результатам в области повышения производительности труда, по экономии труда, материала приобретают гигантское значение.

«Мы должны достигнуть того,— писал Ленин в статье о соревновании,— чтобы сила примера стала в первую голову моральным, а затем и принудительно вводимым образцом устройства труда в новой советской России». В связи с этим Ленин предлагал перестроить нашу прессу, перейти от политической трескотни к показу образцов работы. Наша пресса, писал Ленин, должна превратиться «в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому».

По почину ЦО партии почти вся наша пресса во все возрастающей мере перестраивается и уже перестроилась в этом направлении, став орудием экономического и политического воспитания масс, превратившись в органы социалистического соревнования и ударничества.

Какую роль пресса, газеты могут сыграть и играют в деле налаживания трудовой дисциплины, в деле экономического воспитания и перевоспитания масс, в деле перестройки работы по-новому, лучшими и наиболее яркими примерами могут служить многотиражки политотделов МТС и совхозов. Руководители этих газет, следуя указаниям Ленина и Сталина, показывают, пропагандируют лучшие примеры, образцы ударной работы целых колхозов, бригад и отдельных ударников, заставляют подтягиваться остальных, отстающих. Тут значение примерной, образцовой работы приобретает поистине гигантское значение.

Следуя этим примерам образцовой, социалистической работы, массы колхозников на опыте убеждаются, что эта перестройка идет им на пользу. Увеличивая производительность труда, колхозники увеличивают благосостояние колхоза в целом и каждого колхозника в отдельности.

Газеты политотделов, следуя примеру ЦО партии «Правда», наряду с показом лучших образцов ударной работы разоблачают лодырей, дезорганизаторов трудовой дисциплины, врагов колхозов и совхозов. Лодырь и рвач, которые до этого чувствовали себя героями, были взяты под обстрел и были перед массами освещены как злейшие враги народа наряду с кулаками.

V

Социалистическое соревнование как метод работы в той или иной форме имело место и в первый период нашего развития. Так, труд на коммунистических субботниках сопровождался соревнованием отдельных работников или групп рабочих друг с другом. Тут просто сам труд обнаруживал свою общественную природу или, как говорил Маркс, сам общественный контакт работников вызывает соревнование их друг с другом, повышая их жизненную энергию, получающую свое выражение в повышенной производительности труда. Если в условиях капиталистического производства кооперация труда давала новую производительную силу, то в условиях социалистической системы хозяйства, где рабочий знает, что он работает не на капиталиста, а на свой собственный класс, эта общественная природа труда и дух соревнования не могут не обнаружить себя уже на первых ступенях нашего социалистического строительства.

Но массового характера социалистическое соревнование и ударничество в годы военного коммунизма и в восстановительный период не приняли. Социалистическое соревнование и ударничество превратились в движение миллионов только в период борьбы за первую пятилетку, в период развернутого социалистического наступления, представляя одну из форм этого наступления на капиталистические элементы. Всемирно-историческая заслуга партии и ее гениального вождя т. Сталина состояла в том, что она сумела пробудить великую творческую инициативу масс, сумела вызвать новую волну трудового под'ема среди широких слоев пролетариата, сумела организовать социалистическое соревнование миллионов рабочих фабрик и заводов. Колоссальные, неисчислимые резервы энергии, которые таились и накапливались за годы революции в миллионных массах, были выявлены партией и направлены на борьбу с классовым врагом, на борьбу за выполнение пятилетки, за построение фундамента социалистической экономики, за превращение нашей страны из отсталой, аграрной в страну передовую, индустриальную.

В порядке самотека социалистическое соревнование и ударничество не могли возникнуть, соревнование миллионов надо было организовать, вызвать к жизни. Это можно было сделать только на основе генеральной линии партии, на основе тех великих лозунгов и задач, которые были поставлены великим вождем рабочего класса т. Сталиным. Эти лозунги были понятны и близки массам. Партия довела эти лозунги до масс, превратив их в знамя борьбы миллионов. Капитулянтско-меньшевистская «теория» о невозможности построения социализма в нашей стране не только не мобилизовывала масс на трудовой под'ем, а, наоборот, разоружала их. Лозунг правых оппортунистов «равнения на узкие места» не только не мог вызвать великого трудового под'ема, а, наоборот, усиливал хвостистские настроения. Эти «лозунги» не будили, а гасили, душили инициативу масс, не организовывали, не вооружали пролетариат, а обезоруживали его перед лицом классового врага.

Социалистическое соревнование и ударничество могли возникнуть и принять широкий размах только при условии разгрома троцкизма, правых оппортунистов—агентов кулачества и «левых» авантюристов, оторвавшихся от масс, подменявших работу по организации масс бюрократическим администрированием.

На XVI съезде партии т. Сталин, подводя итоги успехам развернутого социалистического наступления, мог сказать, что «одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом нашего строительства является в данный момент социалистическое соревнование фабрик и заводов, переключки сотен тысяч рабочих о достигнутых результатах по соревнованию, широкое развитие ударничества».

Массовая волна социалистического соревнования свидетельствовала о наличии глубокого перелома, переворота во взглядах миллионов трудящихся на труд. Если в условиях капитализма труд рассматривался и не мог не рассматриваться как бремя, как тяжелая повинность, то социалистическое соревнование и ударничество превращали и превратили труд в «дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства» (Сталин). Тов. Сталин с полным правом мог на XVI съезде партии сказать, что «теперь дело соревнования и ударничества является делом завоеванным и закрепленным». Последующие годы нашего развития целиком подтвердили это. Социалистическое соревнование охватывает все новые сотни тысяч и миллионы рабочих. Объекты и формы социалистического соревнования становятся все более и более многообразными. Творческая инициатива масс развертывается все с новой и новой силой. В каждой отрасли труда, на каждой фабрике и заводе, в каждом цехе есть свои герои. Сколько организаторских талантов, которые раньше еще не были видны и заметны, развернулось и выдвинулось! В этом состоит величайшая роль социалистического соревнования.

Подводя итоги нашему развитию на XVI съезде партии, т. Сталин заявил, что наша страна уже вступила в период социализма. Эта характеристика уже достигнутой ступени развития СССР опиралась и опирается на тот факт, что социалистический сектор хозяйства и в городе и в деревне занял абсолютно преобладающую роль уже к XVI съезду, что социалистические формы хозяйства окончательно и бесповоротно одержали победу и в промышленности и в сельском хозяйстве, что теперь у нас построен фундамент социалистической экономики, окончательно подорваны корни капитализма в деревне. Но все это получило и получает свое выражение в наличии коренного изменения в отношении к труду. То, что труд из зазорного дела, из тяжелого бремени, каким он был в условиях капитализма, стал у нас делом чести, делом славы, доблести и геройства—это является одним из самых ярких показателей достигнутой ступени нашего развития, показателем того, что мы уже вступили в период социализма. Ленин говорил, что коммунизм начинается там, где появляется забота рядовых рабочих о поднятии производительности труда, об охране каждого пуда железа, стали, угля, хлеба и других продуктов производства. Но социалистическое соревнование есть одна из форм сознательной борьбы масс, возглавляемых партией, за поднятие производительности труда,—этого решающего фактора, если брать экономическую сторону дела,—в деле окончательной победы коммунизма над капитализмом.

То, что пятилетка была завершена в 4 года, то, что такие величайшие сооружения, как Днепротэс, Магнитогорск, Кузнецк, Сталинградский тракторный, Горьковский автозавод и другие гиганты социалистической индустрии, были созданы в ускоренные, рекордные сроки,—этим мы обязаны в значительной мере социалистическому соревнованию, ударным методам работы.

VI

Уже на XVI съезде партии т. Сталин отмечал, что не только в городе, на фабриках и заводах растут социалистическое соревнование и ударничество, но и в деревне, в совхозах и колхозах. До начала коллективизации, в условиях индивидуального хозяйства, соревнование не могло вырасти в деревне в массовое, широкое движение. Социалистическое соревнование и ударничество в деревне могли развернуться только на основе коллективизации. Только в условиях социалистических предприятий в совхозах, колхозах и коммунах социалистическое соревнование могло стать методом труда. Это лишний раз вскрывает и обнаруживает самую внутреннюю природу ударничества и соревнования как «коммунистический метод строительства социализма» (Сталин).

Ударничество и социалистическое соревнование как коммунистический способ строительства социализма были созданы рабочим классом. Крестьянство не могло выработать само, без руководства рабочего класса и его партии, этих форм труда так же, как оно не могло без руководства диктатуры пролетариата организовать и укрепить колхозы. Условия и причины, вызвавшие к жизни социалистическое соревнование и ударничество в городе, в конечном счете те же, что и условия и причины, вызвавшие к жизни сплошную коллективизацию в деревне.

Важнейшими и первыми условиями коллективизации сельского хозяйства являются конечно наличие диктатуры пролетариата и национализация земли. Без диктатуры пролетариата и ее руководящего воздействия на развитие сельского хозяйства поворот широких крестьянских масс в сторону социализма был бы невозможен. Этот поворот не был бы возможен без развития тяжелой индустрии и в частности индустрии, изготовляющей в достаточном количестве с.-х. машины (тракторы, комбайны и т. д.):

Немалую роль в подготовке к переходу основных масс крестьянства к социалистическим формам хозяйства сыграла наша сельскохозяйственная кооперация, приучившая крестьянство к коллективному ведению дела. Наличие уже существовавших колхозов на опыте подтверждало выгоду коллективных форм хозяйства перед индивидуальными.

Наконец совхозы, вооруженные передовой техникой, показывали крестьянам силу и значение этой техники, которая не могла быть использована в условиях мелкого крестьянского хозяйства, которая не была доступной бедняку и середняку в условиях индивидуального хозяйства.

Все эти условия, создававшиеся в ходе революции, подготовляли дело сплошной коллективизации и ликвидацию на ее основе кулачества как класса.

Без создания этих материальных предпосылок, без огромной работы по организации бедноты и объединения вокруг нее середняцких масс крестьянства, без последовательной борьбы против кулачества и его агентуры в партии — правых и левых оппортунистов — нельзя было обеспечить массового перехода от раздробленного крестьянского хозяйства к крупному артельному социалистическому производству. Только злейшие враги рабочего класса могли утверждать, а дураки и идиоты поверить, что можно по административному указу сверху навязать силой новый способ производства и л л о н а м! Таких чудес в истории еще не было и не будет. Переход от простого товарного хозяйства, основанного на частной собственности, к крупному социалистическому хозяйству, основанному на обобществлении средств производства, не мог произойти конечно стихийно, самотеком. Даже возникновение и развитие капиталистического хозяйства в той или иной мере опирались на поддержку государственной власти, хотя там изменялся лишь

способ эксплуатации и главной организующей силой была стихия рыночных, товарных отношений. Переход же от простого товарного хозяйства к социалистическому конечно не мог произойти без непосредственной поддержки, материальной и организационной помощи пролетариата в лице его государства и партии. Но эта организующая, руководящая роль пролетарской диктатуры и партии опиралась на все объективные и субъективные предпосылки, созданные всем предшествовавшим ходом революции.

Не только сама организация колхозов в массовом масштабе не могла произойти без помощи и руководства пролетариата по отношению к крестьянству. Уже созданные крестьянством колхозы не могут укрепиться, упрочиться и успешно развиваться без помощи пролетариата в лице его государства и партии.

Тов. Сталин в своей речи на январском пленуме ЦК о работе в деревне говорил, что «многие думают, что колхоз скоро достигнуто, скажем, 70 или 80 проц. коллективизации в том или ином районе, в той или иной области, то этим уже все дано, и мы можем предоставить дело естественному ходу вещей, предоставить дело самотеку, полагая, что коллективизация сама делает свое дело, сама подымет сельское хозяйство. Но это глубокое заблуждение, товарищи. На самом деле переход к коллективному хозяйству как преобладающей форме хозяйства не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле подъема сельского хозяйства. Самотек теперь больше чем когда-либо опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело» (разрядка моя.—Ф. К.).

После того как мелкое крестьянское хозяйство, которое крестьянин вел раньше самостоятельно, объединено в колхозы, ответственность за ведение хозяйства, за его состояние и развитие падает на руководителей колхоза, на нашу партию, на государство. Колхозное хозяйство ведется в крупном масштабе: с посевной площадью по несколько тысяч га с охватом нескольких сотен, а нередко и тысяч дворов. Сама природа этого хозяйства и масштаб его деятельности требуют строгого учета и плановости. Это предъявляет к нашей партии и государству требование систематической помощи, руководства этим крупным плановым хозяйством. Но не только это обязывает органы пролетарского государства и партии ближе, чем раньше, подойти к жизни и деятельности колхозов.

Самый факт завершения сплошной коллективизации в основных районах сельского хозяйства имел и имеет всемирно-историческое значение. Этим решалась одна из труднейших задач пролетарской революции. Классовая борьба с организацией колхозов не только не прекратилась, а, наоборот, еще больше обострилась, приняв только другие формы. Разгромленное в открытом бою кулачество пыталось и пытается развалить колхозы изнутри. Борьба кулачества против социалистического хозяйства (колхозного и совхозного) направлена по линии: 1) расхищения, подрыва социалистической собственности—этой жизненной основы нашего строя. Кулак организовывал хищения колхозного имущества, портил, выводил из строя тракторы, комбайны и другие с.-х. машины, морил и выводил из строя лошадей, волов и т. д.; 2) вторая линия борьбы—это подрыв трудовой дисциплины, проповедь кулацкого правила «дураков работа любит»; 3) третья линия борьбы—это саботаж хлебозаготовок и сева.

Колхозы по типу своему являются социалистическими предприятиями. Но колхозы являются социалистическими постольку, поскольку в них обобществлены средства производства и обобществлен труд. Они являются социалистическими предприятиями по своей форме. Но это вовсе не гарантировало того, что эта форма хозяйства не могла быть использована врагом, если мы бы не создавали в них подлинно большевистского руководства. Идеализация колхозов со стороны ряда деревенских организаций, потеря больше-

вистской бдительности привели в ряде случаев к тому, что колхозы из опоры диктатуры пролетариата были превращены в оружие кулачества против рабочего класса и его власти.

В колхозах в первые годы их существования труд являлся социалистическим постольку, поскольку, во-первых, он происходил при обобществлении средств производства в условиях диктатуры пролетариата; во-вторых, был коллективным; в-третьих, поскольку колхоз выполнял свои обязательства по отношению к пролетарскому государству; в-четвертых, поскольку продукты этого коллективного труда являлись достоянием колхоза. До организации политотделов МТС мы имели такое положение, когда во многих колхозах тракторы, комбайны и другие орудия с.-х. техники не использовались и наполовину. Мы имели крайне низкую трудовую дисциплину, массовые невыходы на работу, плохое качество работы, низкую производительность труда.

В этом смысле труд во многих колхозах был еще далеко не социалистическим по своему методу. Это вовсе не значит, что мы и в это время уже не имели многочисленных случаев подлинно социалистического отношения к труду. Там, где было крепкое, подлинно большевистское руководство в колхозах, там мы имели и подлинно социалистическую организацию труда, честное, добросовестное отношение к труду со стороны массы колхозников, плановое ведение хозяйства, хорошее использование тракторов и других с.-х. машин, высокую производительность труда, своевременное выполнение колхозами своих обязательств перед государством.

За 1929—1932 гг. выросли уже тысячи подлинно большевистских колхозов, сумевших на деле доказать преимущества коллективного труда. В этих колхозах труд был социалистическим не только по своему типу, но и по методам работы. Ударничество и социалистическое соревнование в этих колхозах были делом завоеванным, здесь передовики-ударники вели, подтягивали отстающих.

Но эти колхозы были в меньшинстве. Гораздо больше было колхозов, где организация труда была поставлена из рук вон плохо, где портились и выводились из строя тракторы и другие сложные с.-х. машины, где царил обезличка, не была вытравлена кулацкая уравниловка, где ударники не были настоящими героями и вожаками. Ударники были и здесь, но не они задавали тон.

До организации политотделов не был еще организован трудовой энтузиазм миллионов, еще не было перелома в отношении к труду. Геройский труд, почин, инициатива лучших колхозников, образцы ударной работы не подхватывались, не превращались во всеобщие методы работы.

В своем докладе о политотделах на январском пленуме ЦК партии т. Каганович говорил: «Соцсоревнование и ударничество в деревне, в том числе среди коммунистов и комсомольцев, пока у нас развиты крайне слабо». Тов. Каганович приводит пример, как в одной кубанской станице было 100 коммунистов и 150 комсомольцев. Казалось бы, с такой по численности организацией можно было поставить работу, организовать труд образцово. На деле в колхозе этой станицы уже в ноябре были еще тысячи гектаров необранной кукурузы, необмолоченной пшеницы. Почему это? Не было средств, возможностей? Конечно все средства и возможности были для того, чтобы во-время убрать кукурузу и произвести обмолот пшеницы; нужно только было по-настоящему взяться за дело организации труда, изжить лодырничество, разгильдяйство и внедрить проверенные и испытанные на опыте миллионов методы работы—ударничество и социалистическое соревнование. Что все «объективные» возможности были налицо, об этом говорит то, что среди коммунистов и комсомольцев (среди беспартийных тоже конечно) были такие, которые имели по 30—40 трудодней в год. Ясно, что тут не хватало организатора, который смог бы организовать лучших колхозников, правиль-

но расставить силы, организовать борьбу против лодырей, разоблачить врагов колхозов, поднять волну социалистического соревнования и ударничества, вызвать и возглавить трудовой подъем масс.

Тов. Каганович, обосновывая в своем докладе задачи политотделов, говорил, что «правильная организация труда, поднятие трудовой дисциплины, возглавление и развитие социалистического соревнования и ударничества, правильная расстановка и использование колхозников и рабочих совхозов являются важнейшей задачей политотделов и наших деревенских организаций».

Ясно, что колхозы не могут быть предоставлены самим себе, они требуют систематического, постоянного руководства и помощи государства, они требуют того, чтобы партия входила «во все детали колхозной жизни и колхозного руководства» (Сталин).

К чему привел отрыв ряда районных и областных организаций от жизни колхозов, теперь всем известно. Ослабление большевистской бдительности целого ряда районных организаций, оторванность их от колхозной жизни привели к тому, что колхозами в этих районах руководили не мы, а наши враги—бывшие офицеры, кулаки и их ставленники, которые разваливали колхозы, дискредитировали колхозное движение, превращали колхозы в орудие против советской власти.

Подлинный, настоящий перелом в отношении к труду в большинстве колхозов наступил по существу только с момента организации политотделов МТС и совхозов. Этот перелом—теперь уже неоспоримый факт, этот перелом надо было организовать, и в этом состоит величайшая заслуга политотделов и их инициатора т. Сталина.

Этот наступивший перелом в отношении к труду миллионов колхозников имеет едва ли меньшее значение чем само объединение в колхозы основных масс крестьянства. Выше мы привели оценку Лениным субботников. Ленин видел в коммунистических субботниках начало великого переворота, «более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии». Эта высокая оценка субботников может быть целиком отнесена и еще больше применена к факту подлинного перелома в отношении к труду, который наступил среди десятков миллионов колхозного крестьянства под руководством партии и ее органов—политотделов. Коммунистические субботники были делом рабочих, делом передового класса, созданного, закаленного и просвещенного крупным капитализмом, делом класса, прошедшего великую школу классовой борьбы, школу фабричной дисциплины. И все же Ленин перелом в отношении к труду оценивал как явление, более значительное чем свержение буржуазии. Почему? Потому, что тут мы имели победу над великой силой привычки, выработанной веками, победу над косностью, над рабскими навыками, над вековым наследием прошлого. Стоит ли говорить о том, что все эти свойства, сила рабской привычки присущи в еще большей мере крестьянству, классу, находившемуся во власти «идиотизма деревенской жизни», во власти собственнолических, мелкобуржуазных предрассудков. И вот все же, несмотря на это, теперь уже является фактом, что 1933 год является годом «великого перелома» в отношении к труду. Чем мы обязаны этому перевороту? Руководящему воздействию пролетариата и его партии, руководству политотделов.

Было бы конечно неправильным свести все дело великих успехов колхозного движения за этот год только к работе одних политотделов, взятых самих по себе. Нет конечно, здесь нужно брать всю совокупность деятельности органов диктатуры пролетариата и партии, всю линию работы, начиная от лозунга вождя партии о превращении колхозов в большевистские, а колхозников в зажиточных,

декретов об обязательной поставке зерна государству, постановлений Совнаркома о плане посева яровых, о ремонте тракторов, о подготовке рабочего скота и кончая постановлением Наркомзема СССР о примерных нормах выработки на 1933 г. Но лозунги партии, лозунг вождя нужно было довести до масс, объединить, организовать эти массы вокруг этих лозунгов, и в этом и состояла величайшая заслуга политотделов. Руководствуясь лозунгами и указаниями партии, политотделы сумели всколыхнуть, поднять массы и вместе с остальными деревенскими большевиками добились «великого перелома» в деревне.

Какие основные факты, свидетельствующие о наличии коренного перелома в этом году в работе подавляющего большинства колхозов и колхозников?

Об этом переломе конечно можно судить прежде всего по результатам работы. А эти результаты таковы:

1) Весенний сев в этом году колхозами был выполнен значительно раньше чем в прошлом году, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия. Колхозы засеяли 68.170 тыс. га, что составляет 102 проц. плана.

2) Качество весенних работ было неизмеримо лучше чем в прошлые годы.

3) В борьбе за хороший урожай была проведена прополка 25 млн. га зерновых колосовых посевов. Причем в ряде районов эта прополка проводилась по нескольку раз.

4) В этом году значительно лучше были использованы с.-х. машины: тракторы, комбайны и т. д.

5) Самым ярким показателем результатов работы колхозов является то, что мы в этом году имеем урожай, какого не было за все время существования советской власти, за все годы революции.

6) В качестве важнейшего итога всех результатов работы социалистического сельского хозяйства мы имеем то, что в этом году были досрочно, на 15 декабря, выполнены обязательные колхозные хлебопоставки государству всеми республиками, областями и районами.

7) В этом году в результате честной работы колхозников мы имеем резкое повышение доходов колхозников, осуществление в тысячах колхозов уже на сегодня лозунга вождя о превращении колхозников в зажиточных.

8) Осимый сев колхозами проведен еще более организованно, чем весенний, что сулит еще более обильный урожай в 1934 г.

Вот основные факты, свидетельствующие о работе по-новому, по-социалистическому, свидетельствующие о коренных сдвигах, которые произошли в колхозном движении. О наличии коренного перелома в отношении к труду среди миллионов колхозников свидетельствуют многочисленные письма и рапорты на имя вождя рабочего класса т. Сталина.

Вот рапорт одесских колхозников, опубликованный в «Правде»:

«Уже с весны начался у нас перелом к лучшему. Как-то иначе стали люди работать, по-иному начали относиться к колхозному хозяйству. Могучим толчком к этому послужила ваша замечательная речь на съезде колхозников-ударников. Простые и вместе с тем мудрые слова ваши о том, что теперь надо только честно трудиться в колхозе, чтобы всем колхозникам стать зажиточными, тронули за сердце каждого колхозника. Ваша речь о зажиточной колхозной жизни открыла перед нами ясную, прямую дорогу. Действительно, так оно и есть, как вы указали. Это мы уже видим на деле, на итогах истекшего года».

Вот второе письмо колхозников-ударников района деятельности Безенчукской МТС (Средняя Волга).

«Почему, — пишут безенчукцы, — нам удалось при расширении по-

севной площади уложиться в более короткие сроки? Потому, что колхозы наши научились лучше организовывать работу. В прошлую весну в бригадах еще была текучесть, не всюду бригады были разбиты на звенья, работали скопом, без четкой организации. Теперь дело шло иначе. Бригады укрепились, у каждой бригады свой план, своя земля, постоянные люди. Бригадиры подобраны лучше, они стали опытнее, да и все мы стали на год старше, опытнее. Бороновали, пахали, сеяли теперь не скопом, а по звеньям. Работа строже учитывалась и проверялась. А главное — отношение к работе теперь стало иное. В эту весну не было даже вопроса о нехватке рабочих рук, никого не приходилось упрасивать выйти на работу. Сами выходили. Да еще обижались, если не каждому находилась работа. Не работа искала колхозника, а колхозник искал работы. Мы считаем такую перемену в отношении колхозника к труду большим достижением. Далось оно нелегко. Но в наших колхозах это уже закреплено и записано. Этого уже не вычеркнешь».

О коренном переломе в отношении к труду пишут в своем письме колхозники Днепропетровщины, колхозницы Георгиевского района, колхозники Татарии, из разных районов, областей и республик. Причем все колхозники пишут, что в организации этого перелома решающую роль сыграли лозунг т. Сталина о превращении всех колхозов в большевистские, а колхозников в зажиточных и большевистское руководство политотделов МТС.

Как же была обеспечена великая победа в колхозном движении, как политотделы организовали, добились перелома в отношении к труду миллионов колхозников?

Вот Партиздат недавно издал небольшую книгу. Книга издана плохо, на плохой серой бумаге, но все-таки это замечательная в своем роде вещь. Называется эта книга «Политотделы — организаторы большевистских побед». Ее авторы — свыше 50 начальников политотделов МТС и совхозов, ряд статей написан начальниками политсекторов МТС. Все эти статьи были раньше напечатаны в «Правде», в «Известиях», в «Социалистическом земледелии». В качестве введения даются две статьи, тоже напечатанные в свое время в «Правде»: статья начальника Политуправления Наркомзема т. Криницкого и начальника Политуправления Наркомсовхозов т. Сомса.

Эта книга — сгусток опыта работы большевиков по укреплению колхозов и совхозов. В коротких, скупых словами статьях рассказывается о великих делах, о большой работе и о великой победе над классовым врагом, о победе над косностью, над разгильдяйством, над вековой силой привычки рабского отношения к труду, над расхлябанностью, над проклятым наследием прошлого, о великом значении силы примера, о великой организующей роли нашей партии, о переломе среди масс в отношении к колхозному труду, о победе социалистических методов и форм труда.

В этой книге рассказывается о том, как, какими путями и средствами была одержана эта, всемирно-исторического значения победа — окончательное упрочение социалистического способа производства в сельском хозяйстве.

С чего же начали свою работу политотделы?

Нельзя было добиться перелома в работе колхозов, совхозов, не очистив их от классово враждебных элементов, разлагавших работу. Поэтому ЦК поставил перед политотделами в качестве одной из важнейших задач — обеспечить «изгнание из колхозов и совхозов всех вредительских, противосоветских и противоклхозных элементов, подбор лучших, проверенных кадров колхозов и совхозов»¹⁾. Без проведения этой работы нельзя было обеспечить перелом в работе МТС, МТМ в колхозах и совхозах. Не

¹⁾ Постановление пленума ЦК ВКП(б) о политотделах.

только сами колхозы оказались засоренными враждебными, вредительскими, кулацкими элементами, но и аппараты МТС и МТМ.

Вот нач. политотдела Вознесенской МТС т. Родионов пишет, что старший механик — бывший белогвардеец, агротехник — сын крупного помещика, пробравшийся обманным путем в партию, заведующий ремонтной мастерской — сын кулака. Эта шайка врагов разваливала МТС.

Тов. Штенгарт, начальник политсектора Северокавказского крайзу, в своей статье приводит типичный для Северного Кавказа пример работы политотдела Армавирской МТС.

Что нашел этот политотдел, приступая к работе?

В МТС и МТМ царил полная бесхозяйственность, разгильдяйство, отсутствовала трудовая дисциплина. В составе работников станции были белогвардейцы, бывшие атаманы, урядники, кулаки. Особенно был засорен классово враждебными элементами состав трактористов. Они вывели из строя все 73 трактора, которые имела МТС.

Тов. Тешкин, начальник политсектора МТС Одесской области, пишет, что по сведениям 15 политотделов Одесской области аппарат МТС и МТМ был очищен от 34 кулаков, 4 бывших помещиков, 6 белых офицеров, 24 активных участников белых армий и ряда вредителей.

В других местах МТС и МТМ также были засорены классово враждебными элементами в той или иной мере. Понятно, почему классовый враг избрал в качестве объекта своей руководящей вредительской работы МТС и МТМ. Колхозы как социалистический тип хозяйства могут показать и развернуть всю свою силу и мощь тогда, когда колхозный труд соединен с передовой современной техникой. Эту передовую технику дают наши МТС. МТС должны явиться и являться рычагами технического перевооружения сельского хозяйства, организаторами социалистического переустройства сельского хозяйства, организационно-хозяйственными центрами этого переустройства.

О роли и значении МТС в этом отношении можно судить по тому, каким наличным составом современных средств производства они располагают.

Тракторный парк всего социалистического сельского хозяйства на 1 октября 1933 г. составляет 197.835 единиц, или 2.972 тыс. лош. сил. Из них на машинно-тракторные станции падает 111 тыс. тракторов (цифры тракторов по МТС по сведениям на 1 сентября). МТС кроме того располагают 9,5 тыс. комбайнов и 12 тыс. автомобилей. Кроме этих основных средств производства МТС располагают огромным арсеналом других сельскохозяйственных машин.

Понятно, после этого, какую величайшую техническую и организационно-хозяйственную силу они представляют и особенно могут представлять, если они будут возглавляться, руководиться проверенными кадрами, настоящими большевиками.

К сожалению, до организации политотделов это далеко не всегда имело место. А в результате потери большевистской бдительности в МТС и МТМ пролезла разная сволочь: белогвардейщина, кулачество, бывшие урядники, атаманы и петлюровцы. Они разваливали работу МТС и МТМ, выводили из строя тракторы и комбайны, приводили к тому, что эффективность использования тракторов и комбайнов во многих случаях не достигала и 50 проц.

Учитывая все это, политотделы провели огромную работу по наведению большевистского порядка в МТС и МТМ, по очистке самих МТС и МТМ от классово враждебных элементов. Это обеспечило ускорение ремонта тракторов к весеннему севу и лучшее использование тракторов и других с.-х. машин во время с.-х. работ.

Такая же работа по очистке от классово враждебных, кулацких элементов была проведена и в самих колхозах.

Свою работу по очищению МТС и колхозов от чуждых, враждебных элементов политотделы сумели провести, опираясь на массу колхозников, на огромную разъяснительную работу, которая была в связи с этим проведена. Сочетая мощь и силу пролетарской диктатуры с массовой работой, с работой по созданию актива политотделы добивались изгнания враждебных элементов и замены их проверенными и испытанными кадрами. Как конкретно протекала работа по очищению колхозов от враждебных элементов, можно судить на примере колхоза им. Ворошилова (Сев. Кавказ). В этом колхозе за 20 дней при наличии 66 лошадей было вспахано всего 2 га. Лошади были доведены до истощения, запущены. В чем дело? Политотдел решил проверить. Оказалось, из 12 колхозников, расставленных на важнейших участках работы, были: бывший кулак, сын жандарма, родственники раскулаченных и высланных и т. д. Они вели явную работу по разложению колхоза под носом местной парторганизации. Не заменив этих кулацких элементов проверенными людьми, лучшими колхозниками, нельзя было выправить положения.

Работа по очищению колхозов и МТС от чуждых элементов — это первая работа, которая была проведена политотделами.

Вторая задача, тесно связанная с первой, — это подбор кадров, в частности подбор и подготовка трактористов и бригадиров колхозных бригад.

Тракторная и полевая бригады — это основные производственные единицы. Большинство политотделов поэтому в центре своего внимания поставило работу по укреплению тракторных и полевых бригад, по обеспечиванию постоянного их состава, по очищению их от антиколхозных элементов, по подбору бригадиров из людей испытанных, проверенных, из передовых ударников. Проверка людей и укрепление бригад проводились в процессе самой работы.

Вот Днепропетровская область — Громовская МТС. Политотдел начал свою работу с того, что бросил все свои силы на укрепление бригад, правильно распределив партийцев и комсомольцев по бригадам на ответственные участки. Бригады каждый день после работы устраивали короткие производственные совещания, обсуждая все недостатки, которые были в работе за день, и намечали меры их устранения. В ходе работы, подтягивая отстающих, сумели за короткое время довести прогулы и опоздания на работу до минимума. Между бригадами было организовано социалистическое соревнование.

Итогом работы колхозов, обслуживаемых Громовской МТС, было то, что они план сверххранного сева выполнили на 152 проц., полностью уничтожили сорняки и уже к началу апреля план сева ранних зерновых выполнили на 55 проц.

Какое значение имело конкретное руководство политотдела, проверка работы на месте, в бригаде, видно из следующего примера. Вот Изобильненская МТС (Сев. Кавказ). Полевая бригада колхоза «Ленинский путь» при пяти плугах давала в день полгектара. Когда политотдельцы спросили прикрепленного к бригаде коммуниста, в чем дело, тот, разводя руками, жаловался на плохое тягло. Тогда политотдел прикрепил к бригаде своего работника.

В результате эта же бригада не при пяти, а только при трех плугах и тех же лошадях, на том же корме стала давать два га. Чем было обеспечено такое повышение производительности труда? Была организована подкормка лошадей в борозде, были организованы производственные совещания, на которых были взяты под обстрел все мелочи, мешавшие в работе.

Конкретное, оперативное руководство, наличие хороших организаторов, вникающих во все детали работы, обеспечили успех дела.

Как нужно и можно добиться перелома в работе, можно судить по работе политотдела Ботаевской МТС (УССР). Когда приступили к весеннему севу, организация и учет труда в бригаде были поставлены плохо. Твердого распорядка дня работы в колхозах не было. Бригады в разное время начинали и кончали работу, колхозники, а нередко и сами бригадиры не знали, что в этот день будет делать их бригада, с чего нужно начинать работу. Бестолковщина, сутолока, неорганизованность, самотек приводили к простоям, бесцельной трате времени. Это лишний раз подтверждает слова т. Сталина, что бесплановость в крупном колхозном хозяйстве губельна. Политотделу пришлось в самом же начале сева резко поставить вопрос о борьбе с самотеком, за плановость, организованность в работе. К моменту массового развертывания сева политотдел добился установления твердого распорядка дня в колхозах и в каждой отдельной бригаде.

«Колхозник теперь знает, — пишет начальник политотдела т. Атачкян, — что ему делать, когда начинать и кончать работу. Ездовые знают, когда и куда подвозить семена, а повара знают, к какому времени нужно готовить обед, и т. д. Ежедневно перед началом работы бригадир собирает бригаду и дает производственные задания звеньям и отдельным колхозникам на день с указанием норм выработки и оценки в трудоднях.

После этого тут же делаются вызовы на соревнование между колхозниками и звеньями на лучшее выполнение данных заданий.

Во время работы бригадир и учетчик проверяют выполнение работы колхозниками, устраняют замеченные недостатки. По окончании работы за день бригадир принимает работу звеньев и отдельных колхозников с учетом качества проделанной работы. Здесь же объявляются итоги соцсоревнования, кто и как выполнил дневную норму и сколько заработал за день. Лучшие ударники заносятся на красную доску, и им дополнительно увеличивается заработок в трудоднях до 30 проц. А отдельным лодырям исчисление трудодня на столько же снижается».

Все итоги работ ботаевцы освещают в бригадных и колхозных газетах. В результате политотдел Ботаевской МТС добился того, что у них в колхозах нет прогульщиков, все выходят на работу. Трудовая дисциплина стоит высоко, нормы выполняются хорошо, коммунисты и комсомольцы примерной ударной работой в бригаде подтягивают отстающих, добившись общего подъема в работе. Это и называется работать по-новому, по-колхозному, по-социалистическому.

Примером того, как можно и надо добиваться ударной работы, опираясь на передовых, подтягивать отстающих, может служить работа комсомольцев в колхозе «Мировой показатель» (Сев. Кавказ). Во второй бригаде этого колхоза все девять буккеров не выполняли норм, работали плохо. Тогда по почину пом. нач. политотдела Новогеоргиевской МТС после изучения на месте людей и беседы с колхозниками были организованы две ведущих комсомольских группы на буккерах. В первый же день эти два комсомольских буккера задание по пахоте выполнили полностью. Это подтянуло работу и всех остальных 7 групп плугатарей, повысивших значительно дневную норму выработки.

Вот другой пример из практики работы одного из политотделов Средней Волги. В колхозе «Объединенный труд» Обшаровской МТС ни одна бригада в начале сева не выполняла норм выработки. Кулаки вели агитацию, что лошади слабы и заданных норм выполнить нельзя. Политотдел взял два звена, выполняющих нормы. Работа этих звеньев была обсуждена на производственном совещании. Так как условия работы у выполняющих и не выполняющих нормы оказались одинаковыми, то дальше сослаться на

слабость лошадей нельзя было. Состояние лошадей тоже зависело от ухода за ними людей. Результат: после этого производственного совещания по всему колхозу нормы стали выполняться. Так сказывается в условиях колхозного хозяйства великая сила примера, о которой говорил Ленин. Ленин предлагал, чтобы образцы хорошей работы по поднятию производительности труда становились сначала и в первую очередь моральным, а потом и принудительно вводимым примером для остальных. Политотделы это указание Ленина на практике проводят в жизнь, распространяя лучшие примеры работы на остальных.

Политотделы лозунг и указания т. Сталина «Работай по-ударному, подтягивай отстающих, добивайся общего под'ема» превратили в правило, в метод работы и тем обеспечили огромный перелом в работе.

Пути, средства и методы, при помощи которых политотделы добились внедрения новой дисциплины труда, общего под'ема в работе, разнообразны. Здесь прежде всего используются великая творческая инициатива и почин самих колхозников. Вот например метод борьбы с лодырями, который был применен в Кабардино-Балкарской области. Там еще весной решили созвать областной с'езд лодырей. Колхозы стали выдвигать кандидатов на этот с'езд. Но как только выдвинут кого,—он даст колхозу клятву, что перестанет лодырничать и будет работать по-честному, и просит не посылать его на с'езд лодырей. Так с весны до сих пор с'езд собраться не может. Из прежнего кандидатского списка на областной с'езд лодырей многие стали прекрасными ударниками. Это пример морального воздействия коллектива на тех, кто нарушает товарищескую дисциплину колхозного труда, кто не хочет работать по-честному. Сила этого морального общественного воздействия имеет не меньшее значение чем сила принуждения, применяемая по отношению к злостным нарушителям трудовой дисциплины.

Огромную роль в деле коренного изменения отношения к труду сыграло последовательное проведение принципа оплаты по труду, по количеству и качеству труда и борьба с кулацкой уравниловкой. Последняя еще далеко не везде изжита и в разных формах находит свое проявление. Нач. политотдела Усть-Лабинской МТС т. Каравай пишет, что «уравниловка—наиболее общая форма проявления кулацкой политики в кубанских колхозах... Ее можно найти в той или иной форме, чаще скрытой, и там, где «нет кулака», где колхозом руководят «коммунисты».

Тов. Каравай приводит случай, который имел место в колхозе «Краснолит», далеко неплохом колхозе по своей прошлой работе. Когда бригады выехали в степь на весенний сев, правление колхоза выдало колхозникам продовольственную помощь. Причем выдали всем одинаковое количество муки. Лодырь получил столько же, сколько и ударник. Результатом этого было то, что весь колхоз был дезорганизован, всех превратили в лодырей. Весь колхоз десять дней не пахал и не сеял. Можно привести примеры постановки общественного питания в поле из практики других колхозов: по мере того как изгонялась уравниловка в питании, вносился резкий перелом в работу.

Трудодень — это уже завоеванный принцип оплаты труда. Открыто кулацкий принцип уравнилельного принципа по едокам теперь как будто уж изгнан везде. Но дело борьбы с уравниловкой, как показала практика работы, далеко не ограничивается введением трудодня. Введение норм выработки, проверка качества работы внесли новые стимулы в борьбу за поднятие трудовой дисциплины, за поднятие производительности труда. Но широко развернувшаяся инициатива масс не остановилась и на этом. Теперь уже широко распространена практика закрепления определенного участка за бригадой, за которой последняя несет ответственность, практика оплаты по результатам работы. В колхозном поле встречаются столбики

с надписью, какая бригада работала на данном участке, во сколько дней был закончен сев и какова была норма высева. По количеству хлеба, полученного после обмолота, дается оценка работы всей бригады. Это вносит опрямную заинтересованность, повышает ответственность за всю работу. Если ликвидация обезлички в отношении механизмов играет огромную роль, то ликвидация обезлички в отношении участков посева имеет такое значение, которое вряд ли можно переоценить. Это особенно будет очевидно, когда в соответствии с этими результатами работы будет произведено распределение хлеба. Так правильное сочетание личной заинтересованности с общими интересами колхоза, государства ведет вперед — к поднятию урожайности, к укреплению колхозов, к повышению материального благосостояния колхозников.

Общим выражением охватившего колхозные массы трудового подъема являются широко развернувшиеся социалистическое соревнование и ударничество. Можно ли было думать раньше о том, чтобы на первый день пасхи, — «в светлое христово воскресение», как говорили в былые годы, — можно ли было думать, чтобы в этот день крестьянин или особенно крестьянка пошла на поле работать, даже на свое собственное поле. Не было таких случаев. А вот колхозники и колхозницы колхоза им. Ленина (Ухоловский район, Московская область) вышли на работу 16 апреля, в первый день пасхи, в количестве 622 человек.

Вот колхозы, обслуживаемые Диканьской МТС (Украина). В прошлые годы на пасху, как правило, были массовые прогулы. А в этом году, пишет начальник политотдела т. Телешов, не только не было на пасху ни одного прогула по всем колхозам, но, наоборот, число выходов превысило дневные наряды. Эти пасхальные эпизоды — лишь иллюстрация опрямных, коренных сдвигов, которые произошли в колхозных массах, огромного перелома в сознании, в отношении к колхозному труду, к колхозу. В колхозах, обслуживаемых Диканьской МТС, во все время весеннего сева ежедневные выходы на работу по всем колхозам составляют 99,5. В результате упорной работы, правильной организации труда и распределения сил колхозы Диканьской МТС сверхурочный сев выполнили на 280 проц. Этот ударный труд был оплачен хорошим урожаем.

Социалистическое соревнование и ударничество теперь являются прочно завоеванным делом не только в городе среди рабочих, но и в колхозной деревне. Соревнование отдельных колхозников внутри колхоза, соревнование между колхозами, районами в пределах края, области, республики, соревнование целых областей и республик. Это говорит о том, что соревнование поднялось на высшую ступень развития. Как идет борьба за право получения звания ведущей бригады внутри колхоза, в районе, а потом в краевом масштабе, об этом пишут лучшие колхозные бригадиры-ударники Северного Кавказа в письме т. Сталину.

Объекты соревнования многообразны. Сроки сева, качество работы, сохранность тягла, тракторов, машин вообще. Бригада, получившая звание ведущей, подвергается тщательной общественной проверке. Проверяется вся работа: как борются с лодырями, какова труддисциплина, нет ли потерь, орехов, выдержаны ли сроки работ, каково состояние тягла, как используется техника и т. д. Чем шире волна соцсоревнования, чем большие массы оно охватывает, тем многообразнее становятся объекты соревнования, его формы проявления, тем обильнее творческая инициатива масс. Тут тоже количество переходит в новое качество. Но главное, что дают социалистическое соревнование и ударничество, — это то, что они создают сознательную социалистическую дисциплину труда, здесь рождаются новые, невиданные и не имевшие места раньше, при других способах производства, стимулы работы.

«Тут и жара от работы, тут и удовольствие»—пишут северокавказские ударники. Вот в том главное завоевание социалистического соревнования и ударничества, что они превращают труд из тяжелого бремени в удовольствие, в радость. Радость от того, что люди впервые в истории по-настоящему разогнули, выпрямили спину и стали работать на себя. Впервые за все время существования истории, только при социалистическом способе производства, стало возможным, чтобы честный упорный труд приводил не к закабалению, не к усилению гнета, как это имеет место в условиях капитализма, а к тому, чтобы рабочему стать первым в обществе, в стране. Труд стал поднимать раньше незаметных, когда-то забытых людей, превращать их в крупных и талантливых организаторов хозяйства.

Вот Сафонова Мария Ивановна, руководитель 2-й бригады колхоза «Путь Ленина» на Северном Кавказе. До революции Сафонова не имела своей земли, была батрачкой, которой понукали кулаки. А теперь Сафонова ведущий бригадир. Ее бригада имеет 860 гектаров посева разных культур, располагая целым арсеналом с.-х. машин. Это—хозяйство, которое раньше имел крупный помещик. И Сафонова не только справляется с порученной ей работой, но завоевала почетное звание ведущего бригадира.

Сафонова весной приняла самую отсталую бригаду и вывела ее в передовые не только в своем колхозе, но в пределах целого района.

Бригада Сафоновой первой обмолотила весь посев, сдала причитающиеся хлебопоставки государству и первой закончила осенний сев. В соревновании по краю на право подписи письма т. Сталину Сафонова одержала первенство по целому району. Сафонова за ударную работу была премирована зеркальным шкафом.

Таких, как Сафонова, теперь у нас уже тысячи, скоро их будут сотни тысяч и миллионы. Развертывающиеся социалистическое соревнование и ударничество и большевистское руководство политотделов тому порукой.

Результаты колхозного урожая этого года, результаты распределения доходов по трудодням еще больше будут содействовать укреплению трудовой дисциплины, росту активности, трудового под'ема масс, социалистического соревнования и ударничества. Тут революционная диалектика тоже имеет свою силу. Чтобы добиться повышения материального благосостояния, колхозники должны были работать по-ударному. Ударная работа теперь дала свои обильные плоды. А это не может в свою очередь не оказать своего обратного влияния на рост социалистического соревнования и ударничества.

Вот колхозники-ударники Кабардино-Балкарской области пишут, что в среднем по области у них на трудодень приходится по пуду зерна. Есть десяток колхозов, где на трудодень приходится по 3 пуда зерна. В отдельных колхозах по 10—12 килограммов. Есть уже тысячи семейств в Кабардино-Балкарской области, которые получают по 1.000—1.300 пудов кукурузы. Есть сотни хозяйств, которые получают от 2.000 до 2.800 пудов хлеба. Колхозники Кабардино-Балкарской области на практике своей работы показывают, что лозунг вождя—превратить в ближайшие два года всех колхозников в зажиточных—это вполне выполнимый лозунг, и он будет выполнен. Результаты распределения доходов покажут ударникам, чего они добились своей ударной, честной работой, и еще больше поднимут среди них волну трудового энтузиазма. Это распределение дохода покажет колхозникам, что значит ударный социалистический труд, кому он приносит пользу. Волна трудового энтузиазма захватывает новые сотни тысяч, новые миллионы колхозников.

Из результатов распределения доходов не смогут не сделать известных выводов и лодыри. Они тоже получают по трудам своим. Это подстегнет многих из них. Найдутся конечно и такие, которые не смогут сделать соот-

летствующих выводов. Но по отношению к таким колхозникам найдутся (особые) меры воздействия.

* * *

Важнейшим результатом работы колхозов этого года является огромный подъем творческой активности масс. Социалистическое соревнование и ударничество есть наиболее яркое и общее выражение этой активности. Но социалистические формы труда далеко этим не исчерпываются. В ходе самого социалистического соревнования родилась взаимопроверка качества работы,— это форма общественного контроля за мерой и качеством труда,— выделение в связи с этим так называемых агростарост из опытных стариков, производственные совещания, особенно такого типа, как совещание, созванное по инициативе политотдела Веселокутской МТС Одесской области, где присутствовали представители 56 колхозов. На этом совещании до мельчайших деталей обсуждался план уборочных работ, с точным расчетом наличной рабочей силы и норм выработки, с точным расчетом наличного инвентаря, тягла, с расчетом того, что нужно сделать, объема работ, с расчетом того, каковы наличные силы и средства,— все до мелочей вскрывалось на совещании. Если представитель данного колхоза упустил что-либо, участники совещания вносили в этот план поправки, чтобы потом, когда приступят к выполнению плана, не было его срыва.

Вот председатель колхоза «Социалистическая реконструкция» Дубинин делает доклад об окончании сева, делится опытом об итогах сева и о плане проведения уборочной кампании в его колхозе. Он докладывает, какой земельный массив у них засеян, какой севооборот, на каком расстоянии от села и какие культуры посеяны, как думают использовать и расставить силы и средства, чтобы выполнить работы по уборке в срок.

Уборочные работы должны быть закончены в десятидневный срок. «Созревание сверхранных культур совпадает с озимыми»—говорят докладчику участники совещания. Докладчик возражает: «Справимся все равно». Но участники совещания требуют дать точный расчет: не допустить бы ошибок, просчета и срыва работ. Разве это производственное совещание не есть один из показателей того, на какую высоту у нас поднимаются колхозы, как растет творческая инициатива масс. Эта инициатива, бьющая полководцем, организуется политотделами, направляется в нужное русло. На этом совещании были учтены все стороны жизни и деятельности колхоза, связанные с подготовкой к уборке. Тут обнаружилось, что очень важна проблема заботы о детях, проблема детских яслей, чтобы матери были спокойны за детей и могли выйти все на работу в поле. И вот т. Голаток на совещании докладывает о состоянии детских яслей.

Здесь же докладывается о состоянии лошадей, о методах ухода за ними. Речь старшего конюха Якуба и реплика конюха Твердохлебенко о том, как они добились хорошего создания тягла, как надо беречь коней, свидетельствуют о том, что в каждом колхознике пробудился хозяин, болеющий за колхозное добро. Это говорит о том, что люди, участники колхозного движения, создавая под руководством партии крупное социалистическое хозяйство, передельвая жизнь по-новому, передельваются сами. Да, идет не только перековка форм хозяйства, но и великая перековка людей.

Безенчукцы в своем письме к т. Сталину пишут о том, что среди колхозников пробудилась великое тяготение к грамоте, к знанию. Эта грамотность уже сейчас неизмеримо возросла по сравнению с прошлым годом. Но колхозное хозяйство требует еще большего повышения знаний. Здесь опять колхозники района Веселокутской МТС показывают пример, который дол-

жен быть использован всеми колхозниками,—пример того, как надо поставить учебу в зимнее время.

Предложение колхозника Загрудного Ивана Федосеевича об увязке зимней учебы с планом работ колхоза, с повышением квалификации колхозников заслуживает величайшего внимания. Задача овладения техникой в колхозном хозяйстве сейчас является важнейшей задачей.

Сложные с.-х. машины, которые дает сейчас пролетарский город деревне, еще плохо используются. Полное использование уже наличной техники значительно повысит производительность труда в сельском хозяйстве.

Техника в условиях капитализма обращалась и обращается против трудящихся, против рабочего и крестьянина. Введение и усовершенствование техники с.-х. производства в условиях капитализма приводили и приводят к пауперизации крестьянства, к росту нищеты и разорения. Только в условиях социалистического, колхозного хозяйства крестьянин впервые в жизни приобрел возможность пользоваться самой передовой техникой, облегчающей труд человека, сберегающей живую рабочую силу и повышающей его материальное благосостояние.

С.-х. машин уже сейчас дано колхозной деревне такое количество, о котором в условиях старого хозяйства нельзя было и мечтать. С каждым днем механизация сельского хозяйства будет возрастать. Только одних тракторов ежедневно наши заводы выпускают по 300 штук, не говоря уже о других с.-х. машинах.

По плану второй пятилетки техническая реконструкция сельского хозяйства будет завершена в ближайшие 4 года. К 1937 г. число машинно-тракторных станций будет доведено до 6 тыс., а тракторный парк возрастет по сравнению с 1932 г. в 3,7 раза и будет доведен до 8.200 тыс. лошадиных сил. Парк комбайнов к 1937 г. будет доведен до 100 тыс. шт. и автомобильный парк с. х. до 170 тыс. машин. Следовательно, вооружение с. х. самой передовой техникой обеспечено во все возрастающей степени.

Чего же еще не хватает пока в этом отношении? Не хватает полного овладения мощностью машин. Нужно резко повысить эффективность использования с.-х. техники. Тут много вредил и вредит еще классовый враг. Сейчас нет ни одного хозяйственно-экономического вопроса, который бы так или иначе не был связан с проблемами политики, с вопросами классовой борьбы. Вопросы трудовой дисциплины, вопросы распределения, вопросы хлебосдачи, вопросы овладения техникой и наукой—это все вопросы классовой борьбы.

Задача овладения техникой является также одной из форм классовой борьбы. Машина в условиях капитализма является силой, направленной против трудящегося, против рабочего. В наших социалистических условиях машина впервые превращается из антагониста в друга, в орудие его господства над природой, в орудие повышения его могущества и роста материального благосостояния. Классовый враг своим инстинктом понял, что если передовая с.-х. техника будет освоена колхозниками, крупное колхозное хозяйство быстро обнаружит свои преимущества перед прежними формами хозяйства. Поэтому кулачество всячески стремилось и стремится дискредитировать современную технику в глазах колхозников и организует вредительскую поломку тракторов, комбайнов и других с.-х. машин. Борьба за овладение техникой, за полное, стопроцентное использование тракторов, комбайнов и других с.-х. машин есть одно из условий окончательного разгрома остатков недобитого кулачества, есть одно из важнейших условий повышения производительности колхозного (и совхозного) труда,—важнейшее условие превращения всех колхозов в большевистские и всех колхозников

в зажиточных. Указание вождя «Техника в период реконструкции решает все», его лозунг овладения наукой и техникой являются боевой, руководящей задачей сегодняшнего дня.

За этот год благодаря организации политотделов пролетарское государство и партия добились огромных успехов в деле колхозного строительства, в деле укрепления и упрочения социалистических форм хозяйства, в деле поднятия трудовой дисциплины и внедрения новых методов труда, созданных пролетариатом.

Но великое качество нашей партии, которому ее учит великий вождь г. Сталин, состоит в том, чтобы не успокаиваться на достигнутых успехах, а двигаться дальше. Борьба за дальнейшее укрепление трудовой дисциплины и развертывание социалистического соревнования в деревне, за повышение урожайности и овладение техникой, борьба за окончательное уничтожение остатков недобитого кулачества, борьба за превращение всех колхозов в большевистские еще стоит на очереди.

Не успокоение на достигнутых успехах, а мобилизация всех сил и средств на борьбу за выполнение еще нерешенных задач!

Вопросы воспитания новой дисциплины на современном этапе*)

З. Гришин

К XVII съезду ВКП(б) и X ленинской годовщине Советский союз приходит с гигантскими достижениями на всех участках социалистической стройки.

Разрешение проблемы «кто кого» в пользу социализма против капитализма во всем народном хозяйстве страны, превращение нашей страны из страны аграрной в страну индустриальную, в страну передовой социалистической техники, решение проблемы промышленности и крестьянско-колхозной проблемы, победа колхозного строя над частной формой хозяйства и ликвидация в основном кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, главенствующее положение общественной социалистической собственности во всем народном хозяйстве страны, полная ликвидация безработицы и подъем жизненного уровня масс — таковы реальные итоги социалистического строительства, реальное выражение победы генеральной линии ВКП(б), достигнутой партией под руководством ленинского ЦК ВКП(б) во главе с т. Сталиным в беспощадной борьбе с классовыми врагами, борьбе с контрреволюционным троцкизмом, в непримиримой борьбе партии на два фронта: с правым и «левым» оппортунизмом, примиренчеством и гнилым либерализмом к извращениям линии партии. На базе отмеченных успехов социалистического строительства под руководством нашей партии мы имеем за истекшие годы особенно широкое развитие творческой инициативы масс, нашедшее свое выражение в мощном развертывании социалистического соревнования масс, в росте производственных совещаний, в развертывании советской демократии на предприятиях, различных многообразных форм участия масс в борьбе за укрепление пролетарского государства.

Маркс и Энгельс писали об эпохе, предшествующей пролетарской революции, как о периоде, в котором «появляется класс..., из которого исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание»¹⁾. Маркс и Энгельс далее указывали, что как «для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для выполнения самого дела необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции; следовательно революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создавать новое общество»²⁾.

*) Настоящая статья представляет сокращенную часть работы автора «Социализация и дисциплина труда и вопросы сов. труд. права».

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса», т. 1, стр. 226.

²⁾ Там же, стр. 226—227.

Опыт пролетарской революции в России явился блестящим подтверждением указаний Маркса—Энгельса о массовом порождении коммунистического сознания рабочего класса. Развернувшееся на наших глазах мощное движение социалистического соревнования, ударничества, борьбы за встречный план и т. д. есть яркое проявление этого коммунистического сознания, растущего на базе социалистических производственных отношений. Для того, чтобы надлежащим образом оценить это замечательное движение, надо вспомнить ленинскую оценку коммунистических субботников—этого проявления трудового героизма масс в период военного коммунизма. «Коммунистические субботники, — писал Ленин, — необыкновенно ценны, как фактическое начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму». «Коммунизм, — писал далее Ленин, — начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд работа рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достигающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз советских республик»¹⁾. Ленин учил нас уделять больше внимания простым, будничным фактам, отыскивать в них подлинные ростки коммунизма, чтобы обеспечить необходимую, постоянную и систематическую заботу о них.

14 лет отделяют нас от периода, к которому относится ленинская характеристика «коммунистических субботников». За этот небольшой исторический отрезок времени мы прошли путь победного завершения пятилетки в 4 года, осуществляя сейчас план второй пятилетки — пятилетки построения бесклассового социалистического общества. От первых коммунистических субботников эпохи военного коммунизма пролетариат СССР сделал гигантский скачок в охвате рабочего класса социалистическим соревнованием и ударничеством.

Если на 1 января 1930 г. ударники по всей промышленности составляли 30 проц.; то на 1 декабря 1931 г. их было 65 проц. В настоящее время охвачено ударничеством $\frac{2}{3}$ рабочего класса нашей страны. Хозрасчетные бригады охватывают $\frac{1}{8}$ рабочих.

«Крупные успехи в создании новой, социалистической дисциплины труда, рост квалификации рабочих, значительные достижения в организации производства позволили добиться в ходе технической реконструкции огромных побед в деле поднятия производительности труда. По темпам роста производительности труда СССР оставил позади все капиталистические страны даже в сравнении с годами высшего подъема» (тезисы ЦК к XVII съезду по докладам тт. Молотова и Куйбышева).

Эти успехи, достигнутые в процессе классовой борьбы, являются блестящим подтверждением правильности марксистско-ленинской теории вооруженной и ленинского учения о воспитании новой дисциплины в особенности

I. Ленинский конспект брошюры «Диктатура пролетариата» и воспитание новой дисциплины

«Диктатура пролетариата, — указывал Ленин, — есть продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах. В этом гвоздь, этого не понимают»²⁾.

Эта мысль красной нитью проходит в таких работах Ленина, как конспект брошюры «Диктатура пролетариата», «Экономика и политика в эпоху

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 342.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 5.

диктатуры пролетариата», «Великий почин», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Привет венгерским рабочим», «Об обмане народа лозунгами равенства и свободы», «Задачи союза молодежи», и в ряде других. Она является исходным пунктом при анализе всех процессов, происходящих на тех или иных этапах пролетарской диктатуры.

Но формы классовой борьбы пролетариата в условиях его диктатуры уже не те, при помощи которых пролетариат вел классовую борьбу в условиях капитализма. «Формы классовой борьбы пролетариата при его диктатуре не могут быть прежние»¹⁾, — пишет Ленин, ибо положение пролетариата в условиях диктатуры пролетариата принципиально отличается от его положения в условиях капитализма. Там он раб, там он класс угнетенный, здесь он класс господствующий, организованный в государственную власть.

Эти формы классовой борьбы пролетариата в условиях его диктатуры различны. Значение той или иной из них меняется на различных этапах пролетарской диктатуры.

Ленин называл пять новых (главнейших) задач и форм классовой борьбы пролетариата:

«1) подавление сопротивления эксплуататоров. Об этом как задаче (и содержании) эпохи вовсе забывают оппортунисты и «социалисты»...

2) «Гражданская война»...

3) «Нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства...

4) «Использование» буржуазии...

5) «Воспитание новой дисциплины»²⁾.

Было бы неправильно думать, как это присуще различным вульгаризаторам ленинизма, что перечисленными формами исчерпывается многообразие форм классовой борьбы в переходный период. Эти «теоретики» изображают эпоху пролетарской диктатуры как некую застывшую общественную форму, не видят ее движения, не видят движения классов, изменения соотношения классов на протяжении всей переходной эпохи. Переходный период, как на это указывал Ленин, нельзя рассматривать как сплошное целое. Надо видеть особенности отдельных его этапов, отдельных его стадий. Ленин говорил о «переходных периодах в переходном периоде», не удовлетворяясь общей посылкой, что вся диктатура пролетариата есть переходный период. Он требовал подлинной конкретности при изучении того или иного этапа переходного периода. Эта ленинская постановка вопроса обязывает нас рассматривать классовую борьбу и ее формы в движении, в изменении, в развитии, во всем ее многообразии. Нужно отметить однако, что главнейшие формы классовой борьбы, указанные Лениным в его конспекте брошюры «Диктатура пролетариата», сохраняют свое значение для всех этапов пролетарской диктатуры вплоть до уничтожения классов. Каждая из них теснейшим образом связана с другими формами и находится с ними в определенном единстве.

Нашей задачей является рассмотрение проблемы воспитания новой дисциплины на современном этапе, рассмотрение той проблемы, которую Ленин отмечал в своем конспекте брошюры «Диктатура пролетариата» как одну из новых форм классовой борьбы. Причем вопрос о воспитании новой дисциплины как одной из важнейших форм классовой борьбы в переходный период надо брать в единстве с другими формами борьбы, на которые указал Ленин.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 6.

²⁾ Там же, стр. 6—7.

* * *

«Диктатура пролетариата,—писал Ленин,—есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»¹).

Эти разные стороны проявления диктатуры пролетариата надо учитывать для характеристики тех путей и способов, при помощи которых пролетарская диктатура обеспечивает создание бесклассового социалистического общества. Это указание имеет огромное значение для понимания ленинского тезиса, что «не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не главным образом в насилии»²), как это думают некоторые вульгаризаторы, начетчики от коммунизма.

«Главная сущность ее,—указывал Ленин,—в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя, пролетариата»³). Отсюда ясно, почему Ленин уже первые шаги советской власти связывал с задачами самодисциплины пролетариата, обеспечения железной дисциплины в его рядах и с задачей развертывания социалистического соревнования как формы воспитания новой дисциплины. Вспомним, что статья Ленина «Как организовать соревнование» была написана через три месяца после Октябрьской революции.

Исходя из ленинской характеристики главной сущности диктатуры пролетариата, можно понять, почему Ленин в своем экономическом плане Брестского периода, выдвигал повышение производительности труда и его высокую организацию, проведение сдельной оплаты, использование того чего, что дает система Тейлора в наших условиях, организацию социалистического соревнования, подчеркивал роль прессы и советского суда в деле социалистического перевоспитания масс, воспитания новой дисциплины труда.

Каковы же те исходные общеполитические предпосылки, которые вызывают необходимость постановки вопроса о воспитании новой дисциплины? Таких условий имеется по крайней мере два.

Первое. Пролетариат ставит своей главной задачей создание бесклассового социалистического общества, создание материального фундамента нового общественного строя, создание более высокой, чем в условиях капитализма, производительности и организации труда. Осуществить эту задачу пролетариат и его авангард могут только при помощи железной дисциплины в своих рядах. Ленин подчеркивал, что «надо закрепить то, что мы сами отвоювали, что мы декретировали, узаконили, обсудили, наметили,—закрепить в прочные формы повседневной трудовой дисциплины. Это самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки»⁴).

Второе. Надо учесть, что одним из препятствий на пути к решению задач построения бесклассового социалистического общества является также неоднородность пролетариата. Пролетариат в переходный период вступает со всеми теми свойствами, которые он получил еще в период капитализма.

«Капитализм не был бы капитализмом,—указывал Ленин,—если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще),

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 191.

² Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 314.

³ Там же.

⁴ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 464.

от мелкого крестьянина к середняку и т. д.; если бы внутри самого пролетариата не было делений на более или менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п.»¹⁾.

Эта неоднородность пролетариата существует еще и в условиях диктатуры пролетариата. Рабочие и крестьяне не разделены китайской стеной. Крестьяне и другие мелкие товарные производители «окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию»²⁾.

Классовое сознание, учил Ленин, складывается и развивается в борьбе против сил и традиций старого общества, против силы привычки миллионов, которая является, как он неоднократно говорил, самой страшной силой, за воспитание социалистического отношения к труду, за воспитание новой дисциплины.

Говоря в вышеуказанном смысле о неоднородности пролетариата, мы не должны представлять это таким образом, что состав пролетариата с отмеченными выше особенностями представляет нечто застывшее, не подвергающееся изменениям. На самом деле на каждом новом этапе переходного периода меняется содержание этой неоднородности, причем эти изменения в меру нашего движения к социализму, в меру успехов социалистического строительства приводят все к большему охвату масс социалистическим соревнованием и неуклонному росту в рядах пролетариата кадров, работающих в духе социалистической дисциплины труда, вплоть до выработки у всего пролетариата качеств активных и сознательных строителей бесклассового социалистического общества.

Ц. Классовая борьба в стране и основные нарушения труддисциплины

Обратимся теперь к тем изменениям, которые произошли в рядах пролетариата за годы революции и в частности в численном его составе.

За годы революции мы имели значительный рост численности фабрично-заводского пролетариата. Так, если в 1913 г. в ценовой промышленности имелось 2.885 рабочих, то в 1921—22 г.—1.601,7 (на первое января 1922 г.); 1923—24 г. соответственно — 1.795; 1924³⁾—25 г. — 2.109; 1925—26 г. — 2.678; 1926—27 г.—2.839; 1928 г.—3.087; 1929 г.—3.353; 1930 г.—4.264; 1931 г.—5.414; по железнодорожному транспорту численность рабочих с 691 чел. в 1913 г. выросла к 1931 г. до 1.308⁴⁾. Общая же численность рабочих и служащих СССР за годы пролетарской диктатуры (по важнейшим отраслям промышленности) росла следующим образом (в тысячах)⁴⁾.

в 1923—24 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
7.143	11.552	12.394	14.462	18.590

К началу 1933 г. общая численность рабочих и служащих достигает уже 22,8 млн. чел.

Приведенные данные свидетельствуют об огромном росте численности пролетариата СССР, исключительно быстрых темпах этого роста в условиях реконструктивного периода. Рост численности фабрично-заводского пролетариата особенно выделяется по крупной промышленности, ведущим отраслям народного хозяйства, что характеризует наши успехи в области осу-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 214.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 190.

³⁾ Данные в тыс. по статистич. справочнику «Нар. хоз. СССР», стр. 410. Гос. соц. эк. изд-во, 1932 г.

⁴⁾ «Труд в СССР», стр. 14, Гос. научн. тех. горн. изд-во, 1932 г.

ствления генеральной линии партии на социалистическую индустриализацию СССР.

В производство вливаются за последнее время кадры, никогда в нем не работавшие.

В социалистическое производство частично просачиваются и классово враждебные элементы.

Это подтверждается фактами, о которых говорится в нашей печати и обследованиях состава рабочей силы на предприятиях.

Эти факты получают особенно яркое классовое выражение в свете развернутого наступления социализма на капиталистические элементы по всему фронту, в свете ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Формы классовой борьбы в переходный период меняются, вместе с тем меняются и формы подрывной работы классового врага на производстве, формы его маскировки. Кулацко-капиталистические элементы страны используют массовый набор рабочей силы для классово враждебных действий на производстве, для проникновения в нашу социалистическую промышленность и воздействия различными путями и средствами на наиболее отсталые слои рабочего класса. С этими фактами пролетарская диктатура борется путем организованного набора рабочей силы, путем паспортизации, чистки госаппарата и т. д.

Прилив новых рабочих из деревни, не прошедших школы борьбы за социалистическую промышленность, не получивших еще пролетарской закалки, сказывается в нарушениях трудовой дисциплины на наших предприятиях. Главные виды нарушения труддисциплины это: 1) прогулы и опоздания; 2) халатное отношение к работе, ведущее к браку; 3) отказы от поручаемой работы.

Среди отдельных видов нарушения труддисциплины особое место занимают прогулы по неуважительным причинам. За последние годы по всей промышленности Союза в среднем на каждого рабочего приходилось прогулов по неуважительным причинам: 1928 г.—5,7 дня, 1929 г.—4,1, 1930 г.—4,5, 1931 г.—6 дней. Как показывают эти данные, размер прогулов в 1931 г. даже несколько превысил уровень 1928 г. За один только 1931 г. прогулы по неуважительным причинам составили по всей промышленности 28 млн. дней. Из них например по каменноугольной промышленности количество прогулов равнялось 4,7 млн. дней, по черной металлургии—1,5 млн. дней, по машиностроению—5,8 млн. дней.

Таковы гигантские масштабы потерь, связанных с прогулами. Дневная выработка одного рабочего в 1931 г. составляла в ценах 1926—27 г. по всей промышленности 25,5 руб., по каменноугольной—7,7, по черной металлургии—18,8 и по машиностроению—23,1 руб. Следовательно за время прогулов по неуважительным причинам всей промышленностью могло быть произведено продукции на 714 млн. руб. Это значит, что каменноугольная промышленность Союза недодала в 1931 г. из-за прогулов на 36 млн. руб. продукции, черная металлургия—на 28 млн. руб., машиностроение—на 134 млн. руб. и т. д.

В 1932 г. число прогулов продолжало расти¹⁾.

Вот почему вопрос о борьбе с прогулами приобрел на данном этапе большую остроту. И советское правительство издало закон от 15/XI 1932 г., направленный на ликвидацию расхищения прогульщиками рабочего времени, расхищения социалистической собственности.

За истекший период после издания закона о прогулах мы добились значительных успехов в деле повышения трудовой дисциплины. Достаточно указать, что с августа 1932 г. по август 1933 г.

¹⁾ См. «На борьбу с прогулами». Партиздат, 1932 г., стр. 29—30.

количество прогулов промышленных рабочих уменьшилось почти в 10 раз. По угольной промышленности в августе прошлого года на одного рабочего падало 1,12 прогула, а в августе этого года — 0,22; по черной металлургии прогулы на одного рабочего снизились с 0,99 во втором квартале прошлого года до 0,11 в тот же период этого года; по машиностроению — с 1,26 до 0,12¹⁾. На очереди — борьба за окончательное устранение прогулов, уплотнение рабочего дня, изжитие прогулов внутри рабочего времени.

Анализ нарушений труддисциплины в промышленности показывает неравномерное распределение их по отдельным отраслям промышленности. При относительно пониженном (по сравнению со средними данными по всей промышленности) уровне нарушений труддисциплины в электротехнической промышленности сильно выделяются по значительности нарушений каменно-угольная промышленность и черная металлургия.

Повседневные факты из жизни предприятий показывают, в чем конкретно проявляется мелкобуржуазная расхлябанность. Так, проверка выполнения колдоговора по заводу «Серп и молот» выявила, что в прокатном цехе из-за халатности вызван простой стана № 700 в 18 часов. В мартеновском цехе благодаря халатному отношению отдельных рабочих к печам при отделке отверстий было уложено в канаву 5 плавок по 40 тонн металла.

Практика работы производственно-товарищеских судов на транспорте также отмечает целый ряд ярких фактов нарушения труддисциплины. Приведем факты, наиболее ярко отражающие преступно халатное отношение к своим обязанностям работников железной дороги. Начальник Курмоярского раз'езда Фомин вступил на дежурство, во время дежурства лег на диван и уснул. Глядя на него, как на начальника раз'езда, улеглись спать стрелочники Степанов и Кондратьев. В это время на ст. Котельниково запросил приема поезд № 838. Стрелочник Степанов дал согласие на прием поезда, о чем не предупредил дежурного, и лег спать; в результате прибывший к переезду мазед простоял у закрытого семафора 6 ч. 30 мин. Спустя некоторое время маневровый паровоз на той же дороге, несмотря на даваемый ему стрелочником сигнал, самостоятельно в'ехал на главный путь, врезался в шедший рабочий поезд № 150, в результате чего первые два вагона тамбурами врезались один в другой и 9 пассажиров получили сильные ранения.

Борьба с нарушениями социалистической дисциплины труда, с мелкобуржуазной анархичностью и расхлябанностью на транспорте, борьба с безличкой и безответственностью по всем линиям транспортного хозяйства и прежде всего вагонного хозяйства составляет боевую задачу дня.

Но кроме этих фактов непосредственного нарушения труддисциплины, прямого невыполнения правил внутреннего распорядка на наших социалистических предприятиях мы имеем и другие формы обхода, нарушения, попыток срыва социалистической организации и дисциплины труда. Известны рваческие тенденции отсталых элементов в рабочем классе, не переварившихся в пролетарском котле, не получивших пролетарской закалки, действующих по принципу — урвать от государства побольше, дать ему поменьше. Известны например факты, имевшие место на отдельных шахтах Донбасса, где некоторые рабочие пытались использовать премиальную систему оплаты труда для получения повышенного заработка отнюдь не в соответствии с затраченным количеством и качеством труда (приписка одному из рабочих повышенной выработки за счет выработки других с целью получения премии и соответственного распределения повышенной зарплаты в бригадах, где учет индивидуальной работы отсутствовал).

На VI всесоюзном совещании работников юстиции один из участников

1) «Труд» от 16/XI 1933 г.

совещания приводил факты, когда благодаря неналаженному учету работы ударники, выполнявшие программу на 130 и 150 проц., получали 150—160 руб., а рвачи, систематически недовыполнявшие плана, пользуясь неразберихой в учете труда, добивались получения заработка в 500—600 руб. в месяц. Другой участник совещания, т. Кобленц (Сев. Кавказ), указывал на имеющие место факты приписки вагонов добычи угля в целях увеличения оплаты. На одной шахте за 17 дней оказались приписанными 1.300 вагонов¹⁾.

Имеются также факты использования нашего законодательства в рваческих целях со стороны отдельных отсталых групп рабочих. Ленинградский отдел труда еще до издания закона о прогулах отмечал случаи жалоб отдельных рабочих в РКК на директоров предприятий о нарушении якобы последними правил внутреннего распорядка в связи с неувольнением рабочих за невыход их на работу и прочие нарушения трудовой дисциплины. По ряду предприятий участились за последнее время случаи присвоения спецодежды. Со стороны нарушителей труддисциплины нередко практикуются преследования передовых участников социалистического соревнования, ударников, своим примером дающих подлинные образцы борьбы за воспитание новой дисциплины. Но об этом мы еще скажем ниже.

Все это свидетельствует о мелкобуржуазном отношении к производству со стороны отдельных отсталых слоев в рабочем классе, об их попытках использовать советское законодательство исключительно в своих личных, узко цеховых, узко профессиональных интересах ценой забвения общеклассовых задач пролетариата. С этой точки зрения и текучесть рабочей силы имеет свою классовую подоплеку, свое классовое выражение.

Текучесть рабочей силы по целому ряду предприятий достигла огромнейших размеров. Тов. Сталин в своей исторической речи на совещании хозяйственников особое внимание уделил этому вопросу.

Текучесть рабочей силы за последний период по важнейшим отраслям промышленности превышает 100 проц. личного состава. Нельзя, разумеется, представлять себе дело таким образом, что мы имеем перманентное обновление 100 проц. личного состава рабочих. Уходят наименее дисциплинированные, наименее устойчивые элементы, главным образом единоличники, прибывшие на производство в порядке самотека. Более пониженный процент текучести рабочей силы наблюдается среди рабочих, набранных организованным путем, охваченных договорами хозорганов с колхозами.

Нарушение трудовой дисциплины связано с классовой борьбой в стране. Развернутое наступление социализма на капитализм по всему фронту вызвало, с одной стороны, величайший энтузиазм у миллионов передовых рабочих, а с другой—наряду с волной соцсоревнования и ударничества нарушения труддисциплины, порой злостные, граничащие с вредительством, со стороны отсталых элементов рабочего класса и проникнувшей в ряды пролетариата агентуры классового врага. В свете всего вышесказанного особенно ярко выступает значение ленинского тезиса о воспитании новой дисциплины как новой формы классовой борьбы в условиях пролетарской диктатуры, особенно понятным становится, что «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму,—пишет Ленин,—не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,—содрать с «него» денег побольше»²⁾.

1) По материалам VI всесоюзного совещания работников юстиции.

2) Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 213.

III. Основные пути борьбы за воспитание новой дисциплины

а) Социалистическое соревнование и его высшая форма на данном этапе — хозрасчетная бригада

В своем конспекте брошюры о диктатуре пролетариата Ленин следующим образом формулировал задачу социалистической организации труда как одной из важнейших форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата: «Воспитание новой дисциплины. Диктатура пролетариата и профессиональные союзы. «Коммунистические субботники». Очистка партии и ее роль. Премии и сдельная плата»¹⁾. Эти ленинские указания в неразрывной связи с его высказываниями в других работах, с высказываниями т. Сталина по вопросу воспитания новой дисциплины, решениями партии и Коминтерна мы должны положить в основу рассмотрения проблемы воспитания новой дисциплины, в частности конкретных путей борьбы за нее.

Решающим фактором борьбы за новую дисциплину труда являются социалистическое соревнование и ударничество во всем многообразии форм их проявления.

Социалистическое соревнование сопровождается массовыми фактами подлинного трудового героизма. На наших глазах труд превращается «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства»²⁾.

Приведем несколько фактов:

«Мы имеем,—сообщают с Урала уже на первых этапах развертывания соцсоревнования,—массу случаев самоотверженной, истинно героической работы ударников горячих цехов, когда они с риском для жизни находят производят ремонт печей, предупреждая неизбежные аварии, длительные простои, спасая драгоценную плавку, сохраняя громадные средства»³⁾.

Характерно заявление группы рабочих обувной фабрики им. Микояна в Ростове на Дону, поданное ими в ячейку ВКП(б), фабзавком и фабричную газету «Трибуна обувщика». На фабрике произошел пожар. В связи с этим рабочие в своем заявлении призывают усилить бдительность, бороться с прогулами и тем самым ликвидировать последствия пожара. Между прочим они пишут: «Мы организовали 30 июля ударную бригаду энтузиастов в парусиновом цехе, которая ставит своей задачей на каждый прогул ответить контратакой путем немедленного обеспечения данного процесса ударником-энтузиастом данного процесса, работающим безвозмездно. Ядро энтузиастов, бригада, отдает себя в интересах производства, где это требуется. Чтобы слова не расходились с делом, бригада организовала третью смену в количестве 9 человек, которая во главе с зав. цехом т. Боевым работала в ночь с 30 на 31 июля в целях обеспечения выполнения июльской программы. Ударная бригада энтузиастов парусинового цеха зовет к такой же организации бригад по остальным цехам фабрики».

Мы имеем массовое добровольное повышение норм и снижение расценок. Так, бригада штамповального цеха ленинградского завода «Красный металлист» два раза добровольно снизила расценки общей сложности на 60 проц. На постройке завода им. Ленина в Ленинграде ударная бригада Басова снизила расценки на 10 проц. и имеет выработку на 20 проц. больше остальных рабочих. На Златоустовском заводе, получившем знамя герман-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 7.

²⁾ Сталин, Политотчет ЦК XVI съезду.

³⁾ Уральская сводка за 1930 г. «Об итогах соцсоревнования по металлургии», стр. 9 в материалах ВЦСПС.

ских красных фронтовиков, 700 рабочих добровольно снизили расценки от 5 до 25 проц. ¹⁾.

Вот характерное заявление из практики соцсоревнования на Днепрострое.

«Производственной подкомиссии котельного цеха от котельщиков 2-й ударной бригады заявление:

Получен нами заказ № 4047—1524 на изготовление подфермников для установки ферм перемишки на скале «Дурной» в количестве 42 штук по цене за 1 пуд 90 коп. Мы, обсудив вышеуказанную работу, просим снизить расценку: вместо 90 коп. за 1 пуд—75 коп. за 1 пуд, т. е. снизить 15 коп. с пуда.

Бригадир Лазуренко. 26 января 1930 г.»

Быстро откликается другая бригада:

«На снижение расценки на подфермники бригадой Лазуренко, мы, бригада Д. Чугая, также снижаем расценку на подфермники 1.050 × 850 мм с пуда до 60 коп., а 860 × 600—до 75 коп. с пуда. Бригадир Чугай» ²⁾.

Добровольное снижение расценок и повышение норм выработки вылились в массовое движение за встречные нормы и расценки в проведенной в 1932 и 1933 г. кампании по перезаключению колдоговоров. Инициатива и здесь принадлежит передовикам рабочего класса—ударникам.

Трудовой героизм масс, создающий и укрепляющий социалистические формы труда, имеет своим непосредственным результатом повышение дисциплины труда, улучшение качества и гигантский рост производительности труда. Вот данные о производительности труда и темпах работы на Днепрострое.

«Работа по кладке быка № 4 на Новом Днепре выполнена небывало успешно,—она закончена в 19 дней вместо 50 дней, которых потребовала кладка быка № 3 в прошлом году. Кроме того эта работа закончена за 4 дня до срока, обусловленного хозполитдоговором. Это в результате соревнования бригад бетонщиков, каменщиков и плотников.

Ударники-бурильщики достигли 3,24 пог. метра проходки скалы на станках Сандерсона за смену вместо нормы в 2,5 пог. метра по договору соцсоревнования. Экскаватор «Мария» разработал кубометров скалы: в феврале 6.860, в марте 12.500, в апреле 16.500. Быстрота работы левобережного камнедробильного завода достигла рекордной цифры: 1 думкар камня раздробляется в 6 минут.

В марте центральные механические мастерские выпускали из ремонта паровозы серии «СЛ» за 75 дней вместо 100 по договору. В котельном цехе по договору на человекодень приходится 70 кг. клепки, дали же фактически 168 кг. На изготовление поперечин для моста затрачивалось вместо одного дня 0,52 дня. В кузнечном цехе выработка пиковок увеличена со 100 кг. по договору до 132 кг. за человекодень.

Результаты соревнования кранов и экскаваторов характеризуются данными (см. табл. на стр. 152).

Бригада плотников Горшника по рубке ряжей должна была дать 25 пог. метров. Фактически дала 29 (вместо 19 до соревнования). Бригада Кулькова, изготовлявшая фермы «лембке», вместо обусловленных по договору 4,25 человекодня на 1 метр стенки фактически достигла 3,30. Плотники Заводстроя, работавшие по изготовлению каркаса барака и кладке балок, дали 90—153 человекодня вместо обусловленных по договору 198 человекодней ³⁾.

¹⁾ Факты из материалов ВЦСПС.

²⁾ «За индустриализацию» от 21/VI 1930 г. «Соцсоревнование и ударничество на Днепрострое».

³⁾ Там же.

На Днепрострое также, как известно, был побит мировой рекорд бетонной кладки. На другом крупнейшем строительстве, Магнитострое, по про-

П а р о в ы е к р а н ы	До вступления в ударниче- ство	После вступле- ния в ударни- чество
№ 13 левого берега (за 60 смен)	960 куб. м.	3 294 куб. м.
№ 21 " "	1 840 " "	4 177 " "
№ 33 " "	2 229 " "	3 599 " "
№ 15 правого берега (за 1 смену)	45 " "	51 " "
№ 35 " "	37 " "	45 " "
Э к с к а в а т о р ы		
Экскаватор № 12	143 " "	360 " "
" № 4 правого берега	100 " "	195 " "
" № 8 " "	100 " "	126 " "

екту американцев плотина через реку Урал должна была строиться 120 дней, по плану Управления строительством—90 дней, по встречному промфинплану рабочих—75 дней. Построена же была плотина в 70 дней¹⁾.

Приведем еще один факт. Между бетонщиками наших крупнейших строек происходило соревнование на лучшие темпы стройки. Германская норма выработки составляет 240 бетонозамесов за 8-часовой рабочий день, а на харьковском Тракторострое в 1931 г. бетонщики бригады Коробкова делали не 250—258, чего добивались раньше некоторые ударники, а 937 бетонозамесов в смену²⁾.

Таких фактов можно привести много. Они свидетельствуют о том, как выковываются в огне революции подлинные энтузиасты социалистического строительства, как растут и ширятся социалистические формы труда, вовлекающие все новые отряды рабочего класса в ряды передовых борцов за построение социализма в СССР.

Какой гнусностью является после приведенных фактов контрреволюционная клевета Каутского на рабочих нашей страны, сравнение их с мелким дворянством—шляхтой, с прежней аристократической верхушкой господствующих классов³⁾.

Рабочий класс СССР поднимает социалистическое соревнование на новую ступень. Встречный промфинплан, сквозные бригады, общественный буксир, плано-оперативные группы, хозрасчетные бригады, общественно-технические экзамены, изотовское движение в борьбе за освоение новой техники. Все эти и другие многообразные формы проявления растущей творческой инициативы масс указывают на тот гигантский скачок, который произошел в области организации труда в производстве, в отношении масс к труду со времени «первых коммунистических субботников», охарактеризованных Лениным как практическое начало коммунизма.

Особенность современного этапа заключается в том, что социалистическое соревнование охватило $\frac{2}{3}$ рабочего класса. Это является лишним подтверждением того, что дело социалистического соревнования окончательно закреплено и завоевано. Но было бы неверно думать, что до размаха социалистического соревнования, до превращения его в мощное движение рабочего класса и всех трудящихся мы имели в производстве исключительно мел-

¹⁾ «Спутник агитатора» № 10 за 1931 г., стр. 17.

²⁾ «Экономическая жизнь» за 1/VII 1931 г.

³⁾ Каутский, Большевизм в тупике, стр. 72. Изд. Социалистический вестник, 1930 г., Берлин.

кобуржуазное капиталистическое отношение к производству, что мы имели исключительно капиталистические формы организации труда. К такой постановке вопроса скатывается т. Рыбкин в своей статье, опубликованной в журнале «Советская юстиция» за 1931 г. Его позиция ведет к отрицанию социалистической сущности отношений в предприятиях последовательно-социалистического типа, к отрицанию социалистической сущности наших госпредприятий. Новое, социалистическое отношение к труду, характерное на современном этапе для громадного большинства рабочих наших предприятий и обеспечивающее социалистическое перевоспитание отсталых групп рабочих, оказалось возможным лишь на базе социалистических производственных отношений, неразрывно связано с последними. Всякое отрицание наличия социалистического отношения к труду на госпредприятиях для этапа, предшествующего массовому развертыванию соцсоревнования, неизбежно связано с отрицанием социалистической сущности предприятий последовательно-социалистического типа на прошлом этапе нашего хозяйственно-политического развития. По поводу ударных бригад он пишет:

«Бригадная система работы наподнилась новым содержанием. Если раньше основным моментом ее работы было техническое распределение труда и решающую роль в этом распределении играл все-таки «работодатель» и вследствие этого основными оставались производственные отношения между отдельными членами бригады и «работодателем» (прием и увольнение, установление зарплаты и т. д.), то теперь основной установкой бригады является определенный результат труда (увеличение его производительности, понижение брака и т. д.), а распределение заработка уходит если не на задний план, то во всяком случае с первого плана.

Это в корне меняет и установку на техническое разделение труда в самой бригаде в смысле определения количества лиц тех или иных специальностей или разрядов по квалификации, что в конечном счете изменяет характер производственных отношений: перед «работодателем» выступает не отдельный член бригады, а бригада как единое производственное целое, единый трудовой коллектив»¹⁾.

В этом политически путанном положении обращает на себя внимание «левацкое» отрицание значения на данном этапе распределения зарплаты в наших предприятиях последовательно-социалистического типа. Далее, мы имеем здесь указание на изменение производственных отношений госпредприятий благодаря развертыванию в них ударничества. Иначе говоря, автор признает, что до развертывания социалистического соревнования в предприятиях последовательно-социалистического типа мы имели иные, повидимому капиталистические, производственные отношения. Кроме того бросается в глаза совершенно неприемлемое в наших условиях применение в отношении госпредприятий и администрации последних термина «работодатель».

Рыбкин игнорирует ленинское указание, относящееся еще к 1921 г. «Мы ни в коем случае не можем забывать того,—писал Ленин,—что мы часто наблюдаем,—социалистического отношения рабочих на принадлежащих государству фабриках, где рабочие сами собирают топливо, сырье и продукты, или когда рабочие стараются распределять правильно продукты промышленности среди крестьянства, довозят их средствами транспорта. Это есть социализм»²⁾. В этом ленинском указании т. Сталин особенно подчеркивал итоговую характеристику отношения рабочих к производству: «это есть социализм». В беседе с американской рабочей делегацией в 1927 г.

¹⁾ М. Рыбкин, Предоставить бригадам на заводах требовать удаления лиц, непригодных для бригадной работы. «Советская юстиция» № 2 за 1931 г., стр. 22. Разрядка моя.—З. Г.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 306.

т. Сталин говорил: «Если при капитализме рабочий рассматривает фабрику как тюрьму, то при советских порядках рабочий смотрит на фабрику уже не как на тюрьму, а как на близкое и родное для него дело, в развитии и в улучшении которого он кровно заинтересован. Едва ли нужно доказывать, что это новое отношение рабочих к предприятию, это чувство близости рабочих к предприятию является величайшим двигателем всей нашей промышленности»¹). Вспомним также указание т. Сталина: «Сознание того, что рабочие работают не на капиталиста, а на свое государство, на свой собственный класс,—это сознание является громадной двигательной силой в деле развития и усовершенствования нашей промышленности»²).

Любопытно, что другой автор, А. Фенцов, взявший на себя труд раскритиковать приведенные положения Рывкина, сущности вышеотмеченных ошибок совершенно «не заметил» и кроме того сам допустил ошибку. Фенцов утверждает, что «организация производственных коммун (в которых коренным образом изменяется и отношение к труду и совершенно ломается даже внешняя форма—зарплата) не только дает подлинно коммунистическое отношение к труду, но вместе с тем переделяет и бытовые условия жизни трудящегося (зарплата распределяется поровну) и ломает психологию трудящихся»³). В этом положении обращает на себя внимание восторженное, в левацком духе, отношение к фактам уравниловки, имеющим место в некоторых наших производственных коммунах. Распределение зарплаты поровну автор воспринимает уже как переделку психологии рабочего, члена производственной коммуны, как подлинно коммунистическое отношение к труду, между тем как восхваляемая автором мелкобуржуазная уравниловка разрушает рабочие массы в борьбе за воспитание новой дисциплины.

Мы уже установили, что на основе социалистического соревнования обеспечивается внедрение хозрасчета в производство, доведение его до бригады. Именно на базе социалистической кооперации труда, на базе мощного движения масс за высшую форму социалистического соревнования выросла хозрасчетная бригада как форма массового внедрения хозрасчета в производство. Хозрасчетная бригада как высшая форма социалистического соревнования является подлинным выражением социалистической кооперации труда, выражением ее сущности. Отсюда совершенно ошибочным и вредным является всякое противопоставление бригадного хозрасчета социалистической кооперации труда. Такое противопоставление мы встречаем например в статье М. Эскина. Тов. Эскин утверждает, что «социалистическая кооперация, даже в ее наиболее высокой форме—хозрасчетных бригад, обнаруживает в этом отношении, несмотря на присущие ей преимущества, внутреннюю ограниченность. Эта ограниченность выражается в том, что усиление плановости на основе ударной бригады происходит только в рамках бригады, этого небольшого хозяйственного участка. В той же ограниченной мере проявляется организаторская роль рабочего, поскольку речь идет о нем как о работнике внутри бригады»⁴).

Таким образом, по Эскину, хозрасчетная бригада ограничивает участие рабочего в планировании народнохозяйственного процесса. Тов. Эскин формально-логически подходит к хозрасчетной бригаде. Он пишет: «Только если плановость внутри бригады как основной формы социалистической кооперации дополняется формой, обеспечивающей участие ударных бригад в планировании в масштабе цеха, завода и т. д., то преодолевается внутрен-

¹) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 279. Гиз, 1932 г.

²) Там же, стр. 278.

³) А. Фенцов, Не увольнение непригодных для бригадной работы, а перевоспитание их, «Советская юстиция» № 15 за 1931 г., стр. 9.

⁴) М. Эскин, Закономерности ударного движения, «Проблемы марксизма» № 10—12 за 1931 г., стр. 20.

ная ограниченность бригады как производительной силы и наиболее полно выявляются потенциальные возможности, заложенные в ее общественной природе¹⁾.

Подобная постановка вопроса вытекает из неправильного тезиса о внутренней ограниченности хозрасчетной бригады, о ее внутренней замкнутости. Она и привела автора, несмотря на его рассуждения о социалистической кооперации труда, к противопоставлению хозрасчетной бригады таким формам соцсоревнования, как встречный план, планово-оперативные бригады, сквозные бригады, общественный буксир, которые, как оказывается по Эскину, должны спасти хозрасчетную бригаду от ее внутренней ограниченности. Эскин не понимает, что хозрасчетная бригада является выражением социалистической кооперации труда, границы которой измеряются границами всего нашего социалистического хозяйства. Сочетание хозрасчета с социалистическим соревнованием обеспечивает его внедрение во все звенья социалистического народного хозяйства нашей страны. Кстати отметим, что автор дает некоторые формулировки, указывающие также на непонимание им перспектив развития хозрасчета. «Хозрасчет,— пишет он,— усилением планирования, ускорением темпов развития производительных сил призван создать такие условия, которые неизбежно приведут к отмиранию последнего этапа нэпа, а вместе с ним и хозрасчета»²⁾. Нечего разъяснять, что здесь мы имеем «левацкую» постановку вопроса, пропагандированную в работах некоторых экономистов, не понимавших установок XVII партконференции об огромной роли хозрасчета в условиях периода социализма.

Такая же, но только еще более вульгаризированная формально-юридическая трактовка хозрасчетных бригад встречается и в других высказываниях. Нередко имеют место попытки организационно-технического рассмотрения хозрасчетной бригады, попытки противопоставления договора хозрасчетной бригады коллективному договору. Вопрос о роли хозрасчетной бригады в деле воспитания новой дисциплины отрывается от других социалистических форм труда, от классовой борьбы в стране, от борьбы за шесть условий т. Сталина. Договор хозрасчетной бригады рассматривается иногда с точки зрения чисто формальных данных, зафиксированных в договоре. При разработке проблемы хозрасчета некоторые авторы вдаются в схоластические рассуждения.

Движение за хозрасчетные бригады вылилось за последние полтора года в массовое движение рабочего класса. По данным ВЦСПС движение это росло следующим образом. Если на 1 февраля 1931 г. имелось 10 хозрасчетных бригад со 130 участниками, то на 1 февраля 1932 г. ленинградские пролетарии, инициаторы этого величайшего движения, насчитывают 26 тыс. хозрасчетных бригад с охватом 300 тыс. рабочих, Москва—30 тыс. бригад с охватом около 300 тыс. рабочих, Урал—10 тыс. бригад с охватом 124 тыс. рабочих, Украина—30 тыс. бригад с охватом 200 тыс. рабочих. Всего на 1 февраля 1932 г. по 22 областям насчитывалось 125 тыс. хозрасчетных бригад с охватом полутора миллионов ударников³⁾. К настоящему времени хозрасчетные бригады охватили, как нами выше указывалось, $\frac{1}{3}$ рабочего класса⁴⁾.

Мы имеем целый ряд данных, характеризующих эффективность работы хозрасчетных бригад. Вот например бригады бессемеровского цеха завода

¹⁾ М. Эскин, Закономерности ударного движения, «Проблемы марксизма» № 10—12 за 1931 г., стр. 20.

²⁾ «Проблемы марксизма» № 8—9, 1931 г., стр. 31.

³⁾ См. материалы к отчету ВЦСПС и IX съезду, стр. 32. Профиздат, 1932 г., по материалам газеты «Труд».

⁴⁾ См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана СССР», стр. 171. Изд. Госплана СССР.

им. Дзержинского дают следующие показатели работы хозрасчетных бригад: в январе 1932 г. бригада канавщиков дала цеху 596 руб. экономии и получила 185 руб. премии. Бригада аппаратчиков дала 18.472 руб. экономии и получила 2.810 руб. премии. Бригада каменщиков дала 3.722 руб. экономии и получила 1.400 руб. премии. Шлаковщики дали 1.810 руб. экономии и получили 953 руб. премии. Трамбовщики дали 6.199 руб. экономии и получили 1.240 руб. премии¹⁾.

Данные завода им. Ленина свидетельствуют о следующих достижениях хозрасчетных бригад. На этом заводе хозрасчетные бригады снизили себестоимость против плана за I квартал 1932 г. на 0,30 проц., дав экономии 86.329 руб., а в апреле на 1,3 проц., дав экономии 30.458 руб. Особенно выделяются бригады механического цеха Коршунова и Чистякова. Бригада Коршунова за апрель выполнила производственную программу на 163 проц., по производительности труда на 159 проц., по снижению себестоимости больше плана на 9,2 проц., дала экономии 1.699 руб. За май выполнена программа досрочно на 136,17 проц. плана, производительность труда—176 проц., снижение себестоимости—25,6 проц., экономии—1.826 руб. Комсомольская бригада Чистякова выполнила производственную программу в апреле на 151,7 проц., по производительности труда—150 проц., снизила себестоимость больше плана на 2,4 проц., дала экономии 1.041 руб. За май производственная программа выполнена бригадой на 140 проц., производительность труда—144 проц., снижение себестоимости—13,2 проц., экономия—1.147 руб. Имеются отличные показатели и в сталелитейном цехе, где на 1 июня насчитывалось 72 хозрасчетных бригады с охватом всех ведущих профессий. В областном конкурсе союза машиностроения и межсоюзном конкурсе мартен № 3 комсомольский получил 2-ю премию²⁾). Цифры, характеризующие эффективность работы хозрасчетных бригад, можно было дать и по материалам других заводов и за более позднее время, но и приведенные данные достаточно ярко показывают успехи хозрасчетных бригад в области повышения производительности труда, снижения себестоимости, выполнения и перевыполнения промфинплана по количественным и качественным его показателям.

Хозрасчетная бригада не отделена от встречного планирования. Встречный промфинплан, выдвинутый массами в борьбе против вредительских методов планирования, обеспечивает подлинное вовлечение рабочего класса во все стадии народнохозяйственного планирования. Он является формой осуществления ленинского завета об обсуждении и корректировании народнохозяйственного плана на каждом заводе, в каждой сельскохозяйственной артели, коммуне, каждой деревне Советского союза. Насколько велик размах встречного планирования, показывают данные о разработке встречного промфинплана на предприятиях СССР при обсуждении контрольных цифр 1932 г. Газета «Труд» сообщает, что по 11 металлургическим заводам встречный план был проработан на 2.360 производственных совещаниях, в которых участвовало 127.150 рабочих.

Подавляющее большинство предприятий, особенно угольных, применило последовательный метод проработки встречного (бригада, участок-цех), что дало громадные экономические результаты. Зырянский рудник сумел всю проработку провести через производственные совещания и охватить бригадными, участковыми, посменными совещаниями 9.319 рабочих. Разработка встречного вызвала большую активность оперативно-плановых групп.

Такой метод участия масс в разработке и осуществлении встречного

¹⁾ По материалам газеты «За индустриализацию и технику». Межзаводская переписка черной металлургии. Заочный доклад бессемеровского цеха завода им. Дзержинского.

²⁾ См. газету «Труд» от 26 июня 1932 г.

по 12 рудоуправлениям дал сверх плана 1.603 тонны, а по 24 рудоуправлениям встречный увеличил планы с 40 млн. тонн до 44 млн. тонн. Техническое обоснование встречных на заводах, где к этой работе подошли правильно, обеспечило выдвигание встречных по качественным показателям преимущественно за счет только внутренних ресурсов. Так, по заводу им. Ленина (Одесса) встречный план увеличил выпуск станков на 10 проц., за счет экономии металла: облегчение веса детали дало 400 тонн экономии, брикетирование чугунных стружек для переплавки вагранки—250 тонн и т. д. По Невьянскому заводу встречный сэкономил 1.337 тонн металла. На «Красном путиловце» технически-обоснованный встречный снижает себестоимость продукции на 10 проц. и полностью освобождает завод от импорта, экономии стране 2.900 руб. «Светлана» сократила импортную заявку с 1.260 тыс. до 63 тыс. Таких примеров можно привести тысячи. Техническое обоснование встречных на заводе им. Петровского было целиком сосредоточено в многочисленных планово-оперативных группах, которые составили 279 технических паспортов. Паспортизация дала возможность рельсо-балочному цеху установить план в 299.905 тонн против 265 тыс. тонн плана заводоуправления. В мартеновском цехе этого же завода техпаспорт определил выпуск в 116 тыс. тонн вместо 90 тыс. тонн¹⁾.

Факт технического обоснования встречного планирования поднимает социалистическое соревнование на новую высоту. Мы имеем сейчас уже целый ряд бригад, созданных по инициативе заводов «Севкабель» и «Светлана», введших у себя техпромфинплан. Опыт «Севкабеля» показывает, какую массово-политическую работу провели местные организации в связи с разработкой техпромфинплана бригад, цехов и всего завода. На заводе «Севкабель» в результате разработки техпромфинплана было намечено 1.230 мероприятий, обеспечивающих повышение технического уровня завода. Проект промфинплана, спущенный в цехи и изложенный на нескольких страничках, в результате детально-технического обоснования плана в каждой бригаде вырос в огромнейшую научную работу по вопросам технической реконструкции завода с общим объемом в 2 тыс. страниц.

Но наряду с отмеченными достижениями в работе хозрасчетных бригад, особенно в том случае, когда работа хозрасчетных бригад технически обоснована и когда бригады работают на основе техпромфинплана, мы встречаемся также со значительным количеством недостатков, объясняемых известным ослаблением руководства соцсоревнованием со стороны ряда профорганизаций. За примерами ходить недалеко. На том же заводе им. Ленина (Ленинград) количество хозрасчетных бригад сократилось в январе с 215 до 150 с охватом 28,4 проц. занятых на заводе рабочих против 38 проц. в 1931 г., хотя качество хозрасчетных бригад, как отмечалось нами выше, повысилось. На Балтийском заводе за июнь 1932 г. число бригад сократилось на 119. Значительно уменьшилось количество хозрасчетников в корпусном цехе (за июнь там распалось 18 бригад); в транспортном и в плотничьем число бригад сократилось на 16; в котельном и прессовом цехах хозрасчетные бригады просто вычеркиваются из списков из-за отсутствия показателей и норм, по которым должны премироваться бригады²⁾. Факты распада бригад в результате слабого руководства профорганизаций имели место на отдельных заводах и в течение 1933 г.

Эти факты свидетельствуют об отсутствии надлежащего конкретного руководства со стороны ряда профорганизаций движением масс за высшую форму социалистического соревнования—хозрасчетную бригаду.

¹⁾ См. газету «Труд» от 4 июля 1932 г., ст. Н. Наумова «Опыт встречного».

²⁾ См. газету «Труд» от 26 июня 1932 г.

Тормозом в развитии хозрасчетных бригад является нередко недостаточная обеспеченность последних надлежащими производственными условиями: отсутствие материалов, инструментов, отсутствие учетных измерительных приборов, складов для хранения материалов. Значительными препятствиями для развития хозрасчетных бригад являются в ряде случаев их неправильное построение, игнорирование такого важного критерия построения хозрасчетных бригад, как технологический процесс. На некоторых заводах (например завод «Серп и молот») имели место факты громоздкости бригад (250 чел. и выше). Мешают разворачиванию бригадного хозрасчета также уравниловка, обезличка, недостаточно четкое проведение премирования, неумелое сочетание социалистического соревнования с материальным стимулированием труда.

Среди мероприятий по борьбе за качественное укрепление бригадного хозрасчета исключительное значение приобретает надлежащая организация учета и контроля за работой, выполняемой каждым хозрасчетником, ибо «учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов— в этом суть социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено...». «Социализм—это прежде всего учет». Ленин указывал, что «учет и контроль, которые необходимы для перехода к социализму, могут быть только массовыми». «А чтобы организовать этот учет и контроль, вполне доступный, вполне подильный всякому честному, толковому, распорядительному рабочему и крестьянину, надо вызвать к жизни их собственные, из их среды происходящие организаторские таланты»¹⁾. Ленин таким образом выдвигал два кардинальнейших условия для решения проблемы учета и контроля за количеством труда и распределением продуктов. Во-первых, привлечение масс к делу учета и контроля, во-вторых, полную доступность и посильность для масс системы учета и контроля.

В ходе борьбы за организацию учета труда массы выдвинули разнообразные формы общественной инициативы. У нас имеются общественные бухгалтеры, общественные контролеры по браку, общественные рационализаторы, общественные контролеры по качеству продукции. Массы разворачивают различные формы изобретательской инициативы вокруг создания измерительных приборов, привозившихся до последнего времени из-за границы, учетных инструментов и т. д., освобождая в этом отношении СССР от иностранной зависимости. На предприятиях в борьбе за учет и контроль над мерой труда вводятся метод Ганта, система графического учета и другие мероприятия.

Чрезвычайно злободневной на данном этапе является проблема укрепления единоначалия в связи с переводом бригад на хозрасчет. Задача заключается в том, чтобы переход социалистического соревнования на высшую ступень, на ступень хозрасчетных бригад, обеспечил всемерное укрепление единоначалия на производстве. Некоторые предприятия в этом отношении установили правильные взаимоотношения между администрацией и хозрасчетными бригадами. Так, на заводе им. Дзержинского решение бригады о переходе ее на хозрасчет проводится начальником цеха. Договоры на заводе им. Дзержинского предусматривают, «что бригада переходит, а начальники цеха переводят бригаду на хозрасчет»²⁾.

Дальнейшее укрепление хозрасчета в бригаде, а тем самым укрепление социалистического соревнования, возможно лишь в борьбе против правооппортунистической недооценки хозрасчетной бригады, против неумения руководить и бороться за преодоление трудностей, связанных с внедрением хозрасчета в бригаде. Вместе с тем нужна решительная борьба с «левацким»

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 163—164.

²⁾ См. заочный доклад бессемеровского цеха завода им. Дзержинского.

администрированием при организации хозрасчетных бригад, с распространением на последние материальной ответственности, с отрицанием значения материальной заинтересованности хозрасчетников и непониманием роли хозрасчетной бригады в деле повышения производительности труда и качества продукции. При этом условия будут обеспечены использование всех видов социалистического соревнования и прежде всего хозрасчетной бригады как высшей формы соцсоревнования для дела воспитания новой дисциплины.

Огромное значение в деле развертывания социалистического соревнования, воспитания новой дисциплины труда имеет обеспечение гласности и отчетности. Ленин указывал, что «при капиталистическом способе производства значение отдельного примера, скажем, какой-либо производительной артели, неизбежно было до последней степени ограничено, и только мелкобуржуазная иллюзия могла мечтать об «исправлении» капитализма влиянием образцов добродетельных учреждений. После перехода политической власти в руки пролетариата, после экспроприации экспроприаторов, дело меняется в корне, и—согласно тому, что многократно указывалось виднейшими социалистами,—сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие»¹). Основываясь на этом принципиальном отличии значения отдельного примера при капитализме и в эпоху диктатуры пролетариата, Ленин ставил задачу «организовать соревнование коммун, ввести отчетность и гласность в процесс производства хлеба, одежды и пр., превратить сухие, мертвые, бюрократические отчеты в живые примеры—как отталкивающие, так и привлекающие»²).

И в связи с этим Ленин особенно выпячивал роль газет в деле популяризации образцов коммунистического труда. Ленин требовал от газет: «Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной работе. Побольше проверки того, насколько коммунистично это новое»³). «У нас мало,—говорил Ленин,—воспитания масс на живых и конкретных примерах и образцах из всех областей жизни, а это—главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму»⁴).

Поставив задачу воспитания новой дисциплины как новой формы классовой борьбы в переходный период, Ленин требовал систематического освещения на страницах печати хода борьбы за новую дисциплину. Ленин сожалел, что «у нас нет деловой, беспощадной, истинно революционной войны с конкретными носителями зла»⁵). Он требовал, чтобы органы пролетарской диктатуры железной рукой подавляли сопротивление капиталистов и хранящих капиталистические привычки тунеядцев.

Тем более велико значение прессы в деле воспитания новой дисциплины сейчас, в условиях развернутого социалистического наступления по всему фронту, когда партия проводит огромную работу по социалистическому перевоспитанию масс и поставила программой 2-го пятилетия окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще.

б) Производственно-товарищеские суды

В докладе МК и МГК на III московской областной и II городской конференциях ВКП(б) т. Каганович указывал: «Правильное понимание противоречий, борьба за искоренение остатков капитализма дает и даст нам возможность полностью выполнить установки директив ЦК во второй пятилетке

¹) Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 456.

²) Там же.

³) Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 214.

⁴) Там же, стр. 213.

⁵) Там же.

об уничтожении классов, об окончательном выкорчевывании корней капитализма и превращении всех трудящихся в сознательных строителей бесклассового социалистического общества»¹). В самом деле, Ленин в замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина указывает, что «антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»²). Эти противоречия имеются в колхозах, где как отмечал т. Сталин, налицо индивидуалистические и даже кулацкие пережитки; они имеются в экономике, в сознании людей. «Противоречия есть и долго еще будут. Борьба есть и будет, а эта борьба будет иметь характер борьбы с пережитками капитализма, с жуликами, тунеядцами, хулиганами, паразитами, с людьми, которые в своем сознании и в своих поступках остались еще сылками капиталистического строя»³).

Наличие разных по своему политическому, культурному уровню, классовой закалке слоев и групп в рядах пролетариата предопределяет различное отношение их к производству. Это отношение, разумеется, не является неизменным. Мелкобуржуазные привычки отсталых и вновь вступивших в производство групп рабочих изживаются в процессе социалистического перевоспитания, в ходе жесточайшей борьбы с конкретными фактами мелкобуржуазной расхлябанности, рвачества.

Различие между передовыми и отсталыми слоями рабочих, являющееся реальным фактом нашей действительности, разрешается под руководством партии и профсоюзов в процессе социалистического перевоспитания отсталых слоев. Характерной особенностью современного этапа хозяйственно-политического развития является то, что процесс обучения и перевоспитания этих кадров идет ускоренным темпом. Живой пример передовиков рабочего класса—ударников, дающих образцы социалистического отношения к труду, имеет первостепенное значение. Широко развернувшееся социалистическое соревнование, обеспечивает социалистическое воспитание широчайших масс рабочих, влившихся в производство за последние годы.

В системе мероприятий по разрешению указанного противоречия и тем самым по воспитанию новой дисциплины труда имеет огромное значение сочетание общественного и государственно-правового воздействия. Широкое применение на предприятиях нашли в настоящее время производственно-товарищеские суды.

Создание этих судов относится к периоду военного коммунизма. Производственно-товарищеские суды прошли в процессе своего развития через ряд этапов. Уже в 1919 г., в постановке «особо тяжелого военного, продовольственного и топливного положения Советской республики»⁴), были созданы первые суды этого типа — дисциплинарные товарищеские суды. Создание их было проведено, как отмечал специальный декрет, «в целях поднятия и укрепления производственной и тарифной дисциплины, для рассмотрения дел о нарушениях всеми работающими в предприятиях и учреждениях общего нормального положения о тарифе, специальных дополнений к нему, правил внутреннего распорядка, а также постановлений союзных органов о трудовой и союзной дисциплине»⁵). Этим судам давались большие права в отношении применения репрессий.

В 1921 г. СНК были внесены изменения в работу дисциплинарного суда, на основе изучения опыта его работы. Эти изменения шли по линии организации сети судов во всех предприятиях и учреждениях (ст. 5-я). Они

¹) Каганович, Московские большевики в борьбе за победу пятилетки: Партиздат, 1932 г., стр. 121.

²) Лен. сб. XI, стр. 357.

³) Там же, стр. 121.

⁴) С. У. № 56, ст. 537, 1919 г.

⁵) Там же.

коснулись и методов работы суда и методов вовлечения масс в его работу. Все эти мероприятия проводились в «целях поднятия трудовой дисциплины и производительности труда до наивысших пределов»¹⁾.

В 1928 г., после некоторого затишья и прекращения деятельности на целом ряде предприятий дисциплинарных товарищеских судов, последние были вновь созданы «для рассмотрения дел об обидах и оскорблениях, возникающих между лицами, работающими в этих предприятиях и учреждениях»²⁾. Задачей этих судов являлась борьба за социалистическое переустройство быта и в частности разгрузка народного суда от бытовых дел, приближение разрешения их к производству.

Постановлением ЦИК и СНК от 30 декабря 1930 г., функции этих судов были расширены. Главная задача последних была определена как борьба с нарушениями трудовой дисциплины. И наконец вслед за постановлением секретариата ВЦСПС от 17/XI 1930 г., устранившим создание различных типов судов по линии НКЮ и профсоюзов, 20 февраля 1931 г. было издано новое постановление ВЦИК и СНК РСФСР, подчеркивавшее роль производственно-товарищеских судов в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины.

Ленин на всех этапах пролетарской диктатуры подчеркивал огромное значение производственно-товарищеских судов. Известно, что в период профсоюзной дискуссии 1921 г. Ленин в высшей степени положительно характеризовал тезисы т. Рудзутака, принятые V конференцией профсоюзов, особенно те конкретные мероприятия, которые намечались в деле повышения трудовой дисциплины, в частности развития товарищеско-дисциплинарных судов.

Ряд мероприятий, о которых говорится в тезисах Рудзутака, сохраняет и на сей день все свое актуальное значение. В частности тезисы отмечали, что «дисциплинарные суды, на которые не было обращено должное внимание до сих пор, должны быть превращены в действительное средство борьбы с нарушением пролетарской трудовой дисциплины»³⁾. Ленин в связи с тезисами Рудзутака писал: «дисциплинарные суды мы все забыли, а «производственная демократия» без премий натурой, без дисциплинарных судов,— одна болтовня»⁴⁾. Ленин указывал, что ошибки Цектрана, руководимого троцкистами, заключаются в том, что «он не сумел подойти к общим задачам всех профсоюзов, не сумел перейти сам и помочь всем профсоюзам к более правильному быстрому и успешному применению товарищеских дисциплинарных судов»⁵⁾. В наказе СТО Ленин писал «вопрос о трудовой дисциплине особо важен. Обязательны отчеты о количестве прогулов. Сравнение предприятий с низкой и высокой труддисциплиной. Приемы повышения труддисциплины. Товарищеские дисциплинарные суды. Сколько и когда введены. Сколько дел в месяц разбирают. Итоги»⁶⁾.

Вопрос о работе производственно-товарищеских судов Ленин связывал с другими мероприятиями — со сдельной системой оплаты труда, премиями, работой профсоюзов в области повышения трудовой дисциплины. Ленин подчеркивал значение производственно-товарищеских судов в системе развернутых мероприятий по воспитанию новой дисциплины. Насколько действительно велико это значение, мы убеждаемся из нижеследующих данных, характеризующих работу производственно-товарищеских судов на современном этапе.

¹⁾ Там же № 23—24, стр. 142, 1921 г.

²⁾ С. У., 1928 г., № 114, ст. 707.

³⁾ Ленин, т. XXVI, стр. 80.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ Там же.

По данным НКЮ РСФСР в промышленности и на транспорте учтено на 7/VI 1932 г. 20.845 производственно-товарищеских судов¹). Состав последних (по данным 5.718 судов с 45.720 членами) следующий: 83,5 проц. рабочих, 16,5 проц. служащих; партийно-комсомольская прослойка составляет 35,8 проц., причем в руководящем составе производственно-товарищеских судов 90—100 проц. партийцев. Женщин в производственно-товарищеских судах 23,3 проц. При этом обращает на себя внимание явно незначительное количество женщин — председателей судов.

На примерах повседневной практической работы производственно-товарищеских судов можно проиллюстрировать эффективность их борьбы с нарушениями трудовой дисциплины.

Начальник депо ст. Чусовая сообщает: в июле 1931 г. депо Чусовая в полном смысле слова разваливалось от массового нарушения труддисциплины, стало увеличиваться количество происшествий. Среди паровозных бригад спаренная осуществлялась только на 67 проц. В это тяжелое время и была развита сеть товарищеско-производственных судов в депо Чусовая. «Теперь только приходится вспомнить нам, как со стыдом шли паровозники на скамью подсудимых, и здесь, при виде состава товарищей судей, знавших все подробности дела, большинство подсудимых не только признавало свою вину, но давало слово, что будет следить за другими, чтобы это не повторялось. Так прошли в бригадирке 3—4 месяца, и бригадирка к началу осенне-зимних перевозок спаренную езду стала иметь на 92 проц., уменьшились происшествия, а прогулы значительно понизились»²).

Благодаря деятельности производственно-товарищеских судов отмечена ликвидация воровства в намоточной мастерской «Красной зари». Кроме того производственно-товарищеские суды ведут успешную борьбу за качество продукции (борьба с браком, с небрежным отношением к работе, с уравниловкой, обезличкой станков, с нарушением хозрасчета, директив партии и правительства о снабжении, конкретными проступками в кооперативной работе и т. д.). Разрешается и целый ряд бытовых дел, причем некоторые производственно-товарищеские суды, особенно в национальных районах, например нацрайонах Северного Кавказа, рассматривают до 90 проц. бытовых дел. Но самым замечательным в работе производственно-товарищеских судов является перевоспитание в ряде случаев нарушителей трудовой дисциплины, воздействие на последних в сторону превращения их в активных и сознательных участников социалистического производства. В сведениях с Урала о работе производственно-товарищеских судов нередко отмечаются факты превращения бывших прогульщиков в активистов. В Иркутске старший в сменах заточного цеха трикотажной фабрики настолько небрежно относился к машинам и выпуску продукции, что общественность потребовала привлечения его к производственно-товарищескому суду. После рассмотрения дела т. Вильчик исправился и вскоре даже был премирован. На той же фабрике рабочий Кадырев за неоднократное пьянство был по постановлению производственно-товарищеского суда уволен с работы. После этого он бросил пить и стал просить общее собрание рабочих фабрики о приеме его обратно на работу. Общее собрание постановило его принять, и сейчас Кадырев работает превосходно и поведение его стало безупречным. Вот еще факты: на ст. Нижне-Удинск слесарь депо был привлечен к ответственности за нарушение труддисциплины, но он еще до суда объявил себя ударником и просил дело прекратить. Однако суд дела не прекратил, а приостановил

¹) См. тезисы т. Ньюиной к VIII всероссийскому совещанию работников юстиции.

²) Доклад Уральского облсуда и прокуратуры за 2-ю половину 1931 г. и I квартал 1932 г. об итогах работ производственно-товарищеских судов.

В дальнейшем выяснилось, что слесарь—кандидат на скамью подсудимых—стал действительно образцовым ударником.

Эти факты свидетельствуют о гигантской роли производственно-товарищеских судов в деле социалистического перевоспитания отсталых групп рабочих, в деле решения задачи, поставленной нашей партией о ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании людей во второй пятилетке.

Гигантское значение производственно-товарищеских судов в деле воспитания новой дисциплины труда требует всемерного внимания к тем недостаткам, которые имеются в их работе, к тем препятствиям, которые мешают полностью реализовать и использовать производственно-товарищеские суды как орудие воспитания новой дисциплины.

Значительным препятствием в работе производственно-товарищеских судов является недооценка их, а отсюда и невнимательное отношение к руководству ими со стороны ряда профсоюзных организаций, органов прокуратуры и суда. Недооценка роли производственно-товарищеских судов в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины имеет место и со стороны администрации ряда предприятий. Она выражается в отказе от передачи производственно-товарищеским судам дел о нарушении труддисциплины и в прямом, порой открыто рекламируемом недоверии к их роли в деле борьбы за снижение нарушений труддисциплины на предприятиях. С другой стороны, имеют место и факты такого порядка, когда при массовом нарушении труддисциплины производственно-товарищеские суды бездействуют, мотивируя это «отсутствием дел». Здесь сказывается неумение некоторых наших организаций бороться за воспитание новой дисциплины.

Каковы основные меры воздействия, применяемые производственно-товарищескими судами в отношении нарушителей труддисциплины? Об этом говорит нижеследующая таблица, заимствованная нами из материалов НКЮ по выборочным данным ряда отчетов мест за 1931 г. и отчасти за 1932 г.

Меры воздействия производственно-товарищеских судов

Общее число мер воздействия по рассмотренным делам 7 краев и 9 областей и автономн. республик	Предупреждения и обществ. порицания		Штраф		Постановка вопроса об увольнении		Постановка вопроса об искл. из союза		Возмещение вреда	
	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%
41.644	20.967	50,3	11.700	28,1	3.026	7,3	2.986	7,2	2.975	7,1

Таким образом основными мерами воздействия в производственно-товарищеских судах являются меры воспитательного порядка, меры общественного воздействия.

Вот некоторые решения судов подобного типа: «ПТС службы тяги цеха паровозного парка (Красноуфимск) постановил: ходатайствовать перед администрацией о снятии машиниста с работы на пассажирском паровозе и переводе на товарный поезд сроком на 1 месяц с обязательством привести поручаемый товарный паровоз в образцовый порядок». На службе движения ПТС в отношении одного товарища выносит решение: 1) просить МК о даче общественной нагрузки и о зачислении в школу профактива, 2) обязать посещать курсы младших и старших кондукторов. Это обязательство налагается сверх выговора¹⁾.

¹⁾ Доклад Уральского облсуда и прокуратуры об итогах работы ПТС.

Наряду с этими правильными решениями по вопросам перевоспитания отсталых элементов рабочих мы имеем в отдельных случаях и некоторое увлечение репрессиями. Недостатком работы производственно-товарищеских судов является также задержка рассмотрения дел. Срок в 5 дней обыкновенно не выдерживается.

К недостаткам судебного процесса относится увлечение в ряде судов формальными моментами: введение института общественной защиты и обвинения, выделение следователей, решение о неоткрытии прений, извращения практики выборов состава суда, порой доходящие до курьеза. Вместе с тем налицо факты несвоевременной реализации решений судов, отсутствие контроля за исполнением решений, запущенность делопроизводства судов, слабая связь их с печатью.

За последний период производственно-товарищеские суды привелись и в колхозах, но на работе последних мы здесь останавливаться не будем, поскольку нашей задачей является преимущественно рассмотрение вопроса о борьбе с нарушениями труддисциплины в фабрично-заводских предприятиях.

Осуществление производственно-товарищескими судами их роли в деле воспитания новой дисциплины происходит в обстановке классовой борьбы в стране. Классовый враг пытается проникнуть в состав производственно-товарищеских судов и всячески тормозить их работу. Так например в местном грузчиков ст. Сталинград трибуну во время процесса пытались захватить классово чуждые люди. Они выступали с речами на тему, что, мол, «советская власть плохо снабжает рабочих, не дает мануфактуры, так поэтому и приходится воровать». В ряде случаев таким выступлениям не дается должного опора. Эти факты говорят о необходимости серьезной подготовки заседаний производственно-товарищеских судов. В состав судов некоторых предприятий Восточносибирского края (прииск Усть-Кора) попадали бывшие офицеры, кулаки и другие враждебные элементы. На руднике «Калапуй» Борзанского района кулачье организовало налет на председателя ПТС Степанова.

Классовый враг, как мы указывали выше, направляет свое оружие против ударников — передовиков социалистического производства. На приiske Колорского района бр. Богдановы всячески тормозили налаженную работу старой артели «Горняк», и, когда артель организовала бригаду, Богдановы, вооружившись ломами и стягами, ворвались в палатку артели, тяжело ранили ударника Зверева, избili других членов бригады, в результате артель с приисков ушла¹⁾.

В Магнитогорске с развитием и укреплением новых форм труда действия классового врага были направлены на срыв последних. Таковы факты убийства лучшего комсомольца Величко, избия бригадира Сысоева, дававшего мировые рекорды по кладке бетона, с приговариванием: «Вот тебе мировые рекорды, вот тебе соцсоревнование!»

Избиение ударников имело место в ряде других районов страны: нападение на лучшую хозрасчетную бригаду Голубева на работах Гидроторфа²⁾, контрреволюционное террористическое выступление против ударников на экспортной дамбе в Архангельске³⁾. В Ленинграде имел место факт нападения поповских сынков бр. Аникиных на мастера китобойного судна «Алеут» Тибанова за его призыв к досрочному окончанию оборудования судна. На Коломенском заводе под маскировкой драки сыном торговца убит ударник ремонтного цеха, активист-комсомолец Кочетов¹⁾ и т. д. и т. п.

¹⁾ Выступление т. Любимова из Восточной Сибири на VI всероссийском совещании органов юстиции.

²⁾ «Нижегородская коммуна», от 6/V 1932 г.

³⁾ «Правда Севера» от 1/III 1932 г.

Указанные факты достаточно ярко характеризуют, что воспитание новой дисциплины происходит в обстановке классовой борьбы, что мелкобуржуазные, отсталые элементы рабочего класса всячески поддерживаются в своих антипролетарских выступлениях третьей силой. Эти факты лишней раз подтверждают положение о воспитании новой дисциплины как о новой форме классовой борьбы, о трудностях ее осуществления как трудностях классовой борьбы, преодолеваемых в процессе развернутого социалистического наступления по всему фронту.

в) Проблема общественного и государственно-правового воздействия в борьбе за воспитание новой дисциплины.

На фоне роста социалистических форм труда, роста самодисциплины пролетариата становятся понятными те замечания, которые были сделаны Лениным на полях «Экономики переходного периода» Бухарина по вопросу об отмирании внешнепринудительных нормировок. «...Но как скоро,—писал Бухарин,—выясняется решающая мировая победа пролетариата, кривая роста пролетарской государственности круто начнет падать вниз. Ибо главная и основная задача государственной власти как таковой, задача подавления буржуазии, будет закончена. Внешнепринудительные нормировки начнут отмирать: сперва отомрет армия и флот, как орудие наиболее остро внешнего принуждения; потом система карательных и репрессивных органов; далее — принудительный характер труда и пр.»²⁾ Ленин против этого места книжки Бухарина написал: «Не наоборот ли: сначала «далее», затем «потом», и наконец «сперва».

Утверждение Бухарина об отмирании армии и флота, карательных и репрессивных органов и пр. в условиях ожесточенной классовой борьбы внутри Страны советов, в условиях капиталистического ее окружения и угрозы вооруженной интервенции тесно связано с его правооппортунистической концепцией классовой борьбы в переходный период.

Богатейший опыт социалистического строительства СССР со всей рельефностью подтвердил правильность ленинских указаний (в противовес бухаринской падающей государственной кривой) о решающей роли пролетарского государства в деле построения социализма и задачах его укрепления.

В эпоху пролетарской диктатуры через ее укрепление, через развитие государственной власти происходит лишь подготовка условий для отмирания государственной власти после уничтожения классов и пережитков классового общества.

Прежде и ярче всего подготовка условий для отмирания внешнепринудительных нормировок проявляется у нас в области регулирования и организации труда.

В настоящее время в предприятиях последовательно-производственного типа происходит процесс бурного роста общественно-политической активности рабочего класса, роста коммунистического отношения рабочих к труду, выражающийся в соцсоревновании и ударничестве, росте общественной самодисциплины пролетариата. Особенность этого процесса заключается в том, что самая подготовка будущего отмирания внешнепринудительных нормировок в области труда происходит путем роста и укрепления социалистических форм труда, выковывания производственных и общественных навыков, создания более высокой, чем при капитализме, производительности социалистического труда, роста и усиления сознательности рабочего класса, развер-

¹⁾ «Правда» от 25/III 1932 г.

²⁾ Лен. сб. XI, стр. 400, ГИЗ, 1929 г.

тывания мер убеждения, идейно-политического, коммунистического воспитания масс при одновременном применении методов принуждения в отношении нарушителей трудовой дисциплины.

Эффективность соцсоревнования и ударничества, высокая производительность труда и повышение качества работы, значительное перевыполнение количественных и качественных показателей промфинплана соревнующимися рабочими по сравнению с рабочими-неударниками в значительной степени достигаются благодаря принятым ими на себя добровольно перед пролетарской общественностью обязательствам. Эти обязательства рабочие закрепляют договором соцсоревнования. Отдельный рабочий и весь коллектив, подписавший договор, добровольно принимают на себя ответственность за его выполнение перед своими братьями по классу, товарищами по совместной работе, проникнутыми стремлением обеспечить построение социализма в нашей стране. Государственная же власть, ее законы не устанавливают ответственности за нарушение договоров соцсоревнования.

Порой в договорах соцсоревнования применяются довольно острые меры воздействия в отношении всякого рода нарушителей социалистической трудовой дисциплины. Так, на некоторых ростовских заводах ударники еще до издания закона о прогулах направляли своих прогульчиков в лесной отдел на заготовку дров. Ударники-шуралы мартеновского цеха Надеждинского завода лишали прогульщика однодневного хлебного пайка. Ударная женская бригада печи № 2 того же завода в своем договоре предусматривала выдачу зарплаты прогульщикам на 5 дней позднее общей выдачи¹⁾. Характерно, что эти методы воздействия в договорах соцсоревнования выдвигались и применялись против прогульчиков задолго до издания закона от 15/XI 1932 г. о прогулах непосредственно рабочей массой, болеющей за нужды производства, героически борющейся за темпы социалистического строительства.

Содержание договоров соцсоревнования большей частью выходит за пределы чисто производственных вопросов и охватывает вопросы участия рабочих в общественно-политической жизни предприятия и всей страны. Обязательства даются самые разносторонние (посещение производственных совещаний и профсобраний, подписка на заем, хранение средств в сберкассе, внесение рационализаторских предложений, знакомство с пятилеткой завода и страны и т. д.).

Обязательства, добровольно принимаемые на себя соревнующимися, очень часто носят встречный характер по отношению к рабочим того или иного смежного вида работы, завода или отрасли промышленности. Очень распространенными являлись еще до развертывания движения хозрасчетных бригад договоры с встречными требованиями по отношению к администрации.

Вышесказанное характеризует соотношение общественных и государственно-правовых моментов в организации и регулировании труда.

У нас растет и ширится социалистическое соревнование во всем многообразии его проявлений, растет общественная самодисциплина пролетариата, и вместе с тем на ее основе пролетарское государство, материально поощряя социалистические формы труда, ведет решительную борьбу с нарушителями трудовой дисциплины, с прогульщиками, с дезорганизаторами производства. У нас растут те стимулы к труду, которые широко развернутся и будут иметь место в коммунистическом обществе — только его высшей фазе. Мы сочетаем их с материальными стимулами, со сдельной и премиальной системой оплаты труда, имеющими огромное значение для данного этапа и для всего периода социализма. У нас растут и крепнут социа-

¹⁾ Факты из материалов бригад ВЦСПС по Уралу и Северному Кавказу.

листические формы труда, которые мы сочетаем с укреплением единоначалия и т. д. и т. п.

«Надо, — указывал Ленин, — ...идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения, так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти»¹⁾. «Надо, — говорил он далее, — научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя, во время труда»²⁾.

Развертывание творческой инициативы масс, проявляющееся прежде всего в соцсоревновании и ударничестве, неразрывно связано с борьбой за укрепление единоначалия, трудовой дисциплины, усилением охраны труда и ответственных администраций госпредприятий. В этом заключается одна из характерных черт развития трудовых отношений в предприятиях последовательно-социалистического типа. Общественные моменты в регулировании труда не отделены искусственно от государственно-правового регулирования. Вместе с массовым общественным воздействием, убеждением у нас применяется и воздействие закона.

Это проявляется в вопросах труддисциплины, в вопросах выполнения работниками последовательно-социалистического предприятия взятых на себя по трудовому и коллективному договору обязательств. Государственно-правовое и общественное воздействие в деле организации труда выступает одновременно в определенном единстве. Взять хотя бы примерный коллективный договор, разработанный ВЦСПС на основе опыта и практики мест³⁾. Это подлинный двусторонний договор. В разделах этого договора: «Обязательства сторон по выполнению промфинплана», «Социалистическое соревнование, изобретательство и производственные совещания» — предусмотрены обязательства администрации, рабочих и фабзавместкома в деле обеспечения выполнения промфинплана, укрепления социалистических форм труда, развертывания изобретательства и производственной инициативы работающих. Разделы: «Подготовка кадров», «Охрана труда и культурно-бытовые условия», «Оплата брака и простоя», «Условия труда инженерно-технических работников» — выдвигают принцип двусторонности в деле обеспечения успешного хода производства и материально-бытового обслуживания работников предприятия и вместе с тем сочетание общественных и государственно-правовых моментов в регулировании и организации труда проводится красной нитью.

Но двусторонность колдоговора в предприятиях последовательно-социалистического типа, сочетание в нем государственно-правовых и общественных моментов относится не только к содержанию колдоговора, но и ко всем стадиям колдоговорной работы. В этом отношении характерно, что в колдоговорной кампании рабочие выдвигают не только нормы материально-бытового обслуживания, подлежащие после подписания колдоговора санкции межсоюзных органов, но и предложения о повышении норм выработки, об укреплении социалистических форм труда и другие рационализаторские и производственные предложения. Проверку и контроль выполнения колдоговоров

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 455.

²⁾ Там же, стр. 464.

³⁾ См. примерный колдоговор, утвержденный ВЦСПС 9/XI 1930 г. и согласованный с ВСНХ СССР, изд. ВЦСПС 1930 г., а также примерные договоры 1931 и 1932 гг.

по всем их показателям проводят не только хозяйственные органы, но и рабочая общественность, профсоюзы.

Другим характерным документом являются правила внутреннего распорядка для предприятий и учреждений обобщественного сектора, утвержденные НКТ СССР 19 декабря 1930 г.¹⁾ Принципиальное значение этих правил как подлинного документа этапа социалистической реконструкции (устарелость отдельных положений для современного этапа принципиальной сущности не меняет) заключается в том, что мероприятия по развитию и укреплению социалистических форм труда, рабочего изобретательства и других форм производственной активности работающих, поощрение активных участников социалистического соревнования, передовых бойцов за промфинплан, оздоровление условий труда и быта рабочих сочетаются в них с укреплением единичности, с повышением ответственности рабочих за свою работу, с усилением борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, дезорганизаторами социалистического производства.

Основные линии борьбы за воспитание новой, социалистической дисциплины труда, сочетание различных форм развертывающейся общественной инициативы и государственно-правового воздействия и материального стимулирования труда для обеспечения этой задачи обусловлены и неразрывно связаны с проходимым нами этапом борьбы за социализм. «Мы вступили в период социализма,—говорил т. Молотов на VI съезде советов,—но вместе с тем мы не изжили еще и нэпа с его особенностями. Как марксисты, мы не можем забывать, что, вступив в период социализма, мы еще не порвали целиком со всем тем, что было у нас вчера. Надо, чтобы в вопросе о нэпе на теперешней его стадии мы должным образом считались с его конкретными особенностями»²⁾. Вслед за этим т. Молотов цитирует известное место из «Государства и революция» Ленина об остатках «буржуазного права в первой фазе коммунизма» и иллюстрирует на конкретных примерах нашей действительности (распределение колхозного дохода по количеству и качеству затраченного труда, борьба за хозрасчет, устранение уравниловки в политике зарплаты и снабжения рабочих, поощрение отдельных категорий рабочих и социалистических форм труда, укрепление кооперативной советской торговли), как надо считаться с конкретными особенностями нынешнего этапа нэпа.

Смысл указания т. Молотова для рассматриваемого нами вопроса заключается в следующем: мы находимся в последней стадии нэпа, но нэпа еще не изжили; мы идем по пути уничтожения классов, но классы еще сохранились, а это не может не отражаться на методах нашего хозяйствования, на методах организации труда. Развертывая наступление социализма на капиталистические элементы по всему фронту, преодолевая ожесточенное сопротивление отживающих классов, мы в борьбе за воспитание новой дисциплины пользуемся не только массовым общественным воздействием, но и оплатой по труду, материальным поощрением социалистических форм труда, а также и орудием государственно-правового воздействия, имеющим огромное значение в весь период социализма, для ускорения нашего движения, для превращения общества переходного в общество коммунистическое. На высшей стадии последнего труд превратится в первую потребность жизни и не будет надобности ни в мерах материального стимулирования труда, ни в применении мер государственно-правового порядка в этой области. Поэтому наряду с мерами всевозможного поощрения энтузиастов труда пролетарское государство издало закон от 15/XI 1932 г. об увольнении за один день прогула по

¹⁾ «Известия НКТ СССР» № 36 за 1930 г.

²⁾ В. Молотов, Борьба за социализм и борьба за мир, ОГИЗ, 1931 г., стр. 60.

неуважительной причине с лишением продовольственных карточек и административным выселением из квартиры соответствующего предприятия.

Прогулы выступают в качестве одного из проявлений классовой борьбы на современном этапе. Прогулы—своеобразная форма подрыва социалистической собственности, ибо каждый прогул ударяет по производительности труда, по валовой продукции, по социалистическому воспроизводству. Именно поэтому в момент, когда классовый враг направляет свой главный удар против общественной социалистической собственности, потребовалась защита этой последней на участке борьбы за социалистическую организацию и дисциплину труда.

На целом ряде предприятий, где твердое проведение закона сочеталось с массовой разъяснительной работой, с развернутой деятельностью производственно-товарищеских судов, мы имеем почти полное устранение прогулов. Таких положительных результатов нет на тех отдельных предприятиях, где различными путями обходили, извращали закон и где не была развернута массовая политическая работа вокруг его проведения.

Наиболее характерные извращения закона от 15/XI 1932 г. имели место в трактовке вопроса об увольнении как праве, а не обязанности администрации, в прямом отказе под предлогом незаменимости от увольнения в ряде случаев и вынесении других различных санкций, а также прямой фальсификации причины прогула и подгонки прогулов неуважительных под уважительные.

Борьба с этими извращениями, льющими воду на мельницу классового врага, является одним из условий эффективности нашей борьбы за воспитание новой дисциплины. Проводимая партией и профсоюзами борьба за реализацию шести условий т. Сталина, за внедрение социалистической сдельщины и других форм материального стимулирования социалистического труда (премии и др.) является программой борьбы за воспитание новой дисциплины.

Форма зарплаты является в руках диктатуры пролетариата мощным орудием в борьбе за высокую производительность и качество труда. В этом отношении ярким показателем является закон об оплате брака и простоя, обеспечивающий путем пониженной оплаты за недоброкачественную продукцию и за простой (в последнем случае при наличии вины со стороны рабочего — неуплату вовсе) более высокое качество работы, повышающие ответственности работника за выполняемую работу. С другой стороны, этот закон стимулирует более активное участие работающих в строительстве социалистического производства, т. е. способствует воспитанию в работнике качеств активного и сознательного строителя бесклассового социалистического общества.

Борьба против перерасходования установленных фондов зарплаты, за правильное использование их по назначению предполагает осуществление такого планирования зарплаты, при котором обеспечивалось бы устранение неравности в оплате труда и установление планового регулирования роста зарплаты в соответствии с ростом производительности труда и качественными показателями работы. Планирование заработной платы должно обеспечить выделение ведущих профессий и квалификаций, которые имеют решающее значение для выполнения промфинплана предприятий, цеха, а также устранение имевшегося сильного разрыва в оплате труда отдельных (сквозных) квалификаций в различных отраслях промышленности. А эти мероприятия представляют по существу не что иное, как углубление социалистического принципа оплаты по труду, и тем самым разворачивание борьбы за воспитание новой дисциплины.

Для обеспечения новой, социалистической дисциплины труда огромное теоретическое и практическое значение имеет выдвинутая т. Сталиным проблема ликвидации обезлички. В области трудовых отношений борьба с обез-

личкой означает усиление инициативы и ответственности сторон, заключивших трудовой договор. Эффективность осуществления трудового договора ставится в непосредственную зависимость от выполнения обязательств, принятых на себя сторонами, заключившими трудовой договор. Но эти стороны не выступают обезличенными. Курс на ликвидацию обезлички в области труда, использования оборудования на всех этапах производственного процесса означает для теории трудового права, что каждая сторона, заключившая трудовой договор, выступает у нас в своем полноценном выражении. Помня указание т. Сталина на январском пленуме ЦК и ЦКК, мы не удовлетворяемся общей посылкой, что содержанием трудового договора в последовательно-социалистических предприятиях является активное участие в социалистическом строительстве. В каждом конкретном случае мы должны вскрыть подлинно осуществляемые каждой отдельной стороной обязательства, чтобы на деле не извращалась классовая сущность трудового договора. Борьба за ликвидацию обезлички в области труда разворачивается по линии укрепления единоначалия, более четкого руководства производственным процессом, внедрения хозрасчета в производство, прикрепления групп и отдельных рабочих к агрегатам и станкам для обеспечения ответственности конкретных лиц за выполняемую ими работу.

Дело воспитания новой дисциплины на современном этапе не может быть решено только одними мерами общественного воздействия. Тут нужно, как мы уже отмечали выше, сочетание массового, общественного и государственно-правового воздействия на нарушителей трудовой дисциплины с целью их социалистического перевоспитания.

Ленин считал, что мы были бы смешными утопистами, если бы воображали, что задача социалистического воспитания и самодисциплины трудящихся может быть осуществлена без принуждения. Ленин указывал, что для этого нам нужно государство, нам нужно принуждение. «Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение,— говорит Ленин,— должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине. У нас сделано еще непомерно мало, вернее, почти ничего не сделано для этой цели. А мы должны добиться организации подобных судов в самом широком масштабе с распространением их деятельности на всю трудовую жизнь страны. Лишь подобные суды при условии участия в них самых широких масс трудящегося и эксплуатируемого населения сумеют в демократических формах сообразно с принципами советской власти добиться того, чтобы пожелания дисциплины и самодисциплины не остались голыми пожеланиями»¹⁾. Ленин формулировал тезис о суде как орудии воспитания новой дисциплины. В свете этих ленинских указаний исключительно важное значение для воспитания новой дисциплины имеют народные суды по производственным и трудовым делам. Материалы органов НКЮ дают достаточно фактов для характеристики тех вопросов, которые должны найти свое разрешение в суде, для характеристики тех моментов, в отношении которых должна быть обеспечена сила государственного принуждения. Так, доклад Западносибирского крайсуда о работе особых сессий по охране труда и производства устанавливает только 43 проц. удовлетворения исков о зарплате, 36 проц. отказа исков и 21 проц. частичного удовлетворения исков. Ленинградские данные указывают только 60 проц. удовлетворения исков о зарплате²⁾.

При достаточно активной работе органов юстиции, производственно-товарищеских судов, групп содействия прокуратуры, профсоюзов, общественной инспектуры труда на предприятиях мы имели бы достаточно эффективное

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 424—425.

²⁾ По материалам VI совещания работников юстиции.

применение силы государственно-правового воздействия на нарушителей трудовой дисциплины. Предупреждение нарушений труддисциплины, активный внимательный разбор фактов таких нарушений с тем, чтобы определить, где нужно применение общественного воздействия, где нужно решение суда, быстрота разбора дел (а по этой линии не всегда благополучно на местах) являются необходимыми условиями использования суда как орудия воспитания новой дисциплины. Такое активное участие органов НКЮ и профсоюзов в деле воспитания новой дисциплины должно, с одной стороны, предупредить правооппортунистическую недооценку государственного воздействия на нарушителей труддисциплины, с другой стороны, устранить «левацкие» перегибы в этой области.

Борьба за усиление роли советского государства в деле воспитания новой дисциплины труда выдвигает в качестве одной из актуальных задач дня кодификацию нашего трудового законодательства.

Для буржуазных юристов на советской почве, обращающих свои взоры вспять, к Сперанскому и Савиным, проблема упрощения и кодификации законодательства есть «проблема обеспечения действия закона путем чисто внешнего, технического упорядочения законодательства»¹⁾, есть только «дело юридической техники». За этой техникой они не желают видеть политики, революционной роли советского закона, проблемы приближения законодательства и госаппарата к массам, проблемы борьбы с бюрократизмом последнего. Эту сторону кодификации и упрощения трудзаконодательства следует особо подчеркнуть. Упрощение законов о труде является в итоге одним из важнейших факторов в деле приближения трудзаконодательства к массам, в деле дальнейшего вовлечения масс в строительство советского государства, усиления революционной законности в области труда, дальнейшей успешной борьбы с бюрократизмом, обеспечения еще более эффективного действия советского закона в борьбе за воспитание социалистической дисциплины труда.

г) Руководящая роль партии

Партии как основной руководящей силе в системе диктатуры пролетариата принадлежит ведущая и руководящая роль в деле воспитания новой дисциплины труда. Это положение с предельной ясностью сформулировал т. Сталин. Разрешая вопрос о том, «что значит «удержать» и «расширить» диктатуру», т. Сталин указывал: «Это значит—внести в миллионные массы пролетариев дух дисциплины и организованности; это значит—создать в пролетарских массах скрепу и оплот против раз'едающих влияний мелкобуржуазной стихии и мелкобуржуазных привычек; это значит—подкрепить организаторскую работу пролетариев по перевоспитанию и переделке мелкобуржуазных слоев; это значит—помочь пролетарским массам воспитать себя как силу, способную уничтожить классы и подготовить условия для организации социалистического производства. Но проделать все это невозможно без партии, сильной своей сплоченностью и дисциплиной»²⁾.

Партия—эта направляющая сила социалистического перевоспитания пролетариата—поднимает пролетариат на высоту задач, стоящих перед ним в деле социалистического строительства. Она поднимает массы и прежде всего ее передовые слои на уровень пролетарской организованности с тем, чтобы подготовить пролетариат к осуществлению его исторической задачи—уничтожению классов и построению бесклассового общества. Эти положения т. Сталина представляют дальнейшее развитие ленинского учения. Восхищаясь героизмом участников коммунистических субботников, Ленин

¹⁾ Э. Понтович, Кодификация общесоюз. законодательства, «Советское строительство» № 2, 1930 г., стр. 26.

²⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, 1931 г., стр. 71.

писал: «Чернорабочие и железнодорожные рабочие Московско-Казанской ж. д. сначала показали на деле, что они способны работать как коммунисты, а потом присвоили своему почину название «коммунистических субботников». Надо добиваться и добиться, чтобы это и впредь было так»¹⁾. Ленин высоко оценивал развертывание процесса воспитания новой дисциплины, рост социалистических форм труда с точки зрения задач укрепления партии. С одной стороны, передовые рабочие-энтузиасты социалистической стройки в процессе укрепления социалистических форм труда и развертывания борьбы за новую дисциплину труда готовят себя на деле для работы по-коммунистически и тем самым для вступления в коммунистическую партию. С другой стороны, развертывание социалистических форм труда повышает требования к партии как авангарду рабочего класса, требует от партийцев возглавления инициативы масс и тем самым показа на всех участках социалистической стройки подлинных, еще более высоких образцов коммунистического труда. А это ведет к выявлению примазавшихся и чистке партии от последних. Ленин связывал развертывающийся процесс воспитания новой дисциплины с чисткой партии от чуждых, примазавшихся элементов. Именно поэтому он писал (в связи с коммунистическими субботниками—этим ярким проявлением новых форм труда в эпоху военного коммунизма): «Великий почин «коммунистических субботников» должен быть использован также в другом отношении, именно для чистки партий». И далее: «Все дело в том, чтобы правящая партия, опирающаяся на здоровый и сильный передовой класс, умела производить чистку своих рядов»²⁾, «такое уменьшение числа членов партии есть громадное увеличение ее силы и веса. Надо продолжать чистку, используя почин «коммунистических субботников».

Руководствуясь этими ленинскими указаниями, партия на этапе развернутого социалистического наступления по всему фронту бросила лозунг и осуществляет его на практике о 100-процентном участии коммунистов и комсомольцев на производстве в ударничестве. Образцовая работа на производстве, показ подлинных, коммунистических примеров труда, умение заражать энтузиазмом рабочих в деле осуществления подлинного, социалистического отношения к труду являются необходимыми показателями работы членов партии на производстве. Партийцы, не стоящие на высоте предъявляемых к коммунисту на производстве задач, являются объектом для чистки партии. Такая чистка от элементов, не стоящих на высоте задач социалистической стройки, ведет только к укреплению партии, ибо партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов» (Сталин), укрепляя тем самым пролетарскую диктатуру, усиливая свой союз с трудящимися массами, свое воздействие на них, обеспечивая перевоспитание их в социалистическом духе.

Проводимая в 1933—1934 г. чистка ВКП(б), повышение боеспособности и мобилизация всех сил партии и рабочего класса на решение исторических задач второй пятилетки являются тем самым и решающим фактором в деле борьбы за воспитание социалистического отношения к труду.

Пример боевого, сплоченного, проверенного пролетарского авангарда, дающего образцы социалистического труда, повседневно организующего массы, подтягивающего отстающих до уровня передовых, явится решающим фактором окончательной победы новой дисциплины труда и охвата во второй пятилетке социалистическим соревнованием всего рабочего класса и трудящегося населения страны.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 345—346

²⁾ Там же, стр. 346.

д) Профсоюзы в борьбе за новую дисциплину труда

Касаясь основных мероприятий пролетарской диктатуры по воспитанию новой дисциплины, Ленин важнейшее значение придавал деятельности профсоюзов.

«Воспитание новой дисциплины,—подчеркивал неоднократно Ленин,—является одной из основных форм классовой борьбы при диктатуре пролетариата. И роль профсоюзов в этом отношении особенно велика»¹). Это положение вытекало из ленинского учения о профсоюзах, согласно которому профсоюзы «есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма. Это совсем необычного типа школа, ибо мы имеем дело не с преподавателями и учениками, а мы имеем дело с некоторым, чрезвычайно своеобразным сочетанием того, что осталось от капитализма и что не могло не остаться, и того, что выдвигают из своей среды революционно-передовые отряды, так сказать, революционный авангард пролетариата»²). По Ленину, «профсоюзы создают связь авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму. Это — с одной стороны. С другой стороны, профсоюзы — «резервуар» государственной власти. Вот что такое профсоюзы в период, переходный от капитализма к коммунизму»³).

Ленин таким образом со всей силой подчеркивал воспитательное значение профсоюзов, обеспечивающих привлечение масс к управлению государством. Эти воспитательные задачи имеют тем более актуальное значение, что профсоюзы включают отсталые и передовые слои рабочих. Профсоюзы «осуществляют связь между передовыми и отсталыми в составе рабочего класса»⁴).

Воспитательные задачи союзов обеспечивают выполнение профсоюзами их классовой роли в пролетарской революции. «Вся история человеческого общества,—как указывал Маркс,—есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы»⁵), но особенность пролетарской революции заключается в том, что в процессе последней переделка человеческой природы происходит особенно быстро. В процессе пролетарской революции рабочий класс очищается от всей грязи старого общества, как подчеркивали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». Эпоха диктатуры пролетариата «необходима не только для того, чтобы создать хозяйственные и культурные предпосылки полной победы социализма, но и для того, чтобы дать пролетариату возможность, во-первых, воспитать и закалить себя как силу, способную управлять страной, во-вторых, перевоспитать и переделать мелкобуржуазные слои в направлении, обеспечивающем организацию социалистического производства»⁶). Формулируя этот тезис, т. Сталин опирается на обращение Маркса к рабочим: «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв не только для того, чтобы изменить соответствующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству»⁷), а также на соответствующие высказывания Ленина о том, что при диктатуре пролетариата необходимо будет «перевоспитать... в длительной борьбе, на почве диктатуры проле-

¹ Каганович, О задачах профсоюзов СССР на данном этапе развития, Партиздат, 1932 г., стр. 14.

² Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 64.

³ Там же.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, 1932 г., стр. 203.

⁵ Маркс, Ницета философии, 1928 г., стр. 139.

⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, 1932 г., стр. 30.

⁷ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 506.

тариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»¹⁾.

Итак, Маркс, Ленин, Сталин, подчеркивая историческую роль пролетариата в строительстве нового общества, формулировали отсюда задачи его воспитания, задачи перевоспитания отсталых слоев рабочих. При этом очень важно подчеркнуть,—это имеет огромное партийно-политическое и теоретическое значение,—что такое перевоспитание возможно лишь «в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями». Не идеализировать рабочего, а различать в рабочем классе передовые и отсталые слои, видеть пережитки капитализма, пережитки мелкобуржуазных влияний, перевоспитывать отсталые слои пролетариата, пресекать действия классового врага и его влияние на эти отсталые слои, дифференцировать воспитательную работу — таковы задачи, вытекающие из марксо-ленинского учения о роли пролетариата в пролетарской революции и о задачах воспитания пролетариата в переходный период. И в этом направлении профсоюзам принадлежит решающая роль. Базируясь на ленинском учении о профсоюзах, все съезды нашей партии определяли роль профсоюзов как рычагов в деле воспитания новой дисциплины труда. Уже X съезд нашей партии с предельной ясностью формулирует этот тезис. «Профсоюзы,— читаем мы в решениях X съезда,—будучи органами самовоспитания трудящихся в самом производственном процессе, являются в то же время, как показал опыт восьми лет пролетарской диктатуры, школой дисциплины, где рабочий, работница и служащий учатся повседневно, на почве тарифа, премирования, распределения, очередности в пользовании отпусками, домами отдыха, прозодежды, прозпитания и т. д., подчиняться общим интересам и основанным на них директивам союза в целом.

Ввиду того, что некоторые отсталые элементы трудящихся еще не уяснили себе своих классовых обязанностей, срывая подчас нарушением трудовой дисциплины общую работу рабочего класса по строительству Советской России, профсоюзы вынуждены были создать особые органы пролетарского принуждения»²⁾. И далее, как отмечает X съезд, профсоюзы организуют те элементы тружеников, которые при капитализме в массе часто были чужды пролетариату (бывшие торговые служащие, больничный персонал, работники искусства и т. п.). «Перерабатывание всех этих элементов, сближение их с передовыми слоями пролетариата, приспособление их к делу строительства коммунистического общества является одной из важнейших задач профсоюзов как школы коммунизма»³⁾. В соответствии с этим партия формулировала тезис о том, что «главным методом профсоюзов является не метод принуждения, а метод убеждения, что несколько не исключает того, что профсоюзы в случае надобности успешно практикуют и принципы пролетарского принуждения»⁴⁾. Эти решения сохраняют все свое значение на современном этапе. В дальнейшем все съезды нашей партии подчеркивали воспитательные задачи союзов, их роль в воспитании новой дисциплины.

Старое, оппортунистическое руководство профсоюзов извращало партийные установки о воспитательной работе профсоюзов, об их роли в деле воспитания новой дисциплины. Старое, оппортунистическое руководство ВЦСПС сводило культурно-политическую работу профсоюзов к организа-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 247.

²⁾ Цитировано по «ВКП» в резолюциях, т. I, 1932 г., стр. 446.

³⁾ Там же, стр. 438.

⁴⁾ Там же, стр. 439, см. также решения XI съезда РКП (там же, стр. 491—

ции отдыха, развлечений, забывая совершенно о необходимости поворота профсоюзов лицом к производству, о задачах классового пролетарского воспитания рабочих и в особенности новых кадров, о задачах, связанных с развернутым наступлением социализма на капиталистические элементы по всему фронту. Не случайно поэтому, что старое руководство ВЦСПС противилось организации производственно-товарищеских судов, развертыванию их борьбы с нарушениями трудовой дисциплины. Такие установки вытекали из его исходной оппортунистической линии на срыв развернутого социалистического наступления по всему фронту. Эти правооппортунистические установки старого руководства профсоюзов были, как известно, осуждены XVI съездом нашей партии, со всей силой выпятившим роль профсоюзов в деле классового пролетарского воспитания рабочих на современном этапе социалистического строительства. Роль профсоюзов в воспитании новой дисциплины исключительно велика. Под руководством партии они ведут гигантскую работу по организации и развертыванию социалистического соревнования, производственно-товарищеских судов и других проявлений инициативы масс в борьбе за воспитание новой дисциплины. Роль и значение профсоюзов в деле возглавления инициативы масс огромны. Они особенно рельефно выделяются в свете задач второй пятилетки, задач, связанных с укреплением пролетарской диктатуры. При всемерном укреплении пролетарской диктатуры «возрастает, следовательно, и роль профсоюзов как стенового хребта пролетарской диктатуры, как школы коммунизма, перевоспитывающей десятки миллионов трудящихся в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»¹).

Передача функций НКТ профсоюзам представляет серьезнейшее мероприятие, направленное на всестороннее и полное обслуживание материально-бытовых и культурных нужд рабочего класса, на усиление их роли в системе пролетарской диктатуры, в борьбе за развитие социалистических форм труда, за воспитание социалистической дисциплины труда во всем рабочем классе.

¹) Каганович О. задачах профсоюзов на данном этапе развития, стр. 15 1932 г.

Ленин и вопросы технической революции

Н. Волков

Вопросы техники занимают в учении Ленина одно из важнейших мест. Ленин всегда чрезвычайно внимательно следил за развитием техники.

В одной из ранних своих работ «Аграрный вопрос и критики Маркса» Ленин выдвигает следующий руководящий принцип научного исследования: «Экономист всегда должен смотреть вперед в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим; ибо кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом»¹).

Не довольствуясь вопросами социально-экономического значения техники, Ленин, как и Маркс, вникает в самое существо технологических процессов.

Над могилой Маркса Энгельс говорил, что «наука была для Маркса исторически движущей революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, о практическом применении которого пока еще не было и речи, его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще».

В нашу эпоху эти слова целиком и полностью применимы к В. И. Ленину. Не было ни одного более или менее крупного технического открытия XX в., на которое не откликнулся бы Ленин. Анализ крупнейших изобретений неизменно приводил его к выводу, что «техника капитализма с каждым днем все более и более перерастает те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство»²).

В СССР техника является основой материального базиса социализма. Десятая годовщина смерти Ленина ознаменована как раз рядом мировых достижений в области техники, выдвигающих Советский союз на одно из первых мест среди стран передовой техники.

Учение Ленина, величайшего из современников, живших на стыке двух веков и двух формаций, требует самого пристального изучения. Осветить проблему «Ленин и техническая революция» — значит «изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем» (Сталин) применительно к технике. Анализ учения Ленина о технике мы будем вести, как это делал сам Ленин, по отдельным вопросам исторического и программного характера:

¹) Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 208.

²) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 369.

Ленин и история техники

Далеко не всем известно, какое исключительное внимание уделял Ленин вопросам истории техники и промышленности. При этом он не ограничивался простым требованием создания «критической истории технологии», а затрагивал самое существо технологических процессов, давая изумительные по значительности характеристики отдельных этапов развития техники. В философских своих тетрадах (Лен. сб. IX и XII) Ленин оставил огромное количество высказываний по истории техники, основанных на тщательной проработке трудов Гегеля, Маркса и Энгельса, а также современных естествоведов и техников: Даннемана, Фолькмана, Гааса, Дармштедтера и др.

Эти высказывания формально не объединены, но в них мы имеем законченную ленинскую концепцию по вопросам истории техники. Вывод, к которому приходит Ленин, составляет целую программу работ нашего философского фронта. «Продолжение дела Гегеля и Маркса,—говорит он,—должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹⁾. И дальше: «...Надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений... Не «примеры» тут должны быть,—сравнение не есть доказательство,—а квинтэссенция той и другой истории (естествознания и философии.— Н. В.) + история техники»²⁾.

Если посмотреть на историю науки и техники, то мы убедимся, что развитие научной и технической мысли идет по линии все большего углубления в действительность. Именно так думал об истории техники Ленин, когда ставил задачу проследить на ней исторический процесс познания таким образом, чтобы была дана «квинтэссенция истории естествознания и философии плюс история техники». По мысли Ленина, теория познания должна быть подкреплена и усилена историей техники. К сожалению, до сих пор к такому освещению наследия Ленина в области истории техники даже не приступлено.

Материалистически комментируя положение Гегеля: «идея, т. е. истина как процесс, ибо истина есть процесс, проходит в своем развитии три ступени: 1) жизнь; 2) процесс познания, включающий практику человека и технику; 3) ступень абсолютной идеи»³⁾, Ленин раскрывает логический путь познания и его обусловленность практикой и техникой.

«От субъективной идеи,—пишет Ленин,—человек идет к объективной истине через практику и технику».

На отдельных этапах своей многообразной революционной деятельности Ленин находит время и место для занятий историей техники. Это не был праздный интерес любителя «чудес науки и техники», а насущная теоретическая потребность вождя мирового пролетариата, класса, который призван «изменить мир». Именно в истории Ленин черпал образцы и примеры того, как «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить» (Маркс). Справедливость этого положения подтверждается целым рядом фактов. В голодном 1921 году Ленин поставил вопрос о возрождении при помощи электричества всего хозяйства страны. Эта идея Ленина была встречена упорным сопротивлением реакционных элементов в стране и партии и получила ироническое название «электрификации». Герберт Уэллс, знаменитый английский утопист, посетив Владимира Ильича, писал, что «Ленин хотя и отрицает как правоверный марксист всякие утопии, но в конце концов сам вдался в электрическую утопию. Он

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 139.

²⁾ Там же, стр. 161.

³⁾ Лен. сб. IX, стр. 237.

всеми силами поддерживает план организации в России гигантских электрических станций, которые должны обслуживать целые области светом, водой и двигательной силой. Он уверял меня, что две таких опытных станции уже существуют. Можно ли вообразить более смелый проект в обширной плоской стране с бесконечными лесами и неграмотными мужиками, с ничтожным развитием техники и умирающей промышленностью и торговлей. Такого рода электрификация существует уже в Голландии, говорили о ней и в Англии, и весьма возможно, что в этих густо населенных и промышленно развитых странах она увенчается успехом и окажется делом полезным и экономным. Но вообразить себе применение ее в России можно лишь с помощью очень богатой фантазии. Я лично ничего подобного представить себе не могу. Но этот маленький человек в Кремле повидимому может»¹⁾.

Жизнь жестоко посмеялась над Уэллом, как и над всеми противниками Ленина. Любопытно, что мысли об электрификации Ленин подкреплял историческими экскурсами. Среди десятка других названий книг по технике, заказанных и читанных Лениным в 1921 г., значится и книга англичанина Тойнби «Промышленный переворот в Англии в XVIII веке»²⁾, заинтересовавшая Ленина в связи с планами советского «промышленного переворота».

В это же время Ленин заставляет И. И. Степанова писать работу об электрификации в историческом освещении и после окончания ее автором «от всей души рекомендует вниманию всех коммунистов эту замечательную книгу». «Чего нам больше всего не хватает для настоящей... работы по народному просвещению,—писал Ленин в предисловии к книге И. И. Степанова,—это именно вот таких «пособий для школ»... Если бы все наши литераторы-марксисты вместо того, чтобы тратить свои силы на всем надоевшую газетную и журнальную политическую трескотню, засели за такие же пособия или учебники... тогда мы не переживали бы такого позора, что почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу».

История техники интересовала Ленина не только (вернее, не столько) с философской стороны, но главным образом в экономическом и практическом отношении. За двадцать лет до социалистической революции Ленин поставил перед собой задачу дать марксистский анализ развития капитализма и капиталистической крупной машинной индустрии в России.

Результаты своего гениального теоретического обобщения он изложил в замечательном труде «Развитие капитализма в России», который имеет исключительное значение для истории развития капитализма и марксистской политэкономии. Для исследования вопроса «как складывается рынок для русского капитализма» Ленин считал «необходимым рассмотреть и попытаться изобразить весь процесс развития капитализма в России в целом»³⁾.

И Ленин показывает, как ручная техника мануфактуры дает совершенно иной качественный результат, чем при ремесле.

Исходный пункт анализа у Ленина—превращение простого товарного хозяйства в капиталистическое. Основным моментом в этом процессе является прогрессивный рост технического разделения труда (стр. 3), чего не могли понять народники (стр. 5), которые вместо анализа конкретной действительности создали чисто абстрактное построение и «прямо декретировали отсутствие общественного разделения труда в России»

В работах Ленина техника всегда выступает в неразрывной связи с экономикой. Рассматривая «производительные органы общественного чело-

¹⁾ Г. Уэллс, Россия во мгле.

²⁾ Лен. сб. XXIII, стр. 316.

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 5.

века» (Маркс) как материальный базис каждой социальной формации, Ленин раскрывает и обратную зависимость техники от экономики.

В переходе от мелкого, ручного производства к крупному, машинному предприятию очень большую роль сыграла мануфактура. Являясь первой формой промышленного капитализма, мануфактура занимает промежуточное место по своему технологическому содержанию.

Капиталистический характер мануфактуры заключается в том, что «мастерские с определенным количеством рабочих вводят постепенно разделение труда и, таким образом, капиталистическая простая кооперация перерастает в капиталистическую мануфактуру» (Ленин).

Исторически мануфактура, начав свое развитие с ремесла, возникает на Западе в XVI в. и существует «вплоть до собственно крупной промышленности середины XVIII столетия» (Маркс).

В России мануфактура держится дольше и существует до конца XIX столетия.

Каковы причины возникновения мануфактуры? Переход от ремесла через мануфактуру к машинной индустрии является неизбежной исторической необходимостью.

«Великие географические открытия,— говорит Энгельс,— и последовавшая за ними колонизация умножили места сбыта и ускорили превращение ремесла в мануфактуру». Преимущества мануфактуры по сравнению с ремеслом заключались в том, что те же самые инструменты и, собственно, ту же самую рабочую силу мануфактура использовала по-иному. Однако главная выгода мануфактуры для капиталиста, помимо возможности контроля над расходом сырья и помимо сбережений на концентрированных орудиях труда, состояла в возможности технического разделения труда, которое подготовило введение машин.

В конце своей работы Ленин приходит к заключению, полностью сохраняющему свое значение и сейчас.

«Сделаем теперь,— говорит он,— выводы из изложенных данных и рассмотрим, характеризуют ли они действительно особую стадию развития капитализма в нашей промышленности.

Общей чертой всех рассмотренных нами промыслов является сохранение ручного производства и систематическое, широко проведенное разделение труда. Процесс производства распадается на несколько детальных операций, исполняемых различными специалистами-мастерами. Подготовка таких специалистов требует довольно продолжительного обучения, и потому естественным спутником мануфактуры является ученичество...

Исчезновение ученичества связано с более высоким развитием мануфактуры и с образованием крупной машинной индустрии, когда машины уменьшают до минимума период обучения или когда выделяются столь простые детальные операции, что они доступны и детям...

Сохранение ручного производства, как базиса мануфактуры объясняет его сравнительную неподвижность, которая особенно бросается в глаза при сопоставлении ее с фабрикой. Развитие и углубление разделения труда происходят весьма медленно, так что мануфактура целыми десятилетиями (и даже веками) сохраняет раз принятую форму: мы видели, что весьма многие из рассмотренных нами промыслов—весьма древнего происхождения и тем не менее в большинстве их не наблюдалось до последнего времени никаких крупных переворотов в способах производства.

Что касается до разделения труда, то мы не станем повторять здесь общеизвестных положений теоретической экономии об его роли в процессе развития производительных сил труда. На базисе ручного произ-

водства иного прогресса техники, кроме как в форме разделения труда, и быть не могло»¹⁾.

Если внимательно продумать многочисленные высказывания Ленина о крупной машинной индустрии, то приходишь к выводу, что можно и должно подчеркнуть три стороны ленинского учения о технике капитализма.

Во-первых, исторический анализ машинного производства. Как устанавливает Ленин, «только крупная машинная индустрия вносит радикальную перемену, выбрасывает за борт ручное искусство, преобразует производство на новых, рациональных началах, систематически применяет к производству данные науки. До тех пор, пока капитализм не организовал в России крупной машинной индустрии, и в тех отраслях промышленности, в которых он еще не организовал ее, мы наблюдаем почти полный застой техники, мы видим употребление того же ручного станка, той же водяной или ветряной мельницы, которые применялись к производству века тому назад. Наоборот, в тех отраслях промышленности, которые подчинила себе фабрика, мы видим полный технический переворот и чрезвычайно быстрый прогресс способов машинного производства.

В связи с различным укладом техники мы видим различные стадии развития капитализма»²⁾.

Во-вторых, анализ роли машин в капиталистическом производстве, проливающий свет на ряд крупнейших преобразований в жизни населения.

Крупной машинной (фабричной) индустрией Ленин называл «определенную, именно высшую, ступень капитализма в промышленности. Основной и наиболее существенный признак этой стадии состоит в употреблении для производства системы машин. Переход от мануфактуры к фабрике знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера, а за этим техническим переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, полный разрыв с традицией, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом. Крупная машинная индустрия является таким образом последним словом капитализма, последним словом его отрицательных и «положительных моментов»³⁾.

Последнее слово капитализма в технологическом отношении означает создание «системы механического производства» (Маркс). Этот технический базис, адекватный капитализму в силу перечисленных ниже социальных и технологических причин, становится недостаточным. В своем стремлении вперед техника наталкивается на капиталистические границы.

Поэтому третьей частью общего учения Ленина является анализ империализма, данный им в 1916 г. Как устанавливает Ленин в своей программной работе «Империализм как новейший этап капитализма», в этот период верх берет общая тенденция к застою и загниванию. Умирающий капитализм всячески использует возможность благодаря монопольным ценам «искусственно задерживать технический прогресс» (Ленин). Тщательный и всесторонний анализ производительных сил и техники империализма, сделанный Лениным, приводит его к выводу о неизбежной гибели капитализма и позволяет одновременно наметить пути и формы развития техники при социализме.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 331—332. Разрядка наша.—Н. В.

²⁾ Там же, стр. 425.

³⁾ Там же, стр. 353.

Учение Ленина о противоречиях технического развития при империализме

Кардинальный вопрос современности заключается в выяснении судеб техники при капитализме. Что с ней происходит? Являемся ли мы свидетелями новой технической революции или, наоборот, присутствуем при величайшей технической реакции? Гниет ли техника и «закупорилось» ли полностью развитие производительных сил капитализма, как утверждают теоретики контрреволюционного троцкизма, или, наоборот, техника действительно «процветает», невзирая на кризис мирового хозяйства, как это себе представляют сторонники «организованного капитализма»?

Единственно правильный ответ на эти вопросы можно дать, исходя лишь из ленинской теории империализма. В беседе с первой американской рабочей делегацией т. Сталин отметил, что Ленин «развил дальше учение Маркса—Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму... Заслуга Ленина и, стало быть, новое у Ленина состоит здесь в том, что он, опираясь на основные положения «Капитала», дал обоснованный марксистский анализ империализма, как последней фазы капитализма, вскрывшего язвы и условия его неизбежной гибели».

Ленин первым показал, как империализм отражается на развитии техники. «Поскольку устанавливаются хотя бы на время монопольные цены,— пишет он в своей книге «Империализм как новейший этап капитализма»,— постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и всякому другому прогрессу, движению вперед, постольку является далее экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс».

Наряду с этим Ленин в целом ряде выступлений говорит о бурном росте техники, «о величайших победах техники», одновременно подчеркивая невозможность использования ее капитализмом до конца.

Здесь начинает действовать обратная диалектическая зависимость: каждый, даже малейший шаг прогресса в условиях загнивающего капитализма обостряет противоречия капиталистического строя и становится тормозом технического развития.

«Усиленный, быстрый рост техники,— писал Ленин,— несет с собой все больше элементов несоответствия между различными сторонами народного хозяйства, хаотичности и кризиса».

Пленум ИККИ на основании этих замечаний Ленина в своей резолюции отмечает, что даже «в рамках всеобщего кризиса капитализма могут быть периоды роста техники... и в то же время мощного развития противоречий мирового хозяйства».

Как же все-таки, при наличии всех описанных противоречий, капитализм развивает технику? На это Ленин отвечает, что «конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка... Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыли посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх»¹).

Нелепо поэтому говорить о «стагнации» техники или абсолютной закупорке развития производительных сил империализма. Преображенский же в книге «Закат капитализма» (1932 г.) свел всеобщий кризис капитализма к абсолютной остановке развития, чем буквально воспроизвел троцкистские

¹) Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 151.

положения «о невозможности после войны никакого развития производительных сил».

С другой стороны, так же ошибочна и вредна правооппортунистическая теория, преувеличивающая возможности развития техники при империализме. Сводя основное противоречие капитализма между производительными силами и производственными отношениями до проблемы «техника против экономики», эта антиленинская концепция приводит к теориям автоматического краха капитализма и к отрицанию активной роли пролетариата.

В книге «К вопросу о техническом прогрессе капитализма» т. Бессонов утверждает, что «какие бы перевороты ни происходили на поверхности капиталистического общества, технический прогресс не прекращает своего поступательного движения вперед» (стр. 91). Единственно, что пугает Бессонова, это «мертвый капитализм, который хватается живую технику». В том-то и дело, что капитализм далеко еще не мертвый, а только умирающий и без упорной борьбы не сдастся. Эта теория объективно помогает капиталу, так как ослабляет активность пролетариата.

По существу Бессонов повторяет старые теории обезличенной техники, развивающейся вне времени и пространства. Техника приобретает у него самодовлеющее значение. На самом же деле всякая техника прежде всего общественна и может развиваться в определенных экономических условиях.

Согласно учению Ленина антагонистические черты развития капиталистической техники в наиболее яркой форме проявляются в период империализма. Основная тенденция развития техники заключается в загнивании. Однако, несмотря на эту общую тенденцию, капитализм развивается быстрее, чем раньше. Поэтому не исключена возможность, что в отдельных отраслях техники, особенно в «человекоубойной промышленности», верх берет прогрессивное развитие.

Но такое поступательное движение техники наталкивается на границы, преодоление которых может быть с устранением самого капиталистического способа производства. Эти положения, вытекающие из ленинской теории империализма, требуют иллюстрации и разбора по отдельным отраслям техники. Начнем с электрификации.

По мере развития электротехники все более и более отчетливо обнаруживается ее противоречие с бесплановостью капиталистического хозяйства. Это относится ко всем капиталистическим странам. Ярким примером может служить организация электрохозяйства Лондона.

В районе Лондона 77 электростанций, 50 сетей, две дюжины различного рода напряжений и полдюжины различного рода периодов. Сети переплетаются, но станции не могут оказать поддержки друг другу в случае аварий. И Гебер Бланкенгорн, мечтающий об упорядочении энергетического хозяйства в условиях капитализма, оплакивая такое положение, пишет: «Революцию пара допустили без всякой разумной творческой директивы и регулировки; отсюда и произошло все наше главное социальное зло»¹⁾.

Такова практика беспланового капиталистического общества, хотя бы на одном примере, общем для всех стран. Но не лучше и теория. На последней энергетической конференции в Берлине одним из наиболее сенсационных докладов был доклад инженера Оливьена о «сооружении общеевропейской сети электропередач от Лиссабона до Ростова на Дону».

Инженер Оливьен уделит много времени доказательству возможности и осуществимости такого плана. По его словам, «пора уже подумать о генеральном плане развития электроснабжения всей Европы, осуществление кото-

¹⁾ «Экономическая и социальная роль электрификации», сб. Американской академии наук, стр. 28.

рого будет казаться будущим поколениям совершенно естественным делом... Однако мы стоим теперь перед задачей, которая поставлена перед всеми народами Европы,—задачей устранить все видимые и невидимые границы распределения электроэнергии, преодолев все трудности персонального, политического и материального характера».

В развитии электротехники наметились две тенденции:

1. Средняя мощность единицы машин и аппаратов для производства электроэнергии возростала.
2. Средняя же мощность единицы машин и аппаратов, потребляющих энергию, все время убывала.

Это, естественно, отражало две тенденции капитализма: укрупнение размеров отдельных предприятий и дальнейшее разделение труда в них на основе автоматизации. Противоречие между укрупнением производства электрической энергии и все большим и большим дроблением в потреблении не может быть разрешено в условиях капитализма. То и другое упирается в частную собственность на средства производства. Идет ли вопрос о мощных электрических станциях, работающих на общую сеть, о мощных радиостанциях, работающих на весь мир, или о технологических процессах, настолько механизированных при помощи электричества, что рабочая сила на единицу продукции требуется в незначительном количестве, частная собственность кладет предел дальнейшему развитию. Самые величайшие основы освобождения человечества становятся оковами. Новая техника является новым источником страданий. К таким выводам по поводу развития электрификации Ленин пришел в 1921 г. в замечаниях на «Тезисы французской компартии по аграрному вопросу».

«Крайне важно, по моему мнению,—писал он,—и с теоретической и с практически-агитационной точки зрения сказать в тезисах (и вообще побольше говорить в коммунистической литературе) о том, что современная передовая техника настоятельно требует электрификации всей страны—и ряда соседних стран—по одному плану; что такая работа вполне осуществима в настоящее время; что больше всего выиграло бы от нее сельское хозяйство и в особенности крестьянство; что пока остается капитализм и частная собственность на средства производства, электрификация целой страны и ряда стран, во-первых, не может быть быстрой и планомерной; во-вторых, не может быть произведена в пользу рабочих и крестьян. При капитализме электрификация неминуемо поведет к усилению гнета крупных банков и над рабочими и над крестьянами»¹⁾.

Глубочайший анализ проблемы электрификации, данный Лениным, как нельзя лучше определяет и все последующее развитие техники империализма. Основное направление электрификации «всей страны» находится в непримиримом противоречии с капитализмом. Поэтому всякие попытки электрокольцевания в капиталистических странах остались бесплодными.

Важно подчеркнуть при этом полное совпадение взглядов Ленина на судьбы электрификации со взглядами Маркса и Энгельса. В письме к Бернштейну в 1883 г. Энгельс писал об открытии Дебре, что «электрические токи очень высокого напряжения могут передаваться на неслыханные до сих пор расстояния... Производительные силы при этом примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии».

Ленин не знал этих писем Энгельса, так как они были впервые опубликованы в 1928 г. Но ту же самую мысль он высказывает в статье «Одна из великих побед техники»: «Техника капитализма с каждым днем все более

¹⁾ Ленин, Собр. соч. т. XXVII, стр. 105—106.

перерастает те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство».

Под ударами мирового экономического кризиса идея плановой электрификации уступает место увлечению автаркией. В технической доктрине по сравнению с докризисным периодом произошел крутой поворот.

Недавно проектам электрификации Европы Оливьена и других авторов пелись дифирамбы, а теперь их предают анафеме. В фашистской Германии «более созвучным эпохе и нации» считается промышленное использование ветра, а не централизация энергоснабжения. Предложение Гонефа, изобретателя новых ветросиловых установок, бесспорно заманчиво, но мотивы и цели его проведения в жизнь явно фашистские.

Первым достоинством системы Гонефа, по сообщению «Deutsche Allgemeine Zeitung» (подробнее см. в книге В. Вейца «Современное развитие электрификации», 1933 г., изд. Академии наук), является необычайная металлоемкость его ветроустановок. При постройке только 50 агрегатов Крупп будет полностью обеспечен заказами. Кроме того «включение ветра в энергобаланс страны сделает Германию независимой от других стран на случай войны».

Кроме военной опасности централизация энергоснабжения пугает буржуазию возможностью восстаний и забастовок. Особый интерес в связи с этим представляет доклад германской фашистской организации «Технише ноттильфе» на II мировом энергетическом конгрессе, посвященный вопросам «борьбы со стачками на электрических станциях и защиты электрохозяйства в период забастовок».

Такая борьба с централизацией энергохозяйства характерна не только для Германии, но и для Голландии и Англии. Последняя выпустила недавно целую парламентскую «синюю книгу» под характерным названием «Долой электричество».

Электрификация — не единственный пример в этом роде.

В 1913 г. в связи с обсуждением проектов туннеля под Ламаншем Ленин писал, что «капиталистическое варварство сильнее всякой цивилизации».

Как известно, между Лондоном и Парижем расстояние составляет 8—9 часов пути. Торговые и пассажирские перевозки столь велики, что даже авиация не смягчает нужды в прямом, беспересадочном сообщении. «И вот, — говорит Ленин, — самые богатые, самые цивилизованные, самые свободные государства в мире со страхом и трепетом осуждают теперь — далеко, далеко не в первый раз! — «трудный» вопрос: можно ли прорыть туннель под Ламаншем (морской пролив, отделяющий Англию от европейского материка)?»

Инженеры давным-давно рассчитали, что можно. Денег у капиталистов Англии и Франции — горы. Прибыль на капитал, вложенный в это дело, обеспечена безусловно.

Зачем же дело стало?

Англия боится... нашествия! Туннель, изволите видеть, облегчит, «в случае чего», неприятельским войскам вторжение в Англию. И поэтому военные авторитеты в Англии уже не в первый раз проваливают план прорытия туннеля...

...Капитализм сделал то, что целый ряд капиталистов, которые потеряют «доходные делишки» от прорытия туннеля, из кожи лезут, чтобы провалить этот план и затормозить технический прогресс...

Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить не медленю. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей рабами и этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и запарил проведение в жизнь

технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров.

Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо.

Но молодое растет и возьмет верх, несмотря ни на что»¹⁾.

Через 20 лет, прошедших со дня написания этих пророческих строк, нам остается добавить, что воз и ныне там. Вопрос о туннеле в 1913 г. стоял не в первый и не в последний раз. Теперь он снова и снова дебатруется в английском парламенте. Выступая недавно в палате лордов, Бальфур заявил: «Пока океан остается нашим другом, мы сознательно не хотим уничтожить его способность прийти нам на помощь».

Такую же задержку технического прогресса Ленин установил в автомобильной промышленности.

«Капиталистическое производство,— писал он,— развивается скачками и порывами. То «блестящий» расцвет промышленности, то крах, кризис, безработица. Иначе не может быть при такой системе хозяйства, когда отдельные раздробленные и независимые друг от друга хозяева «работают» на неизвестный рынок, распорядясь на правах частной собственности объединенным трудом тысяч и тысяч рабочих в крупных предприятиях.

Пример «модной» промышленности, которая развивается теперь особенно быстро, идя на всех парах к краху, это—автомобильная промышленность...

При капиталистической организации народного хозяйства автомобили являются достоянием только самого узкого круга богатых людей. Промышленность могла бы поставлять сотни тысяч автомобилей, но нищета массы народа задерживает развитие и вызывает крахи после нескольких лет «блестящего» роста.

Между прочим. Автомобильное дело, при условии обслуживания большинства населения, имеет громадное значение, ибо общество объединенных рабочих заменит автомобилями очень большое количество рабочего скота в земледелии и в извозной промышленности»²⁾.

В современных капиталистических странах автомобильная промышленность, этот двигатель «просперити», первой попала под удары кризиса. Предсказание Ленина сбылось здесь полностью, как и в отношении автомобильного дела «в обществе объединенных рабочих». Грандиозное строительство, которое скоро выведет СССР на второе (после САСШ) место в мире по мощности автостроения и поставит впереди Германии и Франции, является следствием успехов первой пятилетки в индустриализации, результатом создания ряда новых отраслей техники и в то же время предпосылкой дальнейшего подъема во всем народном хозяйстве.

В связи с этим важно остановиться еще на одной черте современной техники— на непрерывности производственного процесса. Маркс в «Капитале» отмечал, что «комбинированная машина тем совершеннее, чем непрерывнее весь выполняемый ею процесс». Наибольшее распространение эта особенность получила в период империализма, так как только электричество, в ведущей роли которого Маркс мог лишь догадываться, явилось естественной основой конвейера. Без электричества нет конвейера, как без конвейера нет непрерывного потока, исключая разве только химическую промышленность. Генри Форд, автомобильный король Америки, описал себе славу «апостола» конвейера. Его система производства автомобилей стала евангелием промыш-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 622—623.

²⁾ Там же, стр. 537, последние слова подчеркнуты нами.—В. Н.

шленности не только в Америке, но и в Европе. Первенцы пятилетки, советские авто-тракторные заводы, также многое позаимствовали у Форда.

Однако линия Тейлора—Форда—линия самой беззастенчивой капиталистической эксплуатации. Поэтому, отвергая теорию Форда, мы не можем принять безоговорочно и его технику, а должны критически ее пересмотреть, как и все новейшие достижения капиталистической техники, отбрасывая в ней все чуждое и враждебное социалистическому строительству.

В период так называемого процветания Форд делал ставку на неквалифицированный рабочий труд и проповедывал «уничтожение бедности» капиталистическими средствами. Недавно, в разгар глубочайшего кризиса, он выпустил новую книгу «И все-таки вперед»¹⁾, которая, если исключить ее социальную демагогию, во многом поучительна. Интересен показ технической реконструкции старых заводов и раскрытие сложной проблемы пускового периода. «В прежние времена ремесленного производства, — пишет там Форд, — один рабочий выполнял все задания. С введением крупного машинного оборудования выяснилось, что экономично операции разделить так, чтобы каждая машина и каждый человек выполняли только одну операцию. Теперь мы стремимся опять обратно к старым временам, с той разницей, что там, где раньше один человек выполнял целую операцию, теперь, поскольку возможно, отдельная машина выполняет всю задачу».

Правильной здесь является мысль о полноценном рабочем. Технически это применимо и у нас. Важно здесь подчеркнуть, как под ударами кризиса Генри Форд меняет вехи. Он — за высокую квалификацию рабочих. В погоне за потребителем он переходит к новым маркам машины. Лавры фирмы Ролл-Ройс, на машинах которой раз'езжают коронованные особы всего мира, не дают ему покоя.

«Демократический» Форд начинает выпускать аристократические машины. Его изобретательность при этом не знает пределов. Чтобы создать рынок, Форд скупает старые марки автомобилей и изобретает машину для уничтожения их. Гигантский пресс-автомат делает из самостоятельно под'езжающих машин простой scrap металла. Это шедевр капиталистической техники 1932 г. Более чудовищную растрату «лошадиных сил» трудно себе представить.

Так же критически, как к Форду, мы должны относиться и к Тэйлору. Оба они близнецы капиталистической рационализации. Блестящая оценка системы Тэйлора дана Лениным в следующих словах: «Система Тэйлора, — как и все прогрессы капитализма, — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний»²⁾.

В своих трудах Тэйлор утверждал, что «современное инженерное искусство может быть названо точной наукой, а управлению предприятиями суждено стать таким же искусством». Однако полное осуществление принципа научного управления предприятием возможно только в СССР. Ибо сама «система Тэйлора, — как говорил Ленин, — без ведома и против воли ее авторов — подготавливает то время, когда пролетариат возьмет в свои руки все общественное производство и назначит свои, рабочие, комиссии для правильного распределения и упорядочения всего общественного труда. Крупное производство, машины, железные дороги, телефон — все это дает тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния, чем теперь»³⁾.

Поэтому, отбрасывая тэйлоровскую систему оплаты труда, Ленин пред-

1) «Und trotzdem vorwärts». Цит. по журналу «Плановое хозяйство» № 4 за 1932 г.

2) Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 454.

3) Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 248.

лагал в 1918 г. «создать в России изучение и преподавание системы Тэйлора, систематическое испытание и приспособление ее»¹⁾.

Особенно важно подчеркнуть, что основные вехи своего учения о технике Ленин набросал в самом начале политической деятельности.

Еще в работе 1901 г. «Аграрный вопрос и критики Маркса» Ленин показал, как улучшение техники транспорта и передача электрической энергии на расстояние создают возможность «уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал идиотизмом деревенской жизни, и что нет ровно никаких технических препятствий тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными в немногих центрах, воспользовалось все население».

Ленин отмечает также судьбу проекта сверхскоростного (свыше 200 верст в час) транспорта между Манчестером и Ливерпулем. «Проект такой дороги,— пишет он,— не получил утверждения парламента только вследствие корыстного противодействия железнодорожных тузов, боящихся разорения старых компаний».

В ряде статей, посвященных различным проблемам техники, Ленин продолжает подчеркивать, что «техника капитализма перерастает те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство».

Недавно опубликованные новые ленинские сборники с новой силой и убедительностью подтверждают это положение. Тематические они как бы дополняют друг друга. XXII сборник содержит подготовительные тетради Ленина к программной работе «Империализм как новейший этап капитализма», а XXIII—документы, посвященные работе Ленина в качестве председателя Совнаркома и СТО в конце 1921 г. Исключительный интерес сборников в том, что они со злободневностью и неподдельной свежестью характеризуют две системы: загнивающий под ударами кризиса капитализм и берущий все новые высоты экономики и техники социализм.

В подготовительных тетрадях к написанному в январе — июне 1916 г. «Империализму» Ленин дает исчерпывающую картину нового уровня развития производительных сил капиталистического общества.

Тенденции технического развития при империализме он вскрывает на конкретном материале. Подробно разбирая например книгу Людвиг Эшвеге «Революционизирующие тенденции в немецкой железной промышленности», Ленин констатирует следующее: «Центр тяжести добычи руды и железа перемещается в Германии с Рейнско-Вестфальского района в Лотарингию—Люксембург (на юго-запад). Богатая фосфором руда раньше была лишена ценности. Ее сделали превосходной: 1. Метод Томасса. 2. Электро-сталь» (стр. 315).

На полях Ленин решительно подчеркивает, что это—«техническая революция в железной промышленности».

Довольно часто он цитирует работу Тафеля «Североамериканские тресты и их влияние на прогресс техники».

Как известно, Ленин указывал в своей книге «Империализм», что в Америке существуют специальные «инженеры для развития техники».

«Дальше всего в этом отношении пошел, пожалуй, табачный трест», который «с самого своего основания прилагал все усилия к тому, чтобы в широчайших размерах заменять всякий ручной труд машинным. Он скупил для этой цели все патенты, имеющие какое-либо отношение к обработке табака, и израсходовал на это громадные суммы... Очевидно, что подобная политика сильно содействует техническому прогрессу». И Ленин делает здесь следующий вывод: «Кроме конкуренции толчок к техническому прогрессу

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 455.

дают плохие финансовые условия большинства трестов (вследствие) перекапитализации» (Лен. сб. XXII, стр. 187—189).

Ленин отмечает признания автора в том, что «железные дороги САСШ в беспорядке: М и х е л ь с о н (большой авторитет!) называет их «анархическими, бесхозяйственными, неуклюжими, ненаучными, недостойными гения американского народа» (стр. 191).

«Положение трестов, — резюмирует Ленин, — шаткое: колоссы на глиняных ногах, по выражению одного американского писателя».

О книге Эйдельса «Отношение крупных немецких банкиров к промышленности» Ленин пишет: «После Риссера нельзя читать повторение: сырье, фактики, ничего нового. Это относится лишь к началу книги. Видимо, Риссер ее обокрал. Когда речь идет об отношении к промышленности, Эйдельс богаче, живее, умнее, научнее».

Особо в этой книге Ленин отмечает «роль, которую играют банки (помощь индустриальным предприятиям), создавая исследовательские технические общества». Ленин подчеркивает на полях, что это — «техническая роль крупных банков (финансовый капитал)» (стр. 287).

В журнале «Die Bank», тщательно просмотренном Лениным за многие годы, его внимание останавливает статья А. Лансбурга «Возбудитель кризисов». Автор приходит к выводу, что самый роковой возбудитель кризисов — «прогресс», и прибавляет:

«Действительнее (чем картели) — трест, который либо подавляет сознательно всякое изобретение и улучшение, либо их скупает, как поступили например крупные немецкие стекольные фабриканты с оуэнским бутылочным патентом, объединившись с целью покупки казавшегося им опасным патента в нечто вроде целевого треста» (стр. 133).

Приводя эту цитату, Ленин отмечает на полях: «Хороший пример», а вначале приписывает: «Средство против?» (кризисов очевидно.—Н. В.). Ленин этим подчеркивает, что сам Лансбург очень доволен такой политикой немецких фабрикантов.

Статья Лансбурга характерна и тем, что показывает, как всякие попытки планирования в условиях капитализма сводятся к обузданию технического прогресса. Ленин едко высмеивает плановые иллюзии буржуазных экономистов. Книгу Шильдера «Тенденции развития мирового хозяйства» (т. I, «Плановое воздействие на мировое хозяйство») он сопровождает убийственным примечанием:

«И заглавие слишком широко, а подзаголовок прямо шарлатанский, ибо автор специализировался на таможенной политике—вот вам и планомерное воздействие!!» (стр. 147).

Особо отмечает Ленин политику империалистических держав, искусственно задерживающих развитие индустрии в колониях. В XXII сборнике опубликованы замечания Ленина о двух книгах, трактующих этот вопрос: об уже упомянутой книге Шильдера и о книге Гильдебранта «Потрясение господства промышленности и промышленного социализма».

Оба буржуазных автора отмечают, что искусственная задержка индустриализации колоний встречает в них известное сопротивление. «Даже самая могущественная колониальная держава—Великобритания вынуждена в своей крупнейшей и важнейшей колонии Индии значительно отступить от строгого соблюдения упомянутого торгового промышленно-политического колониального принципа». Эту цитату из Шильдера Ленин сопровождает знаком *nota bene*. И Гильдебрант и Шильдер приходят в ужас от мысли о растущей индустриализации колоний и полукolonий:

«Несчастье заключается в том, что индустриализация Востока после

проникновения в него технической культуры Запада может произойти гораздо быстрее, чем аграризация Запада с его промышленным сверхнапряжением и, можно спокойно сказать, с его промышленным вырождением» (стр. 183).

«Китайская опасность»... «К 1925—1920 г. Китай-де зайдет ого куда и т. д. и т. д.» — иронически резюмирует Ленин страхи Гильдебранта.

Конечный вывод Ленина о книге Гильдебранта гласит:

«Полезная вещь для понимания тенденций оппортунизма и империализма внутри с.-д.! (стр. 185. Разрядка моя.—Н. В.).

Громадная предварительная работа, проделанная Лениным, делает его итоговые формулировки непревзойденными по глубине и злободневности.

Конспектируя статью Лансбурга «Тенденции в современном предприятии», Ленин заканчивает ее следующими замечательными словами:

«Техническая концентрация прогрессивна в технике, финансовая может укреплять и укрепляет все силы монопольного капитала при отсталой технике...» (стр. 325. Разрядка моя.—Н. В.).

В «Замечаниях о финансовом капитале» Ленин продолжает эту мысль: «Высокая техника концентрированных предприятий и «высокая техника» финансового жульничества, «высокая техника» (низкая на деле техника) гнета финансового капитала, это неразрывно связано при капитализме».

Это последнее положение заострено против Каутского, который, любя успехами техники и ростом капитализма, порицал его только за «шалости» вроде финансового грабежа или ограбления колоний.

«К. Каутский, — продолжает Ленин, — хочет разорвать эту связь, «обелить» капитализм, взять хорошее, отбросить дурное, современный прудонизм, мелкобуржуазный реформизм, замаскированный под марксизм» (стр. 325, 327).

Неоднократно возвращаясь к апологетическим теориям Каутского и каутскианцев, Ленин квалифицирует их как «старый прудонизм на новой почве и в новой форме, как «мещанский реформизм»: за чистенький, прилизанный, умеренный и аккуратный капитализм» (стр. 193).

И тут же двойным *nota bene* Ленин подчеркивает: «К понятию империализма плюс искусственная приостановка прогресса (скупка патентов трестами: например, в этой же тетради пример германских фабрикантов бутылоч)».

Особенную остроту и злободневность носят ленинские замечания о тех достижениях капиталистической техники, которые вплотную соприкасаются с будущей техникой социализма.

Разбирая работу Тэйлора (Собр. соч., т. XVII), книгу Джильбрета и в ряде других мест, Ленин совершенно конкретно наметил проблему развития технической базы социализма.

Каковы же общие выводы из ленинской теории империализма для техники?

Согласно учению Ленина, противоречия технического развития при империализме заключаются в следующем:

1. В своем развитии техника наталкивается на пределы, поставленные частной собственностью на средства производства и в особенности на монополистические ограничения.

2. «Система механического производства», адекватная капитализму, осложняется электрификацией и автоматизацией, которые уже носят переходный от капитализма к социализму характер.

3. Электрификация же являет блестящий пример новых хозяй-

ственных связей и комбинаций, сдерживаемых многочисленными искусственными границами капиталистических государств.

4. Применение изобретений и технических новшеств носит однобокий характер, так как определяется оно классовой направленностью.

5. Наконец технике присущи внутренние, имманентные законы движения, которые находят при капиталистической системе только частичное разрешение.

Последние три четверти века были как бы генеральной исторической проверкой научных предвидений Маркса, Энгельса, Ленина. Буквально накануне того, как разразились первые удары кризиса, буржуазные экономисты, промышленники и инженеры сплошь и рядом давали самые оптимистические прогнозы будущего развития капитализма. Так например Христиан Эккерт, возражая против «осенних настроений» Зомбарта, говорил: «Не следует говорить о гибели капитализма в такое время, когда глубоко революционная техника может порвать всякие оковы. Мощь современного капитализма подкрепляется тем обстоятельством, что он наряду с научно-техническими методами имеет за собой как второе решающее средство интернациональный капитал».

Проф. Ледерер вторил Эккерт, утверждая, что «мы переживаем не упадок капитализма, а его расцвет, так что следует говорить не о капитализме барокко, а скорее о капитализме ренессанса».

Прошел сравнительно короткий промежуток времени, и картина резко изменилась. Недавние оптимисты впали в полную растерянность. Жестокий удар кризиса обострил реакцию. Отказ от машины проповедуют социалфашист Бауэр и «радикал-социалист Кайо, фашист Шпенглер и «просвещенный либерал» Чейз». Проблема «человек и машина» не сходит со страниц буржуазной печати.

«Господствующие мысли,— писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии»,— есть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений». С этой точки зрения становится ясным успех машиноборца Шпенглера, о котором Ленин писал, как бы предвидя повальное увлечение, которое вознесло этого прусского учителя на самый Олимп буржуазной философии, следующее: «Старая буржуазная и империалистская Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистической войне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восхищаться (или хотя бы заниматься) им образованные мещане, но этот упадок означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистическим грабежом и угнетением большинства населения земли».

В этой блестящей отповеди дана характеристика не только ранних произведений Шпенглера («Закат Европы», «Прусский дух и социализм»), которые были известны Ленину, но и последних его книг: «Человек и техника» (1932 г.) и «Решающие годы» (1933 г.).

Особый успех Шпенглер завоевал в Германии после прихода к власти фашистов. Хотя его последняя книга «Решающие годы» была подвергнута национал-социалистической печатью формальному осуждению, простой беглый просмотр ее говорит об обратном. Фашистские вожди черпают свое духовное оружие у философов типа Шпенглера. Готовясь к военным авантюрам, германское правительство стремится внешне показать Европе свое миролюбие и официально осуждает Шпенглера. На самом деле именно Шпенглер и ему подобные теоретики подготовили «общественное мнение» Германии к выходу из Лиги наций и тем самым предвосхитили действия Гитлера. Рядясь в тогу ученого, Шпенглер предает уничтожающей критике «трусливый и нечестный оптимизм, возвещающий каждый месяц возвращающуюся кон-

юнктуру и процветание, как только пара спекулянтов временно повышает курсы; и конец безработицы, как только где-нибудь сотня людей принята на работу; и прежде всего достигнутое соглашение народов, как только Лига наций, этот рой любителей летней неги, блюдолизничающих на Женевском озере, принимает какое-либо решение»¹⁾.

Шпенглер приходит в ужас из-за того, что передовая техника становится достоянием все новых и новых слоев человечества, что в мировом развитии начинают играть все большую роль народы Азии и Африки, подвергавшиеся сотни лет грабежу со стороны «передовых» европейских стран. «Для цветных,— плачется Шпенглер,— техника только оружие против фаустовской цивилизации, оружие вроде сука дерева в лесу, который выбрасывают после того, как его используют».

Вовлечение сотен миллионов людей в ход мирового развития, их приобщение к технике означает небывалое ускорение момента революционного свержения империализма во всем мире.

Отсюда ясен смысл хныкания Шпенглера о гибели «белой» цивилизации. Это одна из многочисленных попыток натравить рабочих европейских стран на их колониальных братьев, попытка подмены борьбы классово-борьбой рас.

Ленин дал уничтожающий ответ подобным теориям еще в 1922 г. «Какие-нибудь, извините за выражение, шпенглерята умозаключат отсюда (всякой глупости надо ожидать от «вумных» вождей 2-го и 2½ интернационала), что этим расчетом исключается из революционных сил пролетариат Европы и Америки... «Вумные» люди. Они никак не могут догадаться, что с точки зрения развития международной революции переход от чартизма к лакействующим перед буржуазией Гендерсонам... есть лишь нечто вроде «перехода» автомобиля от гладкого и ровного шоссе в сотни верст к грязной вонючей лужичке на том же шоссе, лужичке в несколько аршин» (там же).

В связи с учением Ленина о противоречиях капитализма чрезвычайно любопытно высказывания представителей технической интеллигенции капиталистических стран. В руководящих заграничных технических журналах много места отводится вопросам философии техники. И без того многочисленная категория философствующих инженеров, включающая такие имена, как Генрих Гардензет, Евгений Дизель и др., значительно пополнилась. Мировой кризис вызвал усиленный интерес к судьбам техники, колоссально увеличил продукцию книг, посвященных проблемам технического развития капитализма. Достаточно назвать «Кажущееся счастье техники» Альфреда Бехтера, «Диктатура вещей» Шремпфа, «Вера в мировую машину и ее преодоление» Денглера, «Хозяйственное-бесхозяйственное» Мюллера и т. д.

Один из наиболее крупных буржуазных философов, занимающихся проблемами техники, Е. Дизель, начинает свою статью «Наша техническая судьба» следующим знаменательным вступлением: «Во всем мире господствует большое смятение. Народы боятся предстоящего. Лучшие люди не сомневаются, что мы переживаем большой, решающий кризис... Резкие внешние перемены нашего времени покоятся на применении новых технических средств».

Дизель горько упрекает знаменитых инженеров и изобретателей прошлого века, которые «не сомневались, что люди станут богаче и счастливее благодаря их изобретениям». Они «не ломали себе голову над кризисом культуры и упадка мира как последствием техники». Немногие мысли-

¹⁾ Oswald Spengler, Jahre der Entscheidung, 1933.

Подробнее о книге Шпенглера «Человек и техника» см. в ст. автора «Вопросы истории техники», «П. З. М.» № 4 за 1933 г.

тели размышляли над последствиями первых машин, причем один из них, Бэкон Веруламский, пришел к заключению, что машины должны привести к коммунизму.

И Дизель приходит к «своему собственному», неизбежному для буржуазного ученого выводу: «Не попали ли мы в положение, в котором многие машины и приспособления стали сомнительными?».

Еще любопытнее рассуждения другого «признанного» теоретика. Генрих Гардензет, автор книги «Капиталистический и технический человек», опубликовал недавно в журнале «Ingenieur Zeitschrift» статью с характерным заголовком «Границы технического прогресса». «Техника,— вещает Гардензет,—стремится к состоянию равновесия, она близится к совершенству. Совершенство же означает конец технического прогресса».

«Наивысшая возможная скорость — скорость света, — пишет Гардензет,— уже достигнута в электрической связи. Близко достигнут абсолютный нуль температуры, хотя техническое использование этого холода еще неизвестно. Повышение давления пара имеет свою границу в критическом давлении (около 220 атмосфер), при котором прекращается процесс парообразования. Коэффициент полезного действия не может превысить единицу (100%); все это естественные границы прогресса».

По Гардензету, механизация Азии, Австралии, Южной Америки по образу и подобию Европы закончится очень быстро: «С концом распространения техники гаснет важный стимул технического прогресса. Техническая планета «Земля» закончена (ist fertig)».

В этой концепции завершенной, ставшей техникой с чрезвычайной наглядностью отразилось скудоумие «цвета» технической интеллигенции Запада, не порвавшей пуповины, которая связывает ее с загнивающим капитализмом.

Современная техника не исчерпала своих возможностей, ибо она еще только вступает на порог величайших достижений. Это ясно даже такому апологету капитализма, как Христиан Эккерт, говорившему, что «так называемая эпоха техники, как мы любили называть недавнее прошлое, представляет лишь скромное начало грядущей эпохи в отношении овладения природой, эксплуатации ее богатств и использования ее сил. Быть может в недалеком будущем нам удастся раскрыть такие тайны и освободить такие виды энергии, которые находятся за пределами нашего нынешнего воображения».

Для того, чтобы уяснить всю абсурдность утверждений Гардензета о «завершенности» техники, достаточно перечислить такие ждущие своего разрешения проблемы, как использование энергии солнца и ветра, эксплуатация морских приливов, подземная газификация угля и т. д. и т. п.¹⁾

Мировой кризис еще раз с предельной ясностью подтвердил марксистскую истину, что производительные силы и в том числе техника капитализма переросли общественные условия последнего. Это постепенно, с большими, правда, трудностями, просачивается даже в сознание буржуазных ученых. «Благодаря нашей вновь завоеванной способности летать, передвигаться под водой, разговаривать через всю землю,—писал недавно Дизель,—мы собственно создали новый вид жизненного существования, которое должно создать для себя новые нравственные и общественные законы».

И в другом месте: «Электрическое хозяйство имеет совсем другие общественные и политические последствия, чем паромашинное хозяйство XIX столетия».

¹⁾ Об этом см. интересную книгу Гюнтера «Энергетика будущего» (1933 г.), предисловие Г. М. Кржижановского.

Наконец даже махровый апологет капитализма Гардензет счел возможным писать: «Задачи капитализма,—так думают многие,—есть введение новой технической формы существования. С завершением этой формы его задача выполнена, он сходит со сцены».

Что же предлагают эти буржуазные «критики» капитализма?

Было бы ошибочно думать, что они последовательно приходят к выводам о неизбежности революционного устранения капитализма и победы социалистической системы.

Еще недавно Христиан Эккерт считал возможным «исправить» капитализм. «Капитализм тем сильнее сможет действовать в будущем,—говорил он,—чем больше он будет проникаться истинным социальным духом, чем больше ему удастся привлечь на свою сторону широкие массы».

Дизель также попытался сделать веселое лицо, заявив после длинных и мрачных рассуждений, что «техника не должна нас преодолеть, она может быть гибким управляемым орудием в руках человека».

Провал этих «социальных поправок» к капитализму и обострение противоречий разбили техническую интеллигенцию Запада на два лагеря.

Первая, наиболее многочисленная часть специалистов впрягается в колесницу капитализма, открыто переходит в лагерь фашистской реакции. Судьба Макса Планка и многих других, близких некогда материализму, ученых, переметнувшихся на сторону Гитлера,— яркое тому доказательство.

Другая, передовая часть технической интеллигенции Запада ориентируется на коммунистическую партию и СССР. Не говоря уже о таких восторженных поклонниках нашей техники, как консультант Днепростроя полковник Купер, мы имеем десятки свидетельств горячих симпатий к СССР со стороны виднейших ученых и техников Запада. Ускорили этот поворот конечно неслыханные хозяйственные успехи нашей системы, перекроившей всю страну. Буржуазная печать вынуждена была признать Днепрострой «шедевром техники 1932 года». А это ведь только начало в великом прогрессе техники страны социализма.

Ленин и подземная газификация угля

Чтобы яснее представить проблему перерастания производительными силами и техникой капиталистических производственных отношений, мы разберем вопрос о подземной газификации угля. Если для капитализма проведение ее в жизнь является утопией, то в СССР она уже превратилась в реальность. Острота темы требует исторического анализа, как это сделал Ленин в статье «Одна из великих побед техники».

В августе 1911 г. знаменитый английский химик Вильям Рамзэй в речи, произнесенной на открытии конгресса «Британской ассоциации развития науки» (British Association for Advancement of Science), указал, что «мир, к которому мы принадлежим, содержит ограниченные, а для британских островов очень ограниченные запасы потенциальной энергии, а именно каменноугольные копи». По подсчетам Рамзэя эти запасы при современном темпе прироста мировой добычи угля истощатся через 175 лет. Для отдельных стран, в том числе и для Англии, этот срок значительно меньше.

Международный геологический конгресс, собравшийся в 1913 г., подтвердил эти неутешительные выводы Рамзэя. Было установлено, что значительную часть мировых запасов угля составляют нерабочие пласты угля (тонкие, «загрязненные»), не поддающиеся разработке обычными техническими приемами.

По почину Рамзэя был создан специальный комитет из выдающихся английских ученых (Чарльз Парсонс, Дугальд Клерк и др.) для исследования «национальных энергетических ресурсов». Комитет выдвинул целый ряд

проектов замены энергии сжигаемого угля: развитие лесов, использование энергии солнца, внутреннего тепла земного шара, белого угля, дезинтеграция элементов и даже использование энергии вращения земли вокруг своей оси. По замечанию Рамзэя все эти проекты не могли дать быстрого и решительного спасения от надвигавшейся «угольной катастрофы».

Знаменательно, что Рамзэй, будучи вполне «добропорядочным британцем», не мог все же не видеть преград, которые ставит развитию производительных сил человеческого общества система капитализма. Говоря о возможностях развития лесов, английский ученый говорил с явным сожалением о «доброе старом времени», когда призрак социальной революции не омрачал еще спокойствия рыцарей капиталистической наживы. «Было бы неразумно, особенно в это время, когда право собственности становится ненадежным, предполагать, что частный собственник может поместить свое состояние в предприятия, которые в лучшем случае могут принести доходы только его потомкам, да и то не наверняка».

Резкое обострение топливного баланса в капиталистических странах вызвало к жизни целый ряд мероприятий, направленных к экономии драгоценного «черного золота». К таким мерам прежде всего следует отнести предложенное тем же Рамзэем в упомянутой речи «превращение энергии угля в электрическую энергию возле копей» при помощи газогенераторов и двигателей, работающих на генераторном газе.

«Возрастающее употребление газа на фабриках и для металлургических и химических работ, — замечал Рамзэй, — даст в результате значительную концентрацию заводов вокруг каменноугольных копей для того, чтобы избежать расходов на дорогую транспортировку».

Наиболее распространенными во времена Рамзэя были «газовые аккумуляторы» Монда, которые газифицировали каждый по 20 тонн угля в день. Газ этот частично употреблялся в газовых моторах, которые в свою очередь вращали динамомашинны.

С другой стороны, уже в начале XIX в. известно было использование низкосортного угля, транспортировка которого на значительные расстояния невыгодна и не всегда возможна.

Однако эти методы не разрешали насущнейшей задачи непосредственного использования тощих и загрязненных (сернистых и т. д.) пластов угля.

Способом, производящим переворот в технике угольной промышленности, был метод подземной газификации угля. Само собою разумеется, что возможность прямого получения газа из угля в пласте, прямого превращения угля в электрическую энергию, устранение всех промежуточных этапов (добыча угля в руднике, доставка его на поверхность, перевозка железной дорогой и водным транспортом и т. д.) должны были бы совершить подлинную революцию в мировом энергетическом хозяйстве.

Метод подземной газификации в значительной степени устранял опасность истощения запасов угля. Это открытие увеличило в два раза ресурсы угля, могущие быть практически использованными (вводя в строй тощие пласты). Так например по расчетам проф. Федорова мощность рабочих пластов в Донбассе—15,6 м, а «нерабочих»—16 м.

Впервые сформулировал решающие предложения в этой области Д. И. Менделеев еще в 1897 г., в книге об «Основах фабрично-заводской промышленности»:

«По поводу этих пожаров каменноугольных пластов мне кажется, что ими можно пользоваться, управляя ими и направляя дело так, чтобы горение происходило, как в генераторе, т. е. при малом доступе воздуха. Тогда должна происходить окись углерода, и в пласте должен получиться воздушный или генераторный газ. Пробуя в пласте несколько отверстий, одно из них

должно назначаться для введения — даже вдувания — воздуха, другое для выхода — даже вытягивания (например инжектором) — горючих газов».

Позднее, в 1900 г., Менделеев повторил те же соображения в описании «Уральской железной промышленности». Однако эти мысли знаменитого русского химика не были использованы, и только через 10 лет о них вспомнили в связи с выступлениями Вильяма Рамзэя.

Уже в цитированной речи 1911 г. Рамзэй говорил: «Изобретение, которое нам позволит непосредственно превращать энергию угля в электрическую энергию, что революционизирует наши идеи и методы, не является невозможным».

Чрезвычайно важно, что дальнейшая разработка Рамзэем этого «революционизирующего изобретения» была связана с ожесточенной классовой борьбой в английской угольной промышленности. Стачки английских угольщиков в 1912 г. толкнули угольных баронов на изыскания способов, которые избавили бы их от «капризов» рабочих.

Журнал «Revue scientifique» («Научное обозрение») от 27 июля 1912 г. писал: «Стачка английских шахтеров вызвала многочисленные проекты, направленные к защите промышленности (читай промышленников.—Н. В.) от колебаний рабочей силы. Из них проект сэра Вильяма Рамзэя очевидно начал реализоваться в одной из английских шахт, предоставленной в распоряжение знаменитого ученого».

Тот же журнал от 19 апреля 1913 г. в заметке об использовании каменноугольной пыли на заводе Чиньекто так характеризовал значение проекта Рамзэя: «Известно, что сэр Вильям Рамзэй недавно высказал идею, реализация которой не только гарантирует страны, производящие уголь, от инцидентов, подобных стачкам английских шахтеров в прошлом году, но в то же время позволит значительно экономнее эксплуатировать остающиеся у нас запасы угля».

И в этом случае подтвердилось гениальное указание Маркса, сделанное им еще в 1846 г. в письме к Анненкову: «Начиная с 1825 г. изобретение и применение машин было только результатом войны между рабочими и предпринимателями». Можно было бы написать целую историю таких изобретений, которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих.

Нетрудно видеть, что идею подземной газификации буржуазия оценила в первую очередь как орудие борьбы против рабочего класса. Почему же однако, при всей заманчивости и выгоды предложения Рамзэя оно до настоящего времени не получило своей реализации в странах капитализма?

Может быть для этого не доставало капитализму необходимой материально-технической базы? Нет. Такая база имела, но идея Рамзэя была так холодно воспринята дельцами капиталистического мира и в первую очередь конечно угольными баронами потому, что она угрожала обесценить громадные капиталы, вложенные ими в оборудование угольных шахт, уменьшить доходы железнодорожных компаний и т. д. В самом деле, что угольным баронам, железнодорожным компаниям, пароходным обществам и т. д. до переворотов в общественной жизни, когда в связи с этими переворотами преждевременно амортизируются их машины и падает их прибыль! Вот почему необычайно смелая и грандиозная задача, поставленная наукой, не только не была ими осуществлена, но даже и не оценена по достоинству.

Проект Рамзэя предусматривал проходку вертикальной скважины, доходящей до пластов угля. По трубе, идущей к пласту, поступает воздух в ограниченном количестве, необходимом для сгорания угля. Газ, полученный от подземного сжигания, подымается по другой трубе на поверхность и поступает в газовые моторы, которые в свою очередь вращают динамомашинны.

Рамзэй предполагал, что газ, полученный таким образом, будет по качеству равноценным газу, получаемому в газогенераторах.

Зажигание угля предполагалось электрическим.

Проект не был разработан в деталях и подлежал дальнейшим уточнениям и коррективам. Однако можно сказать, что причина его погребения в течение двух десятков лет в архивах угольных компаний лежит не в технических трудностях выполнения. До настоящих трудностей дело не дошло, так как после смерти Рамзэя в 1916 г. попыток продолжить его работы не было. Кроме того преодоление технических трудностей несомненно окупалось колоссальными выгодами подземной газификации.

Все это не помешало угольным магнатам положить проект Рамзэя под сукно, а услужливой прессе устроить вокруг газификации угля заговор молчания. Нашелся однако человек, который, не будучи техником или инженером, сумел не только высоко оценить революционное значение предложения Рамзэя, но и с гениальной прозорливостью предсказать все его технические и социальные последствия. Этот человек был Ленин. На проект подземной газификации угля он немедленно отозвался статьей «Одна из великих побед техники», помещенной в «Правде» 4 мая (21 апреля) 1913 г.:

«Открытие Рамзэя означает гигантскую техническую революцию в этой, едва ли не самой важной, отрасли производства капиталистических стран.

Рамзэй открыл способ непосредственно, на месте нахождения угля, без извлечения его на поверхность земли, превращать этот уголь в газ. Подобный прием, только гораздо более простой, употребляется иногда при добыче соли: ее не извлекают на поверхность земли прямо, а растворяют водой, и уже рассол поднимают потом по трубам.

Способ Рамзэя превращает каменноугольные рудники как бы в громадные дистилляционные аппараты для выработки газа. Газ приводит в движение газовые моторы, которые дают возможность использовать вдвое большую долю энергии, заключающейся в каменном угле, чем это было при паровых машинах. Газовые моторы, в свою очередь, служат для превращения энергии в электричество, которое техника уже теперь умеет передавать на громадное расстояние.

Стоимость электрического тока понизилась бы, при таком техническом перевороте, до одной пятой, а может быть даже до одной десятой теperешней стоимости».

Идея Рамзэя привлекла Ленина не только колоссальными техническими перспективами, которые она открывала. Его в особенности заинтересовало социальное значение подземной газификации:

«Громадная масса человеческого труда, употребляемая на добывание и развозку каменного угля, была бы сбережена, — писал он. — Расходы на освещение и отопление домов понизились бы чрезвычайно».

Но, предвидя судьбу идеи Рамзэя в условиях капитализма, Ленин писал: «Последствия этого переворота для всей общественной жизни в современном капиталистическом строе будут совсем не те, какие вызвало бы это открытие при социализме. При капитализме «освобождение» труда миллионов горнорабочих, занятых добыванием угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих. А прибыль от великого изобретения положат себе в карман Морганы, Рокфеллеры, Рябушинские, Морозовы — с их свитой адвокатов, директоров, профессоров и прочих лакеев капитала».

Необходимо отметить, что источник, которым пользовался Ленин при изложении проекта Рамзэя, точно не определен. Без сомнения, Ленину были известны заметки в «Научном обозрении» о газификации угля. Заметка о

«подземной дистилляции угля» помещена в № 4 от 27 июля, а в № 1 от 6 июля имеется сообщение о «потреблении маргарина в Европе», на которое ссылается Ленин в своей статье «Капитализм и народное потребление». Вслед за заметкой о копиях Чиньекто в номере от 18 апреля 1913 г. следует сообщение о бутылочной машине Оуэна, которая «производит настоящую и быструю революцию в американской бутылочной индустрии»¹⁾.

Однако в этих заметках нет деталей, приводимых Лениным в его статье, хотя идея подземной газификации изложена вполне ясно уже в номере упомянутого журнала от 27 июля 1912 г.

«После проходки в шахте, предоставленной для этих экспериментов, вертикальной галлерей диаметром приблизительно в 50 см., спускающейся до угольных пластов, туда вводят три концентрических трубы. Воздух идет под давлением по центральной трубе в ограниченном количестве и доставляет кислород, необходимый для горения, вызывающего газификацию окружающего угля. Освобожденные таким образом газы подымутся на поверхность по интервалу между внутренней и средней трубой».

В связи с этим следует отметить напрасную шумиху, поднятую Н. Розенблитом в его статье с сугубо интригующим заголовком: «Загадка Ленина—Рамзэя» («Техника» от 21 января 1933 г.). Розенблит, ссылаясь на речь Рамзэя, помещенную в «Научном обозрении» от 27 января 1912 г., где говорится о превращении угля в электрическую энергию возле каменноугольных копей, пишет по этому поводу: «Иначе говоря, здесь Рамзэй предлагает получать газ из угля не под землей, не в рудниках, — он предлагает видимо просто ставить газогенераторы «около каменноугольных копей». Совершенно по-другому излагает мысль Рамзэя Ленин. Как видим, разница в постановке вопроса громадная...».

Ленинградскому профессору Блоху, на которого ссылается автор «Загадки Ленина», очевидно не были известны упомянутые заметки в «Научном обозрении». Н. Розенблит же, свято веруя в авторитет ленинградского ученого, не потрудился даже перелистать этот журнал²⁾.

Итак, уже в июле 1912 г. проект Рамзэя был достаточно известен и предпринимались попытки применить его на практике.

Ленин не только восхищался этой «великой победой техники», но и гениально предвидел, что победа эта явится одновременно победой социализма над преграждающей пути технического прогресса капиталистической системой.

«При социализме, — писал Ленин, — применение способа Рамзэя, освобождая труд миллионов горнорабочих и т. д., позволяет сразу сократить для всех рабочих день с 8 часов к примеру до 7, а то и меньше.

Электрификация всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных, отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне.

Техника капитализма с каждым днем все более и более перерастает те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство».

Тот факт, что проект Рамзэя остался не использованным в странах капитализма, блестяще подтверждает положение Ленина о перерастании ка-

¹⁾ См. Ленин, Империализм, стр. 82.

²⁾ Кроме того подземная газификация угля описана в следующих работах: 1) Ганс Гюнтер, «Грезы техники», 1925 г., стр. 26—31; 2) Гибсон, «Природные источники энергии», 1922 г., стр. 33; 3) Гюнтер, «Энергетика будущего», 1933 г., стр. 71.

талистической техникой общественных условий капитализма. Осуществление подземной газификации подорвало бы капиталистическую систему с ее рогаками частной собственности и анархией производства.

Борьба крупных монополистических групп порождает «тенденцию к техническому застою и загниванию». Эта тенденция в данном случае сильнее, чем классовые вожеления угольных магнатов, направленные к обезвреживанию угольной промышленности от организованных выступлений рабочих.

Знаменательно, что единственной страной, где производятся работы по подземной газификации угля, является страна строящегося социализма. Эта работа проводится уже в течение трех лет. Осенью 1930 г. бойцы и командиры 78-го кавалерийского полка обратились с письмом к научно-технической общественности, требуя от нее заняться вплотную осуществлением указаний Ленина.

С тех пор подземная газификация из области теоретических рассуждений перешла на путь широкого опытного строительства. Сначала в активе имелись лишь отрывочные указания Менделеева и Рамзэя и проект проф. Бокия, опубликованный им в 1925 г. и разработанный инженером Кириченко. Заложены были три опытных участка: в Донбассе (Лисичанский), под Москвой (Крутовка) и на Северном Кавказе. Недопустимая медленность темпов работы была в свое время отмечена Наркомтяжпромом СССР, создавшим специальную контору по проектированию и строительству опытных шахт — «Подземгаз». Результаты реорганизации сказались в ближайшее же время. В апреле 1933 г. был зажжен первый искусственный подземный пожар. 6 мая 1933 г. «Правда» в статье «Опыт подземной газификации» писала:

«В апреле этого года в Подмосковном бассейне, на Крутовском участке Товарковского района, был проведен первый опыт подземного сжигания угля в искусственно ограниченном небольшом целике...

Задачи, которые предстояло решить на этой небольшой опытной установке, сводились в основном к следующему: во-первых, к наблюдению за составом получаемого в подземном генераторе газа в зависимости от регулирования дутья и, во-вторых, к определению газопроницаемости как самого разрыхленного целика, так и изолирующих его стенок. Опыт, наконец, должен был выявить подготовленность кадров для наблюдения и руководства подземным газогенератором, соответствие и надежность необходимой аппаратуры и т. д.

Подходя с этой точки зрения к оценке предварительных итогов опыта на Крутовской шахте, необходимо признать его большое значение для решения проблемы подземной газификации.

Изучение результатов этих опытов специальной группой экспертов даст ряд дополнительных материалов, характеризующих проведенную работу со стороны горнотехнической и теплотехнической. Крутовка дала ряд важнейших выводов дляготавливаемых более крупных подземных газогенераторов (Лисичанск, «Севкавуголь»), проверила некоторые теоретические положения.

Крутовка — это переход от теоретических исканий и проектов к практической проверке ряда положений, к изучению конкретных условий работы впервые в истории устанавливаемых подземных газогенераторов. Крутовка — первый шаг, приближающий к решению основной задачи. Создание мощных подземных газогенераторов, можно надеяться, будет обеспечено. Широкое промышленное применение подземной газификации угля должно стать и станет частью развернутой программы развития нашей социалистической индустрии.

Задача осуществления подземной газификации в промышленных масштабах выдвигает ряд попутных проблем величайшей важности. Одной из таких

проблем является задача создания газовой турбины, которая наиболее экономно использует подземный газ для питания мощных электроцентралей. Проф. В. Данилевский в статье «Борьба за газовую турбину — выполнение директивы Ленина» («Техника», апрель 1933 г.) справедливо критиковал попытки использовать подземный газ для непосредственного «сжигания под котлами электроцентралей». Коэффициент полезного действия поршневых газовых двигателей составляет в среднем 25 проц., а газовая турбина, по утверждению немецкого инженера Гольцварта, работающего в этой области около 25 лет, уже сейчас может довести коэффициент полезного действия до 30 проц. В связи с задачей подземной газификации знаменательно следующее заявление Гольцварта: «Общая стоимость больших газотурбинных установок составляет $\frac{1}{5}$ стоимости больших газовых поршневых машин... Понижение стоимости газа в связи с усовершенствованием установок для его добывания скажется более в пользу газовых турбин, чем газовых поршневых машин».

В условиях капиталистической системы проблема создания газовой турбины, этой «самой экономической машины» (слова директора э-да Тиссен), не получила еще удовлетворительного разрешения, несмотря на целый ряд ценных достижений (работы Лангера, Шюле, Стодола, Штаубера и др.).

В значительной степени эти медленные успехи газовой турбины объясняются общественными условиями капитализма, которые «осуждают на наемное рабство» трудящихся, в том числе и инженеров, техников, изобретателей, ученых. Эксперименты с газовыми турбинами строго засекречены в лабораториях капиталистических предприятий, возможность совместной работы выдающихся специалистов исключена. С другой стороны, и здесь проявляются тенденции к техническому загниванию, что особенно резко проявилось в период мирового кризиса. Общее перепроизводство, в том числе и в угольной и газовой промышленности, омертвление капиталов, вложенных в оборудование предприятий, устраняют у предпринимателей стимул к вложению средств в капитальное переоборудование двигательных установок.

В условиях социалистического общества нет всех этих тормозящих технический прогресс причин. Колоссальное строительство на всей территории Советского союза, реконструкция угольной промышленности и металлургии, электрификация страны, победы коллективного сельского хозяйства создают все материальные условия для решения самых трудных технических проблем. С другой стороны, колоссальный рост технического опыта и отсутствие перегородок между отдельными крупными предприятиями обеспечивают участие в разрешении этой проблемы всех лучших технических сил страны — научно-исследовательских институтов и отдельных специалистов.

В октябре 1932 г. была создана при Ленинградском отделении НИИС специальная комиссия по проектированию газовой турбины. К сожалению, работа ее до сих пор не развернута, хотя и была намечена совершенно правильная программа действий, включающая участие исследовательских институтов и завода им. Сталина.

В работе по созданию газовой турбины будет немало трудностей на пути оформления самого термодинамического цикла, конструкции, состава специальных сплавов и т. д.

Все эти трудности безусловно могут быть преодолены только работниками науки и техники СССР. Один из специалистов в этой области, инженер У в а р о в, указав на целый ряд трудностей в разрешении задачи газовой турбины, писал в 1933 г., в день годовщины смерти Ленина: «Мы можем быть твердо уверенными в том, что в самом непродолжительном времени мы решим эту трудную задачу и выполним завет Ленина — использовать газ подземной газификации в электроцентралях, оборудованных сверхмощными газовыми турбинами нашего, советского производства». Но для этого надо на-

верстать упущенное, всемерно форсировать работу, которая ведется сейчас совершенно недостаточными темпами.

Ленин о роли электрификации и крупной машинной индустрии в построении социализма

Учение Ленина о материальном базисе социалистического общества покоится на глубоком анализе экономической истории капитализма и путей его технического развития. Проработав горы фактического материала и изучив досконально, как никто из современников, влияние передовой техники на неравномерность и скачкообразность развития при империализме, изучив особенности технико-экономического развития России, Ленин ставил вопрос об электрификации буквально в первые дни Октябрьской революции.

Все, что было до этого времени, входит не в историю, а в предысторию электрификации нашей страны.

Электротехника в России стала развиваться с конца XIX в. Первая электрическая станция мощностью в 505 квт. была построена в 1882 г. в Царском селе для целей освещения. Заметное строительство электростанций начинается лишь в 90-х годах прошлого столетия. В 1913 г. было 130 городских станций с мощностью в 150.484 квт. Абсолютное число станций и их мощность из года в год продолжали расти по мере внедрения передовой капиталистической техники в довоенную русскую промышленность. Однако темп прироста по пятилетиям систематически снижался. Объяснение этому явлению дают следующие любопытные показания одного из многочисленных опровергателей марксизма-ленинизма в царской России. Инженер-технолог Т р о ф и м о в в книге «Теория прибавочной стоимости Маркса с технической точки зрения» (М., 1912 г.) пишет: «Дитя конца XIX века — электричество — не радуется капитал: из 17 электротехнических заводов выдали дивиденд всего 2, в среднем 5,5 проц., из 10 предприятий по электрическому освещению — также 2, в среднем 3,75 проц., тогда как все 11 предприятий по газовому освещению выдали прекрасный средний дивиденд — 10,5 проц. При взгляде на баланс, где фигурируют предприятия, ликвидируемые за убыточность, переходящие в администрацию, просто бездоходные, всего до 45 проц., где доходные предприятия дают 0,53 проц. дивиденда, как Об-во Теплых рядов в Москве, является положительно непостижимым, как могло поместиться в человеческой голове учение о средней норме прибыли (учение Маркса—Ленина.—Н. В.), до какой степени неумело нужно было наблюдать действительность, чтобы в отдельных предприятиях видеть союзных акционеров общего дела. Пристрастно или беспристрастно это мышление? При взгляде на баланс не может не броситься в глаза, что нет лучшего дела, чем... ломбарды: все 12 предприятий дали хороший доход, в среднем 12,45 проц., при высшем 16 для Варшавского ссудного об-ва и Московского. Прогорающее (!) электричество—процветающие ломбарды. В своем роде знаменитые для нашей страны. Прохлаждающееся человечество обеспечивает чудный доход предприятиям искусственных минеральных вод: все три дали дивиденд 24,73 проц. Эксплуатация удовольствия вдвое выгоднее, чем эксплуатация нужды». Это юмор висельника, но тем нагляднее убожество капиталистической России, экономически убивающей первые ростки электротехники.

Темпы развития старой русской промышленности отставали от соответствующих темпов передовых капиталистических стран. Но тенденция развития промышленности в России и в передовых капиталистических странах почти одинакова, что в значительной мере объясняется притоком иностранного капитала.

Темпам развития старой России Ленин дал следующую характеристику: «Что касается вопроса о медленности или быстроте развития капитализма

в России, то все зависит от того, с чем сравнивать это развитие. Если сравнивать докапиталистическую эпоху в России с капиталистической (а именно такое сравнение и необходимо для правильного решения вопроса), то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнить данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным» (Ленин, «Развитие капитализма в России», стр. 49).

Далее Ленин перечисляет факторы, сдерживающие развитие капитализма в России: «И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения страны, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма» (там же).

Советский союз, разрубив узел, сдерживавший развитие производительных сил страны, освободился от всяких уз как докапиталистических, так и капиталистических, что обеспечило условия «беспрерывного, постоянного ускоряющегося развития производительных сил».

Зависимость электропромышленности от иностранного капитала была не только финансовой, но и технической. Мозг русской электропромышленности находился за границей. Конструкции и чертежи, технические расчеты и лабораторные анализы, модели и образцы — все это в вполне законченном и готовом виде поступало из-за границы и подлежало лишь слепому выполнению и использованию в России. Заводы не только питались иностранной технической мыслью, но и комплектовали свой руководящий состав и даже квалифицированных рабочих с иностранных предприятий.

За рубежом находилась и сырьевая база электропромышленности. Как остроумно выражались светотехники, в ламповом производстве «все части (колбы, нить, цоколь) были импортными, отечественным был только воздух, да и тот весь выкачивался».

Все это наложило сильный отпечаток отсталости на общий технический уровень всего русского дореволюционного хозяйства и особенно промышленности, уровень, еще более снизившийся в результате мировой и гражданской войны. Поэтому взятые советской электропромышленностью темпы представляют собой мировой рекорд. Достаточно сказать, что в САСШ до кризиса среднегодового увеличение объема электротехнической продукции не превышало 6—7 проц., тогда как в СССР прирост достигает 55—60 проц. в год.

В самом деле, в 1913 г. продукция всех сильноточных электrozаводов составляла величину порядка 35 млн. руб., в 1925 г. довоенный уровень был оставлен позади (39 млн.), в 1932 г. было выпущено продукции уже на 517 млн. руб., а за один месяц 1933 г. электропромышленность дает в два раза больше, чем за весь 1913 г.

Сейчас перед электротехникой стоит поставленная ЦК партии еще в 1930 г. боевая задача: из узкого места и тормоза электростроительства сделаться «толкачом электрификации и энергичным пионером все большего ее внедрения во все области народного хозяйства». К решению этой задачи мы пришли через целый ряд этапов.

Победивший в 1917 г. пролетариат России тотчас же стал перед необходимостью создания материальной базы социализма (крупная машинная индустрия) и социалистической и технической реконструкции страны. Еще в апреле 1918 г. Ленин указывал, что особое внимание пролетарскому государству в его хозяйственной политике необходимо обратить на электрификацию промышленности, транспорта и земледелия.

В момент знаменитой «передышки» после Брестского мира Ленин пишет план научно-технических работ Академии наук, где намечены пути, по которым страна будет идти еще долгие годы.

В нескольких строчках он предвосхищает весь план реконструкции народного хозяйства, весь план строительства социализма:

«Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России, следует немедленно дать от ВСНХ поручение—образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности для экономического подъема России.

В этот план должно входить:

Рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию».

Электрификация для Ленина является техническим базисом нового, социалистического хозяйства. Социализм мы построим тогда, «когда действительно в русском пролетарском государстве будут сосредоточены все нити крупной промышленности, построенной на основах современной техники, а это значит электрификация».

Реконструкция промышленности, создание новых производств, постройка рационального транспорта и завершение социалистической реконструкции земледелия возможны только при широком развитии электрификации.

Взгляды Ленина на электрификацию суммированы в незабываемой формуле: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны».

В 1920 г. на Московской губпартконференции Ленин говорил: «Если не перевести Россию на иную, более высокую, чем прежде, технику, не может быть и речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме».

В докладе на VIII съезде советов Ленин еще решительнее указал, что «пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу, у внутреннего врага не подорвали. Последний держится в мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество».

Вопрос об окончательной победе Ленин также неразрывно связывал с электрификацией:

«Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая

база современной крупной промышленности,—только тогда мы победим окончательно».

Ленин придавал огромное значение первому плану электрификации — плану Гоэлро: «На мой взгляд это—наша вторая программа партии» и далее: «Наша программа партии не может оставаться только программой партии; она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии—планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем».

Реализуя этот план, социалистическая электротехника в ближайшем будущем даст мощный толчок развитию энергетических начинаний, которые до сих пор еще не вышли за пределы лабораторных и полужаводских установок.

Производство электрической энергии на основе использования не только топлива и силы падения воды, но и силы ветра, лучистой энергии солнца и т. д. достигнет гигантских размеров. Это будет сопровождаться развитием мощных линий передач и включением их в общие системы. Внутри промышленности развитие пойдет по пути электрификации исполнительных функций—постепенно будет уничтожаться внутренняя трансмиссия. Таков ближайший цикл развития, в который уже вступил СССР.

Опубликованные тезисы докладов тт. Молотова, Куйбышева и Кагановича на XVII съезде партии открывают новую главу борьбы за построение социализма. Грандиозные задачи второй пятилетки могут быть выполнены лишь на основе завершения технической реконструкции всего народного хозяйства. «Решающим же условием завершения технической реконструкции должно явиться освоение новой техники и новых производств». Тезисы указывают, что перевооружение техники в основном пойдет по семи направлениям:

1. Внедрение новейших технических достижений должно обеспечить в 1937 г. 80 проц. выпуска продукции с новых предприятий.

2. Надо осуществить такую реконструкцию машиностроения, этой ведущей отрасли народного хозяйства, которая обеспечила бы полное удовлетворение потребностей народного хозяйства.

3. Завершить в основном механизацию всех трудоемких и тяжелых процессов в промышленности.

4. Создать новую энергетическую базу для завершения реконструкции всех отраслей народного хозяйства.

5. Полностью ликвидировать отставание черной металлургии от общих темпов развития народного хозяйства.

6. Добиться решающих сдвигов в развитии химической промышленности, обеспечивающих широкую химизацию всех отраслей народного хозяйства и укрепление обороноспособности.

7. Всемерно развернуть производство важнейших отраслей легкой и пищевой промышленности.

Электротехника первого в мире социалистического государства развивается темпами, оставляющими далеко позади темпы капиталистических государств в период их подъема. Все большая и большая часть электрооборудования для наших мощных электростанций и заводов изготавливается на наших предприятиях. Наши научно-исследовательские учреждения и электропромышленные предприятия перерастают институты и заводы капиталистических стран.

При всем том никак не следует думать, что все дело индустриализации сводится к постройке электростанций.

Такое узкое толкование ленинского учения об электрификации является величайшим недоразумением и явным «энергетическим» уклоном.

Электричество означает однако только часть тех глубоких сдвигов, которые несет с собою современная техника. Основной базой социализма может являться только крупная машинная индустрия в целом.

Поэтому решающее значение в борьбе за социализм Ленин придавал воссозданию крупной промышленности. Смысл новой экономической политики он видел именно в «повышении производительных сил, в первую голову в восстановлении крупной промышленности» (опубликованный в конце 1933 г. план доклада на IX съезде советов, Лен. сб. XXIII, стр. 287).

Проблема технической революции социализма разрешалась Лениным на путях электрификации и машиностроения.

К этой мысли он возвращался неоднократно.

Недавно опубликованный XXIII Ленинский сборник подтверждает это. Посвящен он проблемам воссоздания промышленности в разоренной двумя войнами Советской республике. В 1921 голодном году Ленин в качестве главы советской власти делает все возможное для всемерного под'ема производительных сил.

Особенно много сил и внимания он уделял при этом под'ему промышленности. Вопросы, связанные со строительством электростанций в Кашире, на Волхове и в Иваново-Вознесенске, Ленин знал досконально и принимал в их создании самое близкое и непосредственное участие вплоть до заботы об отдельных инженерах, снабжении коксом, трансформаторным маслом и т. д. (стр. 127).

Этим «мелочам» Ленин придавал первостепенное политическое значение. В телеграмме в Берлин Стомомякову Ленин подчеркивал, что Каширская станция «должна быть пущена в указанный срок» (т. е. 5 декабря 1921 г.), «по политическим соображениям».

Всего в XXIII сборнике опубликовано свыше 40 записок и телеграмм, написанных Лениным, относящихся к одному только Каширстрою.

О Донбассе и угле, этом «хлебе промышленности», как называл его Ленин, читатель найдет десятки страниц. Кстати надо отметить, что Ленин уже тогда обращал большое внимание на врубовые машины и упорядочение их применения (стр. 84 — 87).

Основную серию документов XXIII сборника составляют материалы Ленина, связанные с электрификацией и промышленностью нашей страны. Здесь приводится много записок, конспектов, вообще впервые публикуемых.

Во всех документах мы видим Ленина в напряженной работе по организации народного хозяйства страны, по укреплению диктатуры пролетариата и его технической базы.

С величайшей настойчивостью продвигает он всякое технически прогрессивное начинание. Получив докладную записку инженера Р. К л а с с о н а о гидроторфе, Ленин в тот же день пишет ему: «...Если сообщаемое Вами известие о том, что вопрос об обезвоживании торфа заводским путем Вами разрешен совершенно бесспорно, вполне соответствует действительности, то оно имеет громадную важность...»

По предложению Ленина создается под председательством Л. Б. К р а с и н а специальная комиссия. После данного ею заключения Ленин пишет Н. П. Горбунову: «Дело архиважное. Поручаю Вам следить за исполнением и докладывать 2 раза в месяц».

Каждое новое изобретение немедленно встречало у Ленина отклик. Так например, прочитав в «Известиях» статью А. Беликова «Новые пути

оживления ж.-д. транспорта», Ленин затребовал у редакции дополнительных пояснений указания источников и затем поручил А. В. Смольянинову «проверить, следить, не допускать промедления». С такой же настойчивостью Ленин продвигает различные изобретения в области радио, транспорта, топлива и т. д. Ленин, непосредственно руководя восстановлением угольной промышленности, электростроительством и т. д., неустанно заботился об изучении иностранного опыта. В сборнике опубликован ряд записок в Комитет иностранной литературы (Коминолит) о выписке технических журналов и каталогов иностранных фирм для Каширы, Донбасса и т. д. Одновременно Ленин предостерегает от некритического использования иностранной техники и требует всестороннего изучения вопросов применения например врубковых машин в Донбассе.

Любопытные материалы приводятся в сборнике о технике сельского хозяйства и путях его механизации. Горячее участие принял Ленин в создании электрических плугов.

Первый документ, показывающий его живой интерес к проводимым тогда опытам электропахоты, — это пометки на письме т. Л. Михайлова. Полученное большое письмо Ленин тщательно просмотрел и подчеркнул в нем особо следующие места: «Сегодня, 23 сентября (1921 года.—Н. В.), мы на большом участке земли испытали наш первый выпущенный в дело электроплуг... Убедившись, что кабельная сеть Петрограда дает возможность, не в ущерб ее основной работе, вспахивать электрическим током пару десятков тысяч десятин земли под полевую культуру, я объявил конкурс на «электроплуг». В заключение Ленин подчеркивает пожелание Михайлова выпустить «к ранней весне 1922 г. ... хотя бы 20 комплектов этой машины» и поручает Н. П. Горбунову «проверить, как идет дело с электроплугами» (стр. 110).

Через несколько дней, 10 ноября 1921 г., Ленин пишет уже о первой победе. «Рабочие и служащие Брянского завода изготовили 7 электроплугов... Трудности при этом были невероятно велики. Поэтому необходимо,—пишет Ленин, давая первые образцы поощрения ударной работы,—особо вознаградить до 70 человек» (стр. 112). И наконец, проверив работу по выпуску электроплугов ВСНХ, Ленин буквально на другой день, 11 ноября, предлагает в проекте постановления СТО по докладу ВСНХ «объявить выговор президиуму ВСНХ и специально т. Стюнкелю за полнейшую бесхозяйственность, проявленную в деле постройки электроплугов» (стр. 117). Это только одна, пусть особенно яркая, страница из деятельности Ленина по поднятию сельского хозяйства. Однако было бы грубейшей ошибкой понимать эти ленинские заботы об электроплугах в 1921 г. как прямую директиву о немедленной электрификации сельского хозяйства.

Общеизвестна существующая на этот счет правооппортунистическая теория: сперва трактор, затем электростанция и электроплуг и лишь потом, в результате опыта индивидуального пользования, крестьяне приходят к мысли о коллективном использовании их. «Электрическая» теория правых в этом вопросе—не что иное, как отражение мечты кулаков. На самом же деле электрификация сельского хозяйства способствует его социалистической реконструкции и тесно связана с перестройкой мелкого хозяйства и сопровождавшей ее ликвидацией кулачества как класса. Характерны замечания Ленина по этому вопросу. Так, в плане брошюры о продовольственном налоге он пишет:

«Электрификация: мерило. Отдаленный план, но план и (ergo) критерий. (Всякий план есть мерило, критерий, маяк, веха, etc.)». Насколько отдаленный этот план, Ленин показывает в п. 4 первого раздела конспекта

указанной брошюры: «4. Пути перехода к социалистическому земледелию. Мелкий крестьянин, колхозы, электрификация»¹⁾).

Такая последовательность (мелкий крестьянин—колхозы—электрификация) далеко не случайна, так как Ленин неизменно подчеркивал, что только коллективизация и совхозы откроют путь электричеству в сельское хозяйство.

Идейный вожь индустриализации т. Сталин с большевистской непоколебимостью и упорством отстаивает ленинские идеи в борьбе на два фронта.

Ведя беспощадную борьбу с правым оппортунизмом как главной опасностью, т. Сталин одновременно наносит сокрушительные удары и по «левым» прожектерам. Агитация за электрификацию индивидуального хозяйства соединилась у прожектеров со стремлением перескочить через существенные этапы и нашла себе место в заданном т. Сталину на XVI съезде ВКП(б) вопросе о возможности немедленно ликвидировать трактор и приступить к электрификации, «поскольку мы уже вплотную подошли к реконструкции сельского хозяйства на электрической основе».

Тов. Сталин правильно назвал такие идеи чепухой и фантастикой. «Если бы мы действительно вплотную подошли к электрификации сельского хозяйства, — сказал он, — то мы имели бы уже теперь районов 10—15 с электрифицированным сельскохозяйственным производством. Но вы знаете хорошо, что ничего подобного пока у нас нет».

Таковы основные вопросы техники и электрификации как основы социалистического строя, по которым новые материалы Ленина дают исключительно ценные мысли.

Как говорил ближайший сподвижник Ленина в вопросах техники Г. М. Кржижановский в сборнике «Ленин об электрификации»:

«На эти темы уже написаны целые томы, и еще многие томы будут посвящены разбору наследства Владимира Ильича в этой области. Заранее однако можно сказать, что историческое значение всех комментариев не будет иметь и сотой доли значения самих подлинников. Подобно тому как солнечные лучи превращают капельки росы в сверкающие бриллианты, мысли гения озаряют человеческое сознание на целые века».

Ленин и Сталин о производительности труда²⁾

Благодаря ленинской политике индустриализации октябрьская победа 1917 г. в СССР прочно закреплена мощным подъемом производительности труда на новую историческую ступень.

«Производительность труда, — говорил Ленин, — это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда»²⁾.

Производительность труда—исторически изменяющаяся категория. Возникновение классового общества уже имело своей предпосылкой известный уровень производительности труда. В свою очередь для уничтожения классов необходим новый размах в повышении производительности труда по сравне-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 310, 313.

²⁾ За недостатком места мы вынуждены ограничиться здесь только постановкой вопросов о производительности труда и социалистическом соревновании. Подробную систематизацию наследства классиков марксизма в этой области см. в сб. «Самое важное, самое главное», «Ленин и Сталин о производительности труда». Профиздат, 1933 г., стр. 237.

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 342. Разрядка моя.—Н. В.

нию с буржуазным обществом, которое представляет собою только предысторию социализма. Исходя из положения Маркса, что новый общественный строй, возникнув на старой основе, может и должен создать соответствующую себе техническую базу, Ленин всесторонне разработал эту проблему для социализма.

Являясь провозвестником и активным творцом технической революции социализма, Ленин в качестве руководящего начала при построении экономики социалистического общества выдвигал борьбу за высокую производительность труда. Ленин и Сталин постоянно ставили задачу под'ема производительности труда как важнейшую, в конечном счете решающую борьбу между коммунизмом и капитализмом. В этой борьбе партия под руководством т. Сталина добилась решающих успехов. В особенности итоги борьбы за народнохозяйственный план первого года второй пятилетки убедительно показали, что мы умеем не только ставить, но и разрешать крупнейшие задачи, связанные с новым этапом социалистического строительства — борьбой за освоение техники. Тяжелая промышленность добилась заметного повышения качественных показателей, повышения производительности труда и снижения себестоимости. Нет такой машины и агрегата, которых мы не могли бы построить на наших заводах. Нами достигнут такой уровень производительных сил, при котором имеются все возможности для того, чтобы полностью обеспечить возросшие требования народного хозяйства на промышленные изделия.

Правда, мы не научились еще культурно производить и осваивать технику до конца. Новая фаза индустриализации, новая полоса социалистического строительства, под знаком которой проходит вторая пятилетка, состоит именно в том, что качество решает успех. Вот почему партия и правительство уделяют такое огромное внимание борьбе за высококачественную продукцию, вот почему борьба с браком, с неряшливостью, с мелкобуржуазной расхлябанностью стала одной из острейших хозяйственно-политических задач. Далеко не всеми усвоено, что «успех социализма немыслим без победы пролетарской дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией» (Ленин).

Прежде чем приступить к итоговому анализу роста производительности труда, напомним в кратких чертах историю этого вопроса.

Всем известно, как вожди II интернационала извратили марксово учение, считая, что «развитие производственных отношений послушно следует за развитием производительных сил». Исходя из того, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», они в лице Суханова в 1917 г. утверждали, что революция в ней не может быть социалистической. Ленин в своей статье «О нашей революции» писал по поводу записок Н. Суханова: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм. С этим положением все герои II интернационала, и в том числе конечно Суханов, носятся поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячи ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции». И дальше: «Они все называют себя марксистами, — но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно его революционной диалектики».

На самом деле развитие России достигло в 1917 г. уровня, когда производительные силы капитализма встали в непримиримые противоречия с производственными отношениями. Наступившая социальная революция разорвала эти преграды, и Ленин последовательно-диалектически ставит вопрос о достижении определенного уровня техники.

«Почему нам нельзя, — писал он, критикуя точку зрения Суханова, — начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого «определенного уровня», того уровня культуры, который необходим «для создания социализма», а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

Чем же вообще определяется производительность труда? Ключом к пониманию производительности труда является известное положение Маркса: «Производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технологических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и наконец природными условиями»¹⁾.

Эти слова Маркса дают настолько полное описание всех сторон производственного процесса, что задача состоит только в том, чтобы проследить, какие видоизменения приобретают эти условия в отдельных экономических формациях.

В переходный от капитализма к социализму период вся совокупность перечисленных условий приобретает конечно совершенно иное качество. Уничтожение противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения является мощным рычагом повышения производительности труда на основе социалистического соревнования, о котором Ленин писал уже на второй день после разгона Учредительного собрания в 1918 г.

Учение Маркса о производительности труда Ленин и Сталин обогатили и развили применительно к особенностям эпохи империализма и социалистической революции. Замечания Ленина о создании при социализме более высокой производительности труда покоятся на изумительном анализе перwokлассных работ американских рационализаторов. Особенно ярко говорят об этом лишь недавно впервые опубликованные подготовительные тетради и записи Ленина к «Империализму».

Подробно разбирая книгу Джильбрета «Изучение движения», Ленин отмечает «огромное расточительство, которое происходит в САСШ от разрозненных и повторных исследований». Ленин сочувственно цитирует Джильбрета, когда тот высказывается за «государственное учреждение бюро стандартизации механических промыслов». Джильбрет мотивирует это тем, что «стандарты, там установленные и собранные, были бы общественной собственностью», и Ленин пишет пророческие для стандартизации слова: «прекрасный образец технического прогресса при капитализме к социализму»²⁾.

Тщательно изучая работу Тэйлора «Управление предприятием» и особенно отмечая последнюю главу ее «Успехи последнего времени», констатирующую, что «в Америке всего около 60.000 рабочих работает по принципам реорганизованных предприятий (продуманного руководства)», Ленин подчеркивает: «при капитализме попытка или кунштштюк» — только 60.000 рабочих»³⁾.

Только в СССР благодаря неустанному вниманию к вопросам организации производства возможно полное осуществление принципов «продуманного руководства».

Конкретные условия поднятия производительности труда Ленин записывает в «проект обязательства» «Автономной индустриальной колонии Кузбасса» — группы иностранных рабочих во главе с Рутгертом, приехав-

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 6.

²⁾ Лен. сб. XXII, стр. 267—269.

³⁾ Там же, стр. 261.

шим в 1921 г. работать в СССР. Во втором пункте этого обязательства сказано следующее: «Едущие в Россию обязуются работать с максимальным напряжением и с наибольшей производительностью труда и дисциплиною, превышающими капиталистическую норму, ибо иначе опередить капитализм и даже догнать его Россия не в состоянии»¹⁾. К такому уровню техники, когда трудящиеся нашей страны могут работать «с производительностью труда, превышающей капиталистическую норму» (Ленин), мы пришли не сразу. Если в первые годы революции рабочий класс доказал, что умеет свергать буржуазию и отстаивать пролетарское государство, то первая пятилетка доказала, что мы умеем строить новые заводы, фабрики и машины. В то время когда весь капиталистический мир переживает невиданный кризис, Страна советов берет все новые и новые технические высоты. Разве это не величайшее свидетельство того, что «капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отжила свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства» (Сталин). Именно на путях индустриализации мы добились положения, когда передовые предприятия борются уже за освоение самых высоких норм производства, установленных капитализмом.

Каковы же, по Ленину, условия под'ема производительности труда в нашей стране?

В тезисах «Об очередных задачах советской власти» Ленин говорил, что «под'ем производительности труда требует прежде всего обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности». Эти слова Ленина, сказанные пятнадцать лет тому назад, были все время в центре внимания партии. В речи на совещании хозяйственников т. Сталин подчеркнул, что «механизация процесса труда является той новой для нас решающей силой, без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства».

Если посмотреть на итоги пятилетнего плана с точки зрения создания условий для поднятия производительности труда, т. е. достижения такого уровня производительности, который был бы выше, чем в капиталистических странах, то и в этом разрезе на первый план выдвигается значение машиностроения и электрификации. Действительно, если речь идет не только о поднятии производительности всей страны в целом, но и о поднятии производительности труда отдельного рабочего, то добиться этого можно, лишь обеспечив труд технически совершенными орудиями производства, машинами, и предоставив в распоряжение трудящегося необходимое количество энергии для приведения их в действие. В цифрах потребления электрической энергии отдельным трудящимся мы имеем определенный измеритель производительности труда. Цифры, указывающие, что электропотребление на одного рабочего в 1924 г. в планируемой промышленности составляло 0,66 квтч., а в 1931 г.—1,38 квтч., непосредственно говорят о значительном поднятии производительности труда. Конечно считать производительность труда пропорциональной потребляемым киловатт-часам было бы грубой ошибкой. Если от планируемой промышленности перейти к труду по всей стране в целом, то надо говорить о подушном потреблении энергии: в 1927—28 г., т. е. к началу первой пятилетки, оно составляло 27,2 квтч. в год на одного жителя, а в 1932 г.—66,0 квтч., т. е. за 4 года увеличилось в 2,4 раза. В целом цифры наглядно говорят о значительном выполнении первого ленинского условия повышения производительности труда. Но судьба ее в СССР решалась не энергофикацией, а прежде всего на путях индустриализации.

¹⁾ Лен. сб. XXIII, стр. 42. Разрядка моя.—Н. В.

Следуя указаниям Ленина, партия поставила перед страной задачу скорейшей индустриализации страны, социалистической переделки сельского хозяйства и построения фундамента социалистической экономики.

В жестокой борьбе с контрреволюционным троцкизмом и правой оппозицией партия во главе с т. Сталиным разработала пятилетний план — план социалистического наступления по всему фронту.

Вопреки предсказаниям буржуазных теоретиков о нереальности плана, разгромив агентуру классовых врагов в рядах партии — правых и «левых» оппортунистов, рабочий класс победоносно выполнил пятилетний план в четыре года.

Первая пятилетка совершенно изменила лицо хозяйства страны. Удельный вес промышленности в хозяйстве страны до пятилетки составлял 48 проц., а в 1932 г. удельный вес промышленности увеличился до 70 проц. Таким образом наша страна из аграрной превратилась в передовую, индустриальную страну.

За 4¼ года промышленность увеличила выпуск продукции в два с лишним раза (на 118,5 проц.), а по сравнению с довоенным временем продукция промышленности увеличилась больше чем в 3 раза (на 234,5 проц.).

В результате первой пятилетки мы построили фундамент социалистической экономики, окончательно вытеснили капиталистические элементы из промышленности, а «социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР» (Сталин).

Решающую роль в процессе под'ема производительности труда сыграла техническая реконструкция промышленности и сельского хозяйства. Именно здесь находится ключ к решению проблемы освоения техники во второй пятилетке. Приведем только два примера из этой области. Первый пример чрезвычайно характерен для нашей тяжелой индустрии. Во второй пятилетке важнейшим фактором технической реконструкции должна являться электрификация. Далеко не всем известно, каких больших успехов СССР уже добился на этом участке. По степени электрификации промышленности мы уже обогнали Англию, где коэффициент электрификации составлял в 1929 г. 49 проц., обогнали Германию с ее 64 проц. и вплотную подошли к САСШ, где коэффициент равен 78,3 проц. В СССР коэффициент электрификации промышленности в 1932 г. равнялся 71,2 проц. Конечно, такая степень электрификации промышленности явилась мощным стимулом к под'ему производительности труда.

Другой пример из области сельского хозяйства. Повышение производительности колхозного труда вызвало увеличение посевных площадей и рост урожайности. В свою очередь рост доходов колхозников является показателем успешной реализации лозунга т. Сталина о превращении всех колхозников в зажиточных. Большие успехи в социалистической переделке сельского хозяйства достигнуты на путях механизации. Вот некоторые цифры. В 1928 г. на одно бедняцко-средняцкое хозяйство приходилось инвентаря и сельхозмашин на 115 руб., а в 1932 г. на один колхозный двор падает соответственно 215 руб. Если В. И. Ленин на VIII с'езде партии мечтал «о 100 тысячах тракторов для деревни», то теперь мы их имеем значительно больше. В 1930 г. сельское хозяйство насчитывало 30 тыс. тракторов. К XVII с'езду ВКП(б) на совхозных и колхозных полях работает около 200 тыс. тракторов, свыше 24 тыс. автомобилей и 22 тыс. комбайнов. Все эти машины играют громадную роль в ускорении процесса сельскохозяйственных работ, своевременной уборке и транспортировке урожая.

Успешно закончив первую пятилетку, партия поставила перед страной ряд новых задач. Тов. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) указал, что наряду с задачами строительства новых заводов и фабрик нам надо добиться быстрого освоения выстроенных нами новых предприятий. Нам

нужно добиться, чтобы новая техника, созданная нами за годы пятилетки, давала максимальный эффект, чтобы производительность труда советских рабочих росла еще более быстрыми темпами, чем до сих пор, чтобы себестоимость продукции снижалась из года в год.

Январский пленум ЦК и ЦКК отметил, что центральной задачей в области промышленности является освоение производства, освоение новой техники. За истекшие месяцы второй пятилетки мы добились уже серьезных успехов в освоении.

Новая техника чрезвычайно усложнила задачи, стоящие перед промышленностью, например перед механизированным Донбассом стоят теперь совершенно другие задачи, чем стояли 2 — 3 года назад, когда в шахтах преобладал ручной труд.

Лозунг освоения техники, выдвинутый т. Сталиным, является концентрированным выражением общего повышения производительности труда. Освоить—значит дать высокую производительность станка, машин, завода. На этом пути мы добились определенных успехов. Если за первую пятилетку производительность труда в промышленности поднялась на 41 проц. и довоенный уровень превышен вдвое, то уже первое полугодие 1933 г. дает повышение производительности труда на 11,6 проц. За 10 месяцев первого года второй пятилетки производительность труда выросла на 14,6 проц.

Для сравнения достаточно привести цифры самых рекордных темпов роста производительности труда в стране передовой капиталистической техники—в САСШ, где она составляла за 1920—1930 гг. в среднем только 4,7 проц. прироста. В условиях новостроек достигнуты и зачастую превзойдены хваленые американские темпы (нормы бетонной кладки на Днепрострое и Метрострое).

Особенно захватывающие перспективы рисуются у нас впереди. В опубликованных на ноябрьской сессии Академии наук 1933 г. материалах приводится гипотеза народного хозяйства на период 1932—1947 гг. (момент завершения Волго-Каспия): «Основным, исходным показателем принята динамика роста производительности труда рабочего. За период генерального плана эта производительность должна вырасти в 3,5 раза и превзойти уровень производительности труда в странах передовой капиталистической техники—САСШ» (Материалы Академии наук, стр. 89).

Как показывают тезисы доклада тт. Молотова и Куйбышева на XVII съезде ВКП(б), «осуществление задач технической реконструкции промышленности требует успешного освоения новой техники» новых производств, что должно найти свое выражение в значительном росте производительности труда (за вторую пятилетку на 63 против 41 в первой) и серьезном снижении себестоимости.

«Другим условием повышения производительности труда, — говорил Ленин, — является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, не способные понять, сколько порыва к свету и инициативности разворачивается теперь в народных «низах» благодаря советской организации. Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации»¹⁾. Задача сводится таким образом к созданию дисциплины, соответствующей более высокому типу общественной организации труда. «Капиталистическая организация общественного труда держалась, — подчеркивал Ленин, — на дисциплине голода... Коммунистическая организация обществен-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 453. Разрядка мол. — Н. В.

ного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов»¹⁾.

За 10 лет, прошедших после смерти Ленина, партия под испытанным руководством т. Сталина создала все условия для роста производительности труда. Громадную роль при этом сыграли знаменитые шесть условий т. Сталина. Именно они явились обогащением и конкретизацией ленинских идей для работы по-новому в период завершения технической реконструкции всего народного хозяйства.

В создании высокой производительности труда большую роль играли так называемые субъективные факторы. Еще Ленин писал, что «надо, вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти»²⁾.

Ленин своевременно предостерегал против бюрократического насаждения дисциплины Троцким, который на IX съезде партии уверял, что «мы стоим перед необходимостью применения сложнейшей системы средств и методов и духовного, и организационного, и даже карательного характера для того, чтобы повышать производительность труда на тех принудительных основах, на которых строится все наше хозяйство».

Диаметрально противоположную программу организации социалистического производства дал Ленин. Социалистическое соревнование, коренная переделка психологии масс, ибо «мы можем строить социализм не из фантастического и не специально нами созданного человеческого материала, а из того, который нам оставлен в наследство капитализмом»; сила примера — вот ленинская характеристика наших требований. Осуществление их — важнейший двигатель на протяжении всех лет строительства социализма. Социалистическое соревнование и ударничество выковали новую дисциплину труда на новой, технически оснащенной фабрике.

Величайшая заслуга вождя партии т. Сталина в том, что он поднял значение творчества масс — в форме соцсоревнования — на небывалую высоту. «Соревнование, — говорил т. Сталин, — есть коммунистический метод строительства социализма».

На наших глазах происходит формирование и многостороннее развитие новой, социалистической дисциплины труда. Производственный энтузиазм первой пятилетки помножен на пафос освоения новой техники, пафос борьбы за качество во второй. Продолжающийся количественный рост соревнования обогащен новыми, более высокими формами. Достаточно указать, как готовятся заводы, колхозы и рудники к XVII съезду партии.

Каждое предприятие встречает съезд конкретными большевистскими делами, производственным походом. Так например завод «Серп и молот» взялся увеличить на 24 проц. продукцию без увеличения числа рабочих.

«Теперь не может быть сомнения, — говорил т. Сталин на XVI съезде партии, — что одним из самых важных факторов, если не самым важным фактором нашего строительства, является соцсоревнование фабрик и заводов, широкое развитие ударничества»³⁾.

«Тайна» высоких темпов роста социалистической индустрии и достижения качественных показателей лежит в советской системе хозяйства. Пе-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 336.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 455.

³⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 553.

реход на новую ступень производительности труда требует напряженной борьбы не только за количественные, но и за высокие качественные показатели производства. Во второй пятилетке построения бесклассового, социалистического общества во главу угла ставится борьба за качественные показатели.

Недавний декрет правительства «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции» является важнейшим социалистическим мероприятием в борьбе за высокие качественные показатели на основе наших гигантских материально-технических достижений.

Пафос освоения техники во второй пятилетке складывается из целого ряда условий.

Борьба за улучшение качества продукции, уплотнение рабочего дня, повышение производительности и снижение себестоимости — боевая задача всей промышленности. Огромные неиспользованные производственные резервы имеются даже на передовых заводах и фабриках.

Высокое качество продукции является одним из основных показателей освоения. Освоить производство — значит не только дать то количество продукции, которое намечено по плану, но и дать продукцию высокого качества, вполне удовлетворяющего запросам потребителя.

Промышленность сумела добиться больших успехов в борьбе за трудовую дисциплину. В прошлом году прогулы по неуважительным причинам составляли большой процент. Теперь многие заводы сумели свести прогулы по неуважительным причинам до сотых процента. Однако борьба за трудовую дисциплину заключается не только в борьбе за ликвидацию прогулов. Надо добиться, чтобы рабочий отдавал все 7 часов, все 420 минут, производству, чтобы не было прогулов внутри рабочего времени.

Изучение и научное освещение борьбы за высокую производительность труда возможны лишь на серьезной теоретической базе — условии, соблюдаемое далеко не всегда. В своей работе «О технической реконструкции хозяйства СССР» («Проблемы марксизма» — ЛОКА № 3—5) т. Берзтыс например категорически утверждает, что «производительность общественного труда, поскольку последняя определяется только техникой производства, выше еще в странах передового капитализма, чем в СССР. Следовательно преимущества системы переходного от капитализма к социализму хозяйства... надо искать не в технической базе СССР, а в его более высокой социально-экономической структуре, в новом, социалистическом качестве» (стр. 24).

Во-первых, Берзтыс извращает учение Ленина о производительности труда, которая, как мы показали выше, определяется не только техникой производства, а «многосложными обстоятельствами» (Маркс): организацией производства, искусством, культурой рабочего и т. д. Берзтысом воспроизводится старая теория о том, что техника — это только орудия и машины.

Во-вторых, автор схоластически противопоставляет преимущества «социально-экономической структуры» нашей технической базе, которая не только имеет блестящее будущее, но и теперь уже одерживает мировые победы и занимает первые места на целом ряде участков техники.

Эта частная ошибка Берзтыса является результатом исходной неправомерности, которую он допускает в вопросе о судьбах техники. Тов. Берзтыс и его единомышленники уверяют, что «между технической базой передового капитализма и технической базой переходного от капитализма к социализму хозяйства нет никакого качественного различия. Различие между ними только количественное» (там же).

На самом же деле между техникой социализма и капитализма существуют и глубокие качественные отличия. Еще Маркс говорил, что «в коммунистическом обществе машины нашли бы совершенно иную арену, чем

в буржуазном обществе». Многие технические утопии капитализма превратились уже в советскую действительность. У нас имеются все основания говорить о социалистической технике, которая уже находится в периоде «становления». Мы еще вынуждены выписывать из-за границы некоторые машины и аппараты. Но по ведущим отраслям и тяжелой индустрии мы в основном уже добились технико-экономической независимости.

Качественно отличная социалистическая техника ощущает потребность в новых типах машин (электропроизводственная кардо-чесальная машина инж. Фридкина), новых мощностях (Днепрострой и паротурбины), новых системах машин (принцип комбината, электрокольцевание) и т. д. Нарастание количества превратилось и превращается в новое качество, социалистическую технику, которая в свою очередь дает иные количественные соотношения.

Что происходит в соревновании двух систем мира? На этот вопрос т. Берзтыс отвечает так: «Количественно происходит рост машинной технической базы как в странах передового капитализма (несмотря на кризис! — Н. В.), так и в стране строящегося социализма — СССР. Но количественный рост одновременно сопровождается такими качественными изменениями в энергетическом звене технической базы, которые вызывают соответственные качественные изменения во всей технической основе производства. Общество постепенно поднимается от прежней на новую, качественно иную техническую базу» (там же, стр. 23).

И это все. Ни слова о кризисе капитализма и гигантском росте СССР. Забвение центрального противоречия между производственными отношениями капитализма и его производительными силами и есть очередной вариант теории автоматического краха империализма. Но и в вопросах техники не все у Берзтысы выдержано. «Основное качественное изменение в энергетическом аппарате развертывается, — говорит автор, — по линии замены одной формы энергии другой... Параллельно с этим совершается процесс замены одного класса двигателей другим. Паровые машины заменяются локомотивами, локомотивы заменяются паровыми турбинами, паровые турбины уступают свое место газовым двигателям, а последние — дизелям» (там же, стр. 23). А между тем все эти двигательные силы, которые так легко отрицаются автором, одновременно и вместе работают на социализм, и многие из них переживут века. Техника социализма — электричество — допускает в виде первичных двигателей моторы, завещанные капитализмом.

* * *

Ленинское учение о роли техники в построении социалистического общества продолжает и углубляет т. Сталин. Его знаменитая формула «техника в период реконструкции решает все» снова подчеркивает, что основная задача пролетариата — создать такой общественный строй, результатом которого явилась бы «более высокая форма производительности труда, чем при капитализме». Диспропорция, которая существовала между нашим передовым, социальным строем и нашей технико-экономической отсталостью, должна быть уничтожена в результате выполнения неумолимого требования «не более чем в десять лет догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны» (Сталин).

Огромные успехи индустриализации и социалистической реконструкции сельского хозяйства явились результатом того, что «советский строй дает нам такие возможности продвижения вперед, о которых не может мечтать ни одна буржуазная страна» (Сталин). При всем этом нельзя не отметить, что в деле технического руководства производством у нас имелись и

сейчас еще имеются большие недостатки, что надлежащие темпы технической реконструкции были взяты нами не сразу.

Тов. Сталин говорит, что «сама жизнь не раз сигнализировала нам о неблагополучии». «Если бы мы гораздо раньше перешли к изучению техники дела, вредителям не удалось бы так много навредить».

Еще в 1929 г. т. Сталин указывал на то, что «невозможно отстаивать независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы обороны. Невозможно создать такую базу, не обладая высшей техникой в промышленности». Лозунг т. Сталина о большевистском овладении техникой имеет глубокие исторические корни. Величайшего внимания заслуживает поэтому история технической политики нашей партии.

Вопрос о хозяйственном возрождении страны стал тотчас после окончания гражданской войны и упразднения порожденной ею системы военного коммунизма.

Тогда Ленин выработал основные вехи нашей технической политики, наиболее яркое отражение получившие в плане Гозлро.

Проведение этого плана немедленно натолкнулось на противодействия.

Контрреволюционная теория Троцкого о невозможности построения социализма в одной стране опиралась на предпосылку о технической отсталости СССР. В 1921 г. Троцкий, игнорируя технику, предлагал «использовать для борьбы с разрухой некавалифицированные кадры трудармии», как основную силу.

Правые, также исходя из мысли о технической отсталости нашей страны, ставили ставку на замедление темпов промышленного строительства, равнение на узкие места, поощрение кулацкого и вообще индивидуального сельского хозяйства и т. д.

Партия не только не отрицала, но даже подчеркивала факт технической отсталости. Однако она искала выхода на социалистическом пути, ибо, говорил т. Сталин, «мы—страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать, благодаря этому, невиданную производительность труда, невиданный темп накопления»¹⁾. Правые же и «левые» шли по капиталистическому пути развития, по пути усиления капиталистических элементов внутри страны.

Весьма ярко характеризует эти уклоны т. Сталин в своем письме к Ленину в марте 1921 г.

«Последние три дня,—пишет т. Сталин,—я имел возможность прочесть сборник «План электрификации России»: болезнь помогла (нет худа без добра). Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерской набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведений под советскую надстройку хозяйственно отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технико-производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда некавалифицированной крестьянско-рабочей массы («трудармии»). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гозлро. Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной... А чего стоят десятки «единых планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приготовишек... Ими еще: обыва-

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 5-е, стр. 581.

тельский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» Гюэлро и по уши погрязшего в рутине...»

В своем историческом выступлении на совещании хозяйственников т. Сталин с особенной остротой поставил проблему превращения наших громадных, неисчерпаемых возможностей в действительность. Наконец исключительное значение имеет доклад т. Сталина на январском пленуме ЦК ВКП(б) 1933 г., выдвинувший как центральную задачу второй пятилетки «дополнить пафос нового строительства энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники».

Годы второй пятилетки будут годами мощного разворота строительных работ социализма. Решение двух основных задач, стоящих перед нашей экономикой и техникой: «развертывание товарооборота между городом и деревней и усиление всех видов транспорта, особенно железнодорожного» (Сталин), будет двинуто далеко вперед.

За 10 лет после смерти Ленина партия создала все условия для невиданного в истории роста производительных сил. В Советском союзе построена материальная база социалистического хозяйства на основе самой передовой техники, поднята мощная волна социалистического соревнования и ударничества, создавших в миллионных массах трудящихся совершенно новое отношение к труду.

XVII съезд партии наметит дальнейшие этапы развития социалистического общества и его технической базы. Каждая новая задача, которую партия выдвигает, является результатом глубочайшего марксо-ленинского проникновения в действительность. Под руководством т. Сталина XVII съезд станет новой победной вехой на пути к коммунизму.

Естественная наука о человеке и социализм*)

Н. Никитин

«В широких кругах обычны разговоры о прогрессе науки на благо всего человечества. Но все они, — по крайней мере, что касается биологии, — чистейшее лицемерие. Для того, чтобы воздвигнуть храм науки, все усилия должны были бы быть объединены одним общим большим планом. Прямо обратное на деле. Нынешние научные работники в подавляющем большинстве лишены всякого плана. В результате бессвязные факты и сведения захватывают нас, как снегопад, груды фактов ширятся, как снежный покров, душат под собой все живое, и всякая надежда на общность цели оказывается погребенной»¹⁾).

Приведенные слова принадлежат руководящему современному биологу Запада. И они не случайны, они точно отражают нынешнее положение биологии за рубежом Советского союза. Не случаен и другой факт. Год назад на совещании под руководством гг. Сталина, Молотова и Ворошилова с участием А. М. Горького и группы профессоров Ленинграда и Москвы принято решение о реорганизации Института экспериментальной медицины в Ленинграде во всесоюзный научно-исследовательский центр по всестороннему изучению человека²⁾).

Отставание науки о жизни в условиях капиталистических стран тесно связано с характером общественного строя. Интерес к той или иной отрасли знания в условиях капитализма определяется прежде всего той заинтересованностью, которую обнаруживают к той или иной отрасли науки отдельные группы капиталистов; отставание науки о жизни в ряду других естественных наук является прямым следствием характера научного развития в условиях капитализма. Крупный капитал, преимущественно финансирующий научную работу, заинтересован в первую очередь в отраслях знаний, связанных непосредственно с процессом фабрично-заводского производства; промышленные отрасли, связанные с органическим миром — сельское хозяйство и животноводство, — являются отраслями приложения среднего и мелкого капитала, неизмеримо более отсталого во всех отношениях.

*) Помещая статью т. Никитина, редакция призывает научную общественность и отдельных научных работников к участию в обсуждении проблем, поставленных в публикуемой статье.

¹⁾ Von S. von Uexküll. Die Umwelt des Hundes. Zeit. schr. für Hundeforsch. 2 В. 1932 J.

²⁾ Это решение декретировано 15 октября 1932 г. Советом народных комиссаров СССР. Оно встретило широкий отклик со стороны представителей самых разнообразных специальностей, укрепив за Институтотом по исключительности значения поставленной задачи и размаху намечаемого строительства символическую кличку «Днепрострой» естественно-медицинских наук.

Такой характер развития науки определяет и тот факт, что на фоне общей отсталости биологии наименее разработанной ее главой является глава, посвященная человеку, что естественной науки о человеке практически до сих пор нет. Нарастающий кризис капиталистического хозяйства и сопровождающая его хроническая безработица десятков миллионов трудоспособных людей воспроизводят необходимую капитализму резервную армию труда и освобождают таким образом капитал от всяких забот о сохранении основной производительной силы — человека.

Положение трудящегося человека в современных капиталистических странах общеизвестно. До какой степени доведены санитарные условия его существования, об этом дают представление западноевропейские и американские научно-медицинские журналы. При всей их односторонности становится очевидной та угроза физическому сохранению человечества, которую представляет собой капитализм. Несмотря на все меры, предпринимаемые капиталистическими государствами по охране метрополий — главного местожительства самой буржуазии, эпидемии, венерические болезни, туберкулез и алкоголизм — хроническое явление. Журнал Американской гигиенической ассоциации дает статистические сводки смертности от тифозной лихорадки в 93 городах САСШ; в Англии в 1931 г. зарегистрировано 4.185 случаев оспы, из них только в одном Лондоне — 1.360 случаев. Французский гигиенический журнал «Revue d'hygiène» дает обзорную статью о «перипетиях борьбы с венеризмом», в которой на основании анализа положения в десятках капиталистических стран делается тот вывод, что все официальные меры борьбы с этим злом «не сделали борьбы более эффективной».

Венеризм, алкоголизм и туберкулез — неизбежные спутники капиталистического строя с момента его рождения. Заболевание туберкулезом и смертность от него, как показывает статистика главнейших капиталистических стран, растут в последнее время из года в год. Лицемерный характер какой бы то ни было борьбы с алкоголизмом в условиях капиталистического общества достаточно хорошо известен на примере Америки. Смертность от алкоголизма в Италии за последние 30 лет возросла в 3 раза. Пораженность болезнями колониальных стран мирового капитала достигает невероятных размеров. В Британской Индии чума ежегодно уносит до 400 тыс. человеческих жизней; французский Индокитай, американские Филиппины — постоянные очаги холеры; Китай за последние 50 лет перенес 12 холерных эпидемий, скосивших миллионы людей. Такие заболевания, как малярия, проказа, — хроническое явление в совершенно неучитываемых размерах. Поражается и уничтожается не только живущее поколение, но и будущее поколение: в одной из французских африканских колоний (Дакар) до 85 проц. женщин поражено гоноррейнным метритом.

Какого распространения достигают массовые заболевания, видно на пример из данных, приведенных в 1929 г. на Амстердамском конгрессе, относительно Египта, в котором из 14 млн. населения 13 млн. трахоматозных.

Это отрывочные и неполные данные, но и они в достаточной мере иллюстрируют то положение, что отсталость науки о человеке является «естественным» отражением в теории действительного положения человека в условиях капиталистического общества. Только пролетарская революция, разрушая общественный строй, «основанный на наемном рабстве миллионов людей» (Ленин), создает впервые в истории все материальные предпосылки для развития естественной науки о человеке.

Социализм на самых первых ступенях своего развития начинает с внедрения в сознание наиболее угнетенной и наименее развитой части общества передовой научной теории, раскрывающей глаза эксплуатируемым массам на их действительное положение в условиях капиталистического общества. «Ка-

питал», «Положение рабочего класса в Англии», «Жилищный вопрос» — это такие работы основоположников научного коммунизма, в которых даны исходные положения, заложен незыблемый теоретический фундамент для построения естественной науки об общественном человеке.

В политической и литературной деятельности Ленина начатое Марксом и Энгельсом объективное изучение общественной действительности продолжено и углублено. В материалах по составлению программы нашей партии, в фундаментальных теоретических работах («Развитие капитализма в России»), в статьях и заметках, посвященных самым разнообразным вопросам: системе Тейлора, применению и условиям женского и детского труда, голоду, переселенческому вопросу, отношению рабочего класса к неомальтузианству и т. д. и т. п., — во всех этих работах дана беспощадная оценка положения трудящихся в условиях феодально-капиталистической России. Но если на всем пути рабочего движения от «Коммунистического манифеста» создание человеческих условий для труда стояло в качестве революционного требования, то теперь, в период диктатуры пролетариата, в период построения социалистического общества, это конечное требование стало реальной, практической программой сегодняшнего дня. Широкие социально-гигиенические мероприятия, борьба с массовыми заболеваниями, оздоровление населенных мест, обеспечение квалифицированной медицинской помощи трудящимся и т. д. — это такие пункты программы нашей партии, в процессе реализации которых наше государство добилось успехов, невозможных в условиях ни одной другой страны мира. Размах работы в области оздоровления социалистического человека делает очевидными материальные предпосылки для развития науки о человеке. Выросшая на основе этой работы сеть научно-исследовательских учреждений — яркий показатель созданных революцией условий для такого развития.

Те задачи, которые ставит перед наукой социалистическая практика, не ограничиваются необходимостью количественного роста. Самый рост обслуживания теорией нужд и потребностей социалистической практики возможен только при условии внутренней перестройки науки, пересмотра укоренившихся навыков мышления и методов работы. Включение в поле научного исследования последнего звена в развитии природы — человека — кладет начало новой по существу науке. Оно требует окончательного преодоления фетишизированного в условиях капитализма научного мышления, беспомощно стоявшего вследствие своей ограниченности перед проблемой объективного познания общественного человека.

Здоровье и болезнь человека — это прежде всего социальный факт. Собственная логика науки привела ее еще в прошлом столетии к констатированию этой исходной для науки о человеке предпосылки. Большая часть заболеваний: оспа, тифы, холера, венерические болезни, трахома и многие другие, уносящие главную массу человеческих жизней, имеет социальную природу, причина этих болезней коренится в характере общественных отношений. Открытие этого факта создало новую отрасль знания — социальную гигиену. В условиях буржуазного общества социальная гигиена неизбежно однако опирается при осуществлении диктуемых успехами науки мероприятий в природу капитализма. Бессильная против него, захваченная сама буржуазным мировоззрением, она неизбежно порождает попытки «сохранить основную причину всех зол — современное общество — и одновременно стремится к уничтожению этих зол» (Энгельс). Бесплодность такого рода попыток ясно видна даже на относительно мало значительных мероприятиях. В промышленном травматизме, например в ряду профессиональных отравлений, первое место занимает отравление свинцом при выделке и потреблении свинцовых белил. Для борьбы с этим злом существует специальная комиссия при Лиге наций. Но и это не дает практических резуль-

татов в условиях общества, основанного на частном производстве, в то время как в нашем Союзе производство свинцовых белил просто прекращено без всякого ущерба для наших нужд. Этот пример относится к области таких, о которых мы мало знаем и к которым мы просто привыкаем, как к вполне естественным. Но все вместе они с особенной силой подчеркивают, что определенному способу производства присущи не только своя, особенная экономическая и политическая структура, но и свой характерный санитарный, социально-гигиенический профиль, включающий в себя и закон роста народонаселения и закон его смертности.

Тот факт, что биологическим подходом к закономерностям социального здоровья прикрывается по сути дела подход к ним с точки зрения господствующего класса, становится теперь особенно ясным, если вспомнить страхи германских социал-гигиенистов перед цифрами высокой рождаемости и высокой смертности детей в царской России. По их мнению, сочетание высокой рождаемости с высокой смертностью являлось весьма благоприятным условием для естественного подбора в населении таких физических качеств, против которых не могло бы противостоять европейское население. Подход с точки зрения естественного подбора к проблеме детской смертности, реакционный в социальном отношении, неверен и научно. Советский союз добился снижения детской смертности в городах с 21—25 чел. на 100 родившихся в царской России до 10—16 теперь, для деревни соответственные цифры: 25—30 в прошлом и 18—20 у нас, повысив вместе с тем и общее состояние здоровья населения. Высота детской смертности, оказывается, не только не может оказать положительного воздействия на социальное здоровье, но она является верным показателем санитарного и культурного неблагополучия в тех районах, где она продолжает оставаться все еще высокой.

Биологические рецепты, направленные на улучшение национального генфонда, характеризующие например современную расовую гигиену фашистской Германии, по существу дела означают отказ господствующих классов от каких бы то ни было реальных забот и затрат на действительное оздоровление населения. Столь же абсурдными, как и коннозаводческий подход расовой гигиены к проблемам народонаселения, являются попытки противопоставить теорию социальной гигиены остальным разделам общей медицинской теории и всему естествознанию в целом. Любая конкретная задача говорит как раз обратное: разработка научной программы социально-гигиенических мероприятий возможна только на базе всех достижений естественных и медицинских наук.

Это особенно верно в наших условиях, пред'являющих к науке самые разнохарактерные требования. Достаточно сослаться на те задачи, которые ставят перед наукой сдвиги в расселении людей в нашей стране, вызванные социалистическим переустройством общества¹⁾. Численность пролетариата в нашем Союзе возросла к началу 1933 г. до 22,8 млн. чел., удвоившись таким образом по сравнению с довоенным временем; это повлекло за собой бурный рост городского населения. За годы первой пятилетки население городов возросло на 40,2 проц. Сравнительная динамика населения Москвы и Ленинграда показывает, что ни один город в мире никогда не знал таких темпов роста. Несравнимые ни с каким «переселением народов» сдвиги в расселении нашей страны вызвали необходимость вложить в дело жилищного строительства на протяжении пятилетки 4 млрд. руб., за тот же период на коммунальное благоустройство затрачено 1.848 млн. руб. Со-

¹⁾ Конкретно о задачах Института в этой области см проф. Френкель «Динамика населения, социальное здоровье и проблемы коммунально-жилищного строительства в Ленинграде на пороге второй пятилетки» (печатается в очередном выпуске «Трудов» Института).

вершено очевидно, что ни программы работ, ни их реализация немыслимы без научной консультации гигиениста, ибо социальная гигиена тесно связана и организует работу целого ряда естественно-научных специальностей. Сдвиги в расселении нашей страны органически связаны с более глубокими сдвигами в формах человеческого общежития. Тот факт, что еще к началу 1932 г. удельный вес женщин в разнообразных отраслях несельскохозяйственного труда составлял 31,5 проц., показывает, что старые формы общежития, приковавшие женщину к домашнему очагу, окончательно смыты. Вместо индивидуальной кухни возникла фабрика-кухня, разветвленная система общественного питания; индивидуальное воспитание детей все в больших масштабах замещается системой воспитания общественного.

Перестройка форм общежития требует привлечения новых отраслей знания, ставит ряд совершенно новых проблем. Другие специальности должны быть привлечены к участию в разработке вопросов, связанных с оздоровлением условий социалистического труда. Промышленный травматизм за годы пятилетки снижен по основным отраслям народного производства на 25—40 проц., материальные вложения в дело охраны труда превышают 450 млн. руб. Научно-исследовательская работа в этом направлении определяет новые научные связи гигиениста с рядом самых разнообразных специальностей. Очевидно таким образом, что выполнять свое назначение социальная гигиена может только при условии использования всех достижений науки. Отрыв социальной гигиены от естествознания означал бы отрыв ее от реальной почвы действительных средств к решению стоящих перед нею задач. Практика работы ставит перед нами задачи, требующие для своего решения кооперированных усилий ряда специальностей; социальная гигиена превращается при этом в организатора общественного спроса, формулирующего на основе добытых собственными методами данных социальный заказ отдельным отраслям естествознания. Постановка вопроса для исследования и участие в нем органически связывают социальную гигиену с остальными отраслями медицины и естествознания.

В ряду проблем Института уже сейчас например стоит проблема старения. Борьба со старостью издавна привлекала внимание крупнейших естествоиспытателей, подходивших к ее изучению с самых разнообразных точек зрения, начиная от изучения старения коллоидальной системы до исследования причин замещения высокодифференцированной нервной ткани соединительной тканью мозга. Предпринимая первые шаги в объединении специалистов для работы в этом направлении, Институт, естественно, столкнулся с необходимостью привлечь к участию и социальную гигиену. Гигиенистами давно замечено, что «искусство удлинить жизнь заключается в том, чтобы ее не укорачивать». Удлинение жизни мужчин на 37,2 проц. и женщин на 31 проц., которое принесла с собой Октябрьская революция, отчетливо показывает значение социальных факторов в удлинении человеческой жизни.

Другой пример: изучение высшей нервной деятельности человека и ее патология. Оно также делает необходимым объединение усилий не только физиолога и клинициста, но и ряда других специалистов, среди которых должен быть и гигиенист. Достаточно сослаться на одно только количество теорий, возникших за последние годы в научной медицине и трактующих о социальной природе массовых нервных заболеваний, чтобы оценить значение социального подхода. Виднейший современный клиницист Кречмер утверждает, что такая распространенная форма нервного заболевания, как истерия, представляет по существу дела «бегство в болезнь» здорового человека. Выделенная западноевропейскими клиницистами специальная форма заболеваний «рентные неврозы», вспыхивающие в массовом масштабе при

сокращении пособий по безработице и инвалидности, отчетливо иллюстрирует социальную природу нервных заболеваний.

Эти примеры показывают, что вопрос о социальной гигиене — это вопрос социальной направленности работы Института в целом, вопрос о преодолении того отрыва естествознания от социальных условий и потребностей, который в качестве пережитка сохранился и в нашей науке.

Естествознание в условиях капиталистического общества неизбежно принимает абстрактный, оторванный от реальной жизни характер. В условиях капитализма каждое научное открытие превращается в новое средство эксплуатации. Границы применения научных открытий в области оздоровления человека определяются границами заинтересованности капитала, а это по самому своему существу исключает сколько-нибудь значительные мероприятия по охране социального здоровья. «Трагическая депопуляция» (вырождение), о которой кричат сейчас западноевропейские научные журналы, естественно, становится при этом условием существования капитала.

Наоборот, при всех недостатках наших научных институтов в самом их построении отражена противоположная буржуазному естествознанию тенденция. Институты охраны материнства и младенчества, наблюдающие за здоровьем матери и первыми шагами человека, институты по охране детей и подростков, вместе с педагогическими институтами изучающие школьный возраст, разрабатывающие мероприятия по оздоровлению наших социалистических фабрик и заводов, институты по охране труда и т. д. — все они отражают тот факт, что только в условиях социализма наука действительно входит в практическую жизнь, начинает в подлинном смысле этого слова бытовать в жизни социалистического человека. Это прямой результат научной политики нашей партии. Если в условиях буржуазного общества его социально-гигиенический профиль обрушивается на людей как слепая стихийная сила, разрушающая социальное здоровье, то в условиях социализма, наоборот, социально-гигиенический профиль определяется действительными успехами науки, впервые становящейся наукой человека в подлинном значении.

Изучение человека связано с коренными интересами социализма, оно отвечает и внутренним потребностям развития самой естественно-медицинской теории. Медицина по своему характеру неизменно имеет дело с человеком, но научные принципы, с точки зрения которых она рассматривает свой объект, разрабатываются в экспериментальной лаборатории, оторванной и далекой от непосредственного объекта медицины.

Интерес к теории и в медицине порождается интересами практики. У нас, в России, первые научные лаборатории по физиологии и патологии возникли при клинике Боткина. Возникшие вначале как придаток к клинике лаборатории однако с течением времени разрослись и по размерам и по своему значению так, что теперь и сама клиника стала нередко рассматриваться как простой проводник в жизнь добытых лабораторией результатов. Такая радикальная перемена стала возможной вследствие тех исключительных успехов, которых добилась теория. Это особенно относится к работам Пастера, исходившим, казалось бы, из столь далеких для нужд практической медицины оснований и вместе с тем так радикально преобразовавших приемы мышления и всю практику современного врача.

Если раньше медицина в основном опиралась на общие сведения о живом организме, все ее внимание было сосредоточено на больном человеке, то теперь в качестве всеобщей причины заболеваний стало рассматриваться микроскопическое живое существо — микроб. Бесчисленный арсенал средств был направлен против этого маленького врага, его разноликость, наличие среди вызывающих болезни микробов разнообразнейших форм, порождаю-

щих особые, специфические болезни, заставили и борьбу с ними вести каждый раз особыми, специфическими средствами.

В интересной и содержательной статье «Наука и социализм» г. Осинский делится тем ощущением крайней молодости науки, которое охватывает нас, когда мы вдумываемся в столь недавние научные перевороты и в те перспективы научного развития, которые открываются в нашу эпоху социализма. И на самом деле, как недалеко то время, когда не только Россию, но и значительно дальше ушедший Запад поражал своим искусством наш Пирогов, а теперь начинающий в области той же специальности только с трудом может представить себе и понять нравы Пироговской хирургической клиники, где мундир, в котором великий хирург проделывал свои операции, висел несменяемый годами... И, невзирая на столь недавнюю коренную перемену, если вы дадите себе труд вдуматься в те идеи и порождающие их факты, которыми беременна медицинская теория сегодняшнего дня, вы не можете не испытывать предчувствия тех новых сдвигов, которые подобно процессам горообразования резко и внезапно меняют, казалось бы, столь устойчивые ландшафты.

Хельден, авторитетный современный английский биолог, пишет: «Весьма вероятно, что если бы бактерии остались неизвестными, то гораздо больше людей погибло бы от заражения крови и от тифа, но мы могли бы лучше справиться с болезнью почек и с раком. Некоторые болезни, как например рак, вызываются не специфическими микроорганизмами, тогда как другие, подобно туберкулезу, происходят вследствие развития бактерий, которые совершенно безвредны для целого ряда людей, но по неизвестным причинам оказывают разрушительное действие на других. С болезнями первого сорта повидимому можно успешно бороться, лишь отказавшись от методов Пастера. Надо, отрешившись от мысли о микроорганизмах, обратить большее внимание на пациента. Там, где врач не может справиться с болезнью, он часто имеет способы поддержать жизнь больного достаточно долго, чтобы дать ему возможность справиться самому. И здесь-то врач должен опираться главным образом на физиологию». Мы видим таким образом, что наука вплотную подошла к тому, чтобы снова дать обратный ход от микроба к больному организму. Это лишняя иллюстрация правильности ленинского замечания о спиралеобразном характере научного развития. В непонимании того, что этот ход назад по существу есть подготовка нового рывка вперед, и коренится возникновение модных медицинских теорий с общим лозунгом «назад к Гиппократу», о которых хорошо известно и за пределами круга специалистов.

Кризисное состояние современной медицины является частным выражением впервые и исчерпывающим образом охарактеризованного Лениным общего кризиса естествознания, связанного со стадией загнивания капитализма, когда господствующий класс, утрачивая всякую положительную роль в производстве, из класса, развивающего производительные силы, превращается в класс, тормозящий их дальнейшее развитие. Кризис классового общества является вместе с тем и кризисом свойственной ему формы мышления. Этот последний находит свое выражение в углубляющемся разрыве между практикой и теорией, в господстве реакционно-идеалистических теорий, не только не освещающих перспективы развития науки, но предначертанных по сути дела для затемнения тех революционизирующих теоретическое сознание выводов, к которым вплотную подошла наука, и наконец в области практики кризис буржуазного мышления приводит к господству голого, не знающего перспектив эмпиризма. В современной медицине это общее положение отразилось в трех моментах, характеризующих ее раз-

витие за последние десятилетия. После бурного под'ема, связанного с открытиями Пастера, все с большей силой, как мы только что видели, начинает осознаваться ограниченность той общей теории медицины, которая была разработана на их основе. Сознание такой ограниченности при отсутствии какой-либо другой теории, естественно, вело к росту голого эмпиризма, к разобщенности отдельных специальностей, к отрыву всей практической медицины от теории вообще. Теоретическая мысль со своей стороны, воодушевленная теми возможностями, которые предоставляют в ее руки современные химия и физика для решения биологических вопросов, отвлекаясь все в большей мере в сторону частных задач, оказывалась неспособной подняться до разрешения тех синтетических задач, которые ставит перед наукой клиническая практика. Эти два условия при отсутствии какой бы то ни было координации усилий, наоборот, при полной дезорганизации этого необходимого объединения потоком отдельных работ, обрушивающимся на науку, по выражению Uexküll'я, подобно снегопаду, и создали тот разрыв между практикой и теоретической мыслью, которым характеризуется медицина сегодняшнего дня.

Совершенно очевидно, что объединение клиники и эксперимента, — путь, на который стал институт по изучению человека и который является единственно реальным средством к преодолению кризисного состояния медицины, — возможно только на основе общих исходных теоретических положений.

Мы уже указали на то, что современное естествознание не дает в руки практической медицины такой теории патологического процесса, на основе которой можно было бы обобщать и разрабатывать клинический материал. Каждое заболевание, вызванное специфическим микробом или особенным внешним воздействием, рассматривается изолированно от другого заболевания, представляющегося столь же специфичным, как и первое. Такое положение отчетливо характеризует первоначальный характер той стадии, на которой находится современное научное мышление в области медицины.

Существенная сторона в прогрессе науки заключается в способности ее к обобщению. Там, где математик древности видел выражение особенных свойств изучаемой им геометрической фигуры, современный математик видит только частный случай более общего закона, связывающего то, что сознанию прошлого являлось не имеющим общей природы. Уже поверхностное наблюдение за протеканием заболеваний располагает в пользу существования общих закономерностей, лежащих в их основе. При всем разнообразии внешней картины например инфекционных болезней всем им свойственны некоторые общие явления вроде повышения температуры, лихорадки, общего упадка питания и т. д. С другой стороны, одно и то же заболевание, допустим, брюшной тиф, обнаруживает различное течение у разных людей. Общие явления в заболеваниях, вызванных различными и внешними причинами, и, наоборот, отличия клинической картины при одном и том же заболевании, естественно, перемещали ударение в исследовании природы болезни с внешней причины на изучение самого организма, условий и характера его деятельности.

На пути таких поисков и создавалось играющее большую роль в современной медицине учение о конституции, усматривающее в особенностях строения организма ключ к особенностям протекающих в нем физиологических и патологических процессов. Точно так же и учение о внутренней секреции развилось и развивается сейчас как попытка видеть обобщающий течение жизненных процессов фактор в крови и в принадлежащих ей химических веществах, среди которых первое по значению место принадлежит гормонам. В развитии этих представлений большое значение играл клини-

ческий опыт, но так уже установилось, что «клиническая идея признается научной с момента, когда ее поддержит лаборатория, и последняя довольно наивно именно отсюда начинает отсчитывать возраст идеи»¹⁾. Изжить этот предрассудок — это значит с еще большей глубиной и осознанностью отнестись к тем руководящим идеям, которые создавались и создаются под воздействием клинического опыта.

Одна из таких идей приобретает все большее значение в теоретической медицине. Ряд клиницистов прошлого века с большой настойчивостью подчеркивал значение нервной системы как носительницы интегрирующего воздействия на течение физиологических и патологических процессов. Знаменитый французский невропатолог Шарко утверждал даже, что в патологии нет ничего, столь же прочно установленного, как именно такое влияние нервной системы, но только сейчас эта идея становится рабочей идеей лаборатории. Значение ее понятно, если иметь в виду, что господствующее понимание болезни механически переносит внешнюю причину заболевания внутрь организма. Микроб, попавший в организм, и есть с этой точки зрения та главная причина, которая вызывает патологический процесс и против которой прежде всего должны быть обращены все средства терапии. Читатель помнит однако замечание цитированного нами английского ученого, что одни и те же микробы, поражая одних, остаются совершенно безвредными для других организмов. Механическое понимание причины болезни следовательно недостаточно, попадание микроба в организм (внешний фактор вообще) развязывает начало процесса, имеющего свои собственные закономерности, изучение которых должно вестись особыми методами, тесно связанными с методами изучения физиологических процессов данного организма вообще. При этом и обнаруживается значение нервной системы в течении патологического процесса. Именно при таком подходе туберкулез почек и язву желудка, болезнь глаз и общий сепсис (заражение) организма приходится рассматривать при всем отличии их внешних проявлений как заболевания, связанные единством некоторых основных черт их природы. Практическое значение такого подхода понятно: обобщая наши теоретические представления о природе заболевания, оно вместе с тем подводит нас и к обобщению средств воздействия на патологический процесс. Следует конечно иметь в виду, что, говоря о практическом значении, мы понимаем под этим прежде всего экспериментальную клиническую практику; только пройдя клинический эксперимент, эта идея приобретет свое практическое лечебное значение. Но именно в этой своей форме гипотезы, обоснованной экспериментальными данными, она делает взаимную плодотворность связи клинициста и теоретика особенно ощутимой.

Крепнущее убеждение клиницистов в том, что надо лечить не болезнь, а больного, является естественной реакцией против мертвящего аналитизма. Но тот синтетический подход, которого требует клинический опыт и который должен, не утратив ни одного из достоинств прежнего подхода, обеспечить новые успехи практике, может быть создан только на основе нового теоретического углубления в природу организма. Таким образом интересы практики, имеющей своим непосредственным объектом человека, коренным образом совпадают с интересами развития теории, превращаясь в общие интересы построения новой теории медицины. Создание Института по изучению человека именно в том смысле и отвечает внутренним потребностям развития биологии, что оно является первым реальным шагом на этом трудном и новом для науки пути.

Кратко формулируя взгляд на заболевание, к которому приходит со-

¹⁾ А. Д. Сперанский, Как создавалось учение о нервной трофике. Арх. биол. наук т. III, 1933 г.

временная медицинская наука, можно сказать, что патологический процесс в основе своей есть тот же физиологический процесс, видоизмененный в своем течении воздействием внешних или внутренних факторов. Укрепление такого взгляда, естественно, сближает патологию с физиологией, а через посредство последней и со всеми отраслями теоретической биологии.

В разработку естественно-научной медицинской теории оказываются вовлеченными все 109 лабораторий, которые уже в настоящее время открыты и работают в Институте. Исследование законов формообразования живых существ, изучение отношений между функцией и формой, попытки раскрыть строение живой белковой молекулы и т. д. — это только разные приемы, направленные к одной и той же цели — к более глубокому проникновению в природу биологического процесса.

Успехи исследования обнаруживают подчас самые неожиданные связи между глубокими проблемами теории и запросами практики. Изучение законов, лежащих в основе клеточного деления и образования формы, повело к открытию замечательного факта излучения живой клеткой и тканями особого вида лучистой энергии. «Лучами Гурвича» было положено несколько лет назад начало новому разделу в области теоретической биологии. В последнее время исследование наметило ряд возможностей их использования для решения практически важных вопросов, начиная от проблемы злокачественных новообразований до использования этих лучей как показателя утомления, когда кровь утомленного организма резко снижает нормальное излучение. Тонкое физико-химическое исследование структуры живой белковой молекулы открывает новые подступы к такой важной и трудной проблеме, как проблема рака. Развитие методов общей физиологии позволяет намечать экспериментальные подходы к изучению таких важных и почти совершенно не изученных явлений в живом организме, как боль и сон.

* * *

Многие из достижений Института на этом пути стали прочным достоянием мировой науки. В рамках статьи невозможно остановиться на них сколько-нибудь детально, так как это потребовало бы введения значительного числа специальных подробностей. Мы остановимся только на одной проблеме, решение которой составляет задачу тридцатилетних усилий школы акад. Павлова,—проблеме высшей нервной деятельности. Источником неослабевающего интереса к ней является прежде всего то исключительное значение, которое она имеет для физиологии и биологии вообще. Крупнейшие физиологические авторитеты: Пфлюгер, Гельмгольц, Дюбуа, Реймонд, наш Семенов и многие другие—приняли участие в разработке этой обширной темы. Но если прежде исследование ограничивалось исследованием закономерностей низших отделов нервной системы, то найденные теперь подходы к коре больших полушарий—последнему по сложности и самому загадочному в своем функционировании органу природы—концентрировали интерес к нервной системе в небывалой степени. С переходом физиологии к изучению коры больших полушарий головного мозга, естественно, возник вопрос о мире субъективных переживаний, об их объективном научном анализе.

Характер вопроса исследования, исключительность достижений, богатство и точность экспериментального материала закрепили за работами павловской школы всеобщее признание. Разрабатываемая на протяжении 30 лет сотней сотрудников теория условных рефлексов выделилась в качестве самостоятельной научной главы точного естествознания. Значение этой главы становится тем большим, что ее прошлые успехи подготовили возможность подойти к конечной цели всего исследования—объективному изучению высшей нервной деятельности человека.

Для материалиста-естествоиспытателя всегда была несомненной связь мозга с мышлением; мышление всегда рассматривалось всяким материалистом как продукт деятельности мозга. Строгий научный анализ этой деятельности, естественно, приводит исследователя в живое соприкосновение с основными принципиальными вопросами, приобретающими конкретный характер практических вопросов исследования. В рамках статьи мы не можем остановиться сколько-нибудь подробно на экспериментальных и клинических достижениях на пути такого анализа, мы ограничимся рассмотрением некоторых существенных сторон метода, с помощью которого решается поставленная задача.

Руководящее положение теории условных рефлексов при объективном исследовании человека, создаваемое характером предмета ее работы и ее прошлыми историческими заслугами, естественно, придает руководящий характер и тем приемам объективного исследования, которые она создает и совершенствует в процессе своей работы. Это тем более так, что и сама теория условных рефлексов, разрабатывающая одну из общих проблем естествознания, естественно, выходит при этом за узкие рамки специальности и на основе своих достижений формулирует требования к методу всякого истинного научного знания вообще.

«Истинное механическое толкование,— пишет Павлов,— остается идеалом естественно-научного исследования, к которому лишь медленно приближается и будет долго приближаться изучение всей действительности, включая в нее и нас. Все современное естествознание в целом есть только длинная цепь этапных приближений к механическому объяснению»¹⁾. Ясно сформулированный идеал естественно-научного познания раскрывает нам основную предпосылку современного биолога, для которого факты его науки познаны только тогда, когда они истолкованы физико-химически. Требование довести научное истолкование до простых законов механики доводит эту предпосылку до ее логического конца.

Настаивая на своем требовании, механицизм однако сразу попадает в непримиримое противоречие: он переходит фактически на позиции своего антипода—витализма. Питательная почва для витализма и заключается в том, что сначала принимают не только недоказанное, но и ни при каких условиях недоказуемое положение, что единственным критерием строго научной интерпретации фактов являются принципы физики и химии, так называемых точных наук вообще, а затем, когда исследование наталкивается на факты, не уместяющиеся в тесном обруче физико-химических представлений, тогда и обращаются к имматериальным факторам, энтелехиям и т. п. атрибутам религиозно-идеалистической философии.

Это верно и по отношению ко всей науке в целом, верно это между прочим и в отношении самой теории условных рефлексов.

Исторически теория условных рефлексов выступила как антипод витализма. Самые сильные и горячие выступления против идеализма в психологии и против психологии вообще относятся именно к этому раннему периоду в развитии теории условных рефлексов. Дальнейшее развитие однако все с большей ясностью вскрывало затруднения внутри самой теории. Если ошибок не только идеализм в психологии, но и сама психология вообще, если единственно научным методом изучения суб'ективного является объективный физиологический метод, то в качестве элементарного вывода из этих положений следовало утверждение тождества объективного и суб'ективного. Теория условных рефлексов и настаивает, если выражаться философскими терминами, на тождестве духа и материи, вековое различие сознания и мате-

¹⁾ Акад. Павлов, Последние сообщения по физиологии и патологии высшей нервной деятельности, т. II. Изд. Академии наук СССР, стр. 11.

рии утратило в ее глазах свой смысл, естествознание, наконец, обрело монистическое решение вопроса. Такого рода монизм однако при ближайшем рассмотрении оказывается иллюзорным. И не углубляющийся в философские вопросы читатель без труда поймет, что, став на такую точку зрения, мы оказываемся перед необходимостью выбирать один из двух взаимно исключаящих выводов, причем каждый из них ведет нас к противоречиям. Если сознание действительно тождественно материи, если действительно законно отождествление физиологического процесса с его субъективным выражением, то отсюда неизбежно следует первый вывод, что субъективного вообще нет. Возможен и другой вывод. Если физиологический процесс тождественен со своим субъективным выражением, если дух равен материи, то ничто не может нам помешать обернуть это равенство и высказать утверждение, что материя есть дух.

Все это может показаться абстрактными рассуждениями, суть же дела в действительности весьма проста. Мы уже указали на причину всеобщего интереса к теории условных рефлексов. Сделав своим объектом естественнонаучный анализ субъективных явлений, теория условных рефлексов естественно при этом сталкивается с двумя основными философскими ответами на вопрос о первичности сознания или материи. Но, ограничив себя механистическими принципами, она бессильна не только решить поставленный вопрос, но и ввести что-либо новое в его постановку по сравнению с постановкой своих философских предшественников—представителей механического материализма. На первом выводе из основной установки теории, отрицающем реальный характер субъективных явлений, последовательно настаивали только наиболее рьяные одиночки; основное направление в теории условных рефлексов характеризуется все большим креном в сторону второго вывода, отождествляющего материю с сознанием. Неизбежный переход на позиции витализма маскируется при этом формулой, утверждающей, что теория условных рефлексов—это «не материализм и не идеализм». Положение «ни то, ни другое, ни материя, ни дух», взятое в качестве исходного, означает однако одно из двух: либо это означает, что за исходное принимается «и то и другое», а это и есть ходячая формула дуализма, принципиально отрицающего монистическое решение вопроса, либо, если на монизме настаивать, не считая вместе с тем сознания нашей иллюзией, неизбежно притти к выводу, что материя есть дух.

Механистический метод приводит, как мы видим, к противоречию с основными, исходными предпосылками всего исследования; успехи исследования обнаруживают в свою очередь с все большей ясностью ограниченное значение выработанных на основе механистического метода приемов интерпретации экспериментального материала.

Мы ограничимся рассмотрением одного из таких приемов—принципа структурности, т. е. «наложения функции на структуру» (Павлов), на основе которого именно и строятся все обобщения экспериментального материала.

Та или иная функция организма, любая его отдельная реакция научно понята тогда и только тогда, когда она приурочена к определенной структуре, понята как следствие такой структуры,—таково содержание и методическое требование принципа структурности. Происхождение требования накладывать функцию на структуру понятно, если вспомнить положение физиологии хотя бы полвека тому назад, когда она еще только отщеплялась от анатомии, будучи целиком захвачена морфологическим схематизмом тогдашнего анатомического мышления.

В порядке первого грубого приближения анатомический метод имел свое основание: функция нашей руки может быть в первом приближении понята как следствие и результат ее анатомического устройства. За прошедшие,

однако, полвека наука ушла далеко вперед. Достаточно указать на богатейший материал самой теории условных рефлексов. Ограниченность принципа структурности в отношении этого материала сказывается в том, что по меньшей мере половина этого материала не только не могла быть, но и не может быть исходя из него истолкована. Затруднения, на которые наталкивается исследователь, строго проводя принцип структурности в интерпретации своих фактов, не являются обычными временными затруднениями, преодолеваемыми следующими за ними успехами. Их природа значительно глубже: она заключается в том, что принцип научного мышления перестал адекватно отражать те действительные успехи, которых наука достигла. Современная морфология ушла далеко в глубь субстрата физиологических процессов. Став микроскопической анатомией, она столкнулась с необходимостью сделать физиологию методом своего морфологического исследования. Сравнительно давние например исследования клетки обнаружили, что большая часть потребляемого клеткой кислорода не находит своего выражения во внешней работе: потребляемый клеткой кислород уходит на поддержание ее структуры (В а р б у р г). Таким образом, когда, казалось бы, наука подошла к последнему морфологическому элементу, на сложные совокупности которых и можно было бы накладывать сложные функции организма в целом, в ее руках в действительности оказался процесс. Стабильная микроструктура—это стационарный процесс—вот тот существенный вывод, если формулировать его кратко, который становится достоянием современной морфологии.

Результат, к которому привело биологию непосредственное изучение структуры, делает несомненным ограниченное значение принципа структурности, лишний раз иллюстрируя отсталый в научном отношении характер механицизма, лежащего в обосновании этого принципа. Прогресс биологического знания привел к тому, что морфология во все большей мере становится отраслью физиологии, микроскопист-анатом вооружается тонкой физиологической методикой для исследования формирующих структуру процессов, динамическое понимание структуры становится общим достоянием. Требовать в таких условиях «приурочивать динамику к структуре»—это значит требовать анатомического мышления в физиологии тогда, когда сама анатомия все в большей мере охватывается сознанием могущества физиологического метода в морфологии.

Осознание ограниченности статического метода в научном исследовании характерно не только для современной биологии. Непосредственная соседка биологии из областей так называемого точного естествознания—химия—переживает перелом воззрений, заставляющий современного химика утверждать, что «химии как макронауки, химии как науки об общих закономерностях химического превращения практически нет». Если раньше довольствовались знанием исходных веществ реакции и ее конечных результатов, то теперь под значительным воздействием требований промышленности встает задача раскрытия самого процесса химического превращения. Химии именно в том смысле и нет практически, что в руках химика не оказывается при этом адекватного метода для изучения процесса химического превращения. «Вся система наших точных наук, целиком приспособленная к решению статических или равновесных задач, обнаруживает поразительную беспомощность и неприспособленность к решению вопросов, связанных с течением более или менее сложных процессов»¹⁾. К необходимости построения новой системы понятий, преодолевающих механическую ограниченность прошлых, и сводятся усилия научной мысли в области точного естествознания.

Положение в различных областях естествознания, характер стоящих естественно-научных задач отнюдь, как мы видим, не подкрепляют того ме-

¹⁾ Акад. Семенов, К вопросу о соотношении между физическими и химическими процессами, «Природа» № 3—4, 1933 г.

ханистического идеала, к которому якобы должно стремиться естествознание. Острота противоречий—яркий показатель перерастания ограниченной формы теоретического мышления, свойственной начальным ступеням исследования; собственные успехи условных рефлексов говорят о том же.

Противоречия, на которых мы коротко остановили внимание читателя, имеют не только отрицательное значение—это живое свидетельство такого проникновения в природу исследуемых явлений, когда оно проясняет не только недостаточность старых, но и дает в руки естествоиспытателя новые принципы для понимания этих явлений. Тридцатилетняя работа Павлова и его школы бросила свет на вопросы, казавшиеся недоступными экспериментальному естественно-научному анализу, многие факты, раскрывающие природу самого сложного биологического процесса, стали легко воспроизводимыми, «ручными» фактами. Естественно при этом, что принципы, установленные на ранней ступени работы, оказываются тесными на более высокой, а теоретически продолжает все еще по инерции господствовать то, что фактически все более оттесняется.

Фактическое оттеснение в экспериментальном исследовании прошлых приемов иллюстрируется крепнущим интересом к истории высшей нервной деятельности. За последние годы в теории условных рефлексов определился интерес к генетике высшей нервной деятельности, эти вопросы стали темой специальной лаборатории. Накопленный за многие годы работы фактический материал позволил выделить четыре основных типа высшей нервной деятельности, наиболее полно совпадающих с древним, классическим подразделением на холерический, сангвинический, флегматический и меланхолический темпераменты. Имеются достаточные основания полагать, что в данном случае мы имеем дело с унаследованным типом поведения животного. Это и вызвало интерес к генетике типов.

Первые исследования в этом направлении заставили провести дальнейшее важное различие между типом и характером. Внешние воздействия, под которые подпадает животное с унаследованным типом высшей нервной деятельности, могут, оказываясь, произвести такие изменения в поведении, что по поверхностным признакам сильный холерический тип легко счесть за слабый меланхолический и наоборот. Характер, следовательно, является результатом взаимодействия индивидуально приобретенных форм поведения с наследуемым типом высшей нервной деятельности.

Исследование индивидуального и видового развития, естественно, расширяло интересы за пределы одного вида. Предпринимавшиеся и раньше сравнительные исследования высшей нервной деятельности приобретают в последнее время систематический характер. Эти факты отчетливо иллюстрируют тенденцию перерастания физиологического исследования в сравнительно-физиологическое все возрастающее значение исторического метода в физиологии высшей нервной деятельности. Крупнейшим этапом на этом пути явился охват исследованием последнего звена эволюции — человека¹⁾.

Реконструкция Института, ставящая во главу угла исследование человека, и в этом отношении отвечает внутренним потребностям научного развития, она закрепляет то, к чему естествознание оказалось подведенным логикой своего роста. Значение теории условных рефлексов при этом не только сохраняется в силу исторической традиции—реконструкция Института закрепляет ее положение в качестве одной из руководящих глав объективного исследования человека. Та идейная реконструкция, на которой мы уже останавливались, становится при этом внутренним делом теории.

Главное требование к работе Института в новых условиях—выработка

¹⁾ Мы имеем в виду основное направление теории условных рефлексов, руководимое И. П. Павловым.

адекватных человеку методов исследования. Такая задача с особой силой выдвигает вопрос о преодолении того несоответствия теоретического мышления экспериментатора потоку новых фактов, которое является характерной чертой современной биологии и приводит к тому, что факты (сила современного естествознания), по признанию самого исследователя, начинают «душить под собой все живое».

Степень накопления в науке все новых и новых эмпирических данных, изменяющих прошлые представления, воспитала пренебрежительное отношение к объяснению фактов, система объяснений стала рассматриваться как система простых мнемонических приемов, которые можно менять от случая к случаю по соображениям простого удобства. Иллюзорный характер противопоставления факта объяснению дает себя чувствовать при каждом шаге экспериментатора; когда мы произносим слова «диссоциация», «условный рефлекс», «индукция» и т. д., мы не только фиксируем при этом известные естественно-научные факты, но и ту систему понятий, служащую для их истолкования, в ряду которой наше понятие занимает определенное место.

Принципы, определяющие единство системы естественно-научных понятий, отнюдь не являются при этом простыми мнемоническими приемами нашего ума. Когда в качестве исходной предпосылки для объективного изучения человека берется положение, что «человек есть система, грубее говоря, машина, как и всякая другая в природе, подчиняющаяся неизбежным и единым для всей природы законам» (П а в л о в),— это не мнемонический прием. Это метод, пусть, как мы видели, ограниченно, но отражающий в себе изучаемую нами объективную действительность и определяющий тем самым общий характер приемов, употребляемых нами для уяснения природы объективной действительности. Неискоренимую уверенность в правильности этого метода естествоиспытатель черпает не из простого его удобства, а из тех реальных успехов, которые обусловлены его применением и которые в свою очередь оттачивают метод. Только такое понимание объясняет нам практическое значение метода и тот страшный консерватизм, на который наталкивается всякая попытка внести существенное изменение в укоренившийся метод исследования, когда становится ясной его ограниченность. Вот почему смена метода наступает только под воздействием огромного количества фактов, и тогда она означает решающий сдвиг в научном исследовании. Накануне такого сдвига и стоит современная биология.

Современную биологию, как мы видели, характеризуют три черты: она проникла далеко в глубь понимания природы организма, в ее сознании окрепло значение исторического метода в исследовании биологического процесса, и, наконец, она вплотную подошла к охвату исследованием заключительного звена прошлой истории—человека. Эти три черты и образуют ту ступень, когда достижением биологии должен стать материалистический принцип диалектического развития, сменив собой господствующий в современной биологии механический метод. Идея развития достаточно долго защищала себя в качестве руководящей идеи исследования, чтобы нуждаться в новой аргументации. «С «принципом развития» в XX веке (да и в конце XIX века),—замечает Ленин,—согласны все».

Господство механического метода в естествознании создало и укрепило однако чисто количественную концепцию развития. Эта концепция рассматривает развитие как простое «уменьшение и увеличение, как повторение», примиряя идею развития с остающимися и до сих пор идеенепроницаемыми в отношении к ней принципами механики. По поводу такого примиряющего согласия Ленин замечал, что «это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское «согласие» есть того рода согласие, которым душат и опощают истину». При чисто количественной концепции эволюции «остается в

тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне—бог, субъект etc.)». Значение материалистической диалектики для естествознания и заключается в том, что она дает истинно научное понимание развития, другую его концепцию, при которой «главное внимание устремляется именно на познание источника самого движения. Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового¹⁾.

Статически-морфологическое понимание природы биологического процесса, отождествляющее живой объект, вплоть до человека, с машиной, безжизненно, оно скрывает от глаз исследователя подлинную природу изучаемого объекта—принцип его развития. Машина именно потому и машина, что она является фиксированной материальной системой, лишенной внутренних источников своего собственного развития. Машина не эволюционирует, в то время как главный интерес исследования человека (как и всякого объекта природы вообще) заключается именно в раскрытии принципов его эволюции. В отчуждении человека это означает не только то, что человек отличается от животных. Существенная черта в развитии человека заключается в том, что он сам себя отличает от них в процессе своего собственного развития, сам себя выводит из животного состояния. Такое понимание связывает воедино предшествующие звенья в развитии природы, в области теории оно связывает науку о человеке со всеми остальными отраслями естествознания.

Объединяя все отрасли знания единым методом, материалистическая диалектика как «последнее слово научно-эволюционного метода» (Ленин) естественно становится при этом руководящим принципом всей работы по созданию основ науки о человеке. История материалистической диалектики неразрывно связана с развитием естествознания, будущая история естествознания, «большой план» его развития возможны только на ее основе.

Объединение научной работы одним общим «большим планом», о котором мечтает западноевропейский биолог, возможно только на основе большой идеи, лежащей в основании такого плана. «Большой план» именно потому и не реален в условиях капиталистического общества, что оно не создает материальных предпосылок для большой биологической идеи всемерного укрепления и развития человека. Потребность науки в организации и невозможность ее удовлетворения в условиях классового общества—одно из ярких выражений противоречий между передовыми тенденциями научного развития и задерживающим их осуществление общественным строем. Для нас это противоречие—забываемое прошлое. Та идейная реконструкция, перед необходимостью которой стоит Институт, закладывая фундамент естественной науки о человеке, не только может, но и должна опираться на реконструкцию самой организации научной работы, на продуманный организационный план.

В совсем недавнем прошлом Институт экспериментальной медицины по существу представлял собой ассоциацию мало связанных между собой лабораторий, каждая из которых по квалификации руководителей и составу научных работников не уступала многим самостоятельным институтам. Руководящий Институт в области медицины и в своей внутренней организации отражал то почти полное отсутствие организованности, которое характерно для всей постановки научной работы. С реконструкцией Института встал вопрос об объединении научных исследований по отдельным большим проблемам,

¹⁾ Цитировано по Лен. сб. XII, стр. 185, 324.

об их предварительном обсуждении, на основе которого могли бы определяться конкретные задания каждой отдельной лаборатории.

Нетрудно понять, какие сложные требования предъявляет такой тип организации, заставляющий охватывать научную проблему в целом, определять решающие звенья, координируя при этом работу самых разнообразных специальностей так, чтобы был обеспечен единый план конкретных исследований. Специалист оказывается вынужденным выйти за узкие рамки своей специальности, осмыслить значение своей непосредственной работы в связи с работами смежных специальностей, все те принципиальные вопросы, о которых мы говорили, встают перед ним не как вопросы абстрактной методологии, а как вопросы практической работы.

Такой путь потребует преодоления многих трудностей, но только при условии конкретного показа новых форм организации роль Института как их рассадника в системе родственных институтов может быть успешной. Комплексный метод работы, объединяющий работу отдельных лабораторий внутри Института, естественно ведет к сближению с работой институтов на периферии, выводит его за его стены. Любая из больших научных проблем Института (проблема нервной деятельности, трофических нервных влияний, проблема рака, старения и т. д.) живо интересуется то одни, то другие научно-практические институты. Местом деловых встреч для обсуждения таких проблем должны явиться научные конференции, организуемые Институтом по проблемам. Первый опыт двух таких конференций дал несомненно положительные результаты, завязывающаяся при этом связь носит характер конкретных взаимных обязательств.

Объединение работы, основанное на органической внутренней заинтересованности институтов, позволит узко специализированным из них проводить свою работу осмысленно, осознавая ее роль в общем плане научной работы, а руководящему институту даст возможность конкретизировать свои установки, послужит толчком в постановке новых, жизненно важных вопросов для исследования.

Перестройка работы изнутри на основе постепенного внедрения плана объединенной работы изменит физиономию и нашей научной печати. Научная периодическая литература, естественно, отражает в себе то, что имеет место в действительности, неорганизованный поток отдельных, ничем между собой не связанных научных работ отражает фактическое отсутствие организации. Нетрудно представить, как резко в таких условиях должен снижаться коэффициент полезности научной работы. Составитель обзора (Handowsky) по одной из специальных отраслей медицинской теории (фармакологии) просмотрел 60.000 работ, из них 2.500 он считает имеющими научный интерес и только 1.500 работ, т. е. 2,5 проц., достойными реферирования. Понятно, что наводненные таким балластом научные журналы не ставят (да и не могут ставить по самому своему характеру ни с какой действительной организацией не связанных органов) руководящих задач для исследования. Десяток научных статей, устав общества, протокол очередного заседания и изредка некролог маститого представителя специальности—вот привычная физиономия солидного толстого научного журнала. Мы не можем мириться с таким положением; уже та ступень в организации научной работы, которая нами достигнута, требует изменения характера нашей печати. Нам и в этом отношении многому можно поучиться у таких стран, как Германия.

Германия, как известно, является страной справочников и handbuch'ов, поставляемых на весь мир. Работа по составлению обзоров требует сложной разветвленной организации, систематического изучения всего материала, планомерного разделения труда среди специалистов для охвата всех специальностей и т. д. Значение такой организации нетрудно понять, если вспомнить замечание Маркса о том, что капитализм присваивает научные открытия

бесплатно, в условиях нынешних связей такое присвоение распространяется на всю мировую науку. Но при всем значении международного разделения научного труда мы не сможем долго оставаться ни в той зависимости от заграничных, в какой мы находимся сейчас, ни ограничиться простым подражанием. Наш собственный научный опыт растет, он обнаруживает тенденцию невиданного роста в ближайшем будущем, и—это самое главное—научный опыт нашей страны проникается новыми стержневыми идеями, с которыми он неразрывно связан и которые абсолютно чужды науке в условиях капитализма.

Работа по синтезированию научных результатов, научно-литературная работа в наших условиях, опирающаяся не на независимые и ничем не связанные между собой научные лаборатории, а на спаянные между собой коллективы научных работников, все в большей мере должна оказывать идейно-организующее воздействие на действительный ход научной работы. Такая работа призвана объединить в конце концов исследователя-теоретика через систему научно-практических институтов с работниками-практиками, рядовыми врачами, охватывая их «пафосом освоения» передовой практически действенной теории. В возможности связи теории с практикой, широкого и организованного вовлечения в круг научных интересов новых ценных кадров, непосредственно связанных с конкретным опытом, коренится огромный источник нашего дальнейшего научного развития.

В печати недавно появилось сообщение о том, что преимущества, которые дает наш строй для организации по-новому системы научной работы, начинают осознаваться за рубежом. Крупным инженером одной из руководящих американских фирм был сделан специальный доклад на эту тему, предупреждавший о том, что если «коллективным интеллектом» работников науки не будут приняты меры против «гигантского мозга мира—коммунизма Советского союза», то «цивилизация остального мира будет по сравнению с цивилизацией СССР напоминать средневековье». Это оценка несомненного врага. Честный же научный работник Запада и Америки не может не сочувствовать тем сдвигам в научной работе, которые происходят в нашей стране, они отражают его собственные пожелания, неосуществимые в условиях того общества, в котором он вынужден работать.

Социалистическое общество смыкает науку с повседневными нуждами человека. Как далеко от этого даже так называемые передовые страны, иллюстрируют самые повседневные факты. В Германии например, по данным Дрезденской гигиенической выставки 1930 г., числилось 36.000 врачей и 50.000 шарлатанов. У нас же, невзирая на все трудности революционного периода, рабочее государство сумело учетверить общее количество врачей. За тот же период медицинский состав деревни возрос в 7 раз. Количество подготовляемых кадров в области медицины равно количеству тех же кадров во Франции, Англии и Америке вместе взятых. Пример, взятый только из одной области нашей практики, показывает таким образом, где можно искать истинную причину движения современной цивилизации назад. Дезорганизованный характер научной работы, безработица среди высококвалифицированных специалистов, рост шарлатанства, с одной стороны, объединение всей научной работы одним общим планом, грандиозные перспективы роста науки, внедрение науки в повседневный быт—с другой,—это две линии в развитии науки, отражающие две линии в развитии общества. Одна из них действительно отбрасывает современную цивилизацию к уровню средневековья, и только другая означает прогресс человека и его науки.

Одно замечание в заключение о том общем значении, которое имеет задача, поставленная партией и правительством перед нашей советской наукой. В американских научных журналах широко распространена мысль о том, что если XIX век был веком физики и химии, то XX веку суждено стать веком

психологии. Действительные тенденции в научном развитии этот афоризм выражает только с поверхности: XIX век не был веком физики и химии, он прежде всего был веком развития промышленного капитала. Вызвав к жизни новые отрасли производства, промышленный капитал потребовал значительного ускорения темпов научного развития, в особенности тех областей науки, которые непосредственным образом связаны с процессом производства, т. е. физики и химии. Односторонний характер научного развития в условиях капитализма является прямым следствием односторонней заинтересованности капитала. Развивая производительные силы общества на основе эксплуатации человеческого труда, капитализм разрушает основную производительную силу — человека, условия его существования доводит до уровня условий существования животных. Отражением действительного положения человека в области теории является отсутствие науки о человеке.

Психология не только не в состоянии выправить эту уродливую однобокость в области теории, но то положение, которое характеризует ее собственное современное состояние как абстрактной науки об абстрактном человеке, является выражением тех общественных условий, в которых протекало ее развитие. Это показывает, что корни действительных противоречий между XIX и XX веками лежат глубже, они носят не теоретический, а прежде всего практический характер. В предсказаниях того, что XX век явится веком психологии, в смутной форме предчувствуются новые сдвиги в науке, подготовленные прошлым развитием. Но прежде чем они произойдут, прежде чем откроется новая глава в области теории, включающая в себя и самого человека, должна быть открыта новая глава в его действительном, материальном существовании. Тот факт, что именно на долю советской науки выпадает роль пионера естественной науки о человеке, ученым за рубежом нашего Союза показывает лишний раз коренную связь интересов ученого с историческими задачами общественного развития; в этом большое политическое значение поставленной партией и правительством задачи.

Опыт пролетарской революции в нашей стране, раскрывая действительный характер общественных противоречий, показывает вместе с тем и всю мнимость противоречий между отдельными отраслями человеческого знания. В этом большое научное значение поставленной задачи. Успехи в ее решении и будут зависеть от того, насколько полно и насколько быстро нашей науке удастся справиться с пережитками прошлого, объединить усилия всех отраслей знания на создании основ человеческого естествознания, овладеть истинно научным методом, связывающим науку и ученого с мировоззрением нового исторического класса и его задачами. Борьба за социально зрячее естествознание является отражением в теории реальной исторической борьбы человека за свое освобождение; победа и расцвет в этой борьбе человеческого естествознания будут означать победу и расцвет самого человека.

К ленинскому наследству по теории воспроизводства

Г. Косяченко

1. Борьба Ленина на два фронта в теории капиталистического воспроизводства

Марксова революционная теория не догма, а руководство к действию, говорил Ленин. «Она складывается окончательно лишь в тесной связи с практикой действительно массового, действительно революционного движения» («Детская болезнь «левизны» в коммунизме»). Это руководство Ленин умел гениально применять и мастерски им пользоваться на различных этапах классовой борьбы, подымая тем самым марксово учение на высшую ступень и обогащая его ценнейшим историческим материалом и обобщенным опытом. Практика революционного движения рабочего класса и исторические задачи, стоящие перед ним, всегда являлись для Ленина определяющим моментом в разработке теоретических проблем, характере разработки, а равно и в выборе этих проблем. В 90-х годах, когда спор с народниками о судьбах капитализма в России приобрел для партии пролетариата, тогда еще только зарождавшейся, актуальное политическое значение, Ленин написал ряд крупных работ, развивающих марксову теорию воспроизводства.

В этих работах Ленин дает глубокую теоретическую характеристику мелкобуржуазного «экономического романтизма» народничества; он устанавливает теоретическое и историческое родство народничества с мелкобуржуазным и объективно реакционным экономическим учением Сисмонди и вскрывает социальные и исторические корни «экономического романтизма».

Одновременно с развернутой методологической критикой этого мелкобуржуазного направления в политэкономии Ленин дает глубокую методологическую критику буржуазной классической школы (Смит, Рикардо), которая в противоположность Сисмонди не видела противоречий капитализма и в своей концепции скатывалась к гармонизации капитализма. Эта борьба на два фронта в области экономической теории проходит красной нитью во всех теоретических статьях Ленина. Когда временные попутчики марксизма (Туган-Барановский, Струве, Булгаков) перешли от заигрывания с марксизмом к прямой ревизии и опощлению его, Ленин со всей присущей ему революционной страстью и пылом обрушился на них, разоблачая апологетическую сущность этой ревизии и ее теоретическое убожество.

Ленин, прекрасно владея марксистской методологией, умел с непревзойденным мастерством применять это оружие к изучению и теоретическому осмысливанию конкретной исторической действительности. В тот же период борьбы с народничеством Ленин, опираясь на марксову теорию, предпринял гениальное исследование «Развитие капитализма в России», в котором дал глубокий и исчерпывающий анализ конкретного процесса производ-

ства в России, показал направление, в котором происходит развитие этого стихийного процесса, и наметил «генеральную линию» нарастающих классовых битв. В то время, когда Струве, Туган-Барановский, Булгаков, констатируя с «ученой» вышки «объективизма» неизбежность развития капитализма, скатывались на деле к его защите, Ленин, доказывая на конкретном материале неизбежность развития в России капитализма, в то же время ставит перед марксистской теорией задачу: «...вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией»¹). Эта революционная целеустремленность пронизывает все теоретические труды Ленина.

Во всех этих теоретических трудах Ленин дает глубокое научное комментирование марксовской теории воспроизводства и вместе с тем развивает ее далее, подымая на высшую ступень. Ленин развил и обогатил марксовскую теорию реализации глубоким конкретным анализом капитализма послемарксова периода, и в частности анализом развития капитализма в России. На конкретном историческом материале Ленин вскрыл и с исчерпывающей полнотой показал истинный характер и глубину противоречий капитализма и его историческую роль. «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима»²).

Маркс в своем «Капитале», пишет Ленин, «...поставив своей задачей научный анализ капиталистической общественной формации, ... поставил точку, доказавши, что действительно происходящее перед нашими глазами развитие этой организации имеет такую-то тенденцию, что она неизбежно должна погибнуть и превратиться в другую, высшую организацию»³).

Ленин еще в своих первых работах по теории реализации глубоко вскрывает эту революционную сущность марксовской экономической теории и развивает ее дальше в новых исторических условиях. Ленин вслед за Марксом показывает, что с воспроизводством капиталистических отношений воспроизводятся и все его противоречия, которые приводят к неизбежности его гибели, т. е. к пролетарской революции.

Народники пытались представить себе дело таким образом, «будто признавать историческую прогрессивность капитализма значит быть апологетом его...»⁴). Роза Люксембург, воспринявшая многое от Сисмонди и народников, также считает, будто признавать возможность реализации продукта в чистом капитализме—значит гармонизировать и увековечивать капитализм. Люксембургинец и ренегат коммунизма Тальгеймер прямо «обвиняет» Ленина в этой апологетике капитализма.

«Народившиеся тогда в России марксисты,—говорит Тальгеймер,—хотели доказать народникам, что в России капиталистическое развитие возможно и необходимо. И что же. Указанным марксистам удалось это доказать, но вместе с тем они доказали и кое что лишнее». Голос: Ленин тоже? «Да, Ленин тоже. Они доказывали, что капитализм неограничен и вечен. Тем самым они дали теоретическое доказательство невозможности социализма»⁵).

¹) Ленин, Собр. соч., т. I, изд. 3-е, стр. 218.

²) Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 465—466.

³) Ленин, т. I, стр. 93. Разрядка наша.—Г. К.

⁴) Там же.

⁵) IV конгресс Коминтерна. Доклад Тальгеймера, стр. 209—210.

Вот уж, поистине, зрелище для богов! Перебежчик от коммунизма к капитализму, Тальгеймер обвиняет вождя и теоретика мировой революции Ленина в обосновании неограниченности и вечности капитализма. Тальгеймер буквально повторяет теорическую стряпню открытых врагов марксизма, ибо в этой же самой «апологетике» обвинял Ленина не кто иной, как Струве. Это было еще в девяностых годах, и Ленину пришлось отвечать на эти несуразные обвинения.

«Струве говорит, что я приписал Марксу апологетически-буржуазную теорию Сэя—Рикардо,—теорию гармонии между производством и потреблением» (Ленин). И отсюда Струве делал вывод о непоследовательности Ленина, который в одном случае, якобы, гармонизирует капитализм, а в другом признает «присущее капитализму противоречие между безграничным расширением производства и ограниченным потреблением народных масс».

«Откуда взял Струве, что я понимаю под теорией реализации не анализ процесса воспроизводства и обращения всего общественного капитала, а теорию, говорящую лишь, что продукты обмениваются на продукты, теорию, учащую о гармонии между производством и потреблением»¹⁾.

Мы видим таким образом, что именно Тальгеймер оказался здесь в родстве с настоящим апологетом капитализма. Люксембургианец и сторонник автоматического краха Тальгеймер считает, что признание противоречия между производством и потреблением означает невозможность реализации в чистом капитализме, что это противоречие есть главное и единственное противоречие, свойственное капитализму, что оно лишь является причиной капиталистических кризисов и пр. Тем самым Тальгеймер скатывается к такому плоскому и поверхностному толкованию противоречий капитализма, какое имелось у народников.

Ленин вскрыл истинный характер специфического антагонистического противоречия между производством и потреблением при капитализме, вскрыл его противоречивое единство и определил его место и значение в системе всех совокупных противоречий капиталистической системы.

Научно обосновывая неизбежность развития капитализма в России и его прогрессивность по сравнению с докапиталистическими формами производства, Ленин вместе с тем дал глубокий анализ истинных противоречий, присущих капитализму, проследил развитие этих противоречий и наметил конкретные пути развития революционной классовой борьбы, которая на одной шестой части света уже привела к победе над капитализмом.

Известно, что вопрос о противоречии между производством и потреблением, который был предметом горячих споров еще между классиками и мелкобуржуазными экономистами, впервые диалектически был разрешен Марксом и развит потом Лениным. Именно Ленин, развивая марксову теорию воспроизводства, вскрыл всю глубину этого противоречия в системе основного противоречия капиталистического производства, противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

К чему сводилась проблема производства и потребления у классиков?

Догма Смита, которую разделял и Рикардо, являлась, как известно, основным препятствием для решения этой проблемы. Если стоимость годового продукта, по мнению классиков, распадается исключительно на доходы, то естественно, что накопление капитала означает лишь перераспределение доходов. В той мере, в какой капиталисты ограничивают свое личное потребление, в той же мере возрастает личное потребление противоположного класса—рабочих; расширение производства тождественно росту заработной

¹⁾ Ленин, Собр. соч. т. II, стр. 12.

платы; производительное потребление капитала отождествляется с личным потреблением; накопление в форме постоянного капитала отпадает. Отсюда естественно напрашивается вывод, что производство тождественно потреблению. В борьбе против меркантилизма классики вскрыли примат производства, что позволило им в общем правильно поставить проблему доходов. Но их метафизический метод не позволил им диалектически увязать проблему доходов с проблемой воспроизводства. Подчеркивая примат производства, классики пришли к совершенно правильному выводу, что потребление следует за производством, но, не заметив диалектического противоречия между ними, они стали настаивать лишь на одном единстве производства и потребления, покупателей и продавцов. Классики подметили специфическую особенность капиталистического способа производства — «производства ради производства». Но отождествляя производство и потребление, не видя между ними специфического противоречия, классики тем самым превратили капиталистическое производство в производство, которое имеет своей границей лишь данный уровень развития производительных сил. Рикардо понимал, что границей капиталистического производства является сам капитал; но, отождествляя производство и потребление, он сделал дальнейший вывод, что границей потребления является производство само по себе, но не производство, имеющее своей целью получение прибыли; вернее, он не заметил, что производство ради прибыли создает антагонистическое противоречие между производством и потреблением. Вычеркивая постоянный капитал, он пришел к выводу, что «всегда должно быть потреблено столько, сколько произведено». «Если отбросить», — говорит Маркс, — ошибочные предпосылки, то положение Рикардо при правильном анализе его означает как раз противоположное тому, что он хочет сказать — именно, что производство происходит не соответственно границам потребления, а что оно ограничено лишь самим капиталом»¹).

Сисмонди в отличие от других представителей классической школы видел противоречие капиталистической системы, и в этом его заслуга, говорит Ленин. Но он не мог понять характера этого противоречия. Исходный методологический пункт у Сисмонди был тот же самый, что у Смита и Рикардо, он также разделял догму Смита о распадении стоимости на доходы. Но тем самым все возражения Сисмонди против классиков были обречены на неудачу. Сисмонди, говорит Ленин, лишь «декретирует», но не доказывает. «Вместо дальнейшего анализа того противоречия, которое он справедливо указал, он принимается толковать о нежелательности противоречий вообще»²).

Выбросив за борт постоянный капитал из стоимости общественного продукта, Сисмонди тем самым мог лишь «декретировать» противоречие ценного разрыва и внешнего противопоставления производства и потребления. Таким образом метафизический метод и те исторические условия, в которых жили классики, не могли позволить им правильно схватить и понять противоречия капиталистического производства. Если Смит, Рикардо пришли к тождеству производства и потребления, то Сисмонди пришел к внешнему разрыву и противопоставлению.

Лишь великий материалист-диалектик Маркс смог правильно обосновать это противоречие: «Границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса производства; с одной стороны, он увеличивает потребление доходов рабочих и капиталистов, с другой — напряжение процесса производства тождественно с напряжением производственного потребления»³).

¹) Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 2-я, стр. 197.

²) Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 12.

³) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, изд. 1932 г., стр. 345.

Здесь учитывается, во-первых, производственное потребление, о котором постоянно забывали классики и Сисмонди; во-вторых, рассматривается оно в противоречивом единстве с личным потреблением. С одной стороны, здесь обосновывается правильное положение классиков о примате производства, о том, что личное потребление следует за производством, а не наоборот, как учил об этом Сисмонди, а с другой стороны, вскрывается специфически антагонистическое противоречие между производством и личным потреблением рабочего класса и тем самым преодолевается ошибочный взгляд классиков, которые не видели этого противоречия.

Поскольку А. Смит отождествлял общественный продукт и доход, забывая о постоянном капитале, то основная проблема воспроизводства должна была исчезнуть, ибо главная «трудность вопроса при объяснении реализации,— говорит Ленин,— состоит именно в объяснении реализации постоянного капитала»¹⁾.

А. Смит лишь «увертывался от затруднений». А затруднение «состоит в том, что понятие капитала и дохода нельзя перенести прямо с индивидуального продукта на общественный»²⁾. А. Смит не заметил, что при решении проблемы воспроизводства всего общественного капитала... «нельзя уже говорить о продуктах вообще, без отношения к их материальной форме».

«Вопрос здесь именно в том, как происходит реализация, т. е. возмещение всех частей общественного продукта»³⁾. Поэтому исходным пунктом теории реализации должно быть не только различие всего общественного продукта по стоимости (которая состоит из трех частей: постоянный капитал, переменный капитал и прибавочная стоимость, а не только из последних двух, как утверждал А. Смит), но и деление всего общественного продукта по материальной форме на средства производства и предметы личного потребления; следовательно разделение всего общественного производства на два подразделения: производство средств производства и производство предметов потребления. «Первые (средства производства.— Г. К.) могут быть потреблены только производителем, вторые — только лично. Первые могут служить только капиталом, вторые должны стать доходом, т. е. уничтожиться в потреблении рабочих и капиталистов. Первые достаются целиком капиталистам, вторые распределяются между рабочими и капиталистами»⁴⁾.

В этой классической формулировке Ленин дает основную суть капиталистических законов воспроизводства, иллюстрируемых в схемах, исчерпывающе вскрывает всю специфику капиталистической пропорциональности, обуславливаемой этими законами.

Развивая марксову теорию реализации и теорию кризисов, Ленин показывает их внутреннее единство, которое находится на различных ступенях абстракции. Ленин вслед за Марксом дает дальнейший анализ капиталистических противоречий, иллюстрируемых в схемах. Противоречия капиталистической системы, которые в III т. «Капитала» приобретают более конкретную форму движения, анализируются во II т. как основание, которые с привлечением к анализу более конкретных условий капиталистической действительности находят свое дальнейшее выражение и периодическое разрешение в цикле, кризисе и т. д. Основное противоречие капиталистического производства — противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения и в частности противоречие между производством и потреблением — глубоко вскрыто еще во II т. «Капитала» и «... совершенно ясно показано Марксом в его схемах»

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 21. Разрядка наша.— Г. К.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 24.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

(Ленин). Схемы отображают анархию производства — потоки товарной массы между подразделениями в форме стихийного обмена; схемы отображают отношение двух главных классов капиталистического производства и их противоречия. Достаточно указать на антагонистическое деление вновь созданной стоимости на $V + M$, на деление 2-го подразделения на производство предметов широкого потребления и предметов роскоши, которое, по словам Маркса, «имеет коренное значение для характера и количественных отношений производства и является моментом, в существенных чертах определяющим весь его строй» и т. д.¹⁾

Накопление капитала, иллюстрируемое в схемах, означает в то же время и усиление основного противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Развивая марксово учение о противоречии между производством и потреблением, Ленин пишет:

«Теория реализации Маркса именно потому, между прочим, представляет промадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план»²⁾.

«Из этой теории следует, что даже при идеально гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными пределами потребления»³⁾.

Если Роза Люксембург в более быстром росте 1-го подразделения увидела лишь «всеобщий закон человеческого процесса», то Ленин вслед за Марксом вскрыл в нем специфическое противоречие капитализма и его историческую «миссию», выражающуюся в том, что «растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества без соответствующего роста народного потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс»⁴⁾.

Материально-производственное единство 1-го и 2-го подразделений включает в себя при капитализме антагонистическое единство производства и потребления, которое является лишь выражением того факта, что капиталистическое производство рассчитано на получение прибыли, на самовозрастание капитала, а потребление рабочего класса возрастает (если только возрастает) с ростом производства лишь в той мере, в какой оно входит как составной элемент этого капитала. Само потребление рабочего класса выступает как момент накопления капитала. Развитый Марксом в I т. «Капитала» всеобщий закон капиталистического накопления находит дальнейшее развитие и выражение в характеристике этих двух подразделений. Примат производства над потреблением, оставаясь необходимым для каждого общественного строя производства, не является в то же время каким-то метафизическим законом, сохраняющим неизменный характер для всех времен и эпох. Каждый общественный способ производства придает ему особый характер и специфическую форму выражения. При капитализме он приобретает антагонистическую форму выражения специфического противоречия между ростом материальных производительных сил и ограниченной возможностью утилизации их трудящимися массами.

Рост 1-го подразделения в той мере, в какой происходит капитальное вложение для нового строительства, раздвигает границы производственного и потребительного рынка. В этом смысле капитал сам создает себе рынок, а потребление является моментом воспроизводства, как воспроизводства рабочего класса; в этом смысле потребление является функцией производства,

¹⁾ Маркс, Капитал, т. II, изд. 1932 г., стр. 297.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 413.

³⁾ Там же, стр. 415—416.

⁴⁾ Там же, стр. 422.

и первое следует за последним. Но рост 1-го подразделения, выход из строительства законченных предприятий, должен найти соответствующее расширение рынка в сфере 2-го подразделения. Однако это последнее может осуществиться лишь через движение нормы прибыли. Повышение органического состава капитала, которым сопровождается накопление, ограничивает рынок сбыта для 2-го подразделения. Следовательно накопление капитала приводит не только к расширению потребления, но одновременно и ограничивает рамки этого потребления. В самом движении 1-го и 2-го подразделений постоянно существует противоречие. Но это противоречие внешне прорывается и разрешается не постоянно, а периодически. Рост 1-го подразделения не непосредственно, а в конечном счете связан со 2-м. Кризис авторитетно напоминает об относительной независимости 1-го подразделения и насильственно восстанавливает на мгновение их единство, причем конкретная форма этого противоречия (цикл) представляет собой дальнейшее развитие внутренних законов капиталистического воспроизводства. Непосредственной целью производства является прибыль. Прибыль определяет объем и темп производства. Тенденция к понижению нормы прибыли, одерживающая верх над тенденцией ее роста, приводит к замедлению накопления и наконец к кризису. Чтобы понять кризисы, недостаточно указать на противоречие между производством и потреблением, ибо оно существует постоянно, а кризисы проявляются лишь периодически. Необходимо проследить конкретную форму развития совокупных противоречий капитализма, которые приводят к кризисам. В кризисе находит временное разрешение не только противоречие между производством и потреблением, но основное, более глубокое противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, куда противоречия между производством и потреблением включаются как подчиненный момент.

Объяснять кризисы лишь противоречием между производством и потреблением значит не видеть в капиталистическом производстве другого, более глубокого и основного противоречия капиталистической системы — между общественным характером производства и частным способом присвоения. Это значит не видеть анархии, «беспорядочности» капиталистического производства, которая приводит к перепроизводству не только предметов потребления, но прежде всего средств производства, которые имеют решающий удельный вес в капиталистическом производстве. Перепроизводство во 2-м подразделении является лишь следствием и выражением перепроизводства в 1-м подразделении. Свертывание производства 1-го подразделения приводит к сокращению платежеспособного спроса трудящихся, занятых в 1-м подразделении, на продукты 2-го подразделения.

Капиталистические кризисы перепроизводства заключаются не в том, что нарушена материальная пропорциональность как таковая, не говоря уже о том, что эта пропорциональность не существовала в силу анархии производства и до кризисов, а кризисы лишь на момент восстанавливают эту капиталистическую пропорциональность. Сущность капиталистических кризисов заключается в перепроизводстве капитала как самовозрастающей стоимости, когда развитие производительных сил, являющееся лишь средством увеличения стоимости, вступает в конфликт «... с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала»¹⁾. Кризис представляет собой всеобщее перепроизводство, которое ценой частичного разрешения производительных сил приводится на миг в соответствие с капиталистическим отношением эксплуатации. Кризисы представляют собой временное разрешение совокупных противоречий между производительными силами и капитали-

¹⁾ Маркс, Капитал, т. III, изд. 1932 г., стр. 172.

стическими производственными отношениями. «Действительная граница капиталистического производства — сам капитал, это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства»¹⁾.

Объяснять кризисы недопотреблением, говорит Ленин, значит видеть корень явления вне производства и тем самым обходить основное противоречие капитализма, лежащее в самом производстве. Это значит противопоставлять, на манер Сисмонди, производство потреблению и ставить недопотребление как внешнюю границу производства. Это значит рассматривать производство свободным от какого-либо противоречия и предполагать, что развитие его происходит само по себе плавно, но лишь наталкивается на внешнюю границу потребления.

Ленин, противопоставляя марксову теорию кризисов мелкобуржуазной теории Сисмонди, пишет: «Две теории кризисов, о которых мы говорим, дают им совершенно различные объяснения. Первая (сисмондистская.—Г. К.) теория объясняет их противоречием между производством и потреблением рабочего класса, вторая — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Первая, след., видит корни явления вне производства (отсюда у Сисмонди напр. общие нападки на классиков, что они игнорируют потребление, занимаясь только производством); вторая — именно в условиях производства. Говоря кратче, первая объясняет кризисы недостаточным потреблением (Unterkonsumption), вторая — беспорядочностью производства»²⁾.

Объяснять кризисы лишь противоречием между производством и потреблением, значит не понять характера этого противоречия капитализма и сводить его к плоскому и поверхностному толкованию. Главный вывод, который делает Ленин из марксовой теории реализации, это тот, что «...рост капиталистического производства, а, следовательно, и внутреннего рынка, идет не столько за счет предметов потребления, сколько за счет средств производства». Этим и объясняется тот факт, что 1-е подразделение должно расти значительно быстрее 2-го. «Таким образом рост внутреннего рынка для капитализма до известной степени «независим» от роста личного потребления, совершаясь более за счет производительного потребления». Ссылаясь на марксов анализ причин капиталистических кризисов, Ленин поясняет: «Анализ реализации у Маркса показал, что «в конечном счете обращение между постоянным капиталом и переменным капиталом ограничено личным потреблением», но этот же анализ показал истинный характер этой «ограниченности», показал, что предметы потребления играют меньшую роль в образовании внутреннего рынка сравнительно со средствами производства».

Таким образом Ленин вскрыл истинный характер специфического противоречия между производством и потреблением при капитализме, вскрыл его противоречивое единство и определил его место и значение в системе всех совокупных противоречий капиталистической системы. Характер взаимоотношений двух подразделений и их специфическая пропорциональность являются материально-производственным выражением этого противоречия. Отсюда понятно, насколько нелепым является утверждение, что конкретная пропорциональность между 1-м и 2-м подразделениями и внутри каждого из них обуславливается лишь материальным единством, так сказать «материально-технической логикой производства», безотносительно к общественной форме. При таком понимании получается отрыв материальных произво-

¹⁾ Маркс, Капитал, т. III, изд. 1932 г., стр. 172.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 36. Разрядка наша.—Г. К.

дительных сил, которые развиваются якобы по какой-то особой, присущей им внеисторической логике производства, от производственных отношений и их противоречий, которые как бы внешне противостоят этой внутренней логике производства и приводят лишь к периодическим нарушениям пропорций, вытекающих из этой внеисторической логики. При подобном подходе к делу совершенно невозможно было бы вскрыть капиталистические противоречия, иллюстрируемые в марксовых схемах расширенного воспроизводства. В более быстром росте 1-го подразделения мы увидели бы лишь «всеобщий закон человеческого прогресса», как это поняла Р. Люксембург, а в схемах узрели бы «всю философию народнохозяйственного баланса», годную для всех времен и эпох.

2. Ленин о марксовых схемах и их значении в теоретическом анализе

Ленинские труды по теории воспроизводства и реализации имеют наряду с другими величайшими произведениями марксизма-ленинизма огромное методологическое значение при подходе к изучению советского хозяйства. Достаточно указать на ленинскую трактовку специфической капиталистической пропорциональности и места этой пропорциональности в системе марксовой теории воспроизводства; на объяснение Лениным методологического значения и смысла марксова деления общественного производства на два подразделения и деления продукта в каждом подразделении по стоимости: на $C \pm v \pm m$, которое, как говорит Ленин, «логически связывает анализ процесса реализации с анализом процесса производства единичного капитала»¹⁾; на указание Ленина относительно места и значения схем в теоретическом анализе, о чем так часто забывает Преображенский, прибегая постоянно к схемам, как к «методу» «доказательства» своей антиленинской концепции; на учение Ленина о ведущей роли производства средств производства, о примате производства над потреблением; на его учение о народном доходе и т. д. и т. п.

В этой связи мы позволим себе несколько подробнее остановиться на указаниях Ленина о значении схем в теоретическом анализе и о методологическом значении марксовых схем при подходе к изучению советского хозяйства.

Тов. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов поставил перед марксистами-экономистами как одну из конкретных задач разработку схемы народнохозяйственного баланса. Причем эту задачу т. Сталин совершенно не случайно поставил в тесной связи с популярностью марксистско-ленинской теории воспроизводства и разоблачения всякого рода буржуазно-вредительских и механистических теорий. «Кому это нужно, чтобы смехотворная теория «равновесия» имела хождение в нашей печати, а марксистская теория воспроизводства лежала под спудом» (Сталин).

Глубокая критика антимарксистских теорий воспроизводства, данная Лениным, его теоретическая борьба со всякого рода извращениями марксовой теории и в частности его методологические указания о марксовых схемах — все это представляет не только огромную теоретическую ценность, но имеет не меньшее значение и для практики социалистического планирования и прежде всего для практического выполнения задачи, поставленной т. Сталиным перед марксистами-экономистами.

Известно, что по поводу марксовых схем написано изрядное количество статей и книг, посвященных их комментированию и критике.

При чтении этой литературы невольно поражает то пестрое разнообразие в комментировании марксовых схем, те противоречивые, а часто совершенно противоположные выводы, которые делают различные авторы из

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 408.

этих схем. Тут встречаются и мнения вредителей, видевших в марксовых схемах «всю философию народнохозяйственного баланса, годного для всех времен и эпох» (Базаров); тут можно встретить и одобрительное похлопывание по плечу Маркса со стороны необузданных апологетов, обнаруживших в схемах «минуту просветления» Маркса, который якобы доказал, сам того не заметив, вечную гармонию капитализма (Туган). Буквально то же самое говорит Гильфердинг. На Венском съезде общества социальной политики в 1926 г. Гильфердинг заявил: «Как раз II т. «Капитала» показывает, как внутри капиталистической системы возможно производство во все более увеличивающихся размерах. Мне часто казалось, что совсем не так плохо, что этот II т. так мало читают, потому что при известных условиях у него можно вычитать хвалебную песнь капиталу»¹⁾.

Можно привести целые дюжины подобного рода «глубокомысленных» раз'яснений марксовых схем. Мы остановимся однако лишь на тех авторах, которые делали из марксовых схем иногда прямо противоположные выводы.

Роза Люксембург, придя в ужас от тугановских выводов, «вытекающих» якобы из марксовых схем, объявила схемы клочком бумаги, которая все терпит, и все же свой вывод о «невозможности» накопления в «чистом» капитализме она «вывела» непосредственно из схем. Для этого ей стоило лишь взять из марксовых схем их цифровой состав и механически привнести к ним свои дополнительные предпосылки, — повышение органического состава капитала и нормы прибыли, — как на второй же год у нее получается дефицит в средствах производства и излишек в предметах потребления, которые год от году перманентно повторялись и усиливались. При этом, не выяснив как следует, почему получилась эта диспропорция, она спешит ее обобщить, объявляя это не случайным, и делает решительный вывод, что так как «накопление одного подразделения капиталистического производства находится в строжайшей зависимости от накопления в другом подразделении, то получается, что, изменение технического состава производства невозможно» («Накопление капитала», стр. 345).

Гроссман, выразитель чаяний мелкобуржуазного мещанства, страдающего от бед, причиняемых монополистическим капитализмом, нашел самое радикальное средство избавления от этих бед. Для этого стоило ему лишь продолжить бауэровскую схему накопления на основе всех (в том числе и нелепых) предпосылок, положенных Бауэром в основу своих схем, как ровно через 35 лет он получил автоматическое «Zusammenbruchgesetz des kapitalistischen Systems».

Известный любитель упражнений над схемами Е. Преображенский, весьма огорченный тем обстоятельством, что у Маркса не отображены в схемах рост органического строения и перелив капитала из одного подразделения в другое, решил пополнить этот существенный «пробел» и вместе с тем предусмотреть и проанализировать все мыслимые варианты возможных диспропорций и кризисов при капитализме и в СССР. Его статьи в «ВКА» о пресловутом «равновесии» при капитализме и в хозяйстве СССР, его последняя книжка «Закат капитализма» служат нагляднейшим примером детской игры в схемы и «циферки», над чем так жестоко издевался в свое время Ленин.

Все эти примеры свидетельствуют, если отвлечься от сознательных апологетов, о грубо механистическом подходе этих авторов к марксовой теории воспроизводства и к его схемам. Схемы отрываются от всего исследования Маркса в целом и им придается абсолютный, внеисторический характер. «Марксова схема, — говорит Р. Люксембург, — в ее общей пропорции

¹⁾ Цитирую по книге Гроссмана: «Das Akkumulation und Zusammenbruchgesetz des kapitalistischen Systems». S. 58.

является всеобщей абсолютной основой общественного воспроизводства» (Н. К., 67). «Схемы Маркса,— вторит ей «специалист» по методологии планирования Г. Фельдман,— выражающие условия равновесия и баланса... при выражении их элементов в трудовых затратах могут служить для баланса трудовых затрат в любом общественном воспроизводстве»¹⁾.

«Марксовы схемы,— подпевает Базарову Г. Герценштейн,— в социалистическом обществе становятся готовыми формулами, в которых легко укладываются и стройно организуются итоги и перспективы хозяйственной работы»²⁾.

Ссылаясь на известное указание Маркса о необходимости известной пропорциональности для любого общества, эти авторы берут пропорциональность за исходный пункт исследования, вне анализа тех законов, которые ее определяют. Если основной проблемой марксовской теории воспроизводства является, по мнению т. Бухарина, не закон воспроизводства производительных сил в специфической капиталистической форме, а метафизический закон пропорциональности трудовых затрат, прикрытый фетишистской оболочкой, то естественно, что «Маркс ...устанавливая необходимость пропорциональности... берет это, как наперед данное, независимо от той или иной формы. Это обстоятельство просто констатируется. Его интересует главным образом тот метод, способ установления пропорциональности, который действительно обуславливается общественной формой производства»³⁾.

Согласно этому бухаринскому переопределению все народнохозяйственное планирование в СССР «...представляется, как метод установления пропорциональности в системе воспроизводства»⁴⁾. Сущность планирования стало быть лишь в «методах установления пропорциональности» как таковой, а не в генеральной линии строительства социализма. На этом как раз настаивает и т. Бухарин: «Правильно то, что мы можем находить пропорции своими методами, но неправильно то, что наши методы противоречат материальному содержанию закона ценности»⁵⁾. Тем самым план, как одна из важнейших характеристик нашего хозяйства, является согласно этой незамысловатой теории лишь «предварительной антиципацией того, что при стихийном регулировании установилось бы *post-factum*»⁶⁾.

При всем кажущемся разнообразии упомянутые нами авторы одинаково антимарксистски подходят к схемам, одинаково понимают их значение в теоретическом анализе.

Прежде всего все они рассматривают схемы, как способ доказательства своих выводов. Туган-Барановский еще в первых своих статьях писал: «...Булгаков усматривает значение схем Маркса лишь в следующем за схемами тексте, в котором поясняется обмен между различными подразделениями капиталистического воспроизводства, а отнюдь не в самих схемах. Но именно самые схемы... доказывают выводы»⁷⁾.

Это понимание схем как доказательства является самой характерной и общей чертой всех рассматриваемых авторов.

Они фиксируют свое внимание не столько на закономерностях капиталистического воспроизводства, иллюстрируемых в схемах, сколько на самих схемах, рассматривая их изолированно от всего хода теоретического исследования. Игнорируя степень абстракции в марксовом анализе воспроизводства, они или сопоставляют схемы непосредственно с самой дей-

¹⁾ «Плановое хозяйство» № 12, 1929 г.

²⁾ Теория рынка, стр. 19.

³⁾ Р а н и н, Нижн. Поволж., № 2—4, 1931 г.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Бухарин, К вопросу о закономерностях переходного периода.

⁶⁾ Там же.

⁷⁾ «Мир божий» № 6, 1898 г., стр. 125.

ствительностью и приходят к выводу о несостоятельности этих схем, или же начинают вводить в схемы такие предпосылки, которые привлекаются Марксом лишь в III т. «Капитала» и исследуются в конкретных условиях конкуренции.

Если Р. Люксембург, обнаружив «противоречие» между схемами и конкретной капиталистической действительностью, отбрасывает на этом основании схемы, то апологеты капитализма поступают как раз наоборот. Они самую капиталистическую действительность подгоняют к схемам. Если Маркс применительно к III отделу II т. «Капитала» сводит свою задачу к исследованию абстрактных условий «общественного сплетения различных капиталов, частей капитала и дохода (=m) друг с другом»¹⁾, предполагая в схемах соответствующую пропорциональность для удобства анализа, то апологеты применяют эти схемы непосредственно для отображения конкретно проявляющейся пропорциональности. Тем самым они подменяют марксову теорию реализации «теорией, которая показывает, что продукты распределяются пропорционально» (Ленин).

Привлекая к анализу схем такие, например, предпосылки, как изменение органического строения капитала, перелив капитала между подразделениями, среднюю прибыль и т. д., до исследования законов конкуренции, рассматриваемые нами авторы в зависимости от желания и целей, которые они ставят перед собой, могут получить любой результат, ибо этот результат не есть нечто научно обоснованное, отображающее объективную закономерность на известной ступени абстракции, а лишь те же субъективно привнесенные предпосылки, но лишь внешне, арифметически между собой увязанные. Внутренняя логика предмета подменяется таким образом «логикой» самой арифметики, т. е. игрой в «циферки».

Туган, для которого «ничего не стоит построить любую схему», пользуясь подобным «научным» методом, «доказал», например, что если даже исчезнут все рабочие вплоть до одного, то и это не причинит никакой неприятности капитализму. «Рабочий класс исчезнет, но это нисколько не затруднит реализации продуктов капиталистической промышленности»²⁾, и капиталисты попрежнему будут получать прибыль, чудодейственно создаваемую самими машинами.

Гроссман же, исходя из нелепых предпосылок, которые положил Бауэр в основу своих схем, «высчитал» с математической точностью, что ровно через 35 лет капитализм должен «крахнуть», ибо на основе этих предпосылок необходимая норма накопления, показанная в схемах, уже на 35-м году достигает свыше 100 проц. Капиталисты совершенно лишаются личного потребления, и все же рост накопления, как это предусмотрено в схеме, невозможен. Стало быть, наступает «крах». До тех пор следовательно, пока расчеты, производимые в схемах, протекают гладко, капитализм развивается без всяких перебоев в производстве, кризисы исключены. Но так как одно из уравнений в схеме претерпевает систематическое относительное понижение, то на известном пункте продолжения этой схемы мы оказываемся перед невозможностью роста накопления; тогда раздражается «кризис» и накопец «крах».

А вот Р. Люксембург на основе тех же схем «доказала» вообще невозможность накопления в чистом капитализме.

Наконец Преображенский точно такими же приемами и тем же путем «доказал» «закономерность» периодических кризисов и автоматическую закупорку производительных сил при «монополизме». Этим же путем он «разбил» версию буржуазных экономистов о так называемых «противоречиях» между II и III тт. «Капитала». Если Туган «доказывал» на схемах гармонию

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXIV, стр. 47.

²⁾ Туган, стр. 112.

капитализма и отсюда выводил противоречие между II и III тт. «Капитала», то Преображенский непосредственно на этих же схемах «доказал» кризисы и отсюда выводил отсутствие противоречия у Маркса.

Все зависит следовательно от той цели, которую ставит перед собой «исследователь». Можно «доказать» вечную гармонию, но можно «доказать» и крах. Можно подобрать цифры, иллюстрирующие плавный, бесперебойный, протекающий из года в год процесс производства, но можно также «доказать» перманентный кризис капиталистического производства, если на помощь не придет «третья среда»: И все различие между подобного рода схемами и схемами Маркса заключается, стало быть, лишь в том, что марксовы схемы отображают объективную закономерность капиталистической действительности, взятой на известной ступени абстракции, а схемы подобного рода «исследователей» представляют клочок бумаги, заполненный арифметическими упражнениями.

Преображенский забыл, что буржуазные экономисты, которых он пытается критиковать, точно таким же путем и точно такими же приемами «усложнения» и «конкретизации» схем «доказывали» вечную «гармонию» капиталистической системы, «доказывали» автоматический «крах» этой системы; наконец они точно так же «доказывали», выпячивая неравномерность воспроизводства основного капитала как главную и единственную причину кризисов, что не капитализм повинен в этих кризисах, а современная техника крупного производства. И когда Преображенский, комбинируя разными способами цифровые величины схем, переставляя с одного места на другое слагаемые и вычитаемые, проделывая с ними различные операции на основе всех четырех правил арифметики, «доказывает» с этими цифрами в руках различные диспропорции, перерастающие в кризисы и не перерастающие; общие кризисы и частные кризисы, различные циклы при расширенном и «суженном» воспроизводстве¹⁾, нащупывает «критические точки», достигнув которых капитализм «должен пойти ко дну» и т. д., — то во всех этих построениях Преображенский является меньше всего оригинальным. Еще до него те самые господа буржуазные экономисты, на которых он ссылается, проделывали все эти арифметические операции с не меньшим успехом, чем Преображенский. Во всяком случае научная ценность всех его «доказательств» отнюдь не большая, чем «доказательств» любого из этих апологетов.

Ленин еще в первых своих статьях по теории реализации дает глубокую критику подобного рода упражнений над схемами. Ленин глубоко вскрывает самый корень неправильности подобного рода подхода к схемам и вместе с тем дает очень ценное методологическое указание о том, как правильно нужно понимать схемы и какое место и значение они имеют в теоретическом анализе.

«Неясно понимает значение схем» скорее Туган-Барановский, который полагает, что схемы «доказывают выводы». Схемы сами по себе ничего доказывать не могут; они могут только иллюстрировать процесс, если его отдельные элементы выяснены теоретически. Г. Туган-Барановский составил свои собственные схемы, отличные от схем Маркса (и несравненно менее ясные, чем схемы Маркса), опустив притом теоретическое выяснение тех элементов процесса, которые должны быть иллюстрированы схемами²⁾.

Это указание Ленина имеет огромное методологическое значение. В одной этой фразе Ленин не только вскрывает ошибки Тугана, но и пока-

¹⁾ Критика так называемой «теории суженного воспроизводства» будет дана нами в следующей статье.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 403.

зывает всю абсурдность попыток всех позднейших авторов, которые до сих пор еще прибегают к схемам, как к способу доказательства, заполняя десятки страниц бесплодными арифметическими упражнениями.

Ленин в своих замечаниях на книгу Р. Люксембург «Накопление капитала» прямо высмеивает подобного рода игру в циферки и схемы. В том месте, где Р. Люксембург пытается «доказать», с помощью арифметических манипуляций над марксовыми схемами, наличие «противоречия» между II и III тт. «Капитала» и невозможность реализации в чистом капитализме, Ленин иронически замечает: «Примерчик не сходится», «фразерство» и т. д.¹⁾

Маркс, прежде чем составить схемы, теоретически вывел и научно доказал те посылки, которые он положил в основу схем, а сами схемы находятся у него в строгом соответствии с той ступенью абстрактного анализа предмета, который они призваны иллюстрировать, но не доказывать, как полагает Туган.

Туган-Барановский и многие другие, «доказывая» на схемах свои выводы, не замечают, что эти выводы вытекают из тех же посылок, которые они сами внесли в схемы. И поскольку эти посылки теоретически ими не выяснены и не обоснованы, а приняты совершенно произвольно, постольку и выводы эти также не менее произвольны.

Маркс и Ленин не пересказывают через промежуточные звенья анализа, как это делают Туган, Бауэр, Гроссман, Преображенский и другие, а всегда придерживаются логической последовательности, вытекающей из характера диалектического метода и внутренней природы самого предмета.

По Марксу и Ленину, схемы сами по себе не содержат ничего больше того, что вложено в них самим исследователем. Но тем самым исследователь должен не забывать о внутренней логике самого изучаемого предмета и помнить о той ступени абстракции, на которой он находится, дабы не дать себя увлечь «логикой», вытекающей из самого процесса цифровых вычислений, где имманентная закономерность самого предмета была бы тем самым соподчинена «закономерности» самой арифметики. Марксовы схемы теоретически обоснованы и находятся в строгом соответствии с самим ходом теоретического анализа; именно потому, в отличие от схем Тугана, Бауэра, Гроссмана и других, они имеют существенное значение, ибо их содержание не есть нечто привнесенное извне или вытекающее из необоснованных посылок исследователя, а отражает момент реального процесса воспроизводства, взятого на известной ступени абстракции.

Но отсюда же вытекает, что схемы нельзя бесконечно усложнять и продолжать из года в год на манер Тугана и Гроссмана. Они имеют свой предел, который вытекает из логики развития самого предмета, взятого на известной ступени абстракции. В схемах иллюстрируется взаимосвязь лишь основных элементов капиталистического воспроизводства в абстрактном разрезе как результат истекшего года и исходный пункт наступающего. Схемы показывают не конкретный процесс реализации капиталистической пропорциональности, которая, как известно, «осуществляется путем неосуществления», а лишь тенденцию реального процесса, который для удобства анализа представлен в чистом виде.

Предмет исследования II т. «Капитала» — абстрактные условия возмещения общественного продукта по стоимости и *in natura*. Поэтому задача схем — проиллюстрировать решение лишь той проблемы, которую поставил перед собой исследователь. Схемы не могут отобразить всю конкретную многосложность процесса капиталистического воспроизводства и те существенные изменения, которые он претерпевает. Процесс расширенного капиталистического воспроизводства представляет собой не простой круг, а

¹⁾ Лен. сб. XXII, стр. 370, 371.

спираль, когда возвращение к исходному пункту происходит постоянно на более высокой основе. Капитализм в своем движении постоянно претерпевает изменения. Эти структурные изменения капитализма не могут быть в полной мере отображены в схемах. Нёслучайно Маркс абстрагируется в своих схемах от изменения органического строения капитала, от цены производства, перелива капитала из одного подразделения в другое и т. д. Маркс неоднократно подчеркивает, что «при исследовании обращения или процесса воспроизводства мы еще имеем дело с ценностью, а не с ценой производства»¹⁾. Относительно неизменного органического состава Маркс еще решительнее заявляет: «...при процессе воспроизводства прежде всего предполагается, что способ производства остается неизменным и в течение некоторого времени это продолжается и при расширении производства». Причем это свое указание Маркс непосредственно связывает с тем обстоятельством, что изменение производительности труда и стоимости товаров означает «что от исходного пункта первоначального капитала до его возвращения по окончании одного из таких периодов должны произойти большие катастрофы и должны накопиться и развиваться элементы кризиса»²⁾.

«При капиталистическом накоплении,—говорит Маркс в другом месте,—может случиться, что вследствие хода процесса накопления, совершившегося на протяжении целого ряда прежних периодов производства, IIc —окажется не только равно, но и больше $I(v + m)$,... которое может быть устранено только крупным крахом, вследствие чего капитал из II переместится в I »³⁾.

Вот почему Ленин в целом ряде мест с особой настойчивостью подчеркивает, что «...для создающей пропорциональность замены одного распределения капитала другим необходим кризис»⁴⁾.

Поэтому, когда апологет Туган вводит в схемы такие например моменты, как возрастание органического состава капитала, перелив капитала из одного подразделения в другое, это нужно ему для того, чтобы «доказать» «расширение общественного производства при одновременном сокращении общественного потребления, без всякого нарушения равновесия между общественным предложением и общественным спросом» (Туган).

Для апологета Тугана это понятно, ибо для него важно во что бы то ни стало, хотя бы вопреки элементарной логике и здравому смыслу, замазать капиталистические противоречия и истолковать кризисы как нечто случайное, не вытекающее с неизбежностью из самой капиталистической природы. Это его обязанность как адвоката капитализма. Однако совершенно непростительно и недopusимо, когда некоторые, считающие себя марксистами, списывают эту апологетику у Тугана и думают, что они этим «дополняют» и «развивают» учение Маркса. Тов. С. Губерман например считает, что в схемах «... процесс перенесения капитала из одних отраслей производства в другие является одним из методов устранения диспропорциональности»⁵⁾.

По Марксу и Ленину, эта диспропорциональность может быть устранена, и то на миг, путем кризиса, ценой «частичного разрушения производительных сил, ценою «катастрофы», а по Губерману—эта диспропорциональность устраняется путем арифметических упражнений над схемами, путем перенесения числовых остатков в схемах из одного подразделения в другое. Жалкой поэтому выглядит попытка Преображенского «пополнить» и «обогащить» учение Маркса, когда он пишет, что Маркс «не построил схем с уче-

¹⁾ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2-я, стр. 197.

²⁾ Там же, стр. 176.

³⁾ Маркс, Капитал, т. II, изд. 1932 г., стр. 382.

⁴⁾ Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 488.

⁵⁾ С. Губерман, К теории капиталистического рынка и кризисов, стр. 13

том всего этого осложняющегося обстоятельства по той же причине, по которой он вообще не закончил своего великого труда»¹⁾.

Значение марксовых схем не только в том, что они фиксируют капиталистическую пропорциональность, как таковую, взятую как момент. Они иллюстрируют также и закон, лежащий в основе этой пропорциональности. Проблема пропорциональности как таковая — это проблема меры, количественных сочетаний, обуславливаемых качеством. Но категория меры есть категория бытия. Она дает описание внешней связи, но не вскрывает внутренних законов, не объясняет причин этих внешних связей. Отношение мер имеет свою закономерность, но эта закономерность обосновывается самой сущностью, которая познается в явлении. Мера же дает лишь переход к сущности. Поэтому из отношения мер мы можем непосредственно вывести не закон, а лишь правило. Правило тем и отличается от закона, что оно обосновано не внутренней определенностью, а эмпирическим наблюдением, т. е. имеет чисто внешнее обоснование. Правило есть лишь предвосхищение закона. Поэтому правило имеет свое исключение.

Категорию меры можно познать эмпирическим путем. Поэтому буржуазные экономисты (классики не в счет) доходят до познания этих внешних связей капиталистического бытия. Они эмпирическим путем могут нащупать правило изменения соотношения мер, но они по самой природе своего буржуазного мировоззрения никогда не смогут дойти до познания закона капиталистического воспроизводства.

Марксовы схемы дают не только основные контуры баланса капиталистического хозяйства, осуществляемого стихийным путем, но они иллюстрируют также и капиталистические законы, лежащие в основе этого баланса. Они иллюстрируют внутреннюю социально-экономическую структуру капиталистической системы. Маркс, прежде чем построить схемы реализации общественного капитала, написал I т. «Капитала», а также исследовал закон обращения индивидуального капитала. «Во II томе,— пишет Маркс в письме к Энгельсу,—...будет изображен процесс обращения капитала на основе предпосылок, развитых в первом томе»²⁾. Теория реализации есть синтетическая проблема; она включает в себя результаты всего предшествовавшего исследования как свой момент. Все противоречия, развитые в I т. «Капитала», сохраняются и синтезируются во II т. «Капитала».

Отсюда вытекает, насколько абсурдны выводы тех авторов, которые видят в схемах II т. «Капитала» лишь всеобщую абсолютную основу всякого общественного воспроизводства. По мнению Р. Люксембург, более быстрый рост 1-го подразделения в сравнении со 2-м в условиях капитализма означает лишь всеобщий закон человеческого труда.

«Булгаков, Ильин и Туган сильно ошибаются,— говорит она,— когда они воображают, что они в этом законе раскрыли специфический характер капиталистического хозяйства, для которого производство является самоцелью, а человеческое потребление лишь побочным обстоятельством». Если для Ленина более быстрый рост 1-го подразделения выражает собой «специфическую социальную структуру капитализма» и его «историческую миссию», то для Р. Люксембург «это всеобщий закон человеческого труда, он имеет силу и при всех докапиталистических формах производства и будет иметь силу в будущем, при социализме».

Ленин при чтении этих строк Р. Люксембург восклицает: «Вот вздор-то!» «Каша»³⁾. Это замечание Ленина бьет не в бровь, а в глаз

¹⁾ Преображенский, Закат капитализма, стр. 83.

²⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXIV, стр. 47.

³⁾ Лен. сб. XXII, стр. 362—363.

тем, кто сводит схемы II т. «Капитала» лишь ко всеобщей основе и механически переносит схемы в условия СССР.

Известно, что вредители, опираясь на механистическую теорию равновесия, рассматривали капиталистическую пропорциональность как нечто самодовлеющее, независимо от общественной формы производства.

Выходившие из этих пропорций их социально-экономическое содержание, их классовую природу, вредители сводят всю теорию воспроизводства к метафизической «теории» пропорциональности, к самодовлеющей «теории» баланса.

Именно вредители прежде всего старались подменить марксову теорию воспроизводства метафизической теорией пропорциональности и самодовлеющей теорией баланса. Громан например считает, что «...теория рынка и кризисов должна составить лишь часть теории баланса народного хозяйства и баланса хозяйства мирового»¹). Не баланс как подчиненный момент законов общественного воспроизводства, а сами эти законы составляют, по мнению Громана, лишь часть баланса, обуславливаемого вечными, внеисторическими законами материальной пропорциональности между отдельными отраслями.

Ратуя за баланс, Громан имел в виду стихийно складывающийся баланс, но не баланс, определяемый генеральной линией партии. Поэтому вполне последовательно Громан, как увидим ниже, весьма настороженно относился к балансу как методу планирования, ибо задача балансового метода планирования—ликвидировать историческую диспропорцию, а Громан—за ее увековечивание. Поэтому он, как и все вредители, отдавал предпочтение такому методу, как экстраполяция конкретных соотношений прошлых лет на будущие годы, а также приравнивание к довоенным пропорциям как к своему идеалу.

Другой буржуазный экономист, С. А. Фалькнер, также считает, что при анализе любой общественной системы мы должны исходить из какого-то «нормативного» понятия народнохозяйственного баланса как «некой системы хозяйственного равновесия, внутренней пропорциональности или гармонии различных частей и элементов народного хозяйства». Причем «в порядке абстрактного анализа примат несомненно принадлежит нормативной идее баланса». В отличие от этого нормативного или идеального понятия баланса С. А. Фалькнер устанавливает «аналитическое понятие» народнохозяйственного баланса, который «берет любую возможную хозяйственную систему как данную. Причем «в порядке конкретного анализа примат принадлежит аналитической идее баланса». «Основной подход здесь ничем не отличается от подхода чисто бухгалтерского, учетно-статистического...»²). Таким образом при абстрактно-теоретическом анализе любой системы, т. е. при анализе закономерностей, лежащих в основе этой системы, мы должны исходить из какого-то самодовлеющего идеально-нормативного понятия баланса, из равновесия и гармонического сочетания всех элементов народнохозяйственной системы, а при анализе конкретной действительности мы должны исходить из «метода» чисто бухгалтерского, счетно-статистического, который должен помочь нам разобраться в причинах «случайного» отклонения и «несогласованности» отдельных частей народнохозяйственного целого с точки зрения ее «извечной» нормативно-гармонической природы.

Такое упрощение и вульгаризация теории воспроизводства позволяет также свести ее к простейшим схемам, иллюстрирующим якобы извечные законы пропорциональности. Отсюда подход к схемам как к «доказательству», а также попытки механического перенесения схем II т. «Капитала» в условия СССР. Мы уже указывали, что для Базарова в марксовых схемах заключена «вся философия народнохозяйственного баланса», пригодного для

¹) «Плановое хозяйство» № 11, 1926 г., стр. 67.

²) «Плановое хозяйство» № 9, 1928 г., стр. 146—148.

всех времен и эпох. Причем применительно к условиям СССР речь может идти, по мнению Базарова, лишь о большей детализации и конкретизации этих схем, но не радикальной переработки самого их основания.

Тов. Бухарин считает, что для нашего переходного общества «можно с гораздо большим правом построить по аналогии со II т. «Капитала» схемы воспроизводства», которые, по его мнению, должны выражать «условия подвижного экономического равновесия». «По сути дела в этом,—по мнению т. Бухарина,—и состоит задача выработки народнохозяйственного плана, который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства, плана, сознательно намечаемого, являющегося и предвидением (прогнозом) и директивой одновременно»¹). Причем, повторив еще раз базаровский тезис относительно возможности кризисов в нашем хозяйстве, «вытекающих из относительной анархичности, т. е. относительной беспланоности хозяйства переходного периода», т. Бухарин продолжает: «В этом плане есть много элементов предвидения стихийной равнодействующей (например исчисление урожая, товарной массы хлеба, товарной массы продуктов крестьянского производства вообще, а следовательно и цен и т. д. и т. п.), которая становится исходным пунктом для той или иной директивы». Таким образом элементы предвидения стихийного развития сельского хозяйства являются у него исходным пунктом директивных установок, кладутся в основу этих директив. Тем самым и директивы эти становятся не чем иным, как предвидением. Поэтому и баланс, о котором говорит т. Бухарин, ничем по существу не отличается от баланса, который мыслит себе Базаров и прочие вредители.

Преображенский также механически переносит схемы капиталистического воспроизводства в условия СССР, «доказывая» на них свою троцкистскую установку. Его многочисленные схематические примеры об условиях «равновесия» секторов в хозяйстве СССР являются нагляднейшим примером механистического копирования марксовых схем воспроизводства и перенесения их в конкретную советскую действительность—и тем самым нагляднейшим примером извращения и оплошления марксовых схем. Причем подобного рода упражнения над схемами Преображенский продолжал вплоть до последнего времени. В статье, присланной им в прошлом году в «Проблемы экономики», он на этих схемах «доказывал» свой троцкистский тезис о неизбежности перенакопления во второй пятилетке, рекомендуя при этом, что разработка второй пятилетки должна начинаться с составления подобного рода схем²).

Эта механистическая методология нашла своих ярых сторонников также в среде некоторых бывших наших плановых работников. Всем известны схемы второго генерального плана, разработанные гг. Ковалевским и Фельдманом. Вместо конкретного учета всех социально-экономических условий и прежде всего условий соотношения классов, классовой борьбы, социально-технических сдвигов и т. д. эти авторы ставили во главу угла работу арифмометра. Причем эту так называемую «методологию» т. Фельдман приписывал не кому иному как Марксу.

«Определив,—пишет он,—таким образом все материальные элементы общественного производства для определения «натуральных законов» его развития, мы должны составить себе ясное представление о самом механизме общественного производства, составить себе его схему. Это тот путь, по которому шел Маркс при анализе законов капиталистического воспроизводства и все исследователи каких-либо физических процессов»³).

¹) Бухарин, Заметки экономиста.

²) См. об этом ст. К. Бутаева в «Проблемах экономики» № 1 за 1932 г.

³) «Плановое хозяйство» № 12, 1929 г., стр. 9. Разрядка моя.—Г. К.

Выходит таким образом, что Маркс построил свои схемы, исходя из определения «натуральных законов», подобно исследованию всяких физических процессов. Эта натурализация марксовской теории и его схем приводит к тому, что всю ценность марксовских схем они видят лишь в том, что в них можно выудить абстрактные, внеисторические законы.

Сводя марксовскую теорию воспроизводства к метафизической теории равновесия, все эти авторы вульгаризируют и обесценивают тем самым и марксовские схемы. Методологическое значение марксовской теории воспроизводства и его схем при изучении советского хозяйства заключается отнюдь не в том, что там можно выудить тощие абстракции, годные для всех эпох. Об этих абстракциях всякий ребенок знает, как говорит Маркс. Значение марксовских схем в том, что в них гениально отображено диалектическое взаимопроникновение материальных производительных сил и исторически преходящей формы; они иллюстрируют внутреннее антагонистическое единство всех основных элементов капиталистического воспроизводства, взятых на известной ступени.

Марксовские схемы иллюстрируют абстрактные законы воспроизводства материальных производительных сил и капиталистической формы производства в их диалектическом единстве. Поэтому с точки зрения диалектического метода совершенно нелепо ставить так вопрос: применимы ли схемы II т. «Капитала» к условиям СССР или нет, имеют ли они всеобщую значимость или нет. Такая постановка вопроса, даже вопреки желанию и благим намерениям авторов, сводится по существу к тому: применимы ли законы, иллюстрируемые в схемах, к условиям хозяйства СССР или нет. Ибо, если схемы должны отображать реальную закономерность общественного воспроизводства, хотя бы и взятого как момент на известной ступени абстракции, то очевидно, что прежде всего необходимо теоретически вскрыть и исследовать эту закономерность, а затем уже иллюстрировать ее в схемах.

Верно конечно, что самые абстрактные всеобщие законы развития общества никогда не существуют сами по себе, а всегда лишь в определенных частных формах движения и реализуют себя посредством этих частных форм, т. е. лишь в преходящих определенных формациях. Поэтому самые общие абстрактные моменты сохраняются как свой момент в каждой общественной формации и являются, так сказать, общезначимыми. Следовательно марксовские схемы, отображающие общую закономерность движения общественного капитала, взятую на известной ступени абстракции, вместе с тем включают в себя самые общие принципы распределения производительных сил, присущие всем общественным формациям. Такие например моменты, как разделение общественного производства на два подразделения при ведущей роли 1-го подразделения и другие общеметодологические принципы конечно необходимы при подходе к изучению всякой общественной формации, в том числе и нашего переходного хозяйства. Однако главное в схемах заключается не в этом, а в том, что само это деление на два подразделения имеет специфическое социально-экономическое содержание: 1-е подразделение производит капитал, а 2-е — доходы, достающиеся антагонистическим классам. Отсюда и характер отношений этих двух подразделений, их пропорции и т. д. принципиально иные. Следовательно главное не в общности, а в различии, в специфике. Отсюда вытекает, что значение схем не в механическом перенесении их в советскую действительность, а в методе, примененном Марксом. Применять нужно метод Маркса, которым он пользовался при построении своих схем. Ибо ценность марксовских схем не столько в том, что они могут в отдельных своих моментах совпадать со схемами воспроизводства в СССР, сколько в том, что они отображают специфику капиталистического воспроизводства, следовательно в том, что они должны

отличаться от схем нашего хозяйства, принципиально отличного по своей природе от хозяйства капиталистического. Когда Ленин поясняет т. Бухарину об отношении $(V + M) = PC$ и накоплении при коммунизме, то он говорит конечно не о том, что «этот закон сохраняет свою силу для всех формаций», как ошибочно некоторые думают, но лишь о том, что проблема соответствующей пропорциональности между этими двумя подразделениями останется и при коммунизме, и что эту пропорциональность, вопреки утверждению т. Бухарина, нельзя правильно понять и разрешить вне теоретического изучения общественных законов, которые будут ее определять. И не только эта проблема сохраняет свое значение для любой общественной формации, но и все другие основные проблемы общественного воспроизводства.

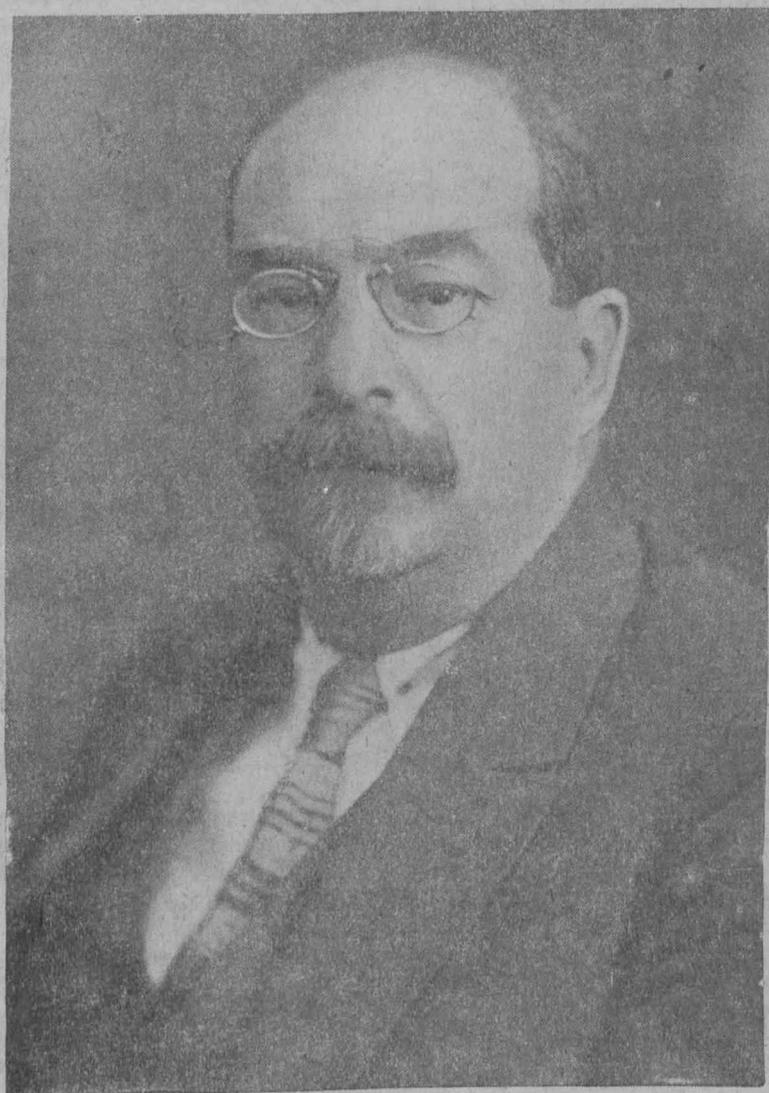
Марксисты-экономисты должны разработать на основе марксистско-ленинской методологии такую схему народнохозяйственного баланса, которая отображала бы в себе специфику переходной экономики—диалектический процесс социально-технической реконструкции народного хозяйства, процесс расширенного социалистического воспроизводства.

Из этого вытекает также, что лишь апологеты капитализма или безразличные механисты могут говорить о какой-то особой теории баланса или теории пропорциональности, обусловленной какими-то метафизическими надисторическими законами. Нет и не может быть никакой особой и самостоятельной теории баланса в системе теоретической экономики. Теоретическая экономия в широком смысле, изучающая экономические законы общественного движения, исследует прежде всего особый характер этих законов в различных общественных формациях и тем самым изучает специфическую пропорциональность и форму осуществления этой пропорциональности, присущей каждой из этих формаций. Лишь подменив теоретическую экономию «теорией равновесия» между обществом и внешней средой, а общественные законы, которые она изучает,—метафизическим законом пропорциональных трудовых затрат, можно говорить о какой-то особой «теории» пропорциональности, «теории» баланса и т. д.

Ленинское наследство по теории воспроизводства должно быть положено в основу при разработке проблем воспроизводства в СССР. Мы имеем целый ряд указаний Ленина и Сталина по поводу методологического значения марксовой теории воспроизводства при изучении закономерностей воспроизводства советского хозяйства. Ленин и Сталин, противопоставляя марксову теорию воспроизводства апологетической теории равновесия, дали не только направление в разработке основных проблем воспроизводства советского хозяйства, но они вместе с тем, опираясь на марксову экономическую теорию, обогащенную ленинизмом, создали теорию переходного периода и в частности теорию воспроизводства. Эта теория воспроизводства Ленина и Сталина нашла наиболее яркое воплощение в генеральной линии партии на индустриализацию как базу построения социализма в нашей стране. Она была выкована в беспощадной борьбе против контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма, против всякого рода уклонов от генеральной линии партии и примиренчества к ним.

Мы имеем учение Ленина и Сталина о противоречии нашего хозяйства, противоречии и обостряющейся борьбе между элементами капитализма и развивающимся социализмом, противоречии, вытекающем из противоположных основ мелкобуржуазного крестьянского хозяйства, порождающего капитализм, и социалистической промышленности, уничтожающей капитализм; учение Ленина и Сталина о путях преодоления этого противоречия через индустриализацию и кооперирование, через высшую производственную форму кооперирования—сплошную коллективизацию—и на ее основе ликвидацию кулачества как класса; учение Ленина и Сталина о социа-

листическом накоплении и его источниках в противоположность пресловутой троцкистской теории «первоначального социалистического накопления», направленной на разрыв экономического союза рабочего класса и крестьянства и отрицающей возможность переделки крестьянского хозяйства со стороны пролетариата, опирающегося на командные высоты; учение Сталина о новых источниках социалистического накопления на новом этапе социалистического строительства и периода вступления в социализм; учение Ленина и Сталина о диалектическом единстве производства и потребления при социализме и в хозяйстве СССР, а также дальнейшее развитие Сталиным этой проблемы по отдельным этапам социалистического строительства в противоположность мелкобуржуазной троцкистской теории вульгарно-потребительского социализма,—тесно связана с этим развитая Лениным марксова теория распределения при социализме, обогащенная Сталиным на опыте социалистического строительства в нашей стране; наконец, поставленная Лениным и развитая Сталиным проблема баланса народного хозяйства при социализме и в хозяйстве СССР, а также данное ими научное обоснование места и значения проблемы баланса, в теории воспроизводства. Эти труды Ленина и Сталина представляют собой глубокую научную разработку теории воспроизводства советского хозяйства и социализма. В трудах Ленина и Сталина дано дальнейшее развитие марксовой теории воспроизводства и заложена богатая основа политической экономии в широком смысле. Вот почему мы можем и должны говорить теперь о ленинском этапе в политической экономии и в частности в теории воспроизводства. В настоящее время изучать марксову экономическую теорию, обходя или недостаточно учитывая все то новое, что внесли в нее Ленин и Сталин—значит, грешить против самого Маркса, ибо это новое есть марксизм особой эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи распада единого мирового хозяйства на две взаимно исключаящихся системы—социалистическую и капиталистическую, эпохи победоносного строительства социализма в стране диктатуры пролетариата, завершившего фундамент социалистической экономики и приближающегося гигантскими темпами к окончательной ликвидации классов вообще и завершению построения подного социалистического общества. Это — марксизм, обогащенный развитием революционного рабочего движения в странах загнивающего монополистического капитализма и практическим опытом социалистического строительства в СССР.

А. В. Луначарский

А. В. Луначарский

Рабочий класс Советского союза в лице А. В. Луначарского потерял яркого и пламенного борца за социализм и социалистическую культуру.

Социалистическая культура создается на основе всей предшествующей культуры человечества, на основе ее критического усвоения и преодоления. А. В. впитал в себя все лучшее из мировой истории человечества. Он был превосходным знатоком истории культуры вообще, истории искусства и литературы в особенности.

Тов. Луначарский в революционное движение вошел на заре создания боевой партии пролетариата, участвовал в строительстве партии, наносил жестокие удары врагам рабочего класса — идеологам буржуазии и предателям из лагеря мелкобуржуазных партий, меньшевикам и эсерам.

Он был одним из тех, кто вместе с Лениным под его руководством в бурные годы революции 1905 г. отстаивал и развивал марксистское учение о вооруженном восстании. На III съезде партии он был докладчиком по вопросу о вооруженном восстании.

У А. В. были отдельные ошибки, в особенности философские. Он это от партии не скрывал. Ленин систематически и с большим вниманием помогал ему освободиться от его теоретических и политических колебаний.

В Октябрьскую революцию 1917 г. А. В. вошел как пламенный трибун побеждающего пролетариата. Его исключительное ораторское дарование воодушевляло миллионные массы на великие исторические дела.

С первых же дней утверждения советского строя он был поставлен во главе народного просвещения. Старая интеллигенция, начиная от сельского учителя и кончая профессурой и академиками, в большинстве своем враждебно относилась к социалистической революции. Они кричали о гибели культуры, о варварстве большевиков, немалая часть из них активно помогала нашим врагам в тылу и на фронте.

Обстановка ухудшалась еще и тяжелой экономической разрухой, унаследованной от империалистической войны и интервенции империалистических и белогвардейских банд. И в этих условиях А. В. возглавлял дело народного просвещения и создания новой, пролетарской культуры.

Его огромные познания во всех областях культуры, его обаятельные качества как человека, блестящие ораторские и литературные способности и, главное, умение проводить линию партии на фронте культуры и просвещения обеспечили огромные победы, и при его непосредственном руководстве были заложены и созданы основы новой культуры человечества — культуры социализма.

А. В. обладал огромным литературным дарованием. Он оставил после себя литературные труды по всем областям культуры: по истории революционной борьбы, истории культуры, истории и теории литературы, истории и теории искусства. Он кроме того был блестящим литературным критиком и талантливым писателем-драматургом.

Литературное наследство А. В. должно быть всесторонне изучено. Лучшие из его произведений войдут в историю коммунистической культуры и останутся навсегда как завоеванное рабочим классом теоретическое и культурное наследство.

Тов. Луначарский жил и боролся как солдат революции, мужественно сражаясь с врагами рабочего класса, отстаивая политическую и культурную самостоятельность пролетариата. В борьбе за светлое будущее человечества А. В. был пламенным проводником, трибуном и борцом за великие идеи социализма.

Таким он и останется в памяти грядущих поколений, тружеников мирового коммунистического общества.

О роли пролетарского государства в развитии социалистической культуры*)

А. Луначарский

Товарищи! В своем интересном докладе т. Юдин дает ясное определение марксистско-ленинского понимания самого термина «культура». Это определение представляется мне совершенно верным и единственно приемлемым. Мне хочется лишь заглянуть несколько внутрь этого явления—культуры, рассмотреть некоторые отдельные его стороны и их взаимную связь.

Тов. Мишин, выступая здесь по докладу т. Митина, остановился на очень интересном вопросе—на зависимости политики от экономики. Он указывал на то, что подлинный марксизм никогда не отрицал обратного воздействия политики, вырастающей конечно на определенной материальной основе и ее движении, на эту материальную основу, на экономику. При этом он говорил главным образом о взаимоотношениях экономики и политики уже на социалистической ступени. Попытки капиталистической политики внести порядок в экономику, обуздать стихийную силу, заставить ее направиться туда, куда хотелось бы господствующему классу, уберечься от логики вещей, которая развертывается невыгодно и даже пагубно для этого класса, не могут конечно привести к желательным для капиталистов результатам. Лишь диктатура пролетариата является такой политической формой, которая мощно, сознательно и планомерно воздействует на экономику. Планирование хозяйства—это одна из существеннейших сторон диктатуры пролетариата. И действительно, политика пролетариата после завоевания им власти, после того, как он становится диктатором, превращается в подлинный процесс воздействия организованного человеческого сознания, организованной человеческой воли на стихийные процессы. Это представляет собой уже начало того процесса перехода от необходимости к свободе, о котором говорил Энгельс (эти слова иногда казались парадоксом, чем-то даже немарксистским тем людям, которые внутренней сущности марксизма не поняли).

Организованный пролетариат, выдвигающий из своей среды партию, захватывая в революционном процессе власть, создавая свое правительство, свой государственный аппарат, который глубоко внедряется в реальную жизнь, может и должен регулировать экономические процессы. Он конечно находится в известной степени в зависимости от объекта, от объективных условий, от некоторых объективных сил, которые он не может сразу превратить в легко поддающуюся его давлению мягкую глину. Тем не менее он уже действительно вторгается в экономику как подлинно чрезвычайно важный, определяющий фактор.

Отдельные сторонники капитализма также твердят о плане, также мечтают создать у себя что-либо подобное путем преодоления хаоса и конкуренции, через все большую «организацию» отдельных отраслей капиталистического хозяйства, через привлечение своего государства, которое является скрытой или открытой диктатурой империалистической буржуазии. Но, конечно, они этого сделать не могут.

Экономика и политика относятся к области культуры. Нельзя противопоставлять, употребляя эти термины в научном, марксистско-ленинском значении, культуру политике, ибо она обнимает политику. Нельзя противопоставлять также культуру экономике, ибо она включает и ее. Конечно мы прежде всего обращаем внимание на культуру материальную. Она как раз очень близко соприкасается с тем, что мы называем экономикой и что яв-

*) Стенограмма выступления на сессии Института философии Комкадемии по докладу т. Юдина. Ввиду болезни и смерти А. В. Луначарского стенограмма не была выправлена им лично и подверглась лишь редакционной правке.—Ред.

ляется стихийным, независимым от воли человека процессом вплоть до победы пролетарской революции. Духовная культура — идеологическая надстройка — как будто носит на себе более человеческие черты. Но мы знаем, что и развитие каких угодно идеологий, вплоть до самых тонких и высоких, тоже закономерно, тоже не зависит от воли отдельного человека или какого бы то ни было движения и испытывает на себе давление социальных закономерностей — в первую очередь именно развития этой материальной базы, материальной культуры.

Но можно ли в культуре разрывать об'ективную, стихийную сторону и сознательную сторону? Опять-таки если употреблять строго научные термины, то, пожалуй, нельзя. Например может ли диктатура пролетариата воздействовать на культуру, на темпы, на направление, на характер ее развития? Мне могут сказать с точки зрения марксистско-ленинского определения культуры: нет, диктатура пролетариата сама уже есть форма культуры, она сама входит в область культуры. Это верно, но не нужно быть педантами и делать из этого умозаключение, что мы не должны даже ставить так вопрос. Можно оговориться, что мы употребляем эти термины в некотором особом смысле. Можно ставить вопрос так же приблизительно, как т. Мишин ставил вопрос о том, возможно ли обратное воздействие политики на экономику. В сущности он ставил тем самым вопрос, насколько организованное сознание сплоченного пролетариата может обратно определять развитие самого хозяйства. На этот вопрос он отвечал: да, может, и в гораздо большей мере, чем какое бы то ни было другое государство. Так и мы можем поставить перед собой вопрос: может ли культура, которая развивается в зависимости от давления материального процесса и в своих высших духовных областях имеет свою закономерность, регулироваться одной из своих частей, именно организованным человеческим познанием в форме государства, опять-таки в его острейших проявлениях, — в форме диктатуры пролетариата? Это вовсе не праздный вопрос, ибо все буржуазные и полубуржуазные мыслители говорили: во-первых, государство как форма человеческого сознания, стало быть, государственное воздействие, законодательство, ничего в культуре и особенно в высших формах культуры переменить не может; во-вторых, если государство и пытается влиять на эту стихийно развертывающуюся культуру, то влияет всегда вредоносно. Собственно говоря, существенная черта буржуазного либерализма заключается именно в учении, что государству делать в области культуры нечего, что ему соваться сюда не следует, ибо, с одной стороны, оно обмануло бы себя, воображая, что обладает силой создавать культурные ценности или определять культурное направление, а с другой — навредило бы делу. Известно, что буржуазные либералы то же самое говорили и об экономике: как бы государство не вообразило, что оно способно регулировать экономику. По существу оно крайне слабо в этой области и кроме зла ничего создать здесь не может. Оставьте за собой обязанности сторожа, занимайтесь своими политическими делами, но не смейте вмешиваться в тончайшие взаимоотношения индивидуальностей, в то, как они строят свое хозяйство. Чем меньше государство будет вмешиваться в это дело, тем больше будет преуспевать экономика.

Само собой разумеется, что это была чистая, хрупкая форма буржуазного либерализма. Очень скоро буржуазия от нее отошла к более сложным представлениям об отношениях государства и экономики. Но и сейчас еще мы видим например, как в ответ на предложение государственников-плановиков, мечтающих о госкапитализме, раздается такая отрывка XVIII — начала XIX вв.: вот, говорят, как только вы вступите на этот путь, так окончательно загубите капитализм, ибо самая сущность, благородная сущность капитализма есть та, что он стихийно создается на основе вольного взаимодействия

экономических сил и хозяйствующих индивидуальностей. Подобным же образом буржуазный либерализм пытался относиться и к вопросам культуры, взятой как объект, искусству, литературе, науке, философии, характеризующей данное общество и данный век в их отношении к государству. Классический пример — это Бокль. Бокль устанавливает как незыблемую истину, что в области высоких идеологий (в данном случае мы будем говорить о высших формах культуры) вес государства, по его мнению, чрезвычайно ничтожен и влияние его в высшей степени губительно. Он приводил много примеров того, что там, где правительство не вмешивалось в жизнь общества, процветали науки, философия, искусство. В обратном же случае получалось или увядание этих форм культуры, застой, или получались официальщина, неискренность, внутреннее глубочайшее извращение культурных ценностей.

Подобное учение существует и в настоящее время. И в нашей стране можно встретить его представителей, которые говорят: это дело тонкое, и, если вы привлечете сюда цензуру, регулирование государственным аппаратом, наблюдение, пресечение или, еще того хуже, государственное поощрение и, боже сохрани, государственное планирование, конечно выйдет нечто по Щедрина: порядка будет много, но обилие пропадет. Это ужасно, это может быть ловко замаскированная, но в конце концов арапчьевищина, это государственное удушение вольного духа. Культура там, где дух свободен. Свобода улетучивается вообще при приближении государства. Есть государства надутые, государства в белых перчатках, либеральные государства, а государство, которое само осмеливается называть себя диктатурой, — это такое чудовище, при приближении которого весь свободный культурный дух немедленно улетучивается, как вспугнутая птица.

Маленькая интересная иллюстрация, которая мне попала совсем недавно. В одном из номеров «Вечерней Москвы» напечатана была статья т. Катаняна, посвященная книжке некоего Гидони. Если я не ошибаюсь, Гидони был в свое время адъютантом уже приближавшегося к могиле и окончательно оменьшевищивавшегося Плеханова. Гидони издал какую-то дикую книжку об искусстве и между прочим приводит там письмо Курбе, художника нам во многом близкого. Это гордое письмо, которым Курбе ответил на желание Наполеона III наградить его орденом Почетного легиона. Курбе пишет, что он не признает за государством права вмешиваться в искусство и не хочет ни в каких соотношениях находиться с государством: он, вольный творец, свободный художник, не возьмет побрякушек из рук государства. После этого Гидони пишет: «Комментарии излишни». Но, замечает Катанян, Гидони не обратил внимания, что через несколько лет после этого, во время Коммуны, Курбе вошел в Комитет по делам искусства, искусства Коммуны. Значит государство государству рознь, и здесь он не только не побоялся опоганиться каким-то орденом, а сам был проводником активного воздействия государства на искусство.

Буржуазное государство есть хуже или лучше замаскированная мера насилия меньшинства над эксплуатируемым большинством. Буржуазное государство на известной стадии развития становится силой, задерживающей культурный прогресс, ибо культурный прогресс начинает служить интересам других, небуржуазных классов в развитии их самостоятельности и борьбы против буржуазии. Государственное искусство буржуазии вредно для культуры. И даже тогда, когда буржуазное государство поощряет искусство, оно ему только вредит, оно его фальсифицирует. Совершенно другое мы имеем там, где у власти стоит пролетариат, — в пролетарском государстве, которое является организацией большинства трудящихся против эксплуататоров. Пролетарское государство стремится приобщить к социалистической культуре отсталые трудящиеся массы, поднять их в духовном отношении до

уровня равноправных граждан, до уровня строителей культуры, стремится раскрыть перед ними перспективы, создать впервые возможность подлинно человеческой культуры. Влияние пролетарского государства на искусство благотворно.

Я хотел бы на некоторых примерах пояснить это противоречие. Один молодой немецкий студент как-то сказал мне: «Вот, — говорит, — немецкое студенчество в корне извратилось теперь. Были времена, когда университетская молодежь была носительницей прогресса в духе протеста, в духе оппозиции. Что же касается корпорантов и всяких сынков своих папаш, то они не задавали тона или по крайней мере составляли 50 проц. студенчества. Но чем дальше, тем больше наше студенчество становится государственным, чем дальше, тем больше оно проводит тенденции не только имеющегося в настоящее время государства, скажем, государства Веймарской конституции, но гораздо хуже—абсолютистского государства. Оно становится настоящим сторонником абсолютистского государства. И это ужасно, потому что студенчество, которое стоит за власть, это нечто в самом деле такое некрасивое. Молодежь должна бушевать, молодежь должна сомневаться, молодежь должна быть в оппозиции, молодежи нужно чего-нибудь требовать, молодежь никогда не должна быть агентом того, что в данное время является силой». И этот студент, сам буржуазный либерал, сказал: «Я боюсь, что у вас несколько иначе, но все-таки я часто слышу и читаю, что ваши студенты мыслят коммунистически, советски. Советское студенчество — это плохо. Я не говорю, что ему нужно быть буржуазным, но если бы они были анархистами, это было бы красивее». (С м е х).

Этот студент не понимает, что буржуазное абсолютистское государство есть смерть, что буржуазное абсолютистское государство есть гнет, распад, конец, деградация. Совсем иное у нас. Диктатура пролетариата—вещь серьезная и жесткая, как говорил Ленин. Но это—государство революционное, которое знаменует собой прогресс, борьбу за культуру, за наиболее высокие формы культуры. Пролетарское государство есть орудие величайшего освобождения трудящихся масс, в то время как реакционные силы, которые борются против него, являются орудием насилия над массами.

Я как-то уже приволил в печати очень интересный, показательный разговор, который имел Ленин с Горьким еще в ту пору, когда последний колебался между своим уклоном от нас и возвращением к нам. Горький жаловался Ленину на то, что был произведен обыск и даже, кажется, арест одного крупного либерального профессора, и говорил: «Ну как же, Владимир Ильич, разве у вас не колет что-то в сердце? Ведь у этого человека и вы когда-то скрывались». Ленин ответил: «Ну да, — говорит, — он ужасный добряк. В свое время мы скрывались у него от царских жандармов, а теперь он прячет эсеров от нас. И очень хорошо, что у него обыск произвели». (С м е х). Совершенно понятно, что Ленин никогда не переставал быть революционером, а этот либерал — ни холодный, ни теплый, ни красный, ни белый, а так просто великодушный человек, который не разбирает, что к чему, а такие люди в достаточной степени вредны.

Буржуазный милитаризм — вещь отвратительная. А вот я помню, как Ленин пришел раз в Совнарком, — это было в самом начале революции, — очень сияющий и веселый и говорит: «Замечательный случай у меня сегодня, прямо почти исторический анекдот. (Я слышал, как одна старушка говорит кому-то: «Теперь человека с ружьем бояться не надо, теперь человек с ружьем за бедных»). В этой простой фразе старушки действительно кроется глубочайший смысл, ибо в том-то и дело, что у нас человек с ружьем за бедных и государство за бедных и на культуру оно воздействует не против бедных, а за бедных. Поэтому его воздействие на культуру чрезвычайно благо-

творно. Все цели советского государства, единственно только советского государства суть творческие цели, в широчайшей степени освободительные и строительные цели.

С этой точки зрения ссылки например писателей и прочих художников на то, что свобода — необходимая для творчества атмосфера, не должны никак нас смущать. Мы не можем не обрушивать репрессий на тех писателей, художников, которые большим оружием искусства или науки, философии пользуются для контрреволюционной борьбы с нами. Свобода печати в буржуазном смысле — вещь ложная и фальшивая, внутренне противоречивая. Если бы она была применена у нас, то это было бы равносильно праву ношения оружия и продажи ядов нашим вратам.

Точно так же обстоит дело, когда нас упрекают: ваша критика — она какая-то такая несимпатичная. Ну критикуйте, как я запятые расставил, какой у меня колорит, а то забираются как-то прямо мне за жилетку — какого я класса (с м е х), кулаком пахнет и т. д. Это не критика — это сыск, это не критика — это донос!

Конечно иногда можно и перебарщивать в этом отношении. Разумеется, нельзя защищать такой критики, которая начинает изыскивать: а не была его теща замужем за генералом. (С м е х). Такая критика ни к чему не может вести. Но какие же мы были бы марксисты-ленинцы, какие мы были бы научные критики, если, высказывая утверждение, что в любом произведении искусства или литературы мы должны видеть переплетающиеся нити взаимоотношений классов и классово-борьбы, в то же время не были бы в состоянии их обнаружить.

Точно так же обстоит дело и относительно поощрения искусства со стороны государства. В самом начале, тогда, когда пролетарские писатели предъявили требования официальной поддержки, партия говорила: уж вы, пожалуйста, сами барахтайтесь, сами своей диктатуры и гегемонии в области литературы добивайтесь вашими произведениями. Но в то же время наше государство, да еще особенно в скучное время, когда каждому в отдельности довольно трудно было создать для себя элементарные условия комфорта, помогало писателям, поддерживало их. Государство не может одинаково относиться ко всем писателям. Оно было бы в высокой степени неправо, если бы сказало: «я — солнце, которое смотрит, улыбаясь, и на добрых и на злых; я — дождь, который проливает на худых и на хороших свои капли». Конечно нет. И если у нас есть например какая-то возможность, пока что еще незначительная, оказать поддержку тому или иному художнику или писателю, послать его за границу поучиться, то само собой разумеется, что мы будем стремиться наши пока еще скучные средства в первую очередь направлять в ту сторону, где мы ждем хороших результатов. Мы хотим сеять и должны сеять не на камне, не в болоте, а сеять на более или менее плодотворной почве.

С особым неистовством встречают либералы наши попытки организации в области искусства, которые мы еще очень слабо пока проводим. В науке мы еще только приступили к этому делу, но приступили к нему уже довольно крепко. С удовольствием можно констатировать, как некоторые члены Академии наук, которые также еще недавно говорили: дух божий веет, где хочет, наука есть чрезвычайно нежный росток, вы ступите своей железной пятой и его тотчас же уничтожите, — сейчас прекрасно понимают, что наука стала здороветь, что у нее начала развиваться мускулатура и проблемы ее сделались живыми от того, что мы провели приводной ремень между нашим строительством, нашими жизненными требованиями и научными задачами, научной работой. Масса задач, не выдуманных, не вы-

сосанных из пальца, а самых насущнейших, стала перед наукой и начала ее оплодотворять.

Возражая Штирнеру и его утверждению, будто художник есть такая творческая индивидуальность, которая незаменима и абсолютно едина, Маркс и Энгельс говорили, что даже гениальные индивидуальности могут быть заменены и что неверно, будто бы всякое творчество есть творчество, потому что оно индивидуально. Творчество, говорили они, может быть коллективным, и все то, что сейчас имеется в области организации художественного труда, — мелочь по сравнению с тем, что мы будем иметь в социалистическом обществе.

Сейчас, когда у нас имеются колоссальные потребности не только научного, но и художественного порядка, формулировать потребности населения, хотя бы это называлось таким неблагозвучным именем — государственного заказа, — есть в высшей степени важная задача. Указывать, в какую сторону должны направиться художественные силы, художественное внимание, художественный талант, — это естественный вывод из всего нашего планового хозяйства.

Мы прекрасно знаем, таким образом, что имеем право на вмешательство в ход культуры, начиная от развития механизации в нашей стране и электрификации как ее части и кончая руководством тончайшими формами искусства.

Можем ли мы чего-нибудь достигнуть в этой области?

Вот тут полубуржуазная переверзевская теория сумела соблазнить очень многих в нашей собственной среде. Один из приемов борьбы буржуазии против нас есть борьба в марксистской маске. В сущности говоря, все известные нам уклоны являются такой бессознательной борьбой буржуазии или мелкой буржуазии против нас в марксистской маске. В переверзевщине мы имеем замечательный образец такой борьбы. Переверзев говорил: я — единственный, настоящий, подлинный, научный марксист, ибо я ставлю художественные формы творчества в непосредственную зависимость от экономики и резко, твердо, без уступок определяю все творчество художника, вплоть до его форм, до тончайшей характеристики его произведений, из его классовой сущности. И многие говорили: действительно, это марксист без всякой похвальбы и без всякого лукавства, уж он как тебе привинтит писателя к известному классу, не дышать этому писателю. (Смех). Значит что-то большевистское, что-то твердокаменное в этом есть. А если понюхать, то оказывается, что это пахнет подлинным отказом от художественной политики. Сущность дела сводится к тому, что каждый писатель определен раз навсегда в своей классовой сущности. Что это значит, — непонятно. К 16-му году или позже человек становится буржуем или мелким буржуем, и после этого ему никуда ходу нет. Во всех своих произведениях он начинает изображать самого себя в виде стилизованного классового Я. И некоторые ученики Переверзева говорили, что если например поэт описывает коня, то, порывшись в нем, оказывается, что и конь — это стилизованное классовое Я. (Смех). Суть же дела была такова (Переверзев ее очень скрывал): писателя нельзя перевоспитать, на писателя нельзя повлиять, сам он от себя никуда убежать не может, а если вы ему скажете: ты, такой-сякой, мне не нравишься, мы тебе будем мешать, ты нам враждебен, мы хотим, чтобы ты писал так или этак, — то он или совсем перестанет писать, или будет лгать — и это будет не искусство, а фальшь.

Таким образом, по Переверзеву, оказывается, что искусство, а если развернуть это на всю область культуры или на духовную культуру, то даже и культура растет сама по себе, а воздействия организованного мощного класса на ход событий быть не может. Выходит, что правительственные ме-

роприятия для того, чтобы пресечь развитие ядовитого и развить благотворное для нас искусство, содействующее революции, есть попытка с негодными средствами, которая приводит не к благу, а к злу. Это меньшевистствующая, либеральная и во всяком случае контрреволюционная тенденция. Как я уже сказал, все те меры, которые мы применяем для регулирования художественного творчества—пролетарского и попутнического—и для пресечения художественного творчества в среде прямых врагов СССР—вот эта школа воздействия от репрессий до величайшей заботы о художнике, до товарищеского участия в нем, помощи ему, проникновения в глубь его лаборатории,—все это является целесообразным и необходимым. И так же, как на той стадии развития, которой мы достигли, наше государство мощно воздействует на экономику, точно так же наша пролетарская сознательность может мощно воздействовать на темп и направление развития духовной культуры страны. Но конечно для этого нужны известные условия. Что это вещь тонкая,—это верно. Что здесь можно многие нити порвать прикосновением грубой руки,—это несомненно. Для того, чтобы руководить тонкими формами культуры, наиболее далекими от базы идеологическими формами, нужна высокая культура для самого государства.

Ленин говорил: чего нам не хватает для того, чтобы построить наше социалистическое государство? Земля наша велика и обильна, власть принадлежит нам. Культуры нам не хватает, культуры у руководителей, культуры у коммунистов. Тем паче можно это сказать о менее широкой и менее решающей, но и более тонкой задаче руководства наукой, искусством и т. д. Мы сами нуждаемся в большей культуре. Есть ли она уже у нас? Не будем комчваниться. Не будем утверждать, что она у нас уже имеется. Мы сами чувствуем, что оказываемся часто не на должной высоте, что мы должны торопиться вооружиться и перевооружиться. Нужно внимательно исследовать вопросы теории и истории этих высоких идеологических форм, нужно прежде всего овладеть, как говорил Ленин, всей суммой ранее приобретенных человечеством культурных ценностей и критически их пересмотреть и усвоить. Нужно определить свой собственный подход к этому делу. Если бы мы заявили: ах, раз у нас есть власть, тогда все остальное приложится, главное, чтобы была власть,—то это означало бы как раз показать свою некультурность. Это доказывало бы, что мы плохие ленинцы. С другой стороны, если бы мы опустили руки и начали говорить: где уж нам, да как уж нам, эти буржуазные писатели такие—сякие немыслимые, чрезвычайно тонкие и все вопросы у них такие душистые, а мы пролетарии в валенках, и скажем что-нибудь такое, и термины не те употребим, и душу их тонкую не поймем, и выйдет конфуз,—этим самым мы показали бы, что мы находимся в рабстве у мелкой буржуазии, что мы не понимаем всей плодотворной мощи класса, к которому имеем великое счастье и гордость принадлежать. Мы должны сделать такой вывод: для большевиков все возможно, но при условии напряженнейшей и рациональнейшей работы над собой и другими.

Наша критика должна быть очень острой, но вместе с тем и чрезвычайно тонкой. Наша самокритика, наше взаимное товарищеское воздействие должны заключаться не в окрике, не во взаимооглушении, а в самом заботливом отношении ко всякому товарищу, работающему рядом в области культуры, в страстном активном желании научить его и научиться у него чему только можно. И чем больше мы будем работать как коллектив, тем больше мы достигнем этого действительно товарищеского, коллективного метода самовооружения и роста. Мы находимся уже во всяком случае на пути к этому, мы уже сделали в этом отношении в некоторых пунктах кое-что значительное и осязаемое. Мы знаем, куда идти, и мы все более и более будем переходить от неуклюжих экспериментов к совершенно точным методам

воздействия на культуру в этом специфическом смысле слова, на эту высшую форму культуры.

В частности Институт литературы и искусства Комкадемии имеет своей задачей как раз работу в этой области. Ему поставлено как цель, с одной стороны, быть наблюдательной станцией, которая должна регистрировать новое развитие различных форм искусства, откликаться на комментарии их хотя бы в предварительном порядке, связываться с новыми силами, а с другой стороны, разрабатывать теорию и историю этих великих явлений, а также методику не только самого художественного творчества, но и методику плодотворной, исправляющей и социально-гигиенической критики, которая могла бы выправить больного и раскрыть перед ним путь возможного роскошного развития и здоровья.

Задачи эти чрезвычайно велики. Здесь не место говорить о недостатках ЛИИ, о том, как долго он не может стать на ноги. В частности я был оторван от работы другими обязанностями, которые партия возлагала на меня, и болезнью. Сейчас этот институт переживает коренную перестройку, мы даем ему иную организацию, мы более точно стараемся установить его задачи и более, чем когда-либо, убеждаемся, как мало он может сделать, если будет замыкаться в своих стенах. Институту ЛИИ необходима, с одной стороны, глубочайшая связь с самими творческими коллективами и единицами во всех областях искусства, а с другой стороны, неразрывная связь с политическими хозяйственными организациями, которые определяют весь ход событий у нас и оторваться от которых значит вообще оторваться от нашего строительства, и со многими братскими институтами внутри Комкадемии, которые разрабатывают родственные теоретические проблемы. В особенности совершенно необходим постоянный и тесный контакт между институтом ЛИИ и Институтом философии, которые настолько близки один к другому. Ни одна из наших проблем не может ставиться иначе, как в разрезе марксистско-ленинской философии, и было бы просто уродливостью, если бы мы не следили лихорадочно за успехами философов, не обращались к ним за помощью в разрешении наших проблем. Без ложной скромности можно сказать, что и мы иногда можем оказаться им полезными, ибо само собой разумеется, что философия отдельных эпох и отдельной области культуры чрезвычайно тесно связана с художественными проявлениями этой эпохи. Иногда это связь персональная, как например в лице Гете и целого ряда других творцов, но все же это представители одной и той же культурной формации. Необходимо дать точный анализ их теоретического, философского и художественного творчества. Это задача несомненно очень важная и единственно правильная. Отрывать одно от другого—это не по-марксистски, не по-ленински.

Поэтому я очень рад, что мне удалось, несмотря на мое здоровье, выступить с этой небольшой речью, высказать несколько мыслей о том, как мы понимаем воздействие пролетарского сознания на стихийно растущую культуру, на ее определенную область, на область высших форм духовной культуры. Здесь перед нами стоит колоссальная, необыкновенно плодотворная работа, способная, минуя различные трудности, ускорить темпы развития новой молодой социалистической культуры. Мне хочется только еще раз подчеркнуть наше чрезвычайное желание в дальнейшем на каждом шагу ощущать соседский локоть товарищей-философов, работать с ними в неразрывном контакте. (А п л о д и с м е н т ы).

КРИТИКА

И БИБЛИОГРАФИЯ

Исторический документ („Итоги пятилетнего плана“)

Вышедшая в свет книга «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР» является историческим документом, подводящим итоги героической стройке первой пятилетки. Эта книга является, как заявил т. Молотов в своем докладе о XVI годовщине Октябрьской революции, «лучшей иллюстрацией к известному докладу т. Сталина об итогах первой пятилетки, приковавшему к себе внимание не только трудящихся нашей страны, но и многих миллионов друзей Октябрьской революции за пределами СССР...».

Этот документ повторного, дополнительного исследования Госплана совместно с ЦУ НХУ лишний раз подтверждает гениальные выводы т. Сталина, лишний раз демонстрирует триумф большевистских побед и вместе с тем «... триумф нашего любимого вождя т. Сталина, величайшего теоретика нашего времени, неизменно верного рулевого победоносной социалистической революции»¹⁾.

«Эту книгу,—говорит т. Молотов,—с громадным количеством фактов и цифр, освещающих победоносный путь Октябрьской революции, следует изучать как документ мирового значения. Особенно это надо посоветовать учащейся молодежи»²⁾.

Известно, какое значение придавал т. Ленин изучению всеми трудящимися нашей страны конкретных достижений социалистического строительства. Ленин придавал огромную политическую важность даже таким на первый взгляд незначительным фактам, как печатание периодических отчетов отдельных наших учреждений и распространение их среди трудящихся.

Это указание Ленина с тем большей силой относится к такой исторической книге, как «Итоги первой пятилетки». Ведь в «Итогах пятилетки» речь идет не о периодическом отчете того или иного учреждения, но о конкретных, реальных фактах грандиозных успехов, достигнутых рабочим классом нашей страны, и если Ленин придавал большое политическое значение популяризации отчетов отдельных учреждений как средству вовлечения масс в социалистическое строительство, то такой «отчет», как итоги большевистской пятилетки, не может не стать огромной силы орудием дальнейшего повышения активности и производственного энтузиазма, орудием мобилизации масс на разрешение не менее грандиозных задач второй пятилетки, наконец, орудием мобилизации революционных сил рабочего класса всех других стран против капитализма. Пропаганда социализма происходит теперь не только теоретически, но также и прежде всего практически, на основе фактов и цифр. Социализм—теперь не отдаленное будущее, стремлением к которому проникнуто наше сознание; цифры и факты наших достижений—показатель практического осуществления социализма, показатель практической борьбы двух систем: умирающего капитализма и бурно растущего социализма. Теперь конечным критерием истины социализма выступает не только прак-

¹⁾ Передовая «Правды» от 25 ноября 1933 г.

²⁾ Молотов, Доклад на торжественном пленуме Моссовета 6 ноября 1933 г.

тика капитализма, доказавшая несостоятельность системы капитализма, но и практика строительства социализма, вскрывшая грандиозные возможности и преимущества системы социализма в сравнении с системой дряхлеющего, умирающего капитализма. Ценность рецензируемой книги «фактов и цифр» заключается также в том, что она написана (по примеру доклада т. Сталина) в плоскости противопоставления достижений социализма разрушениям капитализма.

«Итоги пятилетки разбили известный буржуазный «символ веры» о том, что рабочий класс неспособен строить новое, что он способен лишь разрушать старое. Итоги пятилетки показали, что рабочий класс способен так же хорошо строить новое, как и разрушать старое...

Итоги пятилетки опрокинули утверждение буржуазных экономистов о том, что капиталистическая система хозяйства является наилучшей системой, что всякая другая система хозяйства непрочна и неспособна выдержать экзамен перед лицом трудностей экономического развития. Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма,—это советская система хозяйства»¹⁾.

«Итоги пятилетки»—этот «документ мирового значения»—должны быть широчайшим образом популяризированы и тщательно изучены в каждом колхозе, совхозе, каждом предприятии и учреждении. Дело чести каждого низового пропагандиста, каждого коммуниста иметь эту книгу, тщательно изучать ее и добиться того, чтобы каждый беспартийный сознательный труженик знал основные факты и цифры великих достижений первой пятилетки.

Вместе с тем этот документ должен стать важнейшим учебным пособием по экономической политике партии. Известно, что с учебными пособиями по экономической политике (не считая конечно подлинников классиков марксизма-ленинизма и партийных документов) у нас до сих пор дело обстояло очень плохо. Указания ЦК партии о создании доброкачественных учебников, в частности по «экономполитике», до сих пор не выполнено. Известно также, что одним из основных недостатков преподавания такого важнейшего курса из цикла социально-экономических дисциплин, как «экономполитика», является прежде всего недостаточная конкретность, засоренность курса схоластическими рассуждениями «вобщем», по поводу чего так ярко высмеивал наших экономистов т. Ленин²⁾. Появление в свет «Итогов пятилетки»—этой «прекрасной иллюстрации к докладу т. Сталина»—должно в значительной мере заполнить этот пробел. Книга написана простым, доступным для всех языком. В ней даны лишь основные, важнейшие цифры по всем отраслям народного хозяйства, снабженные прекрасным комментированием руководящих работников Госплана. В книге отсутствует перегруженность деталями, в которых тонут основные выводы и которые затрудняют ее изучение малоподготовленным читателем,—в этом также одно из ценных качеств этой книги. Книга дает основные факты, проверенные и точно взвешенные цифры и обобщенные по ним выводы.

Выпуск «Итогов пятилетнего плана» является важным событием также для работников, занимающихся научной разработкой общеметодологических проблем переходной экономики и социализма. Изучать закономерности переходной экономики вне анализа конкретного материала, вне анализа важнейших решений партии и конкретных достижений социалистического строительства—значит заниматься схоластикой, ибо эти закономерности сознательно формируются партией—авангардом рабочего класса. Вспомним, как Ленин зло высмеивал «схоластические рассу-

¹⁾ Сталин, Итоги первой пятилетки.

²⁾ См. например статью Ленина «О едином хозяйственном плане», Собр. соч., т. XXVI, стр. 168.

ждения» и «литературщину» некоторых наших экономистов, писавших в свое время о едином хозяйственном плане. «Пустейшее говорение. Литературщина. Нежелание считаться с тем, что создано в этой области делового, и изучать это. Рассуждения— в длинных пяти статьях—о том, как надо подойти к изучению, вместо изучения данных и фактов».

«Скучнейшая схоластика вплоть до болтовни о законе цепной связи и т. п., схоластика то литературская, то бюрократическая, а живого дела нет.

Хуже того. Высокомерно-бюрократическое невнимание к тому живому делу, которое уже сделано и которое надо продолжать»¹⁾.

Эти указания Ленина должны быть положены в основу также при разработке общеметодологических проблем переходной экономики.

Известно, что в изучении закономерностей переходной экономики решающее значение имеет изучение отдельных этапов развития этой экономики, изучение переходов от одного этапа к другому, качественно отличных один от другого. Но важнейшим из этих этапов является этап первой пятилетки. Именно в годы первой пятилетки мы по всему фронту совершили переход к социалистической реконструкции народного хозяйства, мы вступили в период социализма, окончательно решили вопрос «кто кого» во всем народном хозяйстве, завершили фундамент социалистической экономики и создали предпосылки для окончательной ликвидации классов и завершения технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства во второй пятилетке. Эти качественные сдвиги в нашей экономике, происшедшие за годы первой пятилетки, проиллюстрированы в колонках цифр и на многочисленных конкретных фактах. В цифрах отображены структурные сдвиги нашей экономики, показана борьба классов и коренное изменение классовых сил в пользу социализма. В цифрах и фактах отображены закономерности победоносно шествующего социализма.

Наконец разработка методологических проблем второй пятилетки, подготовка к предстоящему XVII партсезду и продумывание решений этого с'езда могут быть плодотворными лишь при условии глубокого изучения итогов первой пятилетки, ибо установки партии на вторую пятилетку исходят прежде всего из итогов первой пятилетки и целиком на них базируются. Итоги первой пятилетки являются основой наметок второй пятилетки.

* * *

Обратимся теперь к содержанию этой книги.

Первая, вводная глава освещает общие, основные итоги первой пятилетки. Затем идет очень интересная глава «Строительство». Следующий раздел книги посвящен итогам в области промышленности с особым выделением машиностроения, электрификации, топлива, легкой промышленности и т. д. Затем сельское хозяйство, транспорт, труд, товарооборот, финансы, кадры, размещение производительных сил и хозяйственно-культурный подъем национальных республик и областей СССР. В конце книги приложены сводные таблицы по всем важнейшим разделам итогов первой пятилетки. Таково содержание книги.

Давать политическое комментирование этих фактов и цифр—значит пересказывать решения январского пленума ЦК партии, поэтому мы ограничимся здесь лишь некоторыми отдельными, преимущественно общего характера замечаниями.

В первой, вводной главе «Общие итоги» дано интереснейшее освещение конкретных внутренних и международных условий, в которых протекало выполнение пятилетки. Как известно, в оптимальном варианте пятилетнего плана предусматривался ряд особо благоприятных условий, необходимых для его выполнения в пять лет, отсутствие которых должно было удлинить срок выполнения программы. «В процессе выполнения пятилетки эти особо благоприятные условия не только отсутствовали, но в ряде случаев условия были менее благоприятны, чем это

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, изд. 2-е, ч. 1-я, стр. 81.

предусматривалось даже отправным вариантом пятилетнего плана» (стр. 11). Предполагалось например отсутствие в течение пятилетия сколько-нибудь серьезного недорода. На деле же мы имели в 1931 г. по ряду основных восточных зерновых районов значительный недород в сравнении с предыдущими годами. Мы имели дополнительные трудности, связанные с внешней торговлей, в связи со все углубляющимся капиталистическим кризисом; общее сокращение мировой торговли, создание в ряде стран особо неблагоприятных условий для торговых операций с СССР привели к невыполнению экспортно-импортного плана; при этом нужно отметить также неблагоприятное изменение цен на мировом рынке: более резкое падение цен на продукты с. х. и промышленного сырья (основные статьи экспорта СССР), чем на готовые промышленные товары, главным образом на оборудование (основные статьи импорта СССР).

«В условиях меньшего против плана пятилетки объема экспортно-импортных операций осуществление плана индустриализации потребовало перестройки импортного плана в сторону обеспечения ввоза в первую очередь машин для оборудования промышленных предприятий, снабжения сельского хозяйства современными средствами производства при уменьшении ввоза сырья для легкой промышленности» (стр. 12).

Мы вынуждены были также увеличить свою оборонную программу в последний год пятилетки вследствие усилившейся военной опасности.

Одним словом, мы выполнили и перевыполнили в 4½ года задание пятилетки, которое при отмеченных выше неблагоприятных условиях намечалось к выполнению в срок не менее шести лет.

Достаточно напомнить лишь несколько итоговых цифр, чтобы показать, на что способна наша партия, «...если она знает, куда вести дело, и не боится трудностей» (Сталин). Капитальные вложения в обобществленный сектор народного хозяйства в сумме 52,5 млрд. руб., что составляет 411,9 проц. пятилетнего плана, из них в тяжелую промышленность выполнение пятилетки составляет 144,9 проц. и в с. х. 150 проц. Прирост валовой продукции промышленности в последний год пятилетки к 1928 г. составляет 218,5 проц., из них по гр. «А» 257,1 проц. Удельный вес промышленности в валовой продукции народного хозяйства возрос к концу 1932 г. до 70 проц. против 48 проц. в 1928 г. Удельный вес гр. «А» в валовой продукции промышленности возрос в 1932 г. до 52,5 против 44,3 в 1928 г. Народный доход возрос в 1932 г. до 45,1 млрд. руб., что дает увеличение на 85 проц. по сравнению с 1928 г. Обновление основного капитала по целому ряду ведущих отраслей и особенно по машиностроению достигает от 45 до 95 проц. Создан целый ряд гигантов, оборудованных по последнему слову техники и оставляющих зачастую позади уровень европейской техники. Страна из отсталой, аграрной, какой она была до первой пятилетки, превратилась в передовую, промышленную.

Огромное перевыполнение плана по коллективизации и совхозному строительству. За период пятилетки создано свыше 200 тыс. колхозов и 5 тыс. совхозов с охватом обобществленным сектором около 80 проц. всех посевных площадей, организовано 2.446 МТС, сдано сельскому хозяйству 120 тыс. новых тракторов мощностью 1.900 тыс. лошадиных сил, сдано на 1.600 млн. руб. сельскохозяйственных машин. В результате всего этого «разгромлено кулачество, подорваны корни капитализма в с. х. и тем самым обеспечена победа социализма в деревне, а колхозное крестьянство превратилось в прочную опору социалистического строительства. Решена историческая задача перевода мелкого индивидуального раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия, и СССР из страны мелкокрестьянской превратился в страну самого крупного земледелия»¹⁾.

Из двух возможных путей развития крестьянского хозяйства в наших условиях, как стоял вопрос в начале первой пятилетки, один из них — социалистиче-

¹⁾ Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), Партиздат, 1933 г., стр. 11.

ский—превратился в действительность. Тем самым вторая возможность—капиталистический путь—уже исключена.

Мы добились коренного улучшения материального положения рабочих и крестьян, ликвидировав безработицу в городе и уничтожив обнищание и пауперизм в деревне.

Говоря об итогах пятилетки, решающее заключается даже не в том, на сколько процентов удалось выполнить пятилетний план по каждому показателю, решающее заключается в том, что основные задачи пятилетки, сформулированные т. Сталиным, нами выполнены и перевыполнены: завершен фундамент социалистической экономики, создана собственная техническая база для завершения реконструкции всего народного хозяйства, вычищены капиталистические элементы из производственных позиций, разрешено противоречие двух противоположных основ, укреплена обороноспособность страны.

В книге «Итоги пятилетки» последовательно проведена борьба с земско-статистическим подходом к итогам пятилетки, повторявшим зады математической «школы» буржуазной апологетики. В ней дан образец партийного подхода к статистическим закономерностям и к цифровому материалу.

Интереснейший материал дает книга об итогах строительства. «Строительная программа явилась центральной осью первой пятилетки, ибо задачи, поставленные перед пятилеткой, потребовали широчайшего развертывания строительства новых предприятий и создания новой техники. Для этого требовалось, во-первых, «...мобилизация максимума средств на дело финансирования нашей индустрии; на дело финансирования наших совхозов и колхозов и направить на развертывание всего этого дела лучших людей нашей партии»¹⁾. Огромные преимущества нашей советской системы дали возможность не только выполнить, но в значительной мере перевыполнить задание пятилетки по мобилизации средств. Капитальные вложения в тяжелую промышленность были перевыполнены в сравнении с пятилетним планом почти на 45 проц., а в сельское хозяйство—на 50 проц.

Однако большие трудности нужно было преодолеть и в решении проблемы создания материальных условий накопления, поскольку к началу пятилетки объем промышленной продукции и структура промышленного производства не могли явиться достаточной базой для широкого развертывания строительства.

По подсчетам Госплана «производство всех видов строительных материалов и оборудования к началу пятилетки могло обеспечить выполнение строительной программы в размере 4—5 млрд. руб. в год, в то время как пятилетний план намечал доведение годового объема вложений к концу пятилетки до 13 млрд. руб.»²⁾. Добавим тут же, что этот объем капиталовложений в 1932 г. достиг 19,3 млрд. руб.

Правые оппортунисты рассматривали дефицит строительных материалов как непреодолимую преграду для расширения строительства. Знаменитые бухаринские «кирпичи» были призваны как раз для того, чтобы свернуть партию с генеральной линии развития и ориентировать ее на «узкие места». Правые игнорировали преимущество плановой природы нашего хозяйства и рассматривали наличие данного количества «кирпичей» как нечто объективно данное, независимое от нашей воли и настойчивости, как внешне положенный предел.

«Для того, чтобы капитальное строительство было реальностью,—пишет Бухарин,—необходимо обеспечение не только соответствующего количества денег, выражающего собой спрос на строительные материалы и т. д., но и соответствующее предложение этих последних, их физическое, натуральное бытие, их простая наличность, притом не их будущая «наличность», а наличность настоящая, ибо из «будущих кирпичей» нельзя строить «настоящие» фабрики даже по Бем-Баверку»³⁾.

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 562.

²⁾ «Итоги пятилетки», стр. 40.

³⁾ Бухарин, Заметки экономиста, стр. 46—47.

Сопоставляя наличное количество цемента и кирпича с существующей потребностью в них, т. Бухарин делает вывод, что «очевидно взяты недостаточно правильные соотношения между ростом текущего производства промышленности и ростом капитального строительства...», «...что промышленность в своем развитии натывается на границы этого развития...»¹⁾. Одним словом, взяты непосильные темпы индустриализации, да и вся программа индустриализации не по плечу рабочему классу.

Однако партия, беспощадно преодолевая сопротивление классового врага и его агентуры, не остановилась перед трудностями как перед непреодолимым препятствием. Воля и производственный энтузиазм масс, твердое и правильное руководство партии с успехом преодолели трудности. Мы расширяли производство строительных материалов в самом процессе развертывания социалистического строительства. За годы пятилетки мы больше чем удвоили производство цемента, повысив его качество, и утроили производственную мощность цементных заводов, мы утроили производство кирпича, наряду с этим создали и внедрили в строительство целый ряд новых строительных материалов, целый ряд ценнейших заменителей, зачастую значительно превосходящих по качеству старые строительные материалы, и т. д. Причем мы произвели настоящий переворот в самой технике строительства. Все это лишь иллюстрирует знаменитые слова т. Сталина, что наши трудности есть трудности роста и что «они сами дают нам базу для их преодоления».

Партия ухватилась за основное звено социально-технической реконструкции народного хозяйства—машиностроение—как сердцевину индустриализации.

«Такие отрасли производства, как станкостроение, автотракторная промышленность, производство горнометаллургического и энергетического оборудования и др., или отсутствовали или находились в зачаточном состоянии к началу пятилетки. Без форсированного развития их в первую очередь невозможно было бы выполнить намеченную пятилетним планом строительную программу в целом»²⁾.

Это предопределило и направление капиталовложений. Удельный вес вложений в тяжелую промышленность в общем объеме вложений в народное хозяйство составил в первый год пятилетки 33,3 проц. и в последний год пятилетки—43,6 проц., а в общей сумме вложений в промышленность он составил соответственно 78,2 и 87,6 проц. Причем из общей суммы вложений в промышленность большая часть была направлена на строительство новых предприятий, среди которых подавляющий удельный вес составляли особо крупные стройки-гиганты. В «Итогах пятилетки» приведена интересная таблица, показывающая распределение капиталовложений в промышленность за первый и последний годы пятилетки.

Направление капитальных вложений	1928—29 г.	1932 г.
Новое строительство	27,7	46,3
Расширение и реконструкция	45,5	27,5
Капитальный ремонт	9,3	4,0
Прочие работы	17,5	22,2
Всего	100,0	100,0

Из таблиц явствует, что в то время как в начале пятилетки на новое строительство во всей сумме капиталовложений приходилось 27,7 проц., к концу пятилетки—45,5 проц. При этом нужно также иметь в виду, что «.. в целом ряде случаев осуществление реконструктивных работ по действующим предприятиям дало такое

¹⁾ Бухарин, Заметки экономиста, стр. 37—38.

²⁾ «Итоги пятилетки», стр. 41.

возрастание их основных фондов и такое повышение технического уровня, что по сути дела мы имеем здесь строительство новых предприятий»¹⁾.

В результате всех этих усилий партии было введено за 4¼ года в эксплуатацию новых основных фондов по обобществленному сектору народного хозяйства на сумму 40,5 млрд. руб., из них по промышленности—15,3 млрд. руб., по сельскому хозяйству—9,7 млрд. руб. и по транспорту—8,8 млрд. руб. Это составляет по обобществленному сектору народного хозяйства удвоение, а по тяжелой промышленности утроение действующих основных фондов к началу пятилетки.

Обновление основного капитала по отдельным отраслям тяжелой промышленности достигает 70—80 и 90 проц. (см. стр. 47—52, а также сводную таблицу на стр. 258). Причем если мы рассмотрим это обновление основного капитала по отдельным элементам материальных основных фондов, то увидим, что наибольшей степени обновления подвергались именно такие части основных фондов, как производственное оборудование, инструменты, затем идут транспорт, сооружение и наконец значительно более низкий процент обновления дают здания. Процент обновленных зданий высок лишь в тех отраслях, где происходит преимущественно новое капитальное строительство, т. е. в новых отраслях производства. Это говорит о том, что наибольшей степени обновления подвергались такие части основных фондов, которые играют решающую роль в техническом преобразовании, в повышении производительности труда, увеличении производственной мощности промышленности.

Наконец, говоря о росте основных фондов, необходимо особо выделить также те отрасли, которые созданы у нас заново. Такие отрасли, как электростроение, тракторостроение, целый ряд отраслей и предприятий по производству нового типа машин, гигантские металлургические, энергетические и химические комбинаты, наконец такие электростанции, как ДГЭС и т. д.,—все это качественно просто несопоставимо с прежними наличными фондами.

Крайне важно отметить также, что наряду с выполнением огромной программы ввода в эксплуатацию нового основного капитала строительство первой пятилетки обеспечило как бы громадный «задел» в строительстве, который позволит в еще большей степени увеличить размер вводимых в эксплуатацию новых основных фондов в ближайшие годы. Так например, если на начало первой пятилетки незавершенное строительство составляло 1,7 млрд. руб., или 31 проц. годовой суммы вложений, то на конец пятилетки размер незавершенного строительства составляет 13,7 млрд. руб., или 76 проц. по отношению к плану капитальных работ на 1933 г. При этом налицо значительное повышение процента готовности осуществляемого строительства²⁾.

В области ж.-д. транспорта за 1928—1932 гг. развернуто строительство 14 тыс. км. новых железных дорог, из которых на протяжении первой пятилетки сдано в эксплуатацию 6.500 км., причем из последних около 80 проц. приходится на отдаленные окраины и национальные республики, что является одним из важнейших конкретных показателей осуществления ленинской национальной политики.

Общая длина станционных путей увеличилась за годы пятилетки на 8.700 км.

Паровозный парк ж. д. пополнился 2.666 новыми товарными паровозами серии «Э» и 288 пассажирскими паровозами серии «СУ».

Проведена большая работа по реконструкции и рационализации в эксплуатации существующего пути и подвижного состава.

Задание пятилетнего плана по грузообороту и пассажироперевозкам ж.-д. транспортом выполнено с успехом. Так, грузооборот ж. д. возрос к концу пятилетки на 181,3 проц. против 1928 г. и по пассажироперевозкам на 343,3 проц., что составляет выполнение программы пятилетнего плана соответственно 104,1 и 237,6 проц.

¹⁾ «Итоги пятилетки», стр. 43.

²⁾ См. «Итоги пятилетки», стр. 48.

Однако, несмотря на огромные успехи ж.-д. транспорта в первой пятилетке, в настоящее время транспорт не справляется еще с поставленной перед ним задачей и продолжает пока еще оставаться узким местом в народном хозяйстве. Последние решения партии о перестройке ж.-д. транспорта должны сыграть решающую роль в коренном улучшении работы ж.-д. транспорта.

По сельскому хозяйству стоимость мертвого инвентаря возросла к концу 1932 г. до 4,3 млрд. руб. против 2,7 млрд. руб. с начала 1928 г., а стоимость мертвого инвентаря обобщественного сектора—до трех с лишним млрд. руб. против 169,5 млн. руб. в 1928 г. Подводя новую техническую базу под сельское хозяйство, снабжая его новейшими с.-х. орудиями (тракторы, комбайны и т. д.), мы тем самым придаем новую качественную характеристику самому накоплению в сельском хозяйстве. Речь идет здесь не только о количественном возрастании основных производственных фондов в сельском хозяйстве, но и о том, что эти фонды представляют новые, невиданные доселе в нашем сельском хозяйстве орудия производства. Тот же самый количественный прирост основных фондов простейших с.-х. орудий, исчисляемый в рублях, например сохи, конные плуги, ручные веялки, повозки и т. д., и прирост сложнейших с.-х. орудий, как трактор, комбайн, грузовой автомобиль и т. д., дает совершенно различный экономический эффект. В первом случае означало бы лишь экстенсивное развитие производительных сил, развитие лишь вширь, без изменения объективных факторов труда, во втором же случае мы имеем интенсивное развитие производительных сил, сопровождаемое развитием техники, которое подводит прочную базу для роста производительности труда, этого главного и решающего в конечном счете фактора.

Этот процесс социально-технической реконструкции сельского хозяйства, происходящей на основе индустриализации СССР, является крупным шагом в направлении изживания противоположности между городом и деревней и создает действительные предпосылки для превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального труда.

Все эти данные о громадном обновлении основного капитала, о создании новой, социалистической техники в промышленности и земледелии со всей яркостью подтверждают историческое значение лозунга т. Сталина об освоении техники, о пополнении пафоса строительства пафосом освоения. От этого будет зависеть дальнейшее ускорение всего нашего движения.

Освоение новой техники и борьба за качественные показатели являются сейчас решающими факторами в деле создания новых источников социалистического накопления, о которых говорил т. Сталин в своей речи о новых хозяйственных задачах.

Высокая техническая основа, созданная в тяжелой промышленности, дает возможность невиданного роста производительности труда и снижения себестоимости. Тяжелая промышленность в период второй пятилетки должна занять принадлежащее ей почетное место в деле создания новых источников социалистического накопления. Но для этого необходимо преодолеть имеющиеся недостатки в налаживании производственного процесса, добиться овладения полной производственной мощностью новых гигантов, наладить организацию труда и добиться решительного проведения не на словах, а на деле директив т. Сталина о работе в новой обстановке.

«Нашим экономистам было бы не грех подсчитать,—пишет передовая «Правды», посвященная предстоящему XVII съезду,—сколько десятков тысяч тракторов, грузовых машин, автомобилей, паровозов, вагонов и т. д. получит страна в буквальном смысле слова без особых затрат, если рабочие и колхозники по-настоящему, как подобает хозяевам, научатся обращаться с этими машинами и овладеют производственным аппаратом, созданным в первой пятилетке».

Предварительные итоги текущего года, первого года второй пятилетки, говорят об имеющейся уже значительном переломе в деле овладения техникой по целому ряду отраслей тяжелой промышленности. Так например за 9 месяцев в тяже-

лой промышленности себестоимость—этот основной обобщающий показатель освоения—снижена по сравнению с этим же периодом прошлого года на 4 проц. Машиностроение снизило себестоимость на 14,6 проц., автотракторная промышленность—на 24,5 проц. План накопления выполнен машиностроительной отраслью к 1 сентября на 101,3 проц., химией—на 80,3 проц. и т. д. ¹⁾ Наши автотракторные и автомобильные гиганты выпускают сейчас тракторов и автомобилей в два—три раза больше, чем в первый период их пуска, при том же самом количестве станков и даже несколько меньшем числе рабочих. Эти предприятия показывают образец большевистского овладения техникой.

Первый год второй пятилетки принес также огромные успехи в овладении крупным социалистическим земледелием, в повышении урожайности социалистических полей, в укреплении колхозов и осуществлении лозунга т. Сталина превратить все колхозы в большевистские, а колхозников в зажиточных. Достаточно указать, что к 5 ноября «мы заготовили хлеба по крайней мере на 100 млн. пудов больше, чем за весь прошлый год» ²⁾. К 15 декабря годовой план хлебозаготовок по всему Союзу выполнен полностью.

Огромные успехи в сельском хозяйстве и в тяжелой промышленности создали все необходимые условия для невиданного роста легкой промышленности.

За годы первой пятилетки легкая промышленность и особенно промышленность Наркомснаба развивалась довольно интенсивно. Достаточно указать, что за период 1928—1932 гг. валовая продукция гр. «Б» почти удвоилась. Однако гораздо более усиленно должна развиваться легкая промышленность во второй пятилетке. Растущие материальные и культурные потребности рабочего класса и колхозников предъявляют дополнительные, повышенные требования к легкой промышленности. Тов. Сталин в беседе с делегацией колхозников Одесской области заявил, что товаров широкого потребления будет выпускаться отныне вдвое и втрое больше.

Это указание вождя партии легкая промышленность должна выполнить. Для этого налицо все необходимые условия.

Книга «Итоги пятилетки» дает также интереснейшие и исчерпывающие данные о подготовке просвещенских кадров за период первой пятилетки. Сводные таблицы, посвященные этому вопросу, а также богатый текстовый материал весьма наглядно показывают грандиозные достижения партии в этой области. Достаточно указать, что количество специалистов, имеющих законченное высшее и среднее специальное образование, занятых в производственных отраслях народного хозяйства, возросло в два с половиной раза, количество преподавателей в школах Соцвоса возросло почти в два раза. Насыщенность промышленности специалистами (инженеры, техники и практики) на каждую сотню занятых рабочих возросла до 6,9 чел. против 3,8 чел. в 1927—1928 г. Наряду с этим мы имеем более чем утроенное количество обучающихся в высших и средних учебных заведениях. Учащихся в школах ФЗУ возросло в 6,6 раза и на рабфаке в 9 раз.

В сельском хозяйстве количество специалистов высшей квалификации возросло в 3 раза и средней квалификации в 5 раз. Подготовлено массовых кадров для сельского хозяйства (трактористов, шоферов, бригадиров и т. д.) по совхозному и колхозному сектору около 4,5 млн. чел.

Наконец в области всеобщего обучения—этом решающем факторе культурной революции—мы имеем за годы пятилетки невиданные успехи. Количество учащихся в начальных и средних школах возросло в 2 с лишним раза, достигнуто в 1932 г. 23,1 млн. чел.; охват детей начальной школой в возрасте от 8 до 11 лет достигает 93 проц.

«К концу пятилетки почти полностью разрешена задача введения всеобщего

¹⁾ См. «Экономическая жизнь» от 26 ноября 1933 г.

²⁾ См. доклад Молотова от 6/XI 1933 г.

начального обучения не только по Союзу в целом, но и по всем национальным республикам и областям. В Средней Азии контингенты начальной школы увеличились по сравнению с 1927—28 г.: по Узбекской ССР в 4,2 раза, по Туркменской ССР в 3,7 раза, по Таджикской ССР в 8 раз¹⁾).

За годы пятилетки охвачено ликвидацией неграмотности и малограмотности свыше 45 млн. чел. Процент грамотности по СССР поднялся до 90. По отдельным национальным республикам, бывшим в дореволюционное время особенно отсталыми, уровень грамотности поднялся: по Таджикской ССР с 4 проц. к началу пятилетки до 52 проц., по Туркменской ССР с 13,5 проц. до 61 проц., по Узбекской ССР с 12 проц. до 72 проц., по Закавказью с 36 проц. до 86 проц.²⁾

Богатейший итоговый материал содержится в «Итогах пятилетнего плана» также по вопросу о размещении производительных сил в первой пятилетке и о хозяйственно-культурном подъеме национальных республик.

«Социалистическое размещение производительных сил является частью программы построения социализма» (стр. 228). Задачи социалистической индустриализации, изживания противоположности между городом и деревней, ликвидации экономической отсталости национальных районов «обусловили необходимость коренного изменения сложившегося в дореволюционной России размещения производительных сил». В итоге пятилетки мы имеем огромное продвижение промышленности на Восток, приближение центров промышленного производства к источникам сырья и энергии, громадное ускорение индустриального развития ранее отсталых, аграрных районов Советского союза.

«Если за годы пятилетки объем промышленного производства по старым промышленным районам Союза возрос в 2 раза, то объем промышленного производства национальных республик и областей Советского союза возрос за годы пятилетки более чем в 3,5 раза» (стр. 239). Создана на Востоке вторая угольно-металлургическая база, построен Турксиб, давший новые выходы продукции среднеазиатских республик, развернуто строительство крупного завода с.-х. машиностроения в Ташкенте, создана в Средней Азии и Закавказье сеть текстильных предприятий, создана хлопковая база в Азербайджане, завершена коренная реконструкция нефтяной промышленности Закавказья, создана целая система гидроэлектростанций и т. д. и т. п. Таковы лишь отдельные примеры, иллюстрирующие итоги пятилетки в области социалистического размещения производительных сил по стране и хозяйственного подъема ранее угнетенных национальных республик.

* * *

Наша партия готовится к предстоящему XVII съезду, на котором будут обсуждены основные задачи второго пятилетнего плана. Этот съезд является съездом построения бесклассового социалистического общества, съездом завершения социально-технической реконструкции всего народного хозяйства. К этому съезду готовятся не только члены нашей партии, но вместе с ними и многомиллионные массы рабочего класса и колхозного крестьянства—активные и сознательные участники социалистического строительства.

Итоги первой пятилетки являются основой и исходным моментом второго пятилетнего плана. Книга, глубоко и правдиво освещающая эти итоги, является незаменимым пособием для многомиллионных масс трудящихся к уяснению задач предстоящего партийного съезда.

КОСЯЧЕНКО

¹⁾ «Итоги пятилетки», стр. 246.

²⁾ Там же, стр. 247.

ЗАМЕТКИ

Под знам. маркс. № 6.

1933 г.

О позиции И. Е. Тамма в отношении принципиальных воззрений Фарадея и Максвелла*)

1. В № 2 журнала «Под знаменем марксизма» за 1933 г. помещенная после статей И. Е. Тамма и В. П. Егоршина заметка «От редакции» заканчивается (стр. 263) приглашением по адресу отдельных научных работников высказаться на страницах журнала по конкретным темам, касающимся основных проблем естествознания. Этот призыв является первым мотивом написания настоящей краткой статьи. Вторым мотивом послужило то обстоятельство, что И. Е. Тамм в своей статье «О работе философов-марксистов в области физики» между прочим высказывается определенно отрицательно по поводу моих взглядов, умалчивая об их существовании. В примечании, которым И. Е. Тамм сопровождает разбор воззрений З. А. Цейтлина, он говорит следующее¹⁾:

«Сторонники этих взглядов любят ссылаться на авторитет некоторых ученых, в частности на Дж. Дж. Томсона и на акад. Миткевича. Дж. Дж. Томсон, 75-летний старец, имеет в прошлом громадные заслуги перед физикой, и во имя элементарных человеческих чувств я хотел бы воздержаться от рассмотрения научной ценности его работ последнего периода. Академик Миткевич имеет большие заслуги в области электротехники, однако в области теоретических представлений действительно придерживается взглядов, довольно близких к упомянутым высказываниям т. Цейтлина».

2. Совершенно не понимаю, какие именно элементарные человеческие чувства руководили И. Е. Таммом, когда он не считал возможным хотя бы указать, что Дж. Дж. Томсон и немногие другие, в том числе я, придерживаются принципиальной фарадеев-максвелловской точки зрения, согласно которой все физические взаи-

*) Помещая настоящий отклик акад. В. Ф. Миткевича на статьи, помещенные в № 2 журнала «П. З. М.», редколлегия подчеркивает, что неустанная защита акад. В. Ф. Миткевичем положения об объективности физических процессов, происходящих в электромагнитном поле, является борьбой за основы научного материалистического понимания природных явлений. Редакция отмечает, что критикующие взгляды акад. В. Ф. Миткевича профессора Я. Н. Шпильрейна, Я. И. Френкеля, И. Е. Тамма и некоторые другие или не дают прямого и ясного ответа на поставленный им вопрос или дают идеалистический ответ, отрицая объективность физических процессов в поле.

Придавая огромное значение последовательной борьбе за научное марксистско-ленинское, диалектико-материалистическое мировоззрение, редколлегия «П. З. М.» готова представить страницы «П. З. М.» для выявления корней борющихся в современной физике двух основных философских направлений—материалистического и идеалистического—и призывает всех научных работников данной области, особенно профессоров Шпильрейна, Френкеля и Тамма, к ясному ответу на поставленный им вопрос.

Редколлегия «П. З. М.»

¹⁾ «П. З. М.» № 2, 1933 г., стр. 226.

модействия совершаются не иначе, как при непременном участии реальной среды, окружающей взаимодействующие физические центры, и что в этом состоит сущность и основа всех наших попыток того или иного развития вытекающих из этой точки зрения следствий. И. Е. Тамм не считал далее необходимым указать, что основная материалистическая точка зрения Фарадея—Максвелла решительно антагонизирует с точкой зрения *actio in distans*, т. е. действия на расстоянии, что эта последняя составляет характерную принципиальную установку некоторых из руководящих физиков, идеалистические взгляды которых защищает И. Е. Тамм.

Вместо всего этого И. Е. Тамм совершенно бездоказательно и голословно утверждает (1, с., стр. 226), что «всякая попытка вернуть науку вспять—ко времени Фарадея и Максвелла—является по существу глубоко реакционной».

3. Ясно конечно, что никто из сторонников принципиальных фарадеев-максвелловских воззрений и не помышляет о том, чтобы игнорировать экспериментальные и теоретические достижения современной физики. Речь идет только о том, чтобы выявить корни ряда противоречий, которыми так богата современная физика, и наметить пути к их устранению. Как показывает анализ наших основных физических представлений¹⁾, только принципиальные фарадеев-максвелловские установки могут служить тою путеводною нитью, которая, надо полагать, облегчит нам понимание сущности физических явлений и поможет созданию стройной физической теории. Необходимо, наконец, со всею определенностью признать, что доминирующая среди современных физиков-теоретиков, отрицающих материальность силовых полей, точка зрения *actio in distans* является в полном смысле слова псевдофизической и что в действительности никакие физические явления не могут протекать без непременного участия среды, окружающей взаимодействующие физические центры.

4. И. Е. Тамм весьма ошибается, говоря: «... в области статических и квазистационарных электромагнитных явлений, изучением которых в сущности только и ограничивался Фарадей, теория силовых линий как в первоначальной, так и в современной своей форме (теория поля), и теория дальнего действия совершенно эквивалентны: каждая из них способна вполне правильно описать всю совокупность явлений, отличааясь только сосредоточением внимания, выдвиганием на первый план одной определенной группы их многообразных свойств»²⁾.

Можно говорить об эквивалентности этих двух точек зрения лишь в отношении формально-математического описания некоторых частных сторон физических явлений. Вообще же говоря, эти точки зрения совершенно неэквивалентны и решительно исключают одна другую³⁾. Это выявляется с особою очевидностью именно при рассмотрении всей совокупности того, что может происходить в действительности. Для иллюстрации сказанного я, выступая в течение ряда лет против точки зрения *actio in distans*, сформулировал между прочим вопрос⁴⁾, который в наиболее общем виде сводится к следующему. Представим себе две каких-либо системы А и В (рис. 1), находящихся на некотором расстоянии одна от другой и могущих физически

¹⁾ Миткевич, Основные воззрения современной физики. Речь, читанная на торжественном годовом собрании Академии наук СССР 2 февраля 1933 г. Отчет Академии наук СССР за 1932 г. и сборник «Карлу Марксу Академия наук СССР».

²⁾ И. Е. Тамм, Руководящие идеи в творчестве Фарадея, «Успехи физических наук» 1932 г., вып. 1-й, стр. 26—27.

³⁾ Подробности см. в вышеупомянутой речи «Основные воззрения современной физики».

⁴⁾ Беседы о природе электрического тока. «Электричество», №№ 3, 8 и 10, 1930 г., 2-я беседа. См. также Миткевич, «Основные воззрения современной физики».

взаимодействовать (например два электрических заряда, два магнита или электромагнита и т. д.). Допустим далее, что система А окружена со всех сторон двумя замкнутыми поверхностями S_1 и S_2 , нигде не касающимися между собой и не пересекающимися. Спрашивается:

Могут ли системы А и В так взаимодействовать одна с другой, чтобы при этом в слое, ограниченном поверхностями S_1 и S_2 , не происходило какого бы то ни было физического процесса?

Сущность воззрений Фарадея и Максвелла, возврат к которым квалифицируется И. Е. Таммом как нечто «глубоко реакционное», диктует нам совершенно категорический ответ «нет». Я полагаю, что этот ответ «нет» безусловно обязателен для всякого физика.

Приходится однако констатировать, что подавляющее большинство современных руководящих физиков уклонилось от принципиальных материалистических воззрений Фарадея и Максвелла и следовательно их ответом на сформулированный мною вопрос, в соответствии с защищаемой этими физиками точкой зрения действия на расстоянии, необходимо признать «да».

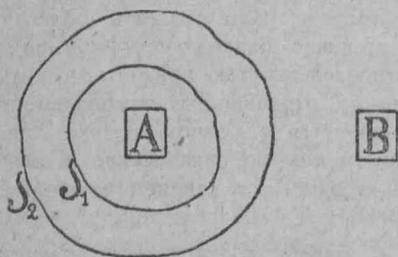

Рис. 1

Эти ответы «нет» и «да» в полной мере непримиримы, несовместимы. Совершенно очевидно, что невозможно создать такую физическую теорию, согласно которой в слое между поверхностями S_1 и S_2 (рис. 1) одновременно и происходил бы некоторый физический процесс и решительно ничего не происходило бы. Что-либо одно: или «да» или «нет»! О какой-либо эквивалентности фарадеев-максвелловской точки зрения и точки зрения действия на расстоянии в рассматриваемом случае не может быть и речи. А между тем вышеприведенные утверждения

И. Е. Тамма об эквивалентности обязывают его как-то синтезировать эти ответы «нет» и «да», т. е. совместить несовместимое. В противном же случае он должен признать неправильность своих утверждений и многое изменить в своих общих физических построениях.

5. Если бы И. Е. Тамм на сформулированный мною вопрос, относящийся к рис. 1, мог ответить категорическим «нет» подобно тому, как это должны сделать все, признающие вместе с Фарадеем объективность электромагнитного поля и материальный характер происходящих в нем процессов, то он несомненно учел бы ряд вытекающих из этого четкого ответа «нет» логических выводов и конечно вынужден был бы хоть в некоторой степени поддержать основную материалистическую посылку критикуемых им взглядов З. А. Цейтлина.

6. Есть еще один весьма существенный пункт моего несогласия с принципиальными установками И. Е. Тамма. Дело в том, что он повидимому полагает¹⁾, что существуют категории физических явлений, не связанных с какими бы то ни было пространственными перемещениями. В связи с этим и «эфир» И. Е. Тамма не является какой-то основной физической субстанцией, а представляет собою нечто, настолько не обладающее признаками физической реальности, что в отношении этого «нечто» самая мысль о пространственном перемещении кажется ему неприемлемой. Я же признаю, что всякий физический процесс, всякое сложное движение (в общепhilosophическом смысле слова) обязательно связано с какими-либо

¹⁾ И. Е. Тамм, О работе философов-марксистов в области физики, «П. З. М.», 1933 г., стр. 225—227.

пространственными перемещениями, которые хотя и могут не исчерпывать природы данного сложного движения, но тем не менее неотделимы от него и ни в коем случае не должны быть игнорируемы. Я утверждаю далее, что представление о физическом эфире, к признанию которого приводит нас фарадеев-максвелловская точка зрения, должно быть совместимо с идеей о пространственных перемещениях объемных элементов этого эфира, если только мы допускаем возможность возникновения в нем каких-либо физических процессов.

7. В заключение я считаю необходимым указать, что, по моему мнению, выход из того положения, в котором находится современная физическая мысль, заключается в том, чтобы перестав оперировать такими сугубо «страшными» словами, как «глубоко реакционный», «механистический» и т. п., или такими исключительно деликатными мотивами, как «элементарные человеческие чувства», мы углубились в беспристрастный анализ наших основных физических представлений с точки зрения их вероятного соответствия тому, что может происходить в действительности. В этом отношении я особенно имею в виду представление о действии на расстоянии, псевдофизический характер которого накладывает своеобразный отпечаток на все наши построения и сильно тормозит правильное понимание явлений природы.

Акад. В. МИТКЕВИЧ

Тематический указатель статей, помещенных в журнале „Под знаменем марксизма“ за 1933 г.

МАРКС, ЭНГЕЛЬС, МАРКСИЗМ

- Адоратский В. Карл Маркс как основоположник научного коммунизма. № 3, стр. 1.
Бобровников Н. Маркс об уничтожении противоположностей между умственным и физическим трудом. № 2, стр. 188.
Быховский Б. «Немецкая идеология» Маркса—Энгельса и социал-фашизм. № 1, стр. 150.
Васильева А. Маркс и «Святое семейство». № 1, стр. 116.
Кровицкий Г. Маркс о пролетарской партии. № 2, стр. 133.
Липендин П. и Николаев С. О философском развитии Маркса (Маркс до 1844 г.). № 2, стр. 74.
Максимов А. Марксизм и естествознание. № 2, стр. 50.
Митин М. Материалистическая диалектика—философия пролетариата. № 2, стр. 10.
От Института Маркса—Энгельса—Ленина (К математическим рукописям Маркса). № 1, стр. 14.
Розенталь М. Разработка категорий сущности и явления в «Капитале» Маркса. № 3, стр. 13.
Штейн О. Программный документ марксизма. № 2, стр. 110.
Щукарь М. Маркс как историк. № 2, стр. 161.
Яновская С. О математических рукописях К. Маркса. № 1, стр. 74.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА

Маркс К. Математические рукописи. № 1, стр. 15.

ЛЕНИН, ЛЕНИНИЗМ, ЛЕНИНСКИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

- Волков Н. Ленин и вопросы технической революции. № 6, стр. 176.
Дворкин И. Ленин и Сталин и Коминтерн о новом туре революций и войн. № 6, стр. 50.
Косяченко Г. К ленинскому наследству по теории воспроизводства. № 6, стр. 236.
Крупская Н. Обстановка, в которой писалась статья Ленина «О значении воинствующего материализма». № 1, стр. 147.
Максимов А. О механицизме и марксизме в естествознании. № 5, стр. 124.
Митин М. Сталин и материалистическая диалектика. № 6, стр. 21.
От редакции. (К статьям А. Максимова и А. Тимирязева). № 5, стр. 173.
Передовая. 30-летие большевистской партии. № 4, стр. 1.
То же. XVII съезд ВКП(б). № 6, стр. 1.
Селектор М. О раздвоении единого и борьбе противоположностей как сути диалектики. № 3, стр. 35.
Федосеев П. Ленин о социальных и гносеологических корнях религии. № 4, стр. 159.
Черемных П. Кооперативный план Ленина и победа колхозного строя. № 6, стр. 80.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

- Бобровников Н. Маркс об уничтожении противоположностей между умственным и физическим трудом. № 2, стр. 188.
- Гришин В. Вопросы воспитания новой дисциплины на современном этапе. № 6, стр. 142.
- Дворкин И. Ленин и Сталин и Коминтерн о новом туре революций и войн. № 6, стр. 50.
- Досев П. Борьба на философском фронте в Болгарии и большевизация БКП. № 4, стр. 90.
- Константинов Ф. Ленинское учение о социалистических формах труда и политотделы. № 6, стр. 117.
- Косяченко Г. К ленинскому наследству по теории воспроизводства. № 6, стр. 236.
- Передовая. Марксизм-ленинизм и социал-фашизм. № 2, стр. 1.
- То же. XVII с'езд ВКП(б). № 6, стр. 1.
- Черемных П. Кооперативный план Ленина и победа колхозного строя. № 6, стр. 80.

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ, ФАШИСТСКИХ, СОЦИАЛ-ФАШИСТСКИХ И РЕВИЗИОНИСТСКИХ ТЕОРИЙ

- Адамян Г. Марксизм, лассальянство и социал-фашизм. № 1, стр. 167.
- Быховский Б. «Немецкая идеология» Маркса—Энгельса и социал-фашизм. № 1, стр. 150.
- Вольфсон С. Об идеологии загнивающего капитализма. № 4, стр. 61.
- Вышинский П. Подготовка новой войны за ширмой социал-фашистского пацифизма. № 5, стр. 40.
- Деборин А. Выступление на научной сессии Ин-та философии Комкадемии. № 3, стр. 141.
- Его же. Германский фашизм и СССР. № 5, стр. 66.
- Золотарев А. Буржуазная этнография и вопрос о первобытном коммунизме. № 5, стр. 208.
- Коровин Е. Германский фашизм и религия. № 3, стр. 78.
- Лифшиц С. Антитехницизм и кризис буржуазного естествознания. № 4, стр. 115.
- Муравьев Е. Как К. Каутский извратил марксизм в вопросе о происхождении христианства. № 1, стр. 193.
- Передовая. Марксизм-ленинизм и социал-фашизм. № 2, стр. 1.
- Подволоцкий И. Выступление на научной сессии Ин-та философии Комкадемии. № 3, стр. 153.
- Познер В. Философия марксизма и социал-фашизм. № 3, стр. 64.
- Сарабьянов В. Выступление на научной сессии Ин-та философии Комкадемии. № 3, стр. 135.
- Чулук Т. Экономическое учение Маркса в освещении К. Каутского. № 3, стр. 103.
- Широков И. Марксизм в изображении социал-фашистов. № 5, стр. 27.

ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

- Бах А. За внедрение теории материалистической диалектики в естествознание. № 2, стр. 216.
- Волков Н. Некоторые вопросы истории науки и техники. № 4, стр. 144.
- Его же. Ленин и вопросы технической революции. № 6, стр. 176.
- Егоршин В. Как И. Е. Тамм критикует марксистов. № 2, стр. 232.
- Кедров Б. Понятие термодинамической вероятности. № 3, стр. 89.
- Лифшиц С. Антитехницизм и кризис буржуазного естествознания. № 4, стр. 115.
- Максимов А. Марксизм и естествознание. № 2, стр. 50.
- Его же. О механицизме и марксизме в естествознании. № 5, стр. 124.
- Никитин Н. Естественная наука о человеке и социализм. № 6, стр. 217.
- От редакции. (К статьям И. Тамма и В. Егоршина). № 2, стр. 261.
- От редакции. (К статьям А. Максимова и А. Тимирязева). № 5, стр. 173.
- Перрен Ф. Структурные элементы атомного ядра. № 5, стр. 66.
- Тамм И. О работе философов-марксистов в области физики. № 2, стр. 220.
- Тимирязев А. Волна идеализма в современной физике на Западе и у нас. № 5, стр. 94.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ И АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ

- Коровин Е. Германский фашизм и религия. № 3, стр. 78.
 Крупская Н. Обстановка, в которой писалась статья Ленина «О значении воинствующего материализма». № 1, стр. 147.
 Луначарский А. О роли пролетарского государства в развитии социалистической культуры. № 6, стр. 259.
 Муравьев В. Как К. Каутский извратил марксизм в вопросе о происхождении христианства. № 1, стр. 193.
 Обращение ЦС СВЕ, ЦБ СНР, ЦБ ВАРНИТСО ко всем научным обществам и институтам, ко всем работникам науки и техники. № 2, стр. 213.
 Федосеев П. Ленин о социальных и гносеологических корнях религии. № 4, стр. 159.
 Юдин П. Марксизм-ленинизм о культуре и культурной революции. № 4, стр. 29.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Пиков В. У истоков эмпиризма. (Философия Мишеля Монтеня). № 5, стр. 195.
 Сливкер Б. «Докритический» Кант. № 4, стр. 179.
 Ческис Л. Джозеф Пристли, английский материалист XVIII века. № 5, стр. 174.

СПИСОК РЕЦЕНЗИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив истории науки и техники. Вып. I. Труды Ин-та истории науки и техники при Академии наук СССР. Л., 1933 г.—Волков Н. и Ильинский И., «Первый опыт». № 5, стр. 235.
 Богданов Б. и Михайлов В. Проблема причинности в истории новой философии и диалектический материализм. Под ред. В. Вандека и В. Тимоско. Партиздат.—Кольман Э., «О полезных книжках, требующих исправления». № 3, стр. 174.
 Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР Партиздат, 1933 г.—Косяченко Г., «Исторический документ». № 6, стр. 268.
 Маркс К. Избранные произведения в 2 томах. Под ред. В. Адоратского—Абрамов Я. № 3, стр. 169.
 Его же. Критика Готской программы. Под ред. В. Адоратского. Партиздат, 1932 г.—Абрамов Я. № 1, стр. 210.
 Михайлов В. См. Богданов Б. и Михайлов В.
 Пиков В. Пьер Бейль. Под ред. И. Луппола. ОГИЗ, Гос. антирелиг. изд-во. М., 1933 г.—Вандек В. и Тимоско В. № 4, стр. 219.
 Тарадин И. Классовая борьба в медицине. Книгоиздательство «Коммуна», Воронеж, 1932 г.—Климовицкий В. № 4, стр. 215.
 Учебник по диамату. Под ред. И. Ширвиндта и Р. Янковского, составленный бригадой Ин-та философии ЛОКА. Партиздат.—Каммари М., Константинов Ф., Юдин П., Дмитриев Г. № 3, стр. 162.
 «Философия» (англ. журнал) за 1932 г.—Брушлинский В. № 1, стр. 218.
 Французская социал-фашистская печать к 50-летней годовщине со дня смерти К. Маркса.—Остерман Э., «Великая годовщина и французские социал-фашисты». № 2, стр. 264.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

статей, помещенных в журнале «П. З. М.» за 1933 г.

- Адамян Г. Марксизм, лассальянство и социал-фашизм. № 1, стр. 167.
 Адоратский В. Карл Маркс как основоположник научного коммунизма. № 3, стр. 1.
 Бах А. За внедрение теории материалистической диалектики в естествознание. № 2, стр. 216.
 Бобровников Н. Маркс об уничтожении противоположностей между умственным и физическим трудом. № 2, стр. 188.
 Быховский Б. «Немецкая идеология» Маркса—Энгельса и социал-фашизм. № 1, стр. 150.
 Васильева А. Маркс и «Святое семейство». № 1, стр. 116.

- Волков Н. Некоторые вопросы истории науки и техники. № 4, стр. 144.
 Его же. Ленин и вопросы технической революции. № 6, стр. 176.
 Вольфсон С. Об идеологии загнивающего капитализма. № 4, стр. 61.
 Вышинский П. Подготовка новой войны за ширмой социал-фашистского пацифизма. № 5, стр. 40.
 Гришин Г. Вопросы воспитания новой дисциплины на современном этапе. № 6, стр. 142.
 Дворкин И. Ленин и Сталин и Коминтерн о новом туре революций и войн. № 6, стр. 50.
 Деборин А. Выступление на научной сессии Института философии Ком. академии. № 3, стр. 141.
 Его же. Германский фашизм и СССР. № 5, стр. 66.
 Досев П. Борьба на философском фронте в Болгарии и большевиизация БКП. № 4, стр. 90.
 Егершин В. Как И. Е. Тамм критикует марксистов. № 2, стр. 232.
 Золотарев А. Буржуазная этнография и вопрос о первобытном коммунизме. № 5, стр. 208.
 Кедров Б. Понятие термодинамической вероятности. № 3, стр. 89.
 Константинюв Ф. Ленинское учение о социалистических формах труда и политотделы. № 6, стр. 117.
 Коровин Е. Германский фашизм и религия. № 3, стр. 78.
 Косяченко Г. К ленинскому наследию по теории воспроизводства. № 6, стр. 236.
 Кровицкий Г. Маркс о пролетарской партии. № 2, стр. 133.
 Крупская Н. Обстановка, в которой писалась статья Ленина «О значении воинствующего материализма». № 1, стр. 147.
 Липендин П. и Николаев С. О философском развитии Маркса (Маркс до 1844 г.). № 2, стр. 74.
 Лифшиц С. Антитехнизм и кризис буржуазного естествознания. № 4, стр. 115.
 Луначарский А. О роли пролетарского государства в развитии социалистической культуры. № 6, стр. 259.
 Максимов А. Марксизм и естествознание. № 2, стр. 50.
 Его же. О механицизме и марксизме в естествознании. № 5, стр. 124.
 Маркс К. Математические рукописи. № 1, стр. 15.
 Митин М. Материалистическая диалектика—философия пролетариата. № 2, стр. 10.
 Его же. О природе пролетарского государства и пути его укрепления. № 5, стр. 1.
 Его же. Сталин и материалистическая диалектика. № 6, стр. 21.
 Муравьев Е. Как К. Каутский извратил марксизм в вопросе о происхождении христианства. № 1, стр. 193.
 Никитин Н. Естественная наука о человеке и социализм. № 6, стр. 216.
 Николаев С. См. Липендин П. и Николаев С., «О философском развитии Маркса». № 2, стр. 74.
 Обращение ЦС СВВ, ЦБ СНР, ЦБ ВАРНИТСО ко всем научным обществам и институтам, ко всем работникам науки и техники. № 2, стр. 213.
 Об Институте Маркса—Энгельса—Ленина. (К математическим рукописям Маркса). № 1, стр. 14.
 От редакции. (К статьям И. Тамма и В. Егорцина). № 2, стр. 261.
 От редакции. (К статьям А. Максимова и А. Тимирязева). № 5, стр. 173.
 От редакции. [А. В. Луначарский.] № 6, стр. 258.
 Передовая. К. Маркс как основоположник научного коммунизма. № 1, стр. 1.
 То же. Марксизм-ленинизм и социал-фашизм. № 2, стр. 1.
 То же. Тридцатилетие большевистской партии. № 4, стр. 1.
 То же. XVII съезд ВКП(б). № 6, стр. 1.
 Перрен Ф. Структурные элементы атомного ядра. № 5, стр. 66.
 Подволоцкий И. Выступление на научной сессии Института философии Ком. академии. № 3, стр. 153.
 Познер В. Философия марксизма и социал-фашизм. № 3, стр. 64.
 Пиков В. У истоков эмпиризма. (Философия Мишеля Монтеня). № 5, стр. 195.
 Розенталь М. Разработка категорий сущности и явления в «Капитале» Маркса. № 3, стр. 13.
 Сарабьянов В. Выступление на научной сессии Института философии Ком. академии. № 3, стр. 135.

- Селектор М. О раздвоении единого и борьбе противоположностей как сути диалектики. № 3, стр. 35.
 Сливкер Б. «Докритический» Кант. № 4, стр. 179.
 Тамм И. О работе философов-марксистов в области физики. № 2, стр. 220.
 Тимирязев А. Волна идеализма в современной физике на Западе и у нас. № 5, стр. 94.
 Федосеев П. Ленин о социальных и гносеологических корнях религии. № 4, стр. 159.
 Черемных П. Кооперативный план Ленина и победа колхозного строя. № 6, стр. 80.
 Ческис Л. Джозеф Пристли, английский материалист XVIII в. № 5, стр. 174.
 Чулок Т. Экономическое учение Маркса в освещении К. Каутского. № 3, стр. 103.
 Широков И. Марксизм в изображении социал-фашистов. № 5, стр. 27.
 Штейн О. Программный документ марксизма. № 2, стр. 110.
 Шукарь М. Маркс как историк. № 2, стр. 161.
 Юдин П. Марксизм-ленинизм о культуре и культурной революции. № 4, стр. 29.
 Яновская С. О математических рукописях К. Маркса. № 1, стр. 74.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов Я. Маркс, «Критика Готской программы». № 1, стр. 210.
 Его же. Маркс, Избранные произведения в 2 томах. Под ред. В. Адоратского. Партиздат, № 3, стр. 169.
 Брушлинский В. Обзор журнала «Философия» (английский) за 1932 г. № 1, стр. 218.
 Вандек В. и Тимошко В. В. Пиков, «Пьер Бейль». № 4, стр. 219.
 Волков Н. и Ильинский И. Первый опыт («Архив истории науки и техники». Вып. I). № 5, стр. 235.
 Дмитриев Г. См. Каммари М., Константинов Ф., Юдин П., Дмитриев Г., Ильинский И. См. Волков Н. и Ильинский И.
 Каммари М., Константинов Ф. Рецензия на учебник по диамату.
 Юдин П., Дмитриев Г. № 3, стр. 162.
 Климовицкий В. И. Тарадин, «Классовая борьба в медицине». № 4, стр. 215.
 Кольман Э. О полезных книжках, требующих исправления. № 3, стр. 174.
 Косяченко Г. Исторический документ («Итоги пятилетнего плана»). № 6, стр. 268.
 Константинов Ф. См. Каммари М., Константинов Ф., Юдин П., Дмитриев Г.
 Остерман Э. Великая годовщина и французские социал-фашисты. № 2, стр. 264.
 Тимошко В. См. В. Вандек и В. Тимошко.
 Юдин П. См. Каммари М., Константинов Ф., Юдин П., Дмитриев Г.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

- Б—ен В. Письмо в редакцию журнала «П. З. М.». № 2, стр. 278.
 Кольман Э. Письмо в редакцию журнала «П. З. М.». № 4, стр. 230.
 Литература, обязательная к приемным испытаниям в ИКП философии на 1933—34 г. № 3, стр. 178.
 Мяткевич В. Письмо в редакцию журнала «П. З. М.». № 4, стр. 228.
 Мяткевич В. О позиции И. Е. Тамма в отношении принципиальных воззрений Фарадея и Максвелла. № 6, стр. 280.
 Отклики читателей. (Из письма т. Ромадина). № 5, стр. 240.
 Резолюция об'единенного заседания дирекций институтов философии. № 4, стр. 226.
 Цейтлин З. Одно замечание по поводу статьи проф. И. Е. Тамма. № 4, стр. 230.
 Черемных П. О современных задачах нашей работы (по поводу резолюции об'единенного заседания дирекций институтов философии). № 4, стр. 226.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Передовая — XVII съезд ВКП(б)	3
М. Митин — Сталин и материалистическая диалектика	21
И. Дворкин — Ленин, Сталин и Коминтерн о новом туре революций и войн	50
✓ П. Черемных — Кооперативный план Ленина и победы колхозного строя	80
✓ Ф. Константинов — Ленинское учение о социалистических формах труда и политотделы	117
✓ З. Гришин — Вопросы воспитания новой дисциплины на современном этапе	142
Н. Волков — Ленин и вопросы технической революции	176
Н. Никитин — Естественная наука о человеке и социализм	216
Г. Косяченко — К ленинскому наследству по теории производства	235
[А. В. Луначарский]	256
А. В. Луначарский — О роли пролетарского государства в развитии социалистической культуры	259

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Исторический документ («Итоги пятилетнего плана»)	267
В. Миткевич — О позиции И. Е. Тамма в отношении принципиальных воззрений Фарадея и Максвелла	280
—————	
Тематический указатель статей, помещенных в журнале «Под знаменем марксизма» за 1933 год	283

ПОПРАВКА

В № 5 «П. З. М.» за 1933 г. на странице 22 по ошибке напечатано: «Передача функций Комиссариата социального обеспечения и Комиссариата труда...»
 Следует читать: «Передача функций Комиссариата труда...»

Редакционная коллегия
журнала „П. З. М.“

В. В. Адоратский, А. М. Деборин, Э. Кольман,
А. А. Максимов, Ш. Б. Митиц, **[И. Н. По-
кровский]**, А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин

Уполномоченный Главлита № Ц—79072. Сдано в набор 13/1—34 г. Подписано к печати 10/II—34 г. Зак. № 3156. Изд. №1148. Тираж 40.000.

Типография газеты „Правда“. Москва, ул. им. Горького, 48

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1934** год

на журнал

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ

15-й ГОД ИЗДАНИЯ

ВЫХОДИТ 3 РАЗА В МЕСЯЦ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»—орган Исполкома Коминтерна—освещает вопросы международного революционного движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИККИ, «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» привлекает в 1934 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секций Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «КОМИНТЕРН».

Подписная цена на 1934 год:

на 1 мес.—1 р. 20 к., на 3 мес.—3 р. 60 к., на 6 мес.—
7 р. 20 к., на 12 мес.—14 р. 40 к.

Цена отдельного номера 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте, письмомосцами и уполномоченными по партпечати при партячейках.

Цена 3 руб.

Издательство ЦК ВКП(б) „П Р А В Д А“

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА НА **1934** ГОД

НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

13-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией: **Покровского М. Н.,** Адоратского В. В.,
Митина М. В., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М.,
Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, с меньшевистским идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращая в большем количестве выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1934 ГОД:

на 1 год — 18 руб., на $\frac{1}{2}$ года — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями Союза печати, всеми письмоносцами, книжными магазинами Книгоцентра, организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.